

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2025 Том 25 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2025 Volume 25 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 21.05.2025. Выход в свет 31.05.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,45. Тираж 500 экз. Заказ № 767. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров А. В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор **К.В. Зенкин**

Компьютерная верстка: **И.А. Чернова**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Daniilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor **Konstantin V. Zenkin**

Computer design: **Irina A. Chernova**

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Кравченко С.А. Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы.....	273
Оносов А.А. Вопрос о социальном совершенномлетии в философии общего дела. «Несовершеннолетнее общество» в супраморалистической интроспекции	286

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Хагуров Т.А., Рудаков М.Г. Нью-Эйдж, новые религиозные движения и молодежь: эффекты дерационализации обыденного сознания в постсекулярном обществе.....	303
Алешковский И.В., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Особенности образовательных траекторий и профессиональных планов студентов, поступивших в вуз по результатам олимпиад школьников	322
Мареева С.В. Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика	344
Диденко Д.В. Долгосрочная динамика дифференциации заработной платы в отечественной промышленности в контексте социальной политики	363
Баркова А.С. Переквалификация как запрос рынка труда и жизненная стратегия в постиндустриальном обществе	381
Мамедов А.К., Смирнова О.В., Денисова Г.В., Сапунова О.В. Конфликт реальной и цифровой личности участников медиакommunikационного процесса: результаты исследования	397
Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А. Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО).....	410
Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б. Влияние ценностных ориентаций молодежи на восприятие ESG-повестки.....	427
Тупикова В.А., Мисятува Е.К., Мурзилов Л.Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования	447

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Ястребов О.А., Ростовская Т.К. Российская демографическая традиция на университетском уровне: актуальные образовательные и управленческие запросы и решения.....	459
Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф. Социология новой медиасреды в западном обществе постправды (на англ. яз.).....	473
Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Недалеко от Москвы: феноменология пригородного фермерства (на англ. яз.).....	482
Свиштунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи	496

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

Троцук И.В. Плоская земля: от живучего мифа к научной метафоре.....	512
Голенкова З.Т. В поисках определения «типа» современной социологии	525
Никулин А.М. Аппалачи как лаборатория современного сельско-городского развития	532
Субботина М.В. Героини против героев, или Что упустил Джозеф Кэмпбелл	538

НАШИ АВТОРЫ	550
--------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY
OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Kravchenko S.A. The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects 273

Onosov A.A. On social full age in the philosophy of common cause. “Underage society” in the supramoralistic introspection 286

CONTEMPORARY SOCIETY:
THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Khagurov T.A., Rudakov M.G. New Age, new religious movements and the youth: Effects of derationalization of everyday consciousness in the post-secular society 303

Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Features of educational trajectories and professional plans of students admitted to the university based on the results of school olympiads 322

Mareeva S.V. Social-economic inequalities in the Russian society: Public perception and its dynamics 344

Didenko D.V. Long-term dynamics of wage differentiation in the national industry in the framework of social policy 363

Barkova A.S. Requalification as a labor market demand and life strategy in the post-industrial society 381

Mamedov A.K., Smirnova O.V., Denissova G.V., Sapunova O.V. Conflict of real and digital personality in media communication: Results of the study 397

Kireeva I.V., Kukva E.S., Zhade Z.A. Discourse of macro-regional identity in the North Caucasus (based on the official telegram channels of the Heads of Regions and the Russian President’s Plenipotentiary Representative in the North Caucasus Federal District) 410

Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. The impact of the youth’s value orientations on the perception of the ESG agenda 427

Tupikova V.A., Misiutova E.K., Murzikov L.E. Social cohesion in the Russian society: Results of the empirical study 447

SOCIOLOGICAL LECTURES

Yastrebov O.A., Rostovskaya T.K. Russian demographic tradition at the university level: Current educational and managerial tasks and solutions 459

Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Sociology of the new media environment in the western post-truth society 473

Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Not far from Moscow: Phenomenology of suburban farming 482

Svistunov A.A. Political socialization of the youth under digitalization: A research question 496

ESSAYS AND REVIEWS

Trotsuk I.V. Flat Earth: From a persistent myth to a scientific metaphor 512

Golenkova Z.T. In search of a definition for the “type” of today’s sociology 525

Nikulin A.M. Appalachia as a laboratory for contemporary rural-urban development 532

Subbotina M.V. Heroines vs heroes: What Joseph Campbell missed 538

AUTHORS 550

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285

EDN: BJJIFL

Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва. 119454, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. Начавшийся переход к многополярному миру, суверенизации России и других стран способствовал актуализации значимости всех цивилизаций и культур, признанию самобытности национальных путей развития. Постулаты об «универсальности» англосаксонских теорий стали подвергаться критике, и возник запрос на социологическое знание, основанное на цивилизационной и национально-культурной специфике, но не предполагающее «зряшное отрицание» достижений мировой социологической мысли [25; 26]. Сегодня востребован суверенный вектор производства социологического знания: «российское общество находится на “развилке”, причем выбор направления дальнейшего пути развития осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России» [63. С. 525]. Изначально социологическое знание формировалось в конкретных странах и было нацелено на диагностику и разрешение возникших в них социальных противоречий. Однако со временем национально ориентированные теории стали интернационализироваться, как правило, адаптируясь к социальным и культурным особенностям конкретных стран. Глобализация в форме американизации способствовала тому, что социологические теории, созданные в контексте западных ценностей, выдавались за «универсальные», что стало геополитическим вызовом для российского образования. Возникла потребность обратиться к сложному пути суверенизации отечественной социологии: ее противоречивые процессы рельефно прослеживаются в противоборстве течений славянофильства, западничества и ев-

*© Кравченко С.А., 2025

Статья поступила в редакцию 17.12.2024. Статья принята к публикации 15.04.2025.

разийства на разных этапах исторического развития страны. Многие идеи о самобытности России и отечественной социологии, сформированные разными поколениями ученых, находившихся порой в интеллектуальном противоборстве, ныне актуализируются — возрождаются и осовремениваются в контексте становления синергийных сложностей и перехода к многополярному миру. Автор считает перспективным формирование суверенного социологического знания, основанного на базовых принципах отечественной культуры и цивилизационной евразийской специфики при неременном учете достижений мировой социологической мысли.

Ключевые слова: суверенное развитие; самобытность отечественной социологии; славянофильство; западничество; евразийство; отечественная культура; цивилизация; «евразийская» Россия

Для цитирования: *Кравченко С.А.* Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 273–285. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285>

Славянофильство: формирование самобытной отечественной социологии

Славянофильство — направление русской общественной мысли, представители которого отстаивали «идею особого пути и особой исторической роли России» [52. С. 426]. Одним из его основоположником является А.С. Хомяков, социальный теоретик, изучавший специфику русского мирозерцания [60; 61]. Вклад в разработку идей славянофильства внес И.В. Киреевский, раскрывший разные подходы к просвещению в Европе и России [19; 20]. Н.И. Кареев рассматривал социальные, культурные и цивилизационные факторы, способствовавшие зарождению социологии, суть ее предмета, основные задачи и методы; в критическом сравнении анализировал основные социологические направления, включая натуралистическое, дарвинистское, психологическое и марксистское; показал взаимоотношения социологии с биологией, психологией и правоведением [17]. Кареев обрел особую известность благодаря своей теории исторического процесса [18], которая по ряду позиций не утратила актуальность и сегодня [51].

А.С. Лаппо-Данилевский — один из основоположников национально ориентированной методологии исторической науки [29]. В.О. Ключевский по праву считается основателем российской исторической социологии — он обосновал уникальный историко-социологический методологический подход [21; 22]. Одним из родоначальников российской и мировой социолонгвистики был Н.С. Трубецкой [58; 59]. Квинтэссенция социологии Н.К. Михайловского — изучение культурной и психологической специфики россиян в контексте русской цивилизации. Стремясь преодолеть прагматические ограничения позитивистской теории О. Конта и Г. Спенсера (механическое перенесение принципов естественных наук в анализ общества), он акцентировал значимость исследования человека как мыслящей, чув-

ствующей и желающей личности в своей теории общественного прогресса [34]. Н.А. Бердяев критически рассматривал западные линейные теории прогресса, трактовавшие его как переход от «низших» к «высшим» формам развития. По его мнению, суть исторического прогресса сложнее — не существует единственного пути развития цивилизации: если западная культура стремится к рационализму, практической реализации своей силы, то культура россиян иная. Осмысливая амбивалентность «загадочной русской души», он отмечал, что русский характер отличается антиномичностью при слабости «срединных» начал [1]. В этом же ключе С.Н. Булгаков, занимавшийся проблемами суверенизации хозяйственной деятельности, высказал идею о взаимозависимости экономических достижений и духовного возрождения, видя в религии фактор единения российского народа [3]. В результате к концу XIX — началу XX века можно говорить о бесспорных достижениях российских социологов-славянофилов в обосновании уникальных и многообразных теоретико-методологических подходов, совмещавших передовые достижения мировой науки с анализом российской цивилизационной и национально-культурной специфики.

Следует отметить, что славянофилы подняли проблему утверждения властных структур, которые бы учитывали культурные и пространственные особенности страны, и эта проблема до сих пор остается актуальной. Так, они считали «чуждыми» для России идеи бюрократического государства и формального права, противопоставляя им триаду «Православие, Самодержавие, Народность», что, однако, не мешало им бороться за отмену крепостного права. По мнению М.М. Ковалевского, необходим многофакторный подход к политическому и социально-культурному преобразованию страны: «поступательный ход в развитии политических учреждений сводится не к замене одних форм другими, например, монархии республикой или республики монархией, а в расширении, с одной стороны, основ самодержавия, а с другой — прав личности». Он также считал, что для России оптимальным и прогрессивным правлением является самодержавие, основанное на культурной специфике русского мирозерцания, отмечая, что суть самодержавной власти — «выполнение обязанностей общего всем служения» [23. С. 151]. В культурном смысле самодержавие оптимально сочеталось бы с представительной демократией — многообразием форм местного самоуправления, что позволяло бы в максимальной степени учесть специфику пространственных реалий многонационального государства. Соответственно, прогресс — это развитие социального многообразия в едином пространстве, т.е. оптимальное со-развитие регионов и общего пространства страны: важно «под кровом традиционных форм, внесением в них нового содержания, обеспечить личную свободу, гражданское равенство, равноправие национальностей, свободу преследования обособленными этнографией и историей группами их культурных задач и создание такого политического уклада, при котором свобод-

но выработанные представители этого народа могли бы проводить его волю в законодательство и администрацию» [24. С. 6, 7].

Однако победила иная трактовка самодержавия — как «имперской идеи», «освобожденной» и от православия, и от народности. В результате, как отмечает Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, «Самодержавное Царство, издавна одухотворявшееся идеалами служения и долга, мало-помалу превращалось в абсолютистскую монархию по западноевропейскому образцу» [16. С. 354]. Имперская идея, привнесенная в общественное сознание представителями западничества в полемике со славянофилами, не соотносилась ни с реальной практикой, ни с традициями со-функциональности наших территорий, имеющими характерные исторические корни гуманизма в виде открытости к взаимодействию с другими народами и культурами. «Славянские племена отличались чистотой нравов, открытостью, скромностью, доброжелательностью, гостеприимством, гуманностью, в том числе по отношению к военнопленным, которых они через некоторое время или отпускали домой, или оставляли у себя, но не как рабов, а скорее как друзей, тем самым относясь к ним как к равным себе» [8. С. 197]. Это во многом обусловило мирное объединение русских земель и народов под опекой самодержавного правителя как суверена — государя всея Руси. Как писал А.С. Хомяков, рассуждая о цивилизационных особенностях России в сравнении с западными странами: «Земля Русская шла вперед, развивала все силы свои, нравственные, умственные и вещественные. Ее хранили и укрепляли два начала, чуждые остальному миру: власть правительства, дружного с народом, и свобода Церкви, чистой и просвещенной» [60. С. 11].

Н.Я. Данилевский обосновал самобытность социологической науки, задаваясь вопросами: «Что такое самобытная славянская наука? Есть ли ей место, да и вообще возможна ли национальная наука?». Ответы он дал в своей оригинальной теории самобытности цивилизаций в виде выводов, ряд из которых до сих пор актуальны: «Самобытность политическая, культурная, промышленная составляет тот идеал, к которому должен стремиться каждый исторический народ, а где недостижима самобытность, там, по крайней мере, должно охранять независимость». Стремление России к самобытности порождает славянофобию у наших недругов и среди ряда российских интеллектуалов: «Их страшит, с одной стороны, относительно самих себя — призрак властолюбия России, будто бы стремящейся уничтожить самобытность славянских народностей... с другой — относительно судеб человечества и цивилизации вообще — призрак всемирного владычества, которое для пропитавшегося гуманитарностью славянского сердца представляется чем-то ужасным, если бы даже это владычество принадлежало не иному кому, как им же самим, бедным угнетаемым славянам, угнетение которых никого не страшит, никому не кажется несообразным с истинной человечностью. Что славянская независимость, развитие славянского могущества противны

Европе — это в порядке вещей». «Невозможна самобытность культуры, т.е., собственно говоря, невозможна сама культура, которая и имени этого не заслуживает, если не самобытна». Непременное условие развития самобытной славянской культуры — русский язык как объединяющий фактор для всех славян, язык науки, искусства и международных сношений [7. С. 158, 328, 487–488, 610, 516]. В нынешний период цивилизационного противоборства особенно ценно предостережение Данилевского о денационализации культуры и русского языка [27. С. 77–83].

Многие славянофильские идеи о самобытности страны сегодня воспроизводятся российскими социологами, которые отмечают, что через осознание принадлежности к единому пространственному и культурному миру формировалась уникальная государственная идентичность общества, ныне выраженная в виде цепочки сложных образований: «дом—поселение—регион—страна» [50. С. 34]. Согласно Н.И. Лапину, сущностной характеристикой современной России являются синергийные сложности — качественно новые реалии, возникшие в результате нелинейного процесса становления в контексте прошлого, настоящего и будущего, поэтому сегодня необходимо диалектическое возвращение к своим цивилизационным основаниям с собиранием и защитой культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий, для чего «требуется семейство междисциплинарных подходов» [28. С. 12, 22, 38, 43, 53]. По мнению М.К. Горшкова, реалии новой России сохраняют свою самобытность, имеют ценностную организацию, историческую специфику и культурную идентичность, будучи определенным образом структурированы «генотипом культуры», который выражен в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [35. С. 10]. Общетеоретические подходы к проблематике суверенизации и интеграция пространства российского общества были предложены Ж.Т. Тощенко [57].

Западничество: культурная адаптация западных идей

В русской социологической мысли первой половины XIX века возникло течение, получившее название западничества: его представители выступали за преодоление «исторической отсталости» России, ратуя за ее развитие по пути, пройденному западной цивилизацией [14. С. 318–319]. У истоков западничества стояли П.Я. Чаадаев [62] и А.И. Герцен [4; 5]: они рассматривали историю европейских стран как противоречивый, но возможный путь реализации идеалов прогрессивного развития общества, что предполагало осуществление реформ в основных сферах жизнедеятельности россиян и государственного управления по европейскому образцу. Западники идеализировали либерально-демократическую форму правления и принципы Просвещения, особенно постулат «знание—сила», под которым, по сути,

подразумевалось прагматическое, формально ориентированное знание, рассматривая его как универсальное средство прогресса и преодоления патриархального уклада. Впрочем, западничество никогда не существовало как единое течение: многие его представители со временем разочаровались в либеральных идеях и практиках формальной рационализации, производивших все более сложные формы отчуждения, и этому разочарованию способствовало знакомство с античеловеческой эксплуатацией в «передовых» европейских странах, которая толкала массы трудящихся на революционную борьбу. Соответственно, в западничестве возникли социал-демократическое и революционно-демократическое течения.

Г.В. Плеханов считается представителем западничества, поскольку связывал будущее России с социалистическим путем, революционным по своей сути [45]. Он отстаивал марксистскую идею «объективных» закономерностей истории и подчеркивал главенствующую роль экономических факторов — производительных сил и производственных отношений, обусловленных антагонистическими противоречиями капиталистического общества, которые с неотвратимостью ведут к революции. Однако Плеханов выработал суверенную теорию, исходящую из того, что общественные законы не реализуются сами по себе — их конкретная функциональность обеспечивается сложным субъективным фактором, самобытные качества которого обусловлены культурой России. Так, выражение субъективности масс он видел в том, что «народ, вся нация должны быть героем истории», а личность, сформированная в контексте исторически сложившихся общественных отношений, может лишь незначительно воздействовать на общий ход событий. «Влиятельные личности могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» [41. С. 535].

Суверенность теории Плеханова проявляется в трактовках соотношения культурно обусловленной специфики объективных и субъективных детерминант, а также характера сложной причинности исторического развития, включающей в себя «общие», «особенные» и «единичные» причины: «В настоящее время нельзя уже считать человеческую природу последней и самой общей причиной исторического движения: если она постоянна, то она не может объяснить крайне изменчивый ход истории, а если она изменяется, то очевидно, что ее изменения сами обуславливаются историческим движением. В настоящее время последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которым обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т.е. та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т.е. той же общей причиной. Наконец, влияние

особенных причин дополняется действием причин единичных, т.е. личных особенностей общественных деятелей и других “случайностей”, благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию. Единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми, к тому же, обуславливаются. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка» [41. С. 540–541].

Суверенность теории Плеханова также выражена и в том, что она включала в себя достижения социальной психологии применительно к особенностям российской субъективности. Так, он выступал за учет психологического фактора в трактовке общественных явлений и в оценке возможностей реализации декларируемых в марксизме идеалов. В сферу его научных интересов входили психология классов и социальных групп, общественные настроения и мнения, идейные убеждения и иллюзии, характер общественного сознания. «Чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий». Важно учесть и устойчивые элементы психики — привычки, нравы и традиции людей [42. С. 247, 262]. По его мнению, «для Маркса проблема истории в известном смысле была также психологической проблемой» [44. С. 170–171]. Вместе с тем подход Плеханова к религии отличен от Маркса, поскольку он отмечал ее значимое место в жизни россиян: «русские “передовые люди” никогда не думали серьезно о религии» как факторе общественного развития [43. С. 254].

В.И. Ленин, по сути, разработал национально и культурно обусловленную социологию в виде «марксизма-ленинизма». Он принял марксистскую теорию, ее базовые положения об универсальных законах общественного развития, однако опирался на российскую статистику, что обусловило диалектику его взглядов с точки зрения учета национально-культурной самобытности страны. Будучи марксистом, Ленин исходил из главенствующей роли производственных отношений, определяющих все политические и идейно-культурные формы жизнедеятельности [33], однако считал, что необходимо опираться на статистику, а манипулирование фактами ведет к научному и политическому шарлатанству: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех “общих” или “примерных” рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность

относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения» [32. С. 350–351]. Тем самым статистика была включена Лениным в диалектический метод, позволявший верифицировать развитие страны с опорой на объективные и субъективные отечественные реалии, отличавшиеся от западных. Анализ российских фактов, взятых «в их целом, в их связи», позволил Ленину-социологу констатировать, что современное ему общество отличалось от того, что рассматривал Маркс, поэтому его положения, по крайней мере не во всем, работали. Ленин исходил из того, что в эпоху вступления капитализма в стадию империализма, когда развитие приобретает прерывистый и скачкообразный характер, вполне вероятно образование «слабого звена» в отдельно взятой стране [31] — для России открываются специфические перспективы развития и перехода к более совершенному и социально справедливому обществу, но только если себя проявит субъективный потенциал россиян. Это утверждение предполагает принципиально иную трактовку диалектики объективного и субъективного факторов в историческом развитии: в новых экономических, политических и культурных условиях роль народа и личности в истории неизмеримо возрастает. По сути, тем самым были заложены исходные контуры деятельностной социологии, ныне весьма востребованной.

В советский период Ленин реализовывал стратегию приоритетности политических действий над экономическими реалиями и критиковал абсолютизирование экономического детерминизма. Он разрабатывал «новую экономическую политику» и инновационное социальное управление с позиций нового прочтения сформулированных Марксом идеалов, переоткрытия роли субъективного фактора, осмысления реально возможных путей возрождения народного хозяйства, электрификации, становления российской системы образования и формирования культуры, органично сочетавшей мировые и отечественные достижения. Использование статистических методов анализа общества свидетельствовали, что в отечественную социологию вводились элементы национально ориентированного «искусства управления», закладывались основы развития кооперации с учетом фактора российской культуры. Ленин не принял экстремистскую идею ряда соратников о самостоятельной «пролетарской» культуре и выступал за то, чтобы новые молодые поколения овладевали всеми богатствами культуры, выработанными человечеством [30].

В СССР влияние западничества практически сошло на нет, и главная причина — суверенность советской социологии. По воспоминаниям В.Н. Иванова, директора Института социологии в советское время, перед социологией ставились задачи по обеспечению лидерства страны и науки в мире: «изучение изменений и тенденций развития социальной структуры советского общества... разработка путей совершенствования социалистического образа жизни, его интернационализации» [15. С. 18]. Ситуация радикально изменилась в годы перестройки и либеральных реформ — произошел своеобразный ре-

нессанс западничества, повлекший «страстные дискуссии политиков, историков, социологов, экономистов, культурологов о дальнейших путях развития и будущем русского народа» [2. С. 160]. По сути, возникло западничество радикального типа, причем «эти новые идеи усиленно пропагандировались, распространялись, провозглашались как единственно верные, не подлежащие никакой критике и никакому сомнению... Влияние и реализация этой политики привела к утрате Россией технической и технологической самостоятельности и соответственно независимости» [56. С. 71, 71]. В образовательной практике наблюдалась «индигенизация» либерально ориентированной социологии, или, по М. Элброу, «отуземнивание» социального знания, которое сопровождается его искусственной адаптацией к национальным реалиям вопреки самобытности культуры и социальным особенностям [65]. Студенты учились по учебникам западных авторов (П. Штомпки, Э. Гидденса и др.), в которых российская культура если не «отменялась», то, по крайней мере, была «невидимой».

Цивилизационная специфика «евразийской» России

Евразийство — социально-философское течение, изначально сформировавшееся в русской эмигрантской среде в 1920-е–1930-е годы. Его представители выступали против европоцентризма и считали принципиально значимым для развития страны и ее будущего тот факт, что географически Россия расположена в Европе и Азии, и это обусловило ее пространственную, культурную и цивилизационную специфику. Согласно Г.В. Вернадскому, нет двух России — «европейской» и «азиатской», только Россия «евразийская», или «Россия-Евразия» [13. С. 302–303]. Ф.М. Достоевский пророчески отмечал: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе» [9. С. 504]. Одним из основоположников и наиболее ярких представителей евразийства был Н.С. Трубецкой, считавший, что учет евразийской цивилизационной специфики России мог бы привести к ее процветанию [58 % 59]. П.Н. Савицкий разрабатывал научные концепции евразийства (месторазвитие, хозяйстводержавие, циклы евразийской истории, кочевниковедение, евразийская версия геополитики, «чувство континента» как результат взаимодействия русского этноса с монгольским этносом и др. [48; 49]) в борьбе с западниками и ратовал за воссоздание национальной России.

Сегодня происходит ренессанс евразийства [6; 36; 37; 38]. Так, Ю.В. Яковец [64] стал основателем журнала «Партнерство цивилизаций», А.Г. Дугин выдвинул теорию евразийского мира [10; 11; 12]. Подобные исследования нацелены на раскрытие сущности российской цивилизации как функционирующей на основе синергии социального и экономического потенциала, культурных традиций народов Евразии.

Самобытность евразийства обусловлена соседством с двумя диаметрально противоположными типами культур — западной и восточной [40]. Если в «генотипе западной культуры» вектор общественного развития «направлен вовне, на преобразование мира», то в восточной культуре — «не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию» [53. С. 12].

Возрождению проблематики евразийства неоднократно уделял внимание В.В. Путин, обосновывая востребованность «поворота на Восток» как историко-культурными реалиями, так и новыми геополитическими вызовами: «Наша страна исторически, географически — неотъемлемая часть АТР. Полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство мы рассматриваем как важнейший залог успешного будущего России, развития сибирских и дальневосточных регионов» [46]. «Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии» [47].

Учитывая теоретическую и практическую актуальность евразийства, А.В. Торкунов выделяет три наиболее значимых компонента «поворота на Восток», включая создание суверенных теорий и парадигм: 1) поиск дополнительных источников экономического и технологического роста, после 2014 года — также альтернативных рынков сбыта продукции российского топливно-энергетического комплекса, внешнеполитических и внешнеэкономических альтернатив в условиях нарастающих санкций со стороны США и ЕС (ключевые азиатские партнеры России — Китай, Индия, Республика Корея, страны Юго-Восточной Азии — отказались участвовать в антироссийских санкциях); 2) переосмысление парадигмы и модели развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока в контексте трансформаций внешней среды и растущей экономической и демографической асимметрии между европейской и азиатской частями страны; 3) разработка концепции Большой Евразии, которая позволит России сохранить, а в идеале и приумножить ее интеграционный потенциал в качестве одной из ведущих мировых держав за счет институционализации экономических и политических партнерств, в первую очередь со странами Азии. Если трансформации в рамках первой компоненты очевидны и подвергаются качественной и количественной оценке, то контуры изменений в рамках второй и третьей лишь намечены и требуют серьезной проработки. Вместе с тем «политика поворота на Восток сталкивается с проблемами психологического характера. К их числу можно отнести ориентацию на Европу нескольких поколений значительной части российской элиты и деловых кругов, не рассматривавших азиатские стра-

ны на рубеже нового тысячелетия как серьезный и — самое главное — на-
сущно необходимый объект приложения внешнеполитических и экономи-
ческих усилий» [55. С. 8–21]. Сказанное относится к истории, настоящему
и перспективам суверенизации отечественной социологии как полю ис-
следований российских ученых.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Богданов А.В. Западничество в России: история и современность // Философия и обще-
ство, 2008. № 3.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2009.
4. Герцен А.И. Былое и думы. Т. 9. М., 1956.
5. Герцен А.И. Россия и Европа // Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 7. М., 1956.
6. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 2003.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения
славянского мира к романо-германскому. М., 2008.
8. Долгов К.М. Восток, Россия, Запад и Славянство: вопросы мировой геополитики // Вопросы философии. 2018. № 4.
9. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 14. СПб., 1995.
10. Дугин А.Г. Евразийский путь. М., 2002.
11. Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М., 2014.
12. Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.
13. Евразийство // Социологическая энциклопедия. То. 1. М., 2003.
14. Западничество // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003.
15. Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М., 2018.
16. Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа:
Очерки русского самосознания / Отв. ред. О. Платонов. М., 2017.
17. Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. Пг., 1915.
18. Кареев Н.И. Основы русской социологии. М., 1996.
19. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
20. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению
в России // Полн. собр. соч. в 2-х тт. М., 1911.
21. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс в 4-х ч. Ч. 1. М., 2023.
22. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997.
23. Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб., 1997.
24. Ковалевский, М.М. Политическая программа союза народного благоденствия. СПб., 1906.
25. Кравченко С.А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 2.
26. Кравченко С.А. Диагностика рисков становления новой России: запрос на интеграль-
ное и суверенное знание в сфере социально-политических наук // Политические иссле-
дования. 2023. № 3.
27. Крюкова Л.С. Роль языка в концепции культурно-исторических типов
Н.Я. Данилевского // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 5А.
28. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход.
М., 2021.
29. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х ч. Ч. 1. Теория исторического зна-
ния. М., 2024.
30. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41.
31. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27.
32. Ленин В.И. Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30.

33. Ленин и социология. М., 1970.
34. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. М., 2001.
35. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
36. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспективы. М., 1998.
37. Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия. М., 2000.
38. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994.
39. Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М., 2011.
40. Пархоменко Т.А. Российская цивилизация: между Западом и Востоком. М., 2021.
41. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Социология в России XIX — начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. М., 2001.
42. Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избранные философские произведения в пяти томах. Т. II. М., 1956.
43. Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3.
44. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Избранные философские произведения в пяти томах. Т. II. М., 1956.
45. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения. М., 1957. Т. 3.
46. Путин В.В. Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС. 2012 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16390>
47. Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай». 2013 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243/videos>.
48. Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. Париж, 1931.
49. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
50. Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9.
51. Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
52. Славянофилы // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
53. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2.
54. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2024.
55. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Политические исследования. 2020. Т. 29. № 5.
56. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
57. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки. М., 1997.
58. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София. 1920.
59. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. София, 1921.
60. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.
61. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1900.
62. Чаадаев П.Я. Философские письма // Сочинения. М., 1989.
63. Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4.
64. Яковец Ю.В. новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. М., 2021.
65. Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. L., 1990.

The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The transition to a multipolar world, the sovereignty of Russia and other countries have contributed to the actualization of the significance of all civilizations and cultures and to the recognition of the uniqueness of national development paths. The “universality” postulates of Anglo-Saxon theories have been criticized, and there is a demand for sociological knowledge based on civilizational and national-cultural specifics but not denying achievements of the world sociological thought [25; 26]. Today, a sovereign vector of producing sociological knowledge is in demand: “Russian society is at a ‘fork in the road’, and the choice of the direction of further development is complicated by the destructive impact of aggressive circles of the globalist community pursuing their own interests that are clearly different from the national interests of Russia” [63. P. 525]. Initially, sociological knowledge was formed in specific countries and aimed at diagnosing and resolving specific social contradictions. However, over time, nationally oriented theories began to internationalize, usually adapting to national social-cultural features. Globalization in the form of Americanization contributed to the fact that sociological theories created in the context of Western values were presented as “universal”, which became a geopolitical challenge for Russian education. There is a need for a complex path of sovereignty for Russian sociology: its contradictory processes are clear in the confrontation of Slavophilism, Westernism and Eurasianism at different stages of the country’s historical development. Many ideas about the originality of Russia and its sociology, developed by different generations of scientists who were sometimes in intellectual confrontation, are now updated — revived and modernized under synergistic complexities and the transition to a multipolar world. The author considers it promising to develop sovereign sociological knowledge based on the basic principles of Russian culture, Eurasian civilizational specificity and achievements of the world sociological thought.

Key words: sovereign development; originality of national sociology; Slavophilism; Westernism; Eurasianism; national culture; civilization; “Eurasian” Russia

For citation: Kravchenko S.A. The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 273–285. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-273-285>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302

EDN: BCLKPH

Вопрос о социальном совершеннолетии в философии общего дела. «Несовершеннолетнее общество» в супраморалистической интроспекции*

А.А. Оносов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Аннотация. Аналитический вектор статьи задан темой несовершеннолетия как состояния исторически незрелого общества, осмысленной в контексте супраморалистических представлений философии общего дела. В учении Н.Ф. Федорова (1829–1903) эта тема — сквозная по обширности и смысловой значимости в причинно-следственном контуре явлений социально-исторического бытия. Супраморалистический анализ корней и первичных условий несовершеннолетия обозначил комплекс критических оценок цивилизационного бытия в его глобально-проблемном выражении. В аналитическом разрезе обнаружены различные формы проявления несовершеннолетия; содержательно раскрыты сопряженные характеристики несовершенного состояния общества. В качестве решения вопроса о несовершеннолетии супраморализм предлагает заменить социальный — искусственный — вопрос «о бедности и богатстве» натуральным — естественным — вопросом «о смерти и жизни», подразумевая под смертью фундаментальную бедность человека и утверждая бессмертную жизнь как истинное богатство. В статье прослеживается проективное понимание социологии как активно-исторической функции высшей социальной организованности. В социально-деятельной прагматике проективная социология предназначена служить не статистической ведомостью «истории как факта» (летописи несовершеннолетнего общества), а общеродовым инструментом отечествоведения — «истории как акта» становления человеческого многоединства по образу божественной Троицы. В научно-практической смысле это руководящее знание проективного синтеза должного — совершеннолетнего — общества. Цивилизационный анализ разнообразных проявлений несовершеннолетия в их системно-исторической экстраполяции привел Федорова к выводу-предупреждению о прогрессивно возрастающих эсхатологических рисках глобального человечества по сценарию Апокалипсиса. Вместе с тем пророчество о катастрофическом коллапсе социальной истории Федоров считал условным, оставляющим возможность сознательного онтологического преображения человека, общества и мира, императивно требующего преодоления мировоззренческого несовершеннолетия планетарного

*© Оносов А.А., 2025

Статья поступила в редакцию 15.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

человечества. В этих целях мироустроительный потенциал проекта общего дела заслуживает системного социально-философского анализа, аксиологически значимого в условиях переживаемого сегодня глобальной цивилизацией состояния исторической сингулярности.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров; философия общего дела; супраморализм; несовершеннолетие; совершеннолетие; несовершеннолетнее/совершеннолетнее общество; общее дело; регуляция природы

Для цитирования: Оносов А.А. Вопрос о социальном совершеннолетии в философии общего дела. «Несовершеннолетнее общество» в супраморалистической интроспекции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 286–302. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302>

Содержательно все категории супраморализма (1) логически замыкаются на многомерных понятиях исторической зрелости общества, которые, в свою очередь, раскрываются и детализируются в терминосистеме супраморализма. Такая, по-сути, рекурсивно-сетевая структура учения Н.Ф. Федорова обуславливает особый исследовательский интерес и требует определенной аналитической культуры рассмотрения его теоретического канона: тема несовершеннолетия в ее различных аспектах получает содержательную разработку и аналитическое отражение в современных работах, обращенных к социально-философскому наследию Федорова и представителей космизма [см., напр.: 2; 3; 5; 9; 14]. Индустриально-экономически соорудив за последние почти полтора столетия, минувшие после житнетворчества Федорова, высочайший технологический пьедестал, современное общество унаследовало и прогрессивно приумножило системные «болевые точки» прошлых времен — «проблемные узлы» социальной организованности, оказавшиеся в фокусе предельно (а в некоторых аспектах даже запредельно) жесткой критики в философии общего дела.

В обобщенном виде этико-философски и социально-исторически интегрирующее разнокачественные индикаторы цивилизационной онтологии кризисное состояние общества получило в учении Федорова определение несовершеннолетия, а само общество — несовершеннолетнего. Осмысливая историческую ситуацию в логике антиномии сущего и должного, Федоров обосновывал благую — эсхатологически творческую — стратегию развития общества, возможность его активно-исторического, т.е. нравственно осознанного и деятельного, выхода из состояния несовершеннолетия, культурно-эволюционного совершеннолетия. Данная статья ограничена аналитическим рассмотрением лишь первой части вопроса — проявлений социального несовершеннолетия, тогда как свойства совершеннолетнего общества — как оно проецируется в логике супраморализма — тема самостоятельного исследования.

Прежде чем погрузиться в анализ понятия «несовершеннолетнее общество», необходима важная оговорка. Чтобы уловить неискаженный смысл и сверхнравственное напряжение федоровских социальных проекций, нужно

быть готовым к резкому, даже парадоксальному расхождению аксиоматики супраморализма с теми цивилизационными ценностями, которые определяют направленность современных социальных концепций, эвристически «воспитанных» историей человечества и провозглашающих эти ценности целями прогресса. Собственно критика последних и привела Федорова к жесткому выводу о несовершенности общества. В его учении несовершенство — обобщенная характеристика фактического — онтологически незрелого, нравственно искаженного и потому не должного — исторического состояния общества и человека как родового существа, наделенного сознанием. В предельно негативном определении «состояние несовершенности, выражающееся в скотских оргиях, в зверском истреблении друг друга, в безграничном и ненасытном сладострастии, есть истинный ад» [10. С. 404].

В супраморализме несовершенство выступает темой критического анализа в XI пасхальном вопросе «О несовершенности и совершенности», сфокусированном на нравственно-историческом разрешении антиномии — «остаться ли человеческому роду в вечном несовершенности или же достигнуть полноты совершенности; остаться ли на той первой ступени перехода природы от слепоты к сознанию, на какую в настоящее время природа поднялась чрез нас, или же природа должна достигнуть полноты сознания и управления всеми мирами чрез все воскресенные поколения» [10. С. 403]. Логическая схема XI пасхального вопроса раскрывает кризисные моменты цивилизационной истории, ставшей эмпирическим фактом несовершенности. Первичным звеном в причинно-следственной цепи событий, закономерно обусловивших несовершенное состояние общества, является отделение города от села, вызвавшее дальнейшее социальное расслоение, всеобщую «рознь несовершенности» и расщепление знания и дела. «Теоретический разум, отделяясь от народного, практического, верующего (христианского или крестьянского) разума, заменяет вопрос о жизни и смерти городским вопросом о бедности и богатстве, возводя его в вопрос о всеобщем обогащении или же о всеобщем обеднении и тем осуждая род человеческий на вечное несовершенство» [10. С. 395]. Обобщенным фактом стихийного разрывания исторической спирали стало бессознательное следование законам эволюционного процесса, в социальном проявлении приводящего «к восстанию сынов на отцов и к борьбе между братьями <...> а потом к вырождению и вымиранию» [10. С. 402]. Исторически экстраполируя логику «подчинения слепой эволюции» [10. С. 402], Федоров задавался вопросом — не останется ли род человеческий навсегда в состоянии несовершенности, «т.е. под игом слепой силы, поражающей нас голодом, язвой и смертью?» [13. С. 256].

Спецификация характеристик и конкретных выражений несовершенности в многообразных, но взаимообусловленных формах и видах его проявления раскрывается в учении Федорова в различных смысловых метриках, образуя многомерную концептуальную структуру. Так, *природное*

несовершеннолетие — это цивилизационно-системная зависимость человечества от природы «вне себя (во внешнем мире)» [12. С. 287], выражающаяся в культурно-языческом «суеверном преклонении пред всем естественным, в признании за слепую природою руководства разумными существами (естественная нравственность)» [10. С. 105]. В антропологическом выражении это зависимость человека от его внутреннего «дарового» естества, биологическая нужда и рабство людей у природы «в самих себе» [12. С. 287], обуславливающие их физически ущербный, экзистенциально бранный и онтологически пассивный статус в мире.

Несовершеннолетие как «природная законопослушность» человека проявляется в подчинении разумной жизни законам стихийной природы. Главным органическим пороком ветхого человека как природного существа — «недоросля, полусущества» — выступает смертность — «просто результат или выражение несовершеннолетия, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни» [10. С. 106]. Федоров пришел к категорическому заключению: пока личность смертна, она «не может быть признана действительностью» [13. С. 433]. Непрерывно актуальная и физически явленная действительность человеческого существа требует бессмертия, гарантированно обеспечиваемого только органотехникой телесного воскрешения — анастатикой и патрофикацией (2). В нравственном измерении смертельная язва «сынов человеческих», поражая родовую ветвь, превращается в «смертный грех» в отношении отцов-предков: рождаясь несовершеннолетним, человек «во все время вскормления, воспитания <...> поглощает силы родительские» [13. С. 35], что в конечном счете обуславливает «прогрессивное» вытеснение родителей из жизни, их смерть. Нравственно-естественной реакцией совершеннолетнего общества на «ужас поглощения» [13. С. 94] должно быть практическое решение задачи «всеобщего воскрешения». Эта родственно-логическая аксиоматика супраморализма задает активно-исторический вектор выхода человечества из «детского состояния» [10. С. 104] антропологического несовершеннолетия. Неосознание, непринятие и неисполнение долга возвращения жизни утратившим ее отцам означает нравственную незрелость как жизненный грех сынов, игнорирующих смерть.

Умственное несовершеннолетие [11. С. 427] — разделение теоретического и практического разумов, «распадение мысли и дела», сословная дифференциация общества «на ученых и неученых» как основная причина зависимости человечества от природы [10. С. 37]. Умственное несовершеннолетие проявляется, прежде всего, в философии и науке. С позиций супраморализма Федоров утверждал: «Вся философия, как мысль без дела, есть лишь схоластика, отживающая наука, еще не вышедшая из школы» и потому несовершеннолетняя [13. С. 437]. Так, термины «субъективный» и «объективный», используемые в абстрактно-теоретических построениях, отвлечен-

ные от действительно-практического приложения в общем деле, свидетельствуют о несовершеннолетии человеческого рода, его научно-философской мысли и мировоззрения. В нравственной постановке «вопрос об отношении субъективного к объективному <...> не может быть разрешен сам по себе, а требует внесения проективного, которое возглавливает всех, объединяет всех в деле познания слепой, умерщвляющей силы» [13. С. 389–390]. Выход из теории к совершеннолетию, т.е. обращение к общему делу — нравственно-естественному проекту возвращения сынами-потомками жизни отцам-предкам — возможен опосредованием (знанием, волей и трудом) субъективного и объективного логическим звеном проективного как дополнительной категорией активно-творческого мироотношения. В такой трансформативной функции «проект — это мост, поставленный между субъектом и объектом» [12. С. 285], соединяющий идеальное с действительным и позволяющий осуществлять переход от мыслимого к сущему; одновременно это проект супраморалистического — через осознанное действие — расширения логики Гегеля, обретающей таким образом качества практически эффективного знания — наставнического и руководящего.

В супраморалистической оценке наука как чистое знание без дела есть одновременно причина и следствие несовершеннолетия. Научное несовершеннолетие заключается в том, что наука ограничивает знание «опытами кабинетными, игрушечными» [11. С. 63], проводимыми в исследовательских и производственных лабораториях, а само познание как предмет научной деятельности ограничено интеллигентской кастой ученых. Такая наука — «знание для знания» [10. С. 105], как школьные уроки для изучения действительности через искусственные эксперименты и в отвлеченных представлениях. Несовершеннолетняя наука дисциплинарно фрагментирована и методологически разрознена, не дееспособна как естествоиспытательная сила — синтетический научно-практический инструмент «взаимознания всеми людьми друг друга и познания всеми в совокупности мира» [12. С. 287], поэтому неспособна решить насущные продовольственный и санитарный вопросы (3), а значит ограничить природную власть смерти. Декларируемое наукой господство над природой как «врагом общем всех народов и всех людей», злой — слепой и смертоносной — силой для Федорова «лишь пустая метафора или пустословие» [12. С. 286–287], поэтому знание школьное, бесцельное и бездельное, в худшем его применении потребительски служебное, индустриально- и милитарно-прикладное.

В научной проекции общего дела вся природа должна стать предметом знания-в-деле — гносеоургии (4) как сверхнауки, синтезирующей в единой астрономии все научные дисциплины, и человечеству предстоит субъективироваться в качестве единого исследователя и деятеля, обретшего новое социологическое качество и целесообразно распоряжающегося естествоиспытательной силой. Между тем, отмечал Федоров, социология как науч-

ная отрасль несовершеннолетнего познания тоже закономерно схоластична и академична, поскольку, игнорируя естественный вопрос — о согласии в общем деле возвращения жизни и психократическом (5) многоединстве всех воскрешенных по типу бессмертной небесной Троицы, — занята исключительно социальным вопросом — об устройстве общества по типу смертного земного организма. Основываясь на психологии, отвлеченной от нравственности и «вынимающей душу» из человека, социология становится наукой «о бездушном обществе» [10. С. 136]. С идеальной высоты федоровских проекций цели общественных наук, рассматривающих социум в механистических категориях и отводящих морали лишь регулятивную функцию, «не могут иметь духовного смысла, так как в них учение о человеке неполноценно и неподлинно» [4. С. 390]. Истинным содержанием практической социологии, оперирующей законами супраморалистической психологии, должна стать родственность, психократически претворенная в многоликом единстве. Социология в нравственно-родственной осмысленности — это геоисторическая социологика общего дела, восстанавливающая (путем воскрешения отцов всех минувших поколений) всеземное человечество в его родословной полноте и интегрально собирающая планетарный социум в отечество (6), знаменующее «положительное истинное совершеннолетие» [10. С. 136].

Художественно-эстетическое несовершеннолетие — «недозревшее и отживающее» [12. С. 299] искусство, творчески сосредоточенное на подражании природе и подделке, занятое раскрашиванием потребительских «тряпок». Такое искусство «есть лишь игра», творение «мертвых подобиий» [12. С. 296, 333]. В современном обобщении «бесконечно игрового» характера цивилизации «человек играющий утверждается чуть ли не в качестве самого изысканно-эстетического типа» [7. С. 217], культивирующего и торжествующего свое несовершеннолетие. В логике эстетического супраморализма, требующего патрофикации и нравственного обоснования истинной жизни, даже деторождение квалифицируется как творение подобиий: «Рожденное, получившее жизнь, т.е. себя не произведшее, не может считаться самостоятельным, трудовым, совершеннолетним, пока не возвратит жизни давшим, или, вернее, отдавшим ее» [12. С. 296]. В философии общего дела художественно-эстетическое выражение несовершеннолетия составляет предмет «вопроса об искусстве»: чем оно было и есть и каким должно быть, в чем должно состоять дело искусства [12. С. 306].

Религиозное несовершеннолетие [10. С. 371] — мировое многобожие и множественность разрозненных, нравственно неестественных и потому «мертвых» религий вместо одной единой и живой религии; меж- и внутриконфессиональная рознь религиозных верований. «Религии несовершеннолетия» — нездоровые (язычески младенческие) и падшие (старые, впавшие в младенчество); и те, и другие, вместе с деизмом и гуманизмом, «не знающими живого Бога и знающими отвлеченного человека», обманывают его мни-

мым — метафорическим или «игрушечным» — владением законами природы, подчинением естественных процессов [12. С. 290, 291, 299]. Разделение церквей, религиозная рознь, по мнению Федорова, «есть величайший, закоренелый порок», выражающий несовершеннолетие «не в догмате лишь, но и в самой жизни» [10. С. 371].

Религиозное несовершеннолетие выражается также в «смешивании слепой чувственной природы с Богом», в признании дерзостью и противлением богу человеческого управления стихийными природными процессами, умиротворение которых расценивается как «посягательство на божественную власть, на желание отнять у Бога орудие наказания» [10. С. 371]. Такая религиозная убежденность означает абсолютизацию власти Бога, признание его сущностью господства [10. С. 70], а не сотрудничества в мире и сотворчества мира. Чтобы выйти из состояния несовершеннолетия и достигнуть религиозного совершенства «недостаточно только мыслить о Боге <...> нужно быть орудием воли Божией, а таким орудием можно быть только в совокупности, вместе со всеми» [10. С. 371].

Федоров обнаруживает проявления несовершеннолетия в различных христианских деноминациях. Западное христианство — католицизм и протестантство — он относит к несовершеннолетним формам христианства [13. С. 412] как религии школьной, для начальных классов, не допускающей перевода в высшие классы [10. С. 134]. Православие же представлялось Федорову старшим классом, в котором раскрывается полнота «единого истинного научения» [10. С. 134]. Анализируя различия христианских систем верования в контексте супраморализма, С.Г. Семенова приходит к выводу: «На деле существует как бы два христианства: одно — личного спасения с преобладающим психическим мотивом страха перед погибелью <...> Можно назвать его христианством несовершеннолетнего этапа развития рода людского. Другое — христианство всеобщего преображения и обожения; оно предполагает нерасторжимую объективную связь всех сознательных и чувствующих существ между собой, их солидарность и взаимную ответственность» [8. С. 253].

Нравственное несовершеннолетие как выражение нравственного упадка и невменяемости — это низшая нравственность, или инфраморализм, проявляющийся в розни и всемирной вражде, бесцельности жизни и социального прогресса, подчиненного служению смерти и онтологизирующего логику истории как факта [12. С. 293, 295, 319–320]. Несовершеннолетняя нравственность — чувственный стереотип «хамитской» цивилизации, историровавшей библейский сюжет непочтения Хамом своего отца Ноя как склонности морально незрелых детей к насмешкам над родителями. В супраморализме нравственно недостаточными, несовершеннолетними считаются все отношения, которые искажают предельную формулу: «нравственность должна быть признанием родства» [10. С. 413]. При этом Федоров связывает нравственные

корни несовершеннолетия с природными, нравственное самосознание общества — с проявлениями естественных сил: «Чтобы судить о глубине нашего нравственного упадка, достаточно сказать, что уже не различают естественного для слепой силы от того, что естественно для человека; это и значит, что остаются в детском состоянии, но лишенном детской чистоты» [10. С. 106]. В расширенном смысловом формате нравственное несовершеннолетие выражается в сопряженных характеристиках несовершеннолетнего состояния общества: нравственный самообман «блудного сына» вместо родственного чувства-знания «сына человеческого»; сиротство и потому небратственность сынов человеческих, что порождает чуждость, соперничество и вражду; подмена всеобщего родства юридическими отношениями и социальное устройство в виде гражданского общества в забвении отечества; эгоистическая аксиологизация культурно-цивилизационного комфорта, «рабство своим прихотям» [12. С. 141], влекущее отказ от долга регуляции и воскрешения отцов-предков; себялюбие и чадолюбие в ущерб отцелюбию и самопознание, гедонистическое стремление к обманчивой полноте личной жизни вместо познания отцов и гносеоургического исследования всеобщности смерти для активно-религиозного обретения в апокатастасисе истинной — восстановленной, бессмертной и совершенной — жизни для всех.

Социальное несовершеннолетие — «общество, как неродство» [10. С. 105], в котором не осознавшие действительно общего дела сыны человеческие и братья по общим отцам через юридическое очуждение становятся гражданами-недорослями, склонными к «забавам и шалостям» и потому требующими надзора и опеки со стороны власти и государства. Именно отсутствие общего дела, способного объединить всех без каких-либо различий, «производит общество несовершеннолетних» [12. С. 306–307]. Социальное несовершеннолетие выражается в структурной разъятости общества, его разделении на антагонистичные группы: бедных и богатых, городских и сельских, ученых и неученых, верующих и неверующих, а в экзистенциальном пределе — живых и мертвых. В социальном устройстве «недоразвившееся человечество», оставляя без управления смертоносные природные процессы, следуя законам бессознательной эволюции и испытывая зависимость от внешней среды, как биосферный феномен «складывается в слепой организм» [11. С. 394]. Такое общество «субординационно, кастово разделяет людей на немногих мыслящих и управляющих и на большинство управляемых, производящих “механическую работу”» [1. С. 72].

В «материальной» части несовершеннолетие общества наиболее отчетливо и драматично обнаруживается благодаря вопросу «о бедности и богатстве», постановка которого, по мнению Федорова, возможна только в состоянии несовершеннолетия: вопрос о материальном обладании искусственными ценностями порождает иллюзию владения самой жизнью как естественной ценностью, а бедность воспринимается как скудость и неполнота реальной жизни.

Иго потребностей, «страсть к мануфактурным игрушкам» [10. С. 402–403] порождает у несовершеннолетнего существа стремление к материальному достижительству, отвлекающему его от истинного смысла жизни и расхищающему его жизнотворческий потенциал; это власть богатства, приговаривающая общество к несовершеннолетию. В супраморалистическом понимании социальный вопрос о бедности и богатстве интерпретируется как вопрос об искусственном пауперизме и мнимом богатстве, поскольку его решение, даже если бы таковое было достижимо, не преодолевает естественный пауперизм — смертность эмпирического человека как брэнного существа — и не порождает истинное богатство — жизнь восстановленную и бессмертную для полноорганного человека (7) как сверхэмпирического существа. Таким образом, нацеленность на решение вопроса «о бедности и богатстве» не только не приводит к решению «общего для богатых и бедных» [10. С. 391] естественного вопроса «о смерти и жизни», но и историософски дезориентирует общество в самой нравственной постановке и научно-практическом рассмотрении этого вопроса.

Вопрос о бедности и богатстве как следствие несовершеннолетия приводит «к розни, вносящий рознь и внутрь самого человека, и в его отношения к другим людям» [12. С. 336], тем самым обрекая общество на вечное несовершеннолетие, т.е. выступая уже как причина социального несовершеннолетия, означающего недееспособность в деле воскрешения отцов-предков. Так, потребительство живущих сынов как издержка несовершеннолетия общества оборачивается нравственным преступлением против мертвых отцов. Азарт приобретения и потребления, увлечение «вещицами» порождает «бешеную игру» [10. С. 449], хищничество, оборачивающееся или социально-психологической патологией (аксиологически деформированное общественное сознание и ментально нездоровое общество), или преступностью, социальными конфликтами, и потому требует властных средств юридического обуздания и наказания. Оценивая цивилизационное состояние по христианскому критерию социального совершеннолетия, Федоров пришел к выводу: «нельзя назвать совершеннолетним общество, которое не может обойтись без надзора, принуждения и наказания» [10. С. 104].

Политическое несовершеннолетие — все юридические учреждения и отношения [13. С. 20], которые с необходимостью «возбуждают вражду среди людей» [13. С. 108] и увековечивают состояние несовершеннолетия. В правовом обществе «ссоры и тяжбы являются необходимостью», порождая «другую необходимость — тюрем, наказаний» [10. С. 273], т.е. государственного механизма кар для несовершеннолетних людей. В ценностных координатах супраморализма «отношения по закону», правовое регулирование, вся область «юридической социологии» служит гранью «между областью нравственного и областью преступного, безнравственного» [13. С. 108]. Право как социальный институт в характеристике

Федорова есть следствие «недостатка любви», и потому юридический закон — наказание несовершеннолетним блудным сынам «за непонимание и отсутствие любви»; «тепло и холод — далеко не так противоположны, как любовь и право» [13. С. 173].

В политическом устройстве несовершеннолетнего общества неприкосновенность личности оборачивается правилом «*Homo homini lupus*»; свобода совести означает слепое обожание и освящение всего стихийного в природе, обществе и мысли; свобода слова для «недорослей» — это свобода публичной брани, а свобода политической деятельности — безответственность и простор «для борьбы и разрушения» [13. С. 148]. С позиций общего дела политическое право гражданина — это «право на сомнение, на отрицание без обязанности участия во всеобщем исследовании, познании, т.е. свобода на ложь», которая ведет «к праву, или свободе на рознь, т.е. на вечное несовершеннолетие, на вечные между собою дразги, что и закрепляется конституциями и республиками» [13. С. 108]. Для Федорова «быть полноправным гражданином» значит иметь право избирать конституционных правителей-дядек — президентов республик и конституционных монархов — и «находиться под надзором им самим избранных» [12. С. 311], т.е. конституционная власть «есть замена отцов выборными, наемниками» [11. С. 18]. При этом конституционализм не затрагивает природные глубины человека, не генерирует импульс его эволюционного восхождения, не намывает «культурный слой» для высшей нравственной организованности общества, требующей безусловного восстановления отечества во всей его генеалогической полноте; конституционализм «ограничивается лишь идеалами юридического и экономического свойства» [11. С. 21]. Юридический союз, в котором право регулирует рознь и вражду, исключает союз братский, в котором samость и чуждость пресуществляются всеобщим родством в любви; государство, политически окаймляющее и внешне объединяющее граждан как блудных сынов несовершеннолетним обществом, подменяет и разрушает отечество, воссоздаваемое сынами-братьями по отчеству в совершеннолетнем внутреннем единстве исполнения долга патрофикации. Поэтому «конституция не есть лишь выражение несовершеннолетия <...> а глубокое народоразвращающее средство» [13. С. 426].

Федоров считал, что политически исцелить от конституционализма, узаконивающего и нравственно канонизирующего человеческое несовершеннолетие, может самодержавие как «правило, закон, путь к совершеннолетию» [11. С. 21]. В проективном раскрытии его нравственно-исторической цели самодержавие вместо государственно-правовых идеалов конституционализма способно предложить и осуществить проект братского союза для всеотеческого дела и всеобщего родства, превращения тягостной обязательной повинности и казенного служения государству в сознательное исполнение долга в отечестве, обращения

граждан — блудных сынов умерших отцов и небратственных сирот — в сынов воскресенных отцов и братьев.

Экономическое несовершеннолетие — осуществление хозяйственной деятельности человечества на основе технологически совершенствующейся, т.е. прогрессивно ужесточающейся, эксплуатации материально-энергетического потенциала мира, ширящейся утилизации его физической ткани. Осмысление масштабов и последствий расточительной экономики вынуждает к постановке вопроса «ради чего, на какую потребу истощаются многовековые запасы земли?», на который Федоров дает неутешительный ответ, обнаруживающий нравственно-иррациональный характер планетарного хозяйствования: «оказывается, что все это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры» [10. С. 392].

Экономическая парадигма потребительского расхищения природных ресурсов, агрессивной «материократии», по-сути, и самого несовершеннолетнего человека лишает персонально-личностной и общественно-исторической субъектности, превращая в безвольный операнд абстрактного прогресса — в расходный статистический материал на экономическом конвейере истории как факта. В «экономике по требованию потребления» нравственно-родовая связь перерождается в функционально-производственные отношения, отцы и сыны становятся производителями и потребителями. В проективном целеполагании хозяйственный строй единого человечества должен быть императивно подчинен задаче патрофикации, а во вселенско-онтологическом масштабе — восстановления падшего мира в совершенный порядок — состояние «благолепия нетления и неразрушимости». Это уже «экономика по долгу патрофикации», или экономика всеобщего спасения. В истинно хозяйственном отношении к миру совершеннолетнее человечество проявляется автономно богодействующим субъектом космологической истории как акта.

Индустриальное несовершеннолетие — производство «тряпок, безделушек и игрушек» [11. С. 323], промышленных «произведений», культурно-технологический и социально-психологический эффект которых заключается в подчинении человека, оставлении его «в вечном детстве, несовершеннолетия, расслабляющих его тело, уродующих его душу» [10. С. 445] и отвлекающих его ум. В масштабе космического времени это вопрос об эсхатологическом горизонте биосферно выросшего и потому геологически бренного человечества и о его технологическом совершенномлетии: каким арсеналом технологий и средств должно обладать планетарное общество для гарантированного обеспечения своей жизнедеятельности в перспективе астрофизического коллапса Солнечной системы. Несовершеннолетний индустриализм как инструментальный несовершеннолетней экономики подчинен решению «ребяческого» вопроса о мнимой бедности и богатстве, продуцированию искусственных предметов для забавы и удовольствия, обретающих значимость индикаторов социального статуса. В цивилизационном итоге это по-

требительски прогрессирующий смертоносный индустриализм, финансово-экономически и научно-технологически требующий для своего обеспечения воинственного милитаризма. Причем научно-технический потенциал общества, отвлеченный от решения вопроса о смерти и жизни, поощряет и «подстегивает» несовершеннолетие, обосновывая его как цивилизационную норму.

Уже осознание и признание «игрушечного характера» промышленно-сти может означать выход «кающегося индустриализма» из несовершеннолетия [12. С. 515]. На переходной ступени «от детства к совершеннолетию» опаматовавшийся индустриализм должен переориентироваться на разработку и создание орудий двоякого употребления: «как для защиты от себе подобных, так и для действия на слепые силы природы» [12. С. 515]. А проективно определяемый как совершеннолетний — священно-научный — индустриализм полностью сосредоточен на гарантированном решении продовольственного и санитарного вопросов, на практике естественного тканетворения и органосозидания как технологической основы воскрешения. В проектике общего дела это умиротворительный и жизнелюбивый индустриализм как научно-производственное предприятие всеобщего спасения. Нравственно совершеннолетний индустриализм должен решать вопрос «о смерти голодной, холодной <...> о смерти вообще, о всех умерших» [13. С. 481], т.е. о бедности человека как природного существа — и переживших (с раскрытием нравственно-родового трагизма этого определения) своих предков, но остающихся нищими плотью сынов, и уже утративших телесную жизнь отцов.

Милитаристическое выражение несовершеннолетия: воинствующий милитаризм заключается в наращивании и использовании военного арсенала, смертоносно-разрушительной силы войск для устрашения других стран, захвата или уничтожения их ресурсов. Это практика вооруженного международного и межбратского противоборства, активного ведения войн с целью политического и экономического давления и доминирования, обладания рынками сбыта, навязывания и утверждения своих исторических цивилизационных стандартов другим государственно-политическим образованиям. В исторической логике общего дела воинственный милитаризм как выражение несовершеннолетия общества должен перейти в кающийся (осознающий свою убийственную силу), а затем обрести нравственно-деятельное совершенство священно-научного, искупительного (возвращающего утраченную жизнь) милитаризма, использующего потенциал армий и техническую мощь вооружений для военно-научного крейсерства и борьбы со стихийно действующими силами природы.

Прогресс как выражение несовершеннолетия означает «неспособность к возвращению жизни отцам как нравственной, а не чувственной зрелости», сопровождается «мнимой самостоятельностью сынов и дочерей» [10. С. 59, 136]. В статье «Пред совершеннолетием» [12. С. 306–309] Федоров определил разные формы объективации прогресса как неуправляемого исторического потока: в биологическом проявлении это «вытеснение сынами отцов»,

в психологическом — «превозношение сынов над отцами», в социологическом — «наибольшая свобода и наименьшее единство или общение», т.е. минимальная общежительность и коллективность, принимаемая как «неизбежное лишь зло» [12. С. 307]. В нравственно-социологическом аспекте прогресс «составляет полную противоположность объединению сынов для воскрешения отцов» [12. С. 307]. Федоров совмещал понятия прогресса и несовершеннолетия, содержательно отождествляя их: бесконечный прогресс — это вечное несовершеннолетие [10. С. 136; 12. С. 307], причем прогрессирующее, поэтому вопрос о несовершеннолетии и есть вопрос о прогрессе. Прогрессизм как парадигма «исключает учение о воскрешении» [10. С. 37], а ложное понимание целей прогресса как спонтанного развития ведет к супраморалистически неадекватному представлению о «позитивной» социальной организованности — устройстве общества «по типу организма», отрицающем «возможность совершеннолетнего общества» [10. С. 37], образуемого «по типу Троицы».

Историческое несовершеннолетие — это всемирно-мещанская история «как факт, бесцельное существование, рознь, взаимное истребление» [12. С. 319], замена священного культа предков промышленно-торгово-потребительской цивилизацией. В нравственной периодизации истории Федоров определяет «эпоху несовершеннолетия рода человеческого, эпоху блудных сынов» [12. С. 116] как временный, неизбежный этап цивилизационного взросления, обретения человечеством космологически высокого исторического горизонта, и потому «осуждать нынешних людей за забавы — это то же самое, что у детей отнимать игрушки» [13. С. 486]. Рассматривая историю как процесс эвристического обучения и «воспитания рода человеческого», Федоров был убежден, что она должна завершиться таким образом, что ее «конец есть лишь выход из школы или переход от знания к делу, от несовершеннолетия к совершеннолетию» [11. С. 208]. Выход из состояния социально-исторического отчаяния начинается с признания всего прошлого и настоящего несовершеннолетним, т.е. бессознательной и невольной историей как фактом. Такое осознание в активнo-христианской логике общего дела открывает деятельную перспективу амнистии, которая должна сопровождаться исполнением человечеством, нравственно выросшим из исторического возраста шаловливости и баловства, заповеди управления миром. Только с этой поры и «начнется история единого дела сознательного» [11. С. 208] — история как акт.

Мировоззренческое несовершеннолетие: цивилизационный анализ разнообразных проявлений несовершеннолетия в их системно-исторической экстраполяции привел Федорова к выводу-предупреждению, что если планетарное человечество не объединится «против истребительной силы» [13. С. 20] природы, то эта сила будет истреблять несовершеннолетнее человечество стихийными бедствиями и техногенными катастрофами, голодом, эпидемическими болезнями и смертью, социально-политическими раздорами и революциями, войнами внутренними и внешними, политическими обманами и торговой вра-

ждой — чередой трагических событий бездеятельной истории, которые сопутствуют состоянию несовершеннолетия как казни за грехи неродственности. Это воронка катастрофической эсхатологии как закономерного проявления мировоззренческого несовершеннолетия планетарного человечества.

Иными словами, запредельный нравственный обертон учения Федорова вынуждает планетарно и космически ответственную мысль, растерянно барахтающуюся в состоянии мировоззренческой «невесомости», обратить внимание на сгущающуюся тьму исторической сингулярности как симптом социального несовершеннолетия, и уже в этой критико-диагностической функции проект общего дела способен стать «реальным вкладом в дело перехода человечества из несовершеннолетнего состояния к зрелости» [6. С. 14]. В проективной логике «вопрос о несовершеннолетии и совершеннолетии» в его практической постановке — как нравственной задачи и исторического дела — должен стать повесткой международной «Конференции Мира, которая выработает конкретные меры для перехода глобального человечества к совершеннолетию [11. С. 331].

Информация о финансировании

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Примечания

- (1) Супраморализм (буквально — сверхнравственность) — завершающее, терминологически онаученное Федоровым название его этико-философской системы. Супраморализм как «самая высшая и безусловно всеобщая нравственность» [10. С. 388] означает деятельный выход человечества за границы эмпирической нравственности в область родственно-непреложного долженствования и планетарно-космической ответственности.
- (2) Анастатика (др.-греч. ἀν — еще (раз), снова, опять + ζωοθετέω — делать живым, оживать) — психофизическое искусство возрождения, воскрешения; патрофикация (греч. πατήρ — отец) — особый термин философии общего дела, акцентирующий долг возвращения к новой жизни — пакибытию — всех отшедших отцов-предков всех минувших поколений во всей толще исторического времени.
- (3) Продовольственный вопрос — актуализация задачи окончательного предотвращения угрозы голода, преодоления зависимости в питании от природных процессов; содержание санитарного вопроса — активное здраво- и жизнеохранение человечества, обеспечение безусловной жизнеспособности человеческого организма.
- (4) Гносеоургия (др.-греч. γνῶσις — познание, знание + ἔργον — действие, работа) в проективном задании — синтез знания в деле как знающего дела, т.е. превращение гносеологии в активно-научный, методологически-руководящий инструмент общего дела.
- (5) Психократия (др.-греч. ψυχή — душа + κράτος — власть) — особая форма социального устройства, означающая человеческое многоединство по образу божественной соборно-ипостасийной Троицы.
- (6) Отечество в супраморалистическом смысле — планетарное всеисторическое общество, единокровно объединяющее всех воскрешенно-бессмертных «сынов человеческих» всех времен в творческом союзе действительного умиротворения и преображения мира.
- (7) Полноорганный человек — антропологическая проекция философии общего дела, означающая морфологически «флюидную» телесность человека; полноорганность — адаптивное свойство органической пластичности и функциональной модификации организма в различных средах существования.

Библиографический список

1. Гачева А.Г. Блудный сын и Сын Человеческий: версия Н.Ф. Федорова // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров. М., 2018.
2. Катасонов В.Н. Философско-религиозные проблемы науки Нового Времени. М., 2005.
3. Московский Сократ: Николай Федорович Федоров / Сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2018.
4. Попов Б.А. Социально-этическая направленность «Философии общего дела» // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. Ч. 1. М., 2010.
5. Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский / Под ред. А.Г. Гачевой, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М., 2022.
6. Савицкий А.К. Николай Федоров как образец человека, философа, христианина // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров. М., 2018.
7. Семенова С.Г. Планетарный проект русского космизма и глобальные вызовы современного мира / Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский. М., 2022.
8. Семенова С.Г. Федоровскими мыслительными тропами // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. Ч. 2. М., 2010.
9. «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. / Сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2010.
10. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М., 1995.
11. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. II. М., 1995.
12. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. III. М., 1997.
13. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. IV. М., 1999.
14. Философ общего дела: материалы Международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова / Ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302

EDN: BCLKPH

On social full age in the philosophy of common cause. “Underage society” in the supramoralistic introspection*

A.A. Onosov

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Abstract. The analytical vector of the article is defined by the idea of underage as a state of historically immature society in the supramoralist framework of the philosophy of common cause. In the teachings of N.F. Fedorov (1829–1903), the idea of underage and full age determines the cause-and-effect contour of all social-historical phenomena. Therefore, the supramoralist analysis of the identified roots and primary conditions of underage led

*© A.A. Onosov, 2025

The article was submitted on 15.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

to some critical assessments of civilizational existence in its global-problematic expression. In the analytical context, various manifestations of underage are discovered, and relevant characteristics of the imperfect state of society are revealed. As an answer to the question of immaturity, supramoralism proposes to replace the artificial social question of “poverty and wealth” with the natural question of “death and life,” implying by death the fundamental poverty of man and affirming immortal life as true wealth. The article reconstructs the projective understanding of sociology as an active-historical function of the highest social organization. Projective sociology is to serve not as a statistical record of “history as a fact” but as an instrument for studying humanity and ensuring its polyunity in the image of the divine Trinity. In the scientific-applied perspective, this is the guiding knowledge of the projective synthesis of a due full-age society. The civilizational analysis of various manifestations of immaturity in their systemic-historical extrapolation allowed Fedorov to make a warning conclusion about eschatological risks of global humanity according to the scenario of the Apocalypse. At the same time, he considered this prophecy about the catastrophic collapse of social history conditional, leaving the possibility of a conscious ontological transformation of man, society and the world, provided the imperative overcoming of the ideological immaturity of planetary humanity. For these purposes, the world-building potential of the philosophy of common cause deserves a systemic scientific-philosophical analysis which is axiologically significant under the current historical singularity of the global civilization.

Key words: N.F. Fedorov; philosophy of common cause; supramoralism; underage; full age; underage society; full age society; common cause; regulation of nature

For citation: Onosov A.A. On social full age in the philosophy of common cause. “Underage society” in the supramoralistic introspection. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 286–302. (In Russ.). (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302>

Funding

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

References

1. Gacheva A.G. Bludny syn i Syn Chelovechesky: versiya N.F. Fedorova [Prodigal son and the Son of Man: N.F. Fedorov’s version]. *Moskovsky Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov*. Moscow; 2018. (In Russ.).
2. Katasonov V.N. *Filosofsko-religioznye problemy nauki Novogo Vremeni* [Philosophical-Religious Issues of the New Time Science]. Moscow; 2005. (In Russ.).
3. *Moskovsky Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov* [Moscow Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov]. Comp. by A.G. Gacheva. Moscow; 2018. (In Russ.).
4. Popov B.A. Sotsialno-eticheskaya napravlennost’ “Filosofii obshchego dela” [Social-ethical orientation of the “Philosophy of common cause”]. “*Sluzhitel dukha vечноy pamyati*”: *Nikolay Fedorovich Fedorov. Ch. 1*. Moscow; 2010. (In Russ.).
5. *Russky kosmizm: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovski, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky* [Russian Cosmism: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky]. Ed. by A.G. Gacheva, B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow; 2022. (In Russ.).
6. Savitsky A.K. Nikolay Fedorov kak obrazets cheloveka, filosofa, khristianina [Nikolai Fedorov as an example of man, philosopher, Christian]. *Moskovsky Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov*. Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Semenova S.G. Planetarny proekt russkogo kosmizma i globalnye vyzovy sovremennogo mira [Planetary project of Russian cosmism and global challenges of the contemporary world]. *Russky kosmizm: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky*. Moscow; 2022. (In Russ.).
8. Semenova S.G. Fedorovskimi myslitelnymi tropami [Fedorov’s thought paths]. “*Sluzhitel dukha vечноy pamyati*”: *Nikolay Fedorovich Fedorov. Ch. 2*. Moscow; 2010. (In Russ.).

9. “*Sluzhitel dukha vечноy pamyati*”: Nikolay Fedorovich Fedorov [“Servant of the Spirit of Eternal Memory”: Nikolai Fedorovich Fyodorov: in 2 vols.]. Ed. by A.G. Gacheva, M.M. Panfilov. Moscow; 2010. (In Russ.).
10. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. I. Moscow; 1995. (In Russ.).
11. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. II. Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. III. Moscow; 1997. (In Russ.).
13. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. IV. Moscow; 1999. (In Russ.).
14. *Filosof obshchego dela* [Philosopher of Common Cause]. Ed. by A.G. Gacheva. Moscow; 2022. (In Russ.).

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-303-321

EDN: AZUKIH

Нью-Эйдж, новые религиозные движения и молодежь: эффекты дерационализации обыденного сознания в постсекулярном обществе*

Т.А. Хагуров, М.Г. Рудаков

Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

(e-mail: khagurov@mail.ru; mrengineerr@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются история и предпосылки, а также последствия распространения в современном обществе идей и практик Нью-Эйдж как новой формы духовности, способствующей возникновению и распространению новых религиозных движений (далее — НРД). Авторы отмечают, что в современном постсекулярном обществе религиозное сознание, (пара) религиозные идеи и практики вновь заявляют о себе в качестве существенных факторов общественных процессов. На фоне снижения роли традиционных религий наблюдается рост влияния на обыденное сознание различного рода эзотерических и оккультных идей и практик, так или иначе связанных с воздействием нью-эйдж-духовности на современную культуру. Истоки этих процессов прослеживаются во второй половине XIX века в связи с распространением моды на оккультизм и эзотерику в среде европейской и американской интеллигенции и возникновением международных религиозных движений нового типа (Бахаи в Иране, мормоны и Свидетели Иеговы в США и др.). Новый импульс эти формы духовности получают во второй половине 1960-х — 1970-е годы на волне контркультурной революции, породившей массовые увлечения «альтернативной духовностью» среди студенческой молодежи. Эти процессы в западной социологии получили название «оккультного возрождения».

*© Хагуров Т.А, Рудаков М.Г., 2025

Статья поступила в редакцию 04.12.2024. Статья принята к публикации 15.04.2025.

В статье также рассмотрены особенности распространения нетрадиционной духовности в России — от возникновения соответствующей моды в среде интеллигенции в 1970-е годы до массовой волны эзотерики, захлестнувшей российское общество в 1990-е годы. Говоря о современном состоянии проблемы, авторы подчеркивают роль Интернета в распространении и оформлении новых религиозных движений, общин и идеологий, отмечают сетевой характер и отсутствие четких институциональных границ у возникающих сегодня (пара) религиозных сообществ. В статье приведены основания классификации НРД и обозначено их влияние на различные сферы культуры и массового сознания, в частности, это нарастающая дерационализация обыденного сознания, эклектично совмещающего в себе элементы научной, религиозной и оккультной картин мира.

Ключевые слова: нью-эйдж; новые религиозные движения; молодежь; контркультура; эзотерика и оккультизм; постсекулярное общество; дерационализация общественного сознания

Для цитирования: Хагуров Т.А., Рудаков М.Г. Нью-Эйдж, новые религиозные движения и молодежь: эффекты дерационализации обыденного сознания в постсекулярном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 303–321. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-303-321>

Современное глобализированное общество все более явно обнаруживает черты постсекулярности (по Ю. Хабермасу), проявляющиеся, прежде всего, в широком и не всегда заметном для обывателя и социолога-исследователя распространении идей, практик и учений так называемой «новой эры» (Нью-Эйдж) и в стремительном росте так называемых НРД (новых религиозных движений), большая часть которых также связана с нью-эйджевскими идеями и практиками. Это актуализирует вопрос о причинах и последствиях такой постсекуляризации, в том числе с позиций социологии риска [36].

История и предпосылки возникновения НРД

Прежде чем обратиться к анализу причин, предпосылок и последствий обсуждаемых процессов, отметим, что НРД имеют многовековую историю. Рядом с общепризнанными религиями всегда появлялись «новообразования» как зачастую их уродливое отражение — общины верующих, отколовшиеся от определенной исторической религии в связи с реформами, которые проводились духовенством и не принимались частью общины, специфическими трактовками священных книг и т.д. [17]. Такие религиозные движения, как правило, стигматизировались в качестве ересей (с позиций ортодоксальных религиозных систем — девиаций, отклонений от нормативной религиозности). Наряду с ними возникали и другие общины верующих, которые объединялись вокруг человека, утверждающего, что он является «богом» или через него бог (и) передают откровения, отличные от традиционных религий. Становясь «высшим существом» среди, как правило, немногочисленного окружения, новый «бог» или его посланник становился объектом преследования признанных обществом и государством религиозных организаций, что

оправдывалось распределением ролей между государством и историческими религиями, которые были не заинтересованы в появлении альтернативных религиозных общин (определяемых в качестве сект), чьи учения либо расходились с общепринятыми, либо представляли нечто совершенно новое, а еще зачастую содержали в себе угрожающие факторы для общества и государства.

Одни новые религии в период возникновения относились к новым, но по прошествии времени становились признанными для определенного этноса или территории. Другие исчезали совсем, не оставив следа в истории. Третьи возникали по соседству с историческими религиями и долгое время существовали под их пристальным наблюдением, но исчезали после смерти нового «мессии», даже не пережив первое поколение последователей. И только начиная с XIX века новые религии стали заметным явлением, обретая влияние не только в конфессиональном поле отдельных государств, но и за его пределами — оказывая влияние на социальные, культурные, общественно-политические процессы. Со второй половины XIX века можно обнаружить истоки того, что позже получит название «нью-эйдж». Волна интереса к мистике, захватившая многих образованных людей того времени, породила массовые увлечения спиритизмом, восточным оккультизмом, магией и созданными на их основе неооккультными учениями (теософия, антропософия и др.). Идеи оккультистов XIX — начала XX веков (Н. Рериха, Е. Блаватской, Г. фон Листа, Р. Штейнера и др.) различались по генезису (восточные или западные оккультные корни), но оказали схожее влияние на умонастроения людей, попавших под их влияние. Одна из ключевых идей всех этих концепций — ожидание появления (или возрождения) человеческой (точнее сверхчеловеческой) расы со сверхъестественными способностями, с чем и ассоциировалось наступление «новой эпохи». Во всех учениях этого рода в явной или неявной форме прослеживалась древняя гностическая мысль о фундаментальном неравенстве — «естественном» разделении людей на «высших» и «низших».

Долгое время разнообразные, но концептуально схожие взгляды на вселенную и эволюцию человека имели хождение только среди поклонников оккультизма, однако в 1960-е–1970-е годы они распространились среди контркультурно ориентированной молодежи. В исследованиях американских социологов это явление получило название «оккультного возрождения» [45] — возникло большинство нью-эйджевских движений с их идеями «эры Водолея» как новой эпохи человеческих возможностей, высвобождения «духовной энергии», «осознанности», «гармоничности», «преодоления репрессивности» традиционных религий и ценностей, «новой женственности», «пробуждения природных сил» и т.п. Эти же идеи оказали определенное влияние на формирование ряда политических концептов («устойчивое развитие», «зеленая повестка», «трансгуманизм» и др.).

Как и в случае с НРД, определение движения «нью-эйдж» остается дискуссионным. Нью-эйдж (от англ. *New Age* — «новая эра, век») — это общее название неорелигиозных движений, большинство из которых получили распространение во второй половине 1960-х годов в США в рамках контркультурной революции. Понятие «новой эры» обычно связывают с астрологической идеей перехода от «эры Рыб» (христианской) к «эре Водолея» (постхристианской). Движение представляет собой сложный и слабо организованный (по крайней мере внешне) конгломерат идей, учений, практик, общин, сект и сообществ, причем некоторые их последователи отрицают свою принадлежность к нью-эйдж, настаивая на «древности» своих религиозных традиций. «Собственно за термином “нью эйдж” стоят два понятия. В более строгом смысле — это широко распространенное оккультное неоязыческое движение, основанное на определенной довольно свободно сформулированной идеологической базе, которое сформировалось во второй половине шестидесятых годов в Калифорнии. Но можно говорить о нем и в расширительном смысле как о социокультурном феномене — идеологической основе современной постхристианской цивилизации» [8]. В широком смысле неоязыческие и оккультные идеи транслируются в общество под лозунгами «достижения гармонии», «человеческого счастья», «самореализации» и т.п.

Также в XIX веке образуются и закрепляются сперва на определенных территориях, а затем и за их границами новые (по форме и содержанию) религиозные движения, такие как Бахаи в Иране, Свидетели Иеговы и Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) в США, которые были приняты более чем прохладно в момент своего образования как обществом, так и государством, но сегодня представляют собой влиятельные международные организации.

Современное состояние и проблемы классификации

Экспансия «новых форм духовности» и расцвет новых религиозных учений, оформляющихся в крупные религиозные организации и международные корпорации, приходится на вторую половину XX века. Контркультурная революция 1960-х — 1970-х годов была тесно связана с «оккультным возрождением», захватившим умы западной молодежи вместе с идеями политического протеста и сексуальной свободы. Большинство последователей НРД за рубежом в последней четверти XX века «составляют юноши и девушки в возрасте от 18 до 24 лет из белого, так называемого среднего класса. Как правило, они имеют неплохое образование и в прошлом не испытывали серьезных материальных трудностей» [18]. Классифицировать движения и учения нью-эйдж достаточно сложно в силу присущей им эклектики и взаимопроникновения идей и практик [10], что относится и к религиозным и околорелигиозным новообразованиям, характеризующим конфессиональное многообразие, в том

числе в интернет-пространстве. При всей условности формализованных классификаций представляется возможным следующее деление:

- Движения и секты неоориенталистского типа — основанные на восточных учениях: Общество сознания Кришны, культы Ошо и Шри Сатья Саи Баба, «Сахаджа-йога», теософия Е. Блаватской и Н. Рериха, основанные на их идеях современные интерпретации и т.д.
- Псевдохристианские движения: на Западе это движения неопротестантского типа — «Церковь Унификации» (секта Муна), «Дети Бога» («Семья»), «Поместная церковь Уитнесса Ли» и др.; в России — имеющие давние корни секты хлыстов, молокан, скопцов и пр.
- Псевдонаучные оккультные движения — дианетика (саентология), астрология, «Трансцендентальная медитация», ребефинг, практики «осознанности», поп-НЛП, трансперсональная психология и т.п.
- Неошаманизм, языческие магические учения, основанные на мифологии коренных народов Америки, Сибири и Дальнего востока, и подобные им культы — учение Карлоса Кастанеды, сибирское неоязычество, Анастасиевцы («Звонящие кедры России») и т.п.
- Неоязыческие учения германо-скандинавского и славянского типа — одинизм, перунизм и т.д.; популярная символика викингов, валькирий, рун и т.п.; неodruidизм различных типов (кельтский, кавказский и т.д.).
- Неоязычество, имеющее африканские и ямайские корни — вуду, растафарианство, африканское колдовство «викки» и т.п.
- Культы, основанные на прямом поклонении злу: сатанизм («Церковь Сатаны», учения А. Кроули и Ш. Ла Вэя), культ Лилит, культ богини Кали и т.д. Особняком в этой группе стоят политизированные религиозные течения, пропагандирующие ненависть по расовому, этническому или религиозному принципу: радикальный исланизм, неofaшистские организации и т.п. [20].

Границы течений размыты, поэтому некоторые движения можно причислить сразу к нескольким группам, тем более что в нью-эйдже практическая «польза» значительно важнее идейной или теоретической (конфессиональной) строгости, поэтому adeпты с легкостью мигрируют из одной «духовной ниши» в другую. Польза может заключаться в духовном или физическом исцелении, достижении «просветления», решении финансовых и иных жизненных проблем.

Под влиянием идей нью-эйджа оккультизм прочно вошел в массовую культуру, где многие самые мрачные его формы, включая откровенный сатанизм, перестали быть чем-то отрицательным. Например, фильм Р. Поланского «Ребенок Розмари», вышедший на экраны в 1968 году, до сих пор входит в число культовых кинокартин о дьяволе, а фильмы К. Энгера «Торжественное открытие Храма Наслаждения» (1954) и «Пробуждение моего демонического брата» (1960) посвящены творчеству А. Кроули, одного из самых известных

пропагандистов современного сатанизма, сформулировавший его главный принцип «я один: нету Бога там, где я есмь» [12]. Энгер, по мнению ряда исследователей, оказал наиболее значительное влияние на широкое увлечение оккультизмом в западном обществе [25]. Более того, творчество Энгера и идеи Кроули продолжают привлекать известных деятелей культуры, в их числе режиссера «Твин Пикса» и «Синего бархата» Д. Линча [21]. По мнению исследователей, на современный оккультизм значительное влияние оказало и творчество Г. Лавкрафта [29]: так, один из лидеров сатанизма Э.Ш. Ла Вей утверждал, что Лавкрафт был не просто осведомлен о магических ритуалах, а наполнял свои произведения «множеством аллюзий на идентичные и настоящие церемониальные процедуры» [44].

Воздействие такого рода произведений массового искусства на аудиторию приводит к увеличению числа тех, кто считает их создателей (не смотря на очевидную разницу в содержании и транслируемых смыслах) своеобразными «пророками» или «медиумами», поделившимися в художественной форме неким тайным знанием [19]. К 1960-м годам относится и трагическая деятельность секты «Семья» Ч. Менсона, память о которой вдохновляет деятелей искусства и сегодня (например, музыкант Б.Х. Уорнер использовал фамилию Мэнсона для создания своего псевдонима Marilyn Manson и одноименной рок-группы, а К. Тарантино снял фильм «Однажды в... Голливуде»).

Нью-Эйдж и НРД в России: недавняя история и современность

В России НРД стали массово и бесконтрольно появляться с конца 1980-х годов под влиянием средств массовой информации (далее — СМИ). Исследователи уже тогда отмечали, что получившие доступ в медиасферу мистические и эзотерические учения и практики оказывают «деструктивное в разных отношениях воздействие» [30] (на радиостанции «Маяк» шла ежедневная часовая передача с проповедями лидера НРД Секи Асахары, на телеканале «2х2» — еженедельная передача, в которой раскрывались основы вероучения Аум Синреке, высокорейтинговыми были телепередачи с участием А. Чумака, А. Кашпировского и др.)

Религия (преимущественно ее новые формы) заняли определенную нишу в массовой культуре, влияя на молодежную контркультуру: сегодня экранная культура фактически создает новые религиозные мифы, использующие элементы классической мифологии в сочетании с современными представлениями об этике и духовности [24]. Вера в колдовство, общение с духами становится для части молодежи более истинной, чем вера в христианские догматы. Опросы, проведенные Центром социологических исследований МГУ в середине 1990-х годов, показывают, что в магию и колдовство верили 51 % россиян, из них 62 % — в возрасте 18–24 лет, 28 % молодых людей верили

в общение с духами [5], в том числе считая, что Бог — это скорее Высший/Космический разум/сила.

Следует учитывать, что своеобразная мода на эзотеризм, в отличие от НРД, шумно заявивших о себе в России в конце 1980-х — начале 1990-х годов, обнаруживала себя и ранее. Так, с 1970–1980-х годов наблюдалось увлечение религией и религиозной философией, эзотерикой, оккультизмом, разнообразными мистическими учениями преимущественно в кругу советской интеллигенции. Особое место занимала вера в НЛЮ, целительство, экстрасенсорные возможности и паранормальные явления. Наряду с действовавшей в стране антикультовой идеологией существовал спрос на литературные эзотерические произведения. Так, в статье «Симпатия к черной фантастике: исследование принципов конструирования эзотерического мифа» П.Г. Носачев, говоря о советском «проекте черной фантастики», отмечает, что первое произведение Г.Ф. Лавкрафта «Зловещий пришелец» было издано в СССР в журнале «Америка» в 1976 году, а в переходный период от СССР к России «первые тексты Лавкрафта и Майринка разошлись рекордным по нынешним меркам тиражом — 100 тысяч экземпляров для каждого, что не помешало сегодня им стать библиографической редкостью» [23].

Однако в 1990-е годы конфессиональная мозаика еще не была изменена эзотеризмом интернет-пространства, заполненного различными формами движения нью-эйдж. Сегодня может показаться, что по сравнению с 1990-ми годами активность НРД по поиску новых последователей пошла на спад, уступая традиционным религиям, но это не так — изменились формы и методы работы, а число последователей, в том числе молодежи, даже увеличилось в связи с усилившимся влиянием СМИ и Интернета. По данным ВЦИОМ, в 2022 году 25 % россиян верили в колдовство и умение некоторых людей наводить порчу, каждый третий — в способность отдельных людей предсказывать судьбу (28 %) [26]. Опросы студентов Иркутского государственного университета и Бурятского государственного университета (2020) показали, что 72 % верят в то, что порча, проклятье и сглаз существуют и могут реально навредить человеку, 62 % верят в ясновидение и ясновознание, 61 % — в колдовство, 58 % — в возможность предсказывать будущее при помощи гадания. Стал очевиден и формирующийся массовой культурой и интернет-пространством спрос на эзотеризм: 29 % мечтали стать волшебниками, 21 % нравилось читать и обсуждать со знакомыми информацию о суевериях, магии и мистике [3].

Эти цифры имеют серьезные погрешности: так, около 25 % российских респондентов описывают свое отношение к духовности и религии посредством утверждения «верю в Бога (высшую силу), но конкретную религию не исповедую», в 2012 году Россия входила в первую десятку стран мира по количеству не имеющих религиозной аффилиации жителей, т.е. атеистов, агностиков и верующих без конфессиональной принадлежности, и сколько

людей из последней категории могут быть причастны к нью-эйдж духовности остается только догадываться [34]. Результаты масштабного исследования, проведенного учеными Кубанского государственного университета в рамках реализации гранта РФ «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтнического региона: прогнозирование и профилактика», показали несколько отличную от официальной картины ситуацию. Так, на вопрос «принадлежишь ли ты к какой-либо религии» только 37 % респондентов дали положительный ответ, 18 % отметили, что «верят в Бога, но ни к какой религии не принадлежат, 10 % — что «верят не столько в Бога, сколько в высшие силы». Собственные варианты респондентов показали и вовсе запутанную картину личностного восприятия религии: «верю в магию, но не в Бога», «верю в Бога, но не верю церкви», «выбрал свою систему религиозных убеждений», «собираю из всех религий лучшее», «я православный, но в Бога не верю», «язычество» [41. С. 66–67]. В вопросе об исповедании 73 % респондентов ожидаемо указали православие, а 7 % — другое. Вот один из собственных ответов респондентов, отражающий типичную нью-эйджевскую позицию: «вообще православие, но понимаю бога по своей определенной трактовке, своя вера, и не придерживаюсь религиозных правил и чего-либо еще» [41. С. 68]. То есть человек в опросном листе ставит галочку напротив православия, но при этом отвергает церковную традицию и воспринимает бога вне христианского учения — это и есть проявление «духовности нового века».

Приверженцы нью-эйджа в большинстве своем не обращаются в органы юстиции для регистрации религиозных организаций и не подают уведомления о начале деятельности религиозных групп — это экологические поселения, культурно-досуговые и оздоровительные центры, школы и группы целителей, экстрасенсов, магов и колдунов в интернет-пространстве. Примеры подобных сообществ на Кубани — экологические поселения и родовые поместья, образуемые последователями движения «Анастасия» («Звонящие кедры») на территории Геленджика, Абинского, Апшеронского, Северского, Крымского и Мостовского районов Краснодарского края, Ашрам Бориса Бабы в селе Пшада Геленджика, членами Центра «Восхождение» там же, культурно-оздоровительного центра «Эра Водолея» в Краснодаре (холодное дыхание, ребефинг, дыхательные практики, цигун, магия толтеков, ясновидение, астрология, рейки и т.д.) [14]. Они могут действовать как НКО или фонды, но официально какой-либо религией или учением себя не связывают. Их основная идея заключается в том, что главное — не мир вокруг человека, а мир внутри него: человек, меняя внутренний мир, изменяет и внешний мир по своему желанию («хочешь быть счастливым, будь им», «хочешь изменить ситуацию, измени отношение к ней» и др.) [42].

Направления движения нью-эйдж воспринимаются исследователями по-разному — и как НРД, специфическое направление новой религиозности,

и как явление, не связанное с религией. В целом здесь можно обнаружить как неуклонное движение в сторону образования НРД, так и, напротив, отход от религиозной составляющей, утрату отдельных «религиозных черт», присущих организации на этапе возникновения и становления, но постепенно она эволюционирует к нерелигиозной (светской) форме [43]. Говоря о мировоззренческом хаосе, пронизанном эзотеризмом, важно упомянуть и так называемые «вымышленные/изобретенные» религии, последователями которых являются преимущественно молодые люди: «движения, возникшие на основе художественных произведений, будь то Церковь всех миров, в основе которой лежит роман Р. Хайлайна “Чужой среди чужих”, джедаизм или матриксизм, возникшие из киноэпопей “Звездные войны” и “Матрица”, действительно, изначально были плодом творческого вымысла создателей. Однако далее эти изобретенные религии развивались независимо от своих “изобретателей”, которые... вовсе не обязательно стремились изобрести какие-либо новые религии, функционирующие за пределами произведений» [38].

К вымышленным или изобретенным религиям можно добавить и популярные в определенных слоях молодежи «пародийные» религии — они «возникают в основном в студенческой среде и стремительно распространяются через интернет. Их цель — критика тех сторон религиозной жизни, которые вызывают недоумение и раздражение у молодежи. Они уморительно смешные, но вовсе не легкомысленные» [35]. Такие пародийные (Церковь недогения, Церковь невидимого розового единорога, дискордианизм, Церковь недомудреца, Церковь летающего макаронного монстра, представленная на Кубани «Екатеринодарской и Кубанской секСтой Русской пастафарианской церкви Макаронного пастриархата» [15]) балансируют на грани специфического юмора и неуважения к традиции. Говорить о серьезном распространении вымышленных и пародийных религий нельзя, но это часть молодежной культуры, находящаяся в противоречии с культурой старшего поколения. Сложно представить себе уважаемого семьянина средних лет (за редким исключением), приходящего на работу в государственное учреждение или в коммерческую фирму в строгом костюме и с дуршлагом на голове.

Удобной площадкой для массового распространения движений нью-эйдж стал Интернет: для тех молодых людей, которые определяют свое отношение к религии как «не верю» или «верю только в себя», создан обширный набор инструментов для «конструирования» духовных ценностей. Даже не ищущий в Сети новые религиозные или околорелигиозные идеи человек сам того не ожидая приобщается к ним, например, увлекаясь компьютерными играми, а когда игра его захватила, он начинает интересоваться персонажами, но уже не за рамками компьютерной игры. Так западный эзотеризм как генератор синкретической религиозности стал бесценным кладом для сценаристов и геймдизайнеров с момента зарождения компьютерных игр: эзотерические мифологемы столь разнообразны, что их комбинирование — неиссякаемый

источник идей для сюжетов [22. С. 132]. Во многих компьютерных играх сюжетная линия наполнена ангелами и демонами, что указывает на их прямую связь с эзотеризмом и его последующим распространением среди участников. Игры, строящиеся вокруг представлений о демонах, ритуальной магии, духах и одержимости, восходят и к художественным фильмам: так, сюжет «Phantasmagoria» — пересказ фильма «Сияние» С. Кубрика, а первая часть «Gabriel Knight» основана на фильме «Сердце ангела» А. Паркера. Иногда игры ориентируются сразу на несколько прототипов, например, «Darkseed 2» совмещает сюжетные ходы из известного сериала «Твин Пикс» с приемами из «Сердца ангела». Для создания сюжетов успешных игр авторы используют сложный бриколаж из художественных прообразов и исторических исследований (все части «Broken Sword» и последние части «Gabriel Knight») [22. С. 136].

Несомненна трансформация личности человека, его нравственных установок и религиозных взглядов под влиянием виртуальной действительности. Например, в компьютерной игре «Готика» присутствуют различные типы религиозных организаций и элементы религиозного культа, игроки имеют дело как с магией, так и с религией, которые взаимно дополняют друг друга в неомифологической реальности (разные типы религиозного сознания, религиозной деятельности и религиозных организаций) [6]. Учитывая глубокое погружение участников подобных игр в происходящее, влияние сюжетной линии и перенесение отдельных фрагментов игры в реальность, можно говорить о том, что человек подсознательно становится ближе к миру эзотеризма и нью-эйдж духовности: проводя достаточно длительное время в игре, проживая и переживая различные ее события, игрок испытывает всевозможные эмоции и чувства, подсознательно (или осознанно) олицетворяет себя с теми или иными героями, трансформируя, таким образом, свое сознание, отношение к миру и его ценностям. По сути, создатели подобных игр могут сознательно управлять (манипулировать) огромными массами людей в различных странах, побуждая их к тем или иным действиям [6].

Появление Интернета и функционирующих на его основе онлайн-платформ, сервисов и социальных сетей привело к изменениям во многих сферах жизни людей, прежде всего массовой коммуникации. К началу XXI века традиционные операторы аналогового телевидения, радиовещатели и владельцы печатных изданий утратили прежнее господствующее положение в передаче информации в классических «офлайновых» форматах вследствие ее распространения через Интернет, который стал не только конкурентом традиционных СМИ, но и новым ресурсом, породившим трансформации не только в прежних массмедиа, но и в образе жизни в целом [4]. Одним из первых религиозный потенциал компьютерных технологий разглядел Т. Лири — соавтор «психоделической революции» 1960-х годов. В тот период Лири проповедовал религиозный смысл психодели-

ческих наркотиков и возвестил о приходе «химического мессии» — ЛСД, «нового Христа». В 1980-е годы он стал горячим поклонником компьютерных новшеств, усмотрев в них не только удобное техническое средство [13], но и источник новой реальности — «язычества высоких технологий». В 1996 году было высказано предположение, что в будущем сетевое общество приведет к появлению новых онлайн-религий, а традиционные религии существенно изменят методы миссионерской работы, что мы и наблюдаем сегодня. Развитие постиндустриального общества сопровождается формированием онлайн религий — религиозная сфера становится объектом конструирования со стороны общностей, испытывающих потребность в новом духовном опыте за рамками прежних институциональных норм [9]. Виртуальность стала частью религиозного сознания и культа: в условиях секуляризации религия частично зашла в Сеть как пространство для миссионерской работы [31]. Однако возможности интернет-пространства используют и НРД, возникшие недавно и представляющие не только новые вероучения, но и террористическое подполье.

Заходя в сеть с мировоззренческими вопросами, важно понимать, что Интернет представляет пользователю огромный объем информации, которая не всегда достоверна, поскольку наибольшую активность в Сети развивают, наряду с радикальными группами, которые не имеют иного выхода к широкой публике, мошенники — маги, колдуны и целители, превратившие различные религиозные учения и практики в успешный бизнес, не подлежащий налогообложению. Сегодня во многом благодаря Интернету оккультные школы и учения, составляющие смысловое поле нью-эйджа, растворяются в дискурсе поп-психологии, ЗОЖ-, бьюти- и лайф-коуча, трансформируясь в идеи радикального индивидуализма («любви к себе» и «заботы о себе» в качестве главных ценностей). Популярные мемы в духе «никто никому ничего не должен», «человек сам устанавливает для себя правила», «избавьтесь от токсичных людей вокруг себя» и т.п. по своему генезису и сути являются нью-эйджевскими [20. С. 110].

Интернет существенно изменил и представление о религиозной общине — теперь последователями религиозных движений нет необходимости посещать культовые объекты, стадионы и дома культуры, община переместилась в онлайн пространство. Для встречи с единомышленниками или лидером общины необязательно выходить из дома — достаточно включить компьютер. В этой связи особенно актуальна теория Г. Рейнгольда об «умной толпе», состоящей из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом благодаря имеющимся устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления [29]. «Умные толпы» — реальные социальные образования, способные к мобилизации и политическому действию [1], т.е. возникающие интернет-общины могут быть ориентированы на социально-политическое, межконфес-

сиональное противостояние, а если рассматривать их предвзято, то потенциал таких общин можно использовать и в диверсионно-разведывательной работе (сознательный выбор или ошибочное стремление адепта общины изменить мир под влиянием новых религиозных идей).

Многотысячные религиозные мероприятия, проводимые на стадионах, уступают место не менее многочисленным «встречам» в интернет-пространстве. Уменьшение числа НРД, согласно данным органов юстиции, не отражает реальную картину — меняется форма их организации: НРД трансформируются в религиозные или околорелигиозные интернет-сообщества, где подавляющее большинство — молодежь. Так, интернет-сообщества и специализированные сайты, созданные такими крупными НРД, как Великое Белое Братство (Программa Спасения Земли «ЮСМАЛОС») [28], Церковь Саентологии [39] или недавно образованная «АллатРА» [16], заявившая о себе на Кубани в 2022 году акцией по установке рекламных баннеров «Созидательное общество», начинают уступать позиции центрам самосовершенствования, новым религиозно-философским школам, интернет-гуру и пр., представляющим разные направления нью-эйджа, по числу последователей из числа молодежи.

В целом неконтролируемая экспансия информационных технологий способствует фрагментарному усвоению религиозной информации: квазирелигиозные организации становятся участниками интернет-дискуссий, при этом их деятельность не поддается контролю, что может быть причиной маргинализации общественной среды [2]. Говоря о третьей волне новой религиозности — в интернет-пространстве, можно допустить, что ее формы будут разниться с привычными, поскольку им не нужно создавать религиозные организации (юридические лица), проводить рекламные кампании и т.д. Основные коммуникативные формы религии меняются под воздействием современных информационных технологий, как и меняется отношение к категориям священного. Традиционные формы деятельности религиозной общины вытесняют «виртуальные религиозные общины» [2]. Пока они не имеют массового характера в «организационном» смысле, но перспективы их развития очевидны, например, модификация (продолжение) Ордена космических инженеров (основан в 2008 году), Церковь Тьюринга, образованная в 2010 году трансгуманистом, специалистом в области ИТ и виртуальной реальности Дж. Приско, ориентирована на создание «сверхрелигии», свободной от организационных «недостатков» традиционных теистических религий [38].

Все перечисленное выше актуализирует пока малоизученную тему, которую можно обозначить как дерационализацию и неоархаизацию общественного и индивидуального сознания в постсекулярных обществах на фоне экспансии явных и латентных форм эзотерического и оккультного

сознания. Речь идет о совокупности взаимосвязанных социокультурных процессов, достаточно давно проявляющихся и во многом рутинизированных, но до недавнего времени не воспринимаемых обыденным и научным сознанием в качестве комплексной проблемы: фактическое вытеснение жанра научной фантастики жанром фэнтези в кино и литературе, увеличение доли литературных и кинематографических произведений откровенно оккультного характера; системная (и отчасти управляемая) деградация массового образования, связанная с утратой фундаментальности и целостности, вытеснение знаниевого подхода компетентностным, фрагментация и примитивизация формируемой таким образованием картины мира; возникновение и институционализация «дискурса эзотерики» сначала в качестве экзотики в специфических телепередачах, журналах и интернет-ресурсах, а затем и его рутинизация в форме специальных отделов в больших книжных магазинах, издательств и «духовно-образовательных» центров; институционализация рынка «эзотерических услуг» — от частных объявлений в газетах и на остановках общественного транспорта («снятие порчи и сглаза», «обряды на удачу» и т.д.) до устойчивого сегмента астрологических, тарологических и иных оккультных услуг; экспансия эзотерики и оккультизма в индустрию «лайф-коучинга» и популярной психологии; распространение эзотерических практик (обращение к гадалкам, целителям и т.п.), в том числе среди адептов традиционных религий; все более заметный раскол среди адептов традиционных религий на «модернистов», выступающих за принятие большинства технологических и социальных новаций современности, и «фундаменталистов», отторгающих большинство новаций (формируется все более широкий слой носителей архаизированного сознания и мышления).

Наиболее заметным отражением перечисленных (и иных) тенденций выступает рост популярности эзотерики, оккультных идей и эзотерических услуг в пространстве массовой культуры [20. С. 113]. Новая цифровая «духовность», массовая культура интернет-пространства, культура в целом стремительно заполняются «модным эзотеризмом», и самые активные участники этого процесса — молодые люди, благодаря чему «нетрадиционные» духовно-нравственные ценности, о которых сегодня много говорят и пишут, «рассеянные ценности», взращенные на эзотеризме массовой культуры, сетевых сообществ и компьютерных игр, насквозь пронизанные идеями нью-эйдж, смогут занимать ведущие позиции в сознании молодежи, влияя на ее поведение и место в современном мире. В НРД астрология и мистика соседствуют с псевдоисторическими концепциями, парапсихологией и паранаукой, а также теориями заговора, что напоминает ситуацию позднего средневековья и Ренессанса, когда университетская наука и теология соседствовали с алхимией, оккультизмом и магией. В аспекте влияния на массовое сознание этот «микс» приводит к эффекту вторичной дерационализации

(отменяющей, по сути, результаты просвещения) как своего рода симптому неосредневековья (У. Эко) [40]. Негативные последствия усиления нетрадиционных ценностей, навязчиво культивируемых НРД преимущественно в молодежной среде, могут проявляться в формировании сообществ, в основе деятельности которых лежат преступные умыслы, в идеологически обоснованном отказе от обязанностей перед семьей, обществом и государством. Поэтому влияние СМИ, литературы, кинематографа, интернет-пространства на формирование различных направлений и идеологии нью-эйджа требует как научного изучения в рамках религиоведения, социологии, философии, политологии, культурологии и пр., так и внимания со стороны власти.

Библиографический список

1. *Абрамов Р.Н.* Мобильные коммуникационные технологии и повседневность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 4.
2. *Анциферова Т.Н.* Религия в условиях информатизации современной реальности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 5.
3. *Ардашев Р.Г.* Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3.
4. *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Трансформация интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло (локал) анклавизации // Социологические исследования. 2021. № 1.
5. *Верховский А.М.* Радикальные группы. М., 1999.
6. *Гусев А.А., Сметанина О.В.* Феномен компьютерной игры и религиозные практики // Вестник АГУ. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1.
7. *Данилов А.Н.* Религиозное многообразие и новые религиозные движения в современном социуме // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
8. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. Нижний Новгород, 2014.
9. *Иванов А.В.* Цифровая религия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4.
10. *Кантеров И.Я.* Классификация религий и типология религиозных организаций — актуальная проблема теоретического и практического религиоведения // Классификация религий и типология религиозных организаций. М., 2008.
11. *Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций* / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2012.
12. *Кроули А.* Магия в теории и на практике: в 2-х кн. Кн. 2. М., 1998.
13. Кубанская мистрополия Пастафарианской церкви // URL: https://vk.com/kuban_spaghetti_monster?ysclid=m5jiqdbctm278622582.
14. Культурно-оздоровительный центр «Эра Водолея» Краснодара // URL: https://samopoznanie.ru/krasnodar/organizers/centr_razvitiya_era_vodoleya.
15. *Мартиневич В.А.* Восприятие новых религиозных движений религиозными организациями Республики Беларусь // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1.
16. Международное общественное движение «АллатРа» // URL: <http://allatra.org>.
17. *Мельников П.И. (Андрей Печерский).* Тайные секты // Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. М., 1976.
18. *Митрохин Л.Н.* Религии «Нового века». М., 1985.
19. *Михельсон О.К.* Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like phenomena в современном религиоведении // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 1.

20. Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель) / Под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. М., 2025.
21. Носачев П.Г. «И мир опять предстанет странным...»: Религиоведческий анализ киноэстетики Дэвида Линча // Религиоведение. 2017. № 3.
22. Носачев П.Г. Игровая оккультура: западный эзотеризм и приключенческие компьютерные игры // Религиоведение. 2018. № 2.
23. Носачев П.Г. Симпатия к черной фантастике: исследование принципов конструирования эзотерического мифа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41.
24. Носачев П.Г. Составляющие современного оккультурного нарратива // Религиоведение. 2021. № 2.
25. Носачев П.Г. Блеск и нищета социологии оккультного: Теория оккультуры К. Парtridge // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2017. № 70.
26. О вере и суевериях, или таинственное и загадочное рядом. 2022 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadam>.
27. ПроГРАМма Спасения Земли «ЮСМАЛОС» // URL: <https://usmalos.com>.
28. Пызигов Д.Д. Культурно-исторический контекст мифотворчества Г.Ф. Лавкрафта // Религиоведение. 2019. № 1.
29. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
30. Розин В.М. Мистические и эзотерические учения и практики в средствах массовой информации // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
31. Свиридова Н.В. Религия онлайн // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-onlayn?ysclid=mas88fbavp129915582>.
32. Троцук И.В., Цимбал М.В. Современные магические практики: исторические основания типологизации (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
33. Троцук И.В., Цимбал М.В. Современные магические практики: эмпирический «кейс» (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4.
34. Тюхтяев А. Традиционализм без традиции: к проблеме измерения нью-эйдж духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40.
35. Фаликов Б. Вера в городского // URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/08/26_a_5605837.shtml.
36. Хагуров Т.А. Социология риска и безопасности: предметные контуры актуального научного направления // Социология риска и безопасности: актуальные угрозы и поиск ответов. Краснодар, 2024.
37. Хвастунова Ю.В. Основы цифрового общества будущего (на примере анализа постулатов Церкви Тьюринга) // Социология. 2021. № 5.
38. Хорина В.В., Михельсон О.К. «Да разверзнет Господь!»: вымышленная религия в антиутопии М. Этвуд «Рассказ служанки» и постсекулярная религиозность // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12.
39. Церковь Саентологии // URL: <https://www.scientology.ru>.
40. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.
41. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтнического региона. Опыт эмпирического исследования / Под науч. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2015.
42. Элбакян Е.С. «Нью эйдж» // Религии России: Словарь-справочник. М., 2014.
43. Элбакян Е.С. Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. 2018. № 1.
44. LaVey A. The Satanic Rituals: Companion to The Satanic Bible. N.Y., 1976.
45. Tiryakian E.A. Toward the sociology of esoteric culture // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 78. No. 3.

New Age, new religious movements and the youth: Effects of derationalization of everyday consciousness in the post-secular society*

T.A. Khagurov, M.G. Rudakov

Kuban State University,
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
(e-mail: khagurov@mail.ru; mrengineerr@yandex.ru)

Abstract. The article considers history, prerequisites and consequences of the spread of New Age ideas and practices in contemporary society as a new form of spirituality that contributes to the emergence and spread of new religious movements (NRMs). The authors note that in the post-secular society, religious consciousness, (para) religious ideas and practices have become significant factors in social processes. While traditional religions lose their significance, there is an increasing influence on everyday consciousness of various esoteric and occult ideas and practices due to the impact of New Age spirituality on contemporary culture. The origins of such processes can be traced back to the second half of the 19th century — fashion for occultism and esotericism among the European and American intelligentsia and emergence of international religious movements of a new type (Baha'is in Iran, Mormons and Jehovah's Witnesses in the USA, etc.). These forms of spirituality received a new impetus in the second half of the 1960s–1970s under the countercultural revolution which gave rise to mass fascination with “alternative spirituality” among students. In Western sociology, these processes were called “occult revival”. The authors consider features of non-traditional spirituality in Russia — from the emergence of such fashion among the intelligentsia in the 1970s to the mass wave of esotericism that swept over the Russian society in the 1990s. When speaking about the current situation, the authors emphasize the role of the Internet in the spread and formation of new religious movements, communities and ideologies and note the network nature and the lack of clear institutional boundaries in (para) religious communities. The article presents grounds for classifying NRMs and explains their influence on various spheres of culture and mass consciousness, which is the growing de-rationalization of everyday consciousness as eclectically combining elements of scientific, religious and occult pictures of the world.

Key words: New Age; new religious movements; youth; counterculture; esotericism and occultism; post-secular society; derationalization of public consciousness

For citation: Khagurov T.A., Rudakov M.G. New Age, new religious movements and the youth: Effects of derationalization of everyday consciousness in the post-secular society. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 303–321. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-303-321>

References

1. Abramov R.N. Mobilnye kommunikatsionnye tekhnologii i povsednevnost [Mobile communication technologies and everyday life]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2006; IX (4). (In Russ.).

*© T.A. Khagurov, M.G. Rudakov, 2025

The article was submitted on 04.12.2024. The article was accepted on 15.04.2025.

2. Antsiferova T.N. *Religiya v usloviyah informatizatsii sovremennoy realnosti* [Religion under informatization of contemporary reality]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2018; 5. (In Russ.).
3. Ardashev R.G. *Sueveriya v zhizni sovremennykh studentov: irratsionalnye strategii soznaniya* [Superstitions in the live of today's students: Irrational strategies of consciousness]. *Sotsiologiya*. 2020; 3. (In Russ.).
4. Artamonova Yu.D., Volodenkov S.V. *Transformatsiya interneta kak prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikatsiy: ot globalizatsii k glo (lokal) anklavizatsii* [Transformation of the Internet as a space of social-political communication: From globalization to glo (local) enclavization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 1. (In Russ.).
5. Verkhovsky A.M. *Radikalnye gruppy* [Radical Groups]. Moscow; 1999. (In Russ.).
6. Gusev A.A., Smetanina O.V. *Fenomen kompyuternoy igry i religioznykh praktiki* [The phenomenon of computer games and religious practices]. *Vestnik AGU. Seriya: Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kulturologiya*. 2018; 1. (In Russ.).
7. Danilov A.N. *Religioznoe mnogoobrazie i novye religioznye dvizheniya v sovremennom sotsiume* [Religious diversity and new religious movements in the contemporary society]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
8. Dvorkin A.L. *Sektovedenie. Totalitarnye sekty: opyt sistematicheskogo issledovaniya* [Sectology. Totalitarian Sects: A Systematic Study]. Nizhny Novgorod; 2014. (In Russ.).
9. Ivanov A.V. *Tsifrovaya religiya* [Digital religion]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2018; 18 (4). (In Russ.).
10. Kanterov I.Ya. *Klassifikatsiya religiy i tipologiya religioznykh organizatsiy — aktualnaya problema teoreticheskogo i prakticheskogo religiovedeniya* [Classification of religions and typology of religious organizations is a topical issue in theoretical and practical religious studies]. *Klassifikatsiya religiy i tipologiya religioznykh organizatsiy*. Moscow; 2008. (In Russ.).
11. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy* [Cyberreligion: Science as a Factor of Religious Transformations]. Pod red. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk; 2012. (In Russ.).
12. Crowley A. *Magiya v teorii i na praktike* [Magick in Theory and Practice]: v 2-h kn. Kn. 2. Moscow; 1998. (In Russ.).
13. *Kubanskaya mistropoliya Pastafarianskoy tserkvi* [Kuban Mistropolitanate of the Pastafarian Church]. URL: https://vk.com/kuban_spaghetti_monster?ysclid=m5jiqdbctm278622582. (In Russ.).
14. *Kulturno-ozdorovitelny tsentr “Era Vodoleya” Krasnodara* [Cultural-Wellness Center “Era of Aquarius” in Krasnodar]. URL: https://samopoznanie.ru/krasnodar/organizatsiy/centr_razvitiya_era_vodoleya. (In Russ.).
15. Martinovich V.A. *Vospriyatie novykh religioznykh dvizheniy religioznymi organizatsiyami Respubliki Belarus* [Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (1). (In Russ.).
16. *Mezhdunarodnoe obshchestvennoe dvizhenie “AllatRa”* [International Public Movement “AllatRa”]. URL: <http://allatra.org>.
17. Melnikov P.I. (Andrey Pechersky). *Taynye sekty* [Secret sects]. *Sobr. soch. v 8 tt.* T. 8. Moscow; 1976. (In Russ.).
18. Mitrokhin L.N. *Religii “Novogo veka”* [“New Age” Religions]. Moscow; 1985. (In Russ.).
19. Mikhelson O.K. *Sakralizatsiya populyarnogo. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu religion-like phenomena v sovremennom religiovedenii* [Sacralization of the popular. Methodological approaches to the study of religious-like phenomena in contemporary religious studies]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2018; 34 (1). (In Russ.).
20. *Molodezhnashego goroda: subkultury, dvizheniya, ideologii i praktiki (sotsiologicheskyy putevoditel)* [Youth of Our City: Subcultures, Movements, Ideologies and Practices (Sociological Guide)]. Pod nauch. i obshch. red. T.A. Khagurova. Moscow; 2025. (In Russ.).

21. Nosachev P.G. “I mir opyat predstanet strannym...”: Religiovedchesky analiz kinoestetiki Davida Lyncha [“And the world will appear strange again...”: A religious studies analysis of David Lynch’s cinematic aesthetics]. *Religiovedenie*. 2017; 3. (In Russ.).
22. Nosachev P.G. Igrovaya okkultura: zapadny ezoterizmi priklyuchencheskie kompyuternye igry [Occult gaming: Western esotericism and adventure computer games]. *Religiovedenie*. 2018; 2. (In Russ.).
23. Nosachev P.G. Simpatiya k chernoy fantastike: issledovanie printsipov konstruirovaniya ezotericheskogo mifa [Sympathy for the black fantasy: A study of the construction principles of the esoteric myth]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2023; 41. (In Russ.).
24. Nosachev P.G. Sostavlyayushchie sovremennogo okkulturnogo narrativa [Components of the contemporary occult narrative]. *Religiovedenie*. 2021; 2. (In Russ.).
25. Nosachev P.G. Blesk i nishcheta sotsiologii okkulturnogo: Teoriya okkultury Ch. Partridge [Splendor and misery of sociology of the occult: Ch. Partridge’s concept of occulture]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya*. 2017; 70. (In Russ.).
26. O vere i sueveriyah, ili tainstvennoe i zagadochnoe ryadom [On faiths and beliefs, or mysterious nearby]. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueveriyakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadam>. (In Russ.).
27. ProgRAMma Spaseniya Zemli “YUSMALOS” [Earth Rescue Program “YUSMALOS”]. URL: <https://usmalos.com>.
28. Pyzikov D.D. Kulturno-istorichesky kontekst mifotvorchestva H.P. Lovecrafta [The cultural-historical context of H.P. Lovecraft’s mythology]. *Religiovedenie*. 2019; 1. (In Russ.).
29. Rheingold H. *Umnaya tolpa: novaya sotsialnaya revolyutsiya* [Smart Mobs: The Next Social Revolution]. Moscow; 2006. (In Russ.).
30. Rozin V.M. Misticheskie i ezotericheskie ucheniya i praktiki v sredstvakh massovoy informatsii [Mystical and esoteric teachings and practices in the mass media]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 1997; 3. (In Russ.).
31. Sviridova N.V. Religiya onlayn [Religion online]. *Filosofskie Problemy Informatsionnyh Tekhnologiy i Kiberprostranstva*. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-onlayn?ysclid=mas88fbavpl29915582>. (In Russ.).
32. Trotsuk I.V., Tsimbal M.V. Sovremennye magicheskie praktiki: istoricheskie osnovaniya tipologizatsii (chast 1) [Contemporary magical practices: Historical bases for typology]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
33. Trotsuk I.V., Tsimbal M.V. Sovremennye magicheskie praktiki: empirichesky “keys” (chast 2) [Contemporary magical practices: An empirical “case” (part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (4). (In Russ.).
34. Tyukhtyaev A. Traditsionalizm bez traditsii: k probleme izmereniya nyu-eydzh dukhovnosti [Traditionalism without tradition: On the measurement of New Age spirituality]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*. 2022; 40. (In Russ.).
35. Falikov B. Vera v gorodovogo [Faith in the policeman]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/08/26_a_5605837.shtml. (In Russ.).
36. Khagurov T.A. Sotsiologiya riska i bezopasnosti: predmetnye kontury aktualnogo nauchnogo napravleniya [Sociology of risk and safety: Subject field of the relevant scientific direction]. *Sotsiologiya riska i bezopasnosti: aktualnye ugrozy i poisk otvetov*. Krasnodar; 2024. (In Russ.).
37. Khvastunova Yu.V. Osnovy tsifrovogo obshchestva budushchego (na primere analiza postulatov Tserkvi Tyuringa) [Fundamentals of the future digital society (based on the analysis of the Turing Church postulates)]. *Sotsiologiya*. 2021; 5. (In Russ.).
38. Khorina V.V., Mikhelson O.K. “Da razverznet Gospod!”: Vymyshlennaya religiya v antiutopii M. Atwood “Rasskaz sluzhanki” i postsekulyarnaya religioznost [“Let the Lord open the gates!”: Fictional religion in M. Atwood’s dystopia *The Handmaid’s Tale* and post-secular religiosity]. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kultura*. 2022; 12. (In Russ.).

39. Tserkov Saentologii [Church of Scientology]. URL: <https://www.scientology.ru>. (In Russ.).
40. Eco U. Srednie veka uzhe nachalis [The Middle Ages have already begun]. *Inostrannaya Literatura*. 1994; 4. (In Russ.).
41. *Ekstremizm i etnosotsialnye konflikty v molodezhnoy srede polietnichnogo regiona. Opyt empiricheskogo issledovaniya* [Extremism and Ethnic-Social Conflicts among the Youth in a Multiethnic Region. An Empirical Study]. Pod nauch. red. T.A. Khagurova. Krasnodar; 2015. (In Russ.).
42. Elbakyan E.S. “Niyu eydzh” [“New Age”]. *Religii Rossii: Slovar-spravochnik*. Moscow; 2014. (In Russ.).
43. Elbakyan E.S. Novye religioznye dvizheniya epokhi postmoderna: dinamika organizatsiy niyu eydzh (na primere organizatsii “Radasteya”) [New religious movements of the postmodern era: Dynamics of new age organizations (on the example of Radasteya)]. *Religiovedenie*. 2018; 1. (In Russ.).
44. LaVey A. *The Satanic Rituals: Companion to The Satanic Bible*. New York; 1976.
45. Tiryakian E.A. Toward the sociology of esoteric culture. *American Journal of Sociology*. 1972; 78 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-322-343

EDN: ARXGYX

Особенности образовательных траекторий и профессиональных планов студентов, поступивших в вуз по результатам олимпиад школьников*

И.А. Алешковский¹, А.Т. Гаспаршвили^{1, 2, 3}, О.В. Крухмалева^{1, 2},
Н.П. Нарбут², Н.Е. Савина¹

¹МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 46, Москва, 119991, Россия

²Российский университет дружбы народов,

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия,

³Институт социологии ФНИСЦ РАН

ул. Кржижановского, 24/35, к.5, 117218, Москва, Россия,

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Аннотация. В современном мире усиливается борьба за таланты, особенно за молодые. Осложняет эту борьбу демографическая ситуация в большинстве развитых стран, нарастающая конкуренция на рынке труда за «качественные» ресурсы, цифровизация и повсеместное проникновение технологий искусственного интеллекта. Вместе с тем преференции в отношении одной группы учащихся неизбежно порождают дискуссии об образовательном неравенстве, соблюдении баланса социальной справедливости и прав на образование. Однако студенты, относящиеся к группе талантливой молодежи, нуждаются в более пристальном внимании со стороны общества, в поддержке и сопровождении со стороны вуза. В статье рассмотрены достижения, успеваемость, мотивация, образовательные и профессиональные планы студентов российских вузов, которые поступили как победители и призеры олимпиад школьников. Данную группу справедливо относят к категории талантливой молодежи. Эмпирическая база статьи — данные опроса студентов, проведенного в 2024 году (N=64573); в массиве была выделена группа поступивших без вступительных испытаний (по результатам олимпиад) (N=915). Как показали результаты опроса, студенты, поступившие в вуз по результатам олимпиад школьников, имеют более высокие образовательные запросы, критичнее оценивают качество получаемого образования и активнее вовлечены в академическую, научную и исследовательскую работу в период обучения. Профессиональные планы этой группы связаны, прежде всего, с научно-исследовательской и образовательной деятельностью. Выявленная неоднородность студенческого контингента требует разработки программ и подходов, позволяющих успешно реализовывать разные образовательные запросы, давать качественное образование, формировать необходимые профессиональные и личностные компетенции буду-

*© Алешковский И.В., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е., 2025
Статья поступила в редакцию 15.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

щего специалиста в интересах общества. Работа по сопровождению и поддержке талантливой молодежи нуждается в совершенствовании и должна ориентироваться на индивидуальный подход, целенаправленное вовлечение в научно-исследовательскую работу и максимальное использование личного потенциала студента в образовательной деятельности и профессиональной реализации.

Ключевые слова: российские студенты; олимпиада школьников; талант; одаренность; высшее образование; успеваемость; мотивация; образовательные достижения; компетенции; массовый опрос

Для цитирования: Алешковский И.В., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Особенности образовательных траекторий и профессиональных планов студентов, поступивших в вуз по результатам олимпиад школьников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 322–343. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-322-343>

Одной из характерных особенностей современного общества является перенос фокуса внимания на личность, индивидуальность, что является значимым отличием информационного общества от индустриального с его ориентацией на массовость и унификацию. Признание важности личных качеств, способностей и талантов для общества стало направляющим вектором не только для развития образования и педагогики, но и для социальной политики государств, что позволяет говорить об устойчивой глобальной тенденции — усиливающейся конкуренции за таланты на уровне как отдельных вузов, так регионов и стран. Одной из первых обратила внимание на важность выявления и развития талантов для бизнеса американская компания McKinsey, аналитики которой, опираясь на данные исследования «Война за таланты», отметили, что в этой войне «есть три основные движущие силы: необратимый переход от индустриального века к информационному, активизация спроса на управленческие таланты высокого класса и растущая склонность людей менять место работы» [11. С. 31]. Данный тезис, как показало время, подтвердился и вполне справедлив не только для деятельности компаний, но и для образования, науки и экономики в целом.

Перенос фокуса внимания с массовой подготовки и доступности образования для всех на личность неслучаен. Демографическая ситуация в большинстве развитых стран характеризуется устойчивой тенденцией сокращения рождаемости, старения населения и уменьшения доли молодежи в кадровом резерве. Кроме того, стремительное развитие технологий, в том числе цифровых, требует подготовки высококвалифицированных кадров, способных решать задачи стратегического развития. Все это заставляет национальные рынки труда усиливать борьбу за наиболее перспективных, квалифицированных, креативных специалистов, прежде всего молодых. Данные тенденции в полной мере характерны и для России — проблема кадрового обеспечения напрямую связана с национальным суверенитетом и академическим стратегическим лидерством в сложной геополитической ситуации.

На мировом уровне акцентирование внимания на одаренных учениках пришлось на начало 1990-х годов и было зафиксировано в Рекомендациях Совета Европы в отношении обучения одаренных детей (1994) и в «Саламанкской декларации» международной конференции ЮНЕСКО по особым образовательным потребностям, их доступности и качеству (1). Однако системной работы в данном направлении почти не ведется — существуют лишь локальные программы работы с одаренными детьми и молодежью в разных странах, учитывающие специфику организации образования, финансирования и переходов между уровнями обучения.

В России создана одна из наиболее последовательных и многоуровневых систем по выявлению, сопровождению и развитию талантливых детей и молодежи. Повышение конкурентоспособности российского образования, его модернизация и поиск новых форм и моделей работы с талантливой молодежью стали приоритетными направлениями развития отечественной высшей школы. Как подчеркивает Президент России В.В. Путин, «в мире идет напряженная борьба за интеллектуальный ресурс, и для нас очень важно не потерять ни одного талантливого ребенка. Работа по выявлению талантов и их сопровождению, особенно в части получения образования и профессиональных навыков, должна быть приоритетной» (2). Эта задача была сформулирована в Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (3). На ее реализацию были направлены федеральный проект «Успех каждого ребенка», мероприятия национального проекта «Образование» и Правительства (4). В 2025 году на смену нацпроекту «Образование» пришел проект «Молодежь и дети» (5), призванный обеспечить принципы справедливости, ответственности и равенства возможностей для всех. Для этого предусмотрены программы переподготовки для педагогов и преподавателей, создание современной инфраструктуры, развитие и совершенствование олимпиадного движения, система грантов и привлечение бизнеса для поддержки и сопровождения талантов, молодежных стартапов, креативных проектов и инновационных разработок. Кроме того, на уровне регионов и в программах развития отдельных вузов предусмотрены разные инструменты по работе с талантами. В 2014 году по инициативе Президента были учреждены фонд «Таланты и успех» и образовательный центр «Сириус» (6) для работы с одаренными детьми и развития талантов в науке, искусстве и спорте. Школьное олимпиадное движение и развитая система профильных олимпиад также способствуют раннему выявлению одаренных детей и их вовлечению в научную, интеллектуальную деятельность. Разработанная в России система поддержки талантов фактически не имеет аналогов в мире.

Проблематика выявления и сопровождения одаренных детей и молодежи носит междисциплинарный характер и как отдельное направление стала обсуждаться относительно недавно [8; 28]. В научной литературе одаренность

тракуется как «набор качественных способностей, которые представляют высокую степень творческого потенциала человека или группы людей; характеризуется, с одной стороны, уровнем умственного развития и психологическими особенностями личности, а, с другой стороны, определяется ее способностями к овладению различными областями знаний» [7]. Исследователи выделяют одаренность интеллектуальную и творческую (креативную) [3]. Подчеркивается, что «одаренность — это не только психологический, интеллектуальный, но и социальный конструкт» [23], на который влияют множество социокультурных факторов. Талант же рассматривается как врожденная способность к определенному виду деятельности, совокупность «присущих человеку дарований, умений, знаний, опыта, интеллекта, рассудительности, характера и энергии, а также способность к обучению и росту» [11. С. 16]. В педагогическом и психологическом контексте талантливые учащиеся выделяются в группу с высокими образовательными потребностями и характеризуются как «способные значительно превзойти свою социальную и образовательную группу в одной или нескольких из следующих областей человеческой деятельности: научно-технологической, гуманистически-социальной, художественной и/или двигательных навыках» [30].

В поле работы с одаренными и талантливыми учащимися можно выделить несколько направлений: первое — организация работы по выявлению, сопровождению и развитию талантов; второе — оценка влияния работы с талантами на доступность образования, образовательное неравенство и потенциальные ограничения для других групп (в доступе к качественному образованию и разным уровням образования) [20; 29]. Второе направление находится в поле зрения специалистов — педагогов [16; 19; 25], психологов [21; 24], социологов [10; 17; 19; 35], вызывает особый интерес общества и активно обсуждается в СМИ (7, 8), стимулирует законодательные инициативы и предложения по сглаживанию или предотвращению возможных негативных последствий проявления образовательного неравенства в российском обществе [17]. Третье направление — работа с одаренными учащимися с точки зрения формирования их мотивации, образовательных запросов, применяемых технологий и инструментов обучения, а также изучение особенностей обучения и образовательных траекторий одаренных школьников и студентов [2; 5; 8; 26; 30; 32; 33]. Третье направление и составляет предметное поле данной статьи.

Сравнительному анализу подходов к работе с талантливыми учащимися как с особой группой учеников уделено достаточное внимание в разных странах [23; 25; 26; 30; 33]. Так, признавая важность и необходимость выработки механизмов поддержки и сопровождения этой категории учеников, каждое государство идет своим путем и реализует специфические направления такой работы. Например, страны Латинской Америки [27; 30; 33] принимают всесторонние меры по выстраиванию системной работы по выявлению, развитию

и сопровождению детей и молодежи с высокими образовательными потребностями. По мнению исследователей, чтобы студенты с исключительными способностями могли достичь выдающихся результатов и развить свой академический талант, необходимы индивидуальные условия, благоприятные социальные факторы и среда, которая отвечает их потребностям, действует как фактор развития скрытого потенциала [27]. Интересен опыт Турции, где работа с талантливыми учащимися строится с учетом влияния самых разных факторов [23]. Важное значение в работе с талантами имеют национальные, религиозные особенности и культурные ценности и традиции [28].

Проблема образовательного неравенства в связи с выделением группы талантливых учащихся как привилегированной и соответствующие потенциальные риски для общества широко обсуждаются [4; 6; 21; 31; 35], в том числе в России, где образовательные траектории учеников с повышенными интеллектуальными способностями зачастую связаны с предпочтениями в доступе к следующему уровню образования, региональной дифференциацией, элитными университетами [12] и доступностью образования [30; 35].

В контексте организации работы с талантливой молодежью наиболее обсуждаемы вопросы формирования и поддержания мотивации этой группы учащихся на разных уровнях образования: выявление и сопровождение талантов требует комплексного подхода для понимания и развития потенциальных возможностей каждого индивида [5; 6; 23]. Изучаются факторы, влияющие на высокие достижения или, наоборот, способствующие снижению интереса к интеллектуальной деятельности и саморазвитию [9; 18; 22; 24]. Среди наиболее значимых положительных факторов выделяют индивидуальную работу, поддержку и развитие профессионального интереса, результативность и личные достижения в процессе обучения, возможность решения нестандартных задач и межличностную коммуникацию — вхождение в научные группы и сообщества, общение со старшими коллегами и взаимодействие с наставниками [2; 9; 18; 22]. Отрицательно на развитие талантливых учащихся в процессе обучения влияет потеря интереса к избранному направлению, недостаточная обновляемость и актуальность учебных курсов, ощущение незаинтересованности со стороны вуза, отсутствие практических задач, слабая коммуникация или ее отсутствие с научным сообществом, отсутствие системы поощрения (материального и морального) [18]. Важное направление исследований — дальнейшие образовательные и профессиональные траектории талантливых учащихся — пока находится на стадии накопления эмпирического материала.

В контексте высшего образования к категории талантливых и одаренных студентов могут быть отнесены те учащиеся, которые, помимо природных способностей, высокого умственного и интеллектуального развития, творческого потенциала, имеют высокий уровень мотивации, познавательную ак-

тивность и креативность. Для российской высшей школы категория наиболее талантливых обучающихся может быть связана, в первую очередь, с так называемыми «олимпиадниками» и «высокобалльниками». Эти группы формируются на входе в вуз: «олимпиадники» — это победители и призеры олимпиад школьников (Всероссийской олимпиады школьников и перечневых олимпиад Российского совета олимпиад школьников), «высокобалльники» — выпускники, которые сдали ЕГЭ на сто баллов и/или имеют результат ЕГЭ 80+, а также «золотые» медалисты. С другой стороны, в процессе обучения среди студентов выделяются наиболее мотивированные, вовлеченные в процесс обучения, показывающие высокие образовательные и личностные результаты, занимающиеся научно-исследовательской работой, демонстрирующие креативные, нестандартные подходы к решению образовательных задач. Вузы максимально заинтересованы в сохранении высокого образовательного потенциала учащихся, зафиксированного на входе в высшую школу, и его приумножении.

Ниже рассмотрены особенности образовательных траекторий и профессиональных планов «олимпиадников», обучающихся в российских вузах, на основе данных всероссийского социологического исследования, проведенного Центром стратегии развития образования МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедрой социологии РУДН имени Патриса Лумумбы в 2024 году. Сбор данных осуществлялся при поддержке Российского союза ректоров на поточной выборке (N=64573 студентов очных отделений). Были использованы статистические корректировки по четырем критериям: федеральный округ, в котором расположен вуз; уровень обучения; курс; пол. Сбор данных проводился на платформе Яндекс-формы с помощью стандартизированного бланка анкеты. Обработка первичных данных проводилась в IBM SPSS Statistics 25. Дополнительно из общего массива была выделена категория тех, кто поступил в вуз без вступительных испытаний — как победитель или призер профильной олимпиады школьников (n=915) — «олимпиадники»: только те студенты, которые на соответствующий вопрос-фильтр ответили, что поступили в вуз без вступительных испытаний (БВИ), но не те, кто не получил статус призера или победителя олимпиады (даже с высокими результатами на разных этапах соревнований). Узкая группа «олимпиадников» представляется наиболее показательной с точки зрения мотивации и целенаправленности построения образовательной траектории, а также подтвержденности достижения высокого результата (поступление по БВИ). Группа студентов-высокобалльников (n=25097) составляет отдельный блок анализа в силу своей неоднородности (и стобалльники, и те, кто имел 80+ баллов за три, два и один экзамен). Анализ данных аналогичных исследований (2021–2023) показывает, что две названные группы — олимпиадников и высокобалльников — по целому ряду критериев имеют различные распределения и объединять их в одну группу методологически

неверно [1]. Аналогичные наблюдения сделаны и аналитиками МИФИ (7), которые на протяжении десяти лет отслеживали образовательные траектории своих студентов.

Доля тех студентов, кто поступил в вуз по результатам олимпиад школьников, в общем массиве составила 1,4 %, однако их распределение по регионам неоднородно — это, в первую очередь, Москва, Санкт-Петербург и Татарстан. Поскольку в исследовании были пропорционально представлены все федеральные округа, можно утверждать, наши данные соответствуют наблюдениям специалистов из ВШЭ, которые представлены в ежегодных мониторингах качества приема в вузы (11). В ходе обработки результатов исследования для выявления особенностей образовательных траекторий и учебной мотивации студентов-олимпиадников их ответы сопоставлялись с основным массивом (без группы студентов-олимпиадников, поступивших по БВИ) (N=63658).

В качестве основных направлений анализа рассматривались следующие гипотезы: во-первых, студенты, поступившие в вуз по результатам олимпиад школьников, в процессе обучения более успешны, имеют повышенные образовательные запросы и ориентируются на продолжение образования, научно-исследовательскую карьеру и работу по получаемой специальности; во-вторых, студенты-олимпиадники нуждаются в специальных условиях и образовательных технологиях для максимального раскрытия их способностей и талантов.

Результаты исследования позволяют утверждать, что уже на входе в вуз формируется неоднородный студенческий контингент — различия фиксируются не только в уровне подготовки и знаний по предметам, но и на уровне мотивации, образовательных потребностей и опыта участия в разных видах образовательной и научно-исследовательской деятельности. Студенты из группы олимпиадников имеют более высокие показатели по целому ряду характеристик, например, дополнительные баллы при поступлении — 67 % (без учета диплома призера или победителя олимпиады) против 44 % по массиву (рисунок 1). Наши данные убедительно опровергают тезис, что олимпиадники в школе сосредоточены только на профильных дисциплинах (9): половина опрошенных в этой группе имеют аттестат с отличием и являются золотыми медалистами. Наличие такого аттестата отражает интегральную оценку успеваемости за два последних года обучения в школе по всем предметам и сдачу обязательных экзаменов (русский язык и математика) на 70+ баллов. По общему массиву доля золотых медалистов значительно ниже (39 %). Различия фиксируются и в индивидуальных достижениях, например, итоговое сочинение в качестве заявки на дополнительные баллы отметили более половины олимпиадников и только четверть респондентов по общему массиву.

Рис. 1. Сравнительные позиции на входе в вуз по группе студентов-олимпиадников и общему массиву (в %)

Следует отметить, что студенты-олимпиадники в старшей школе учились преимущественно в профильных классах (73 %), т.е. участвовали в конкурсном отборе при поступлении на выбранный профиль, целенаправленно готовились и совершенствовали свои знания, ориентируясь на конкретную сферу. Обучение в профильном классе дает возможность проходить углубленную подготовку по выбранному направлению, что важно при формировании дальнейшей образовательной траектории. Почти половина опрошенных студентов-олимпиадников отметили, что при подготовке в вуз занимались самостоятельно (49 %) и учились на курсах при вузах (10 %). В этой группе меньше тех, кто пользовался услугами репетиторов, и больше тех, кто использовал другие формы подготовки — нацеленные на победы в предметных олимпиадах (онлайн стримы, решение олимпиадных задач на профильных сайтах и т.д.). Полученные ответы подтверждают предположение, что представители этой группы, готовясь к олимпиадным заданиям, как правило, осваивают более сложный уровень материала, чем задачи ЕГЭ. Кроме того, получение максимально высоких баллов за экзамен для них не выступает

основной задачей. Подготовка к олимпиадам и постоянный интеллектуальный тренинг по профильному предмету дают им уверенность в преодолении 75-балльной отметки, что достаточно для подтверждения результата олимпиады. Это наблюдение опровергает утверждение, что участие в олимпиадах порождает неравенство и доступно не всем школьникам, поскольку нередко участие в олимпиадах напрямую связывается с возможностью оплачивать услуги репетиторов. Как показывают данные предыдущих опросов (2021–2023) ЦСРО МГУ по аналогичной методике, наиболее востребованы услуги репетиторов в группе высокобалльников, которые нацелены на максимально высокие баллы ЕГЭ [1].

Различия подходов двух наиболее сильных категорий абитуриентов к подготовке к поступлению в вуз показывают, что они имеют высокий уровень мотивации, но у высокобалльников основные усилия направлены на предметный учебный материал и отработку заданий ЕГЭ, а олимпиадники делают ставку на творческий потенциал, креативность и нестандартный подход к решению учебных задач (что и заложено в принципах построения олимпиадных заданий, особенно заключительного этапа) (7; 8) [7; 17]. При этом среди поступивших по результатам олимпиад 84 % имеют высокие баллы по ЕГЭ, каждый третий в этой группе сдал все экзамены на 80+ баллов (рисунок 2).

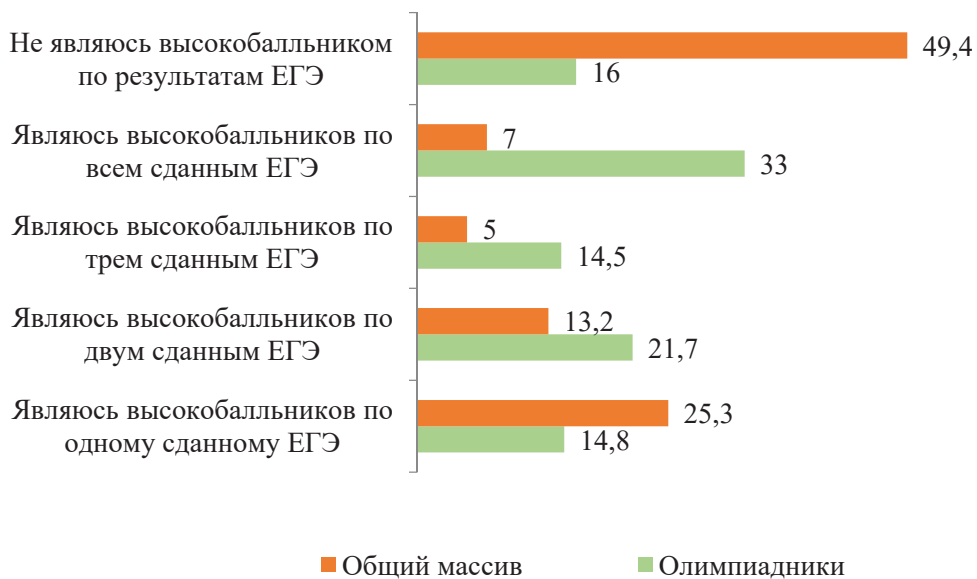

Рис. 2. Распределение высокобалльников по результатам ЕГЭ в группе студентов-олимпиадников и по общему массиву (в %)

Тремя основными критериями выбора вуза в группе олимпиадников оказались качество образования (23 %), престиж учебного заведения (19 %) и хорошие перспективы трудоустройства после окончания вуза

(16 %). Данные по общему массиву студентов несколько отличаются — качество образования указали 25 %, перспективы трудоустройства — 16 %, а на третьем месте оказалась легкость поступления в вуз (13 %), т.е. олимпиадники демонстрируют более осознанный и взвешенный подход, ориентированный на дальнейшее профессиональное развитие. Дополнительно можно отметить, что престижность вуза (место в международных и российских предметных рейтингах) на протяжении долгого времени была в числе наиболее значимых критериев, однако в последние годы теряет свои лидирующие позиции [1].

Сегодня выпускнику школы достаточно сложно ориентироваться в предлагаемых вузами направлениях подготовки и самостоятельно формировать представление о будущей профессиональной траектории [10; 16; 17]. В этой связи важно понимать, на чьи рекомендации ориентируются абитуриенты. В группе олимпиадников прислушивались к мнению родителей 31 % (по массиву — 34 %), к мнению учителей — 14 %, рекомендациям преподавателей олимпиадных кружков — 16 %, представителей вузов — 13 %, а также учитывали информацию о вузе в СМИ 20 %. Для студентов-неолимпиадников наиболее значимыми были спрос на выбранную специальность на рынке труда (19 %), мнения и личный опыт «значимых других» — взрослых знакомых, родственников (28 %).

Таким образом, анализ мотивов студентов на входе в вуз показывает, что в группе олимпиадников они более четко сформированы и ориентированы не только на текущее образование, но и на дальнейшую образовательную и профессиональную траектории. В процессе обучения студенты-олимпиадники также демонстрируют более высокие образовательные запросы [см. также: 32; 33; 34]: среди них значительно выше доля тех, кто выступает за внедрение и расширение индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ) (44 % против 25 % по общему массиву), особенно среди студентов первого курса. Олимпиадники отмечают важность вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность в период обучения (21 % и 11 % в общем массиве), практической ориентированности учебных курсов (40 % и 33 %) и изменения подходов к итоговой государственной аттестации (13 % и 10 %). В отличие от запроса на ИОТ, в данном случае наиболее активны студенты старших курсов (начиная с третьего). Показательно, что формирование в процессе обучения гибких навыков важным считают также представители группы олимпиадников (23 % против 11 %).

В этой связи вполне логичным стал более высокий уровень неудовлетворенности обучением в группе олимпиадников: 23 % указали, что получаемое образование в той или иной мере не соответствует их ожиданиям (в общем массиве — 17 %). Наиболее тревожен факт роста уровня неудовлетворенности качеством образования к старшим курсам (среди студентов-олимпиадников

он также выше). Данное наблюдение требует предметного углубленного анализа его причин для выработки в системе образования эффективных мер их преодоления.

Повышенные требования олимпиадников к организации и качеству образования предполагают и их собственные усилия, и мотивацию на успешность, и достижения в процессе обучения (рисунок 3). Олимпиадники чаще других категорий респондентов имеют опубликованные научные работы и опыт подачи документов на грантовую поддержку (22 % грант получили). Кроме того, представители данной группы продолжают участвовать в интеллектуальных состязаниях (олимпиадах, универсиадах, конкурсах), добиваясь побед на российском и международном уровнях.

Рис. 3. Сравнительные данные по личным достижениям в процессе обучения по категориям респондентов (в %)

Важным показателем серьезного отношения к получаемому образованию и желания профессиональной самореализации является доля тех, кто в период обучения в вузе получил приглашение на работу по специальности: среди студентов-олимпиадников доля таких ответов выше, чем в среднем по массиву (11 % и 8 %). С учетом того, что в общем массиве 8 % — целевики,

т.е. фактически уже имеют будущее месте работы, полученные данные можно считать весьма показательными.

В группе олимпиадников значительно выше доля тех, кто вовлечен в разные формы научной работы: 46 % принимают участие в научных конференциях (34 % в целом по массиву), 35 % регулярно участвуют научных семинарах и дискуссиях (21 %), 30 % участвуют в конкурсах научных работ (20 %), 27 % — в студенческих научных обществах (17 %), 8 % — в работе советов молодых ученых (5 %). Показатель вовлеченности в НИР среди олимпиадников возрастает к старшим курсам, т.е. интерес к научной работе и понимание ее важности для будущей научной и профессиональной траектории сохраняется и развивается в данной группе на протяжении всего периода обучения.

Безусловно, один из важных маркеров успешности образовательной деятельности — успеваемость (рисунок 4), и у олимпиадников она выше: 28 % из них — отличники (16 %), т.е. настроены на высокие результаты, сформированный в школе, в группе олимпиадников сохраняется и в вузе. Успеваемость олимпиадников к старшим курсам растет и к завершению обучения доля «круглых отличников» среди них увеличивается более чем в два раза.

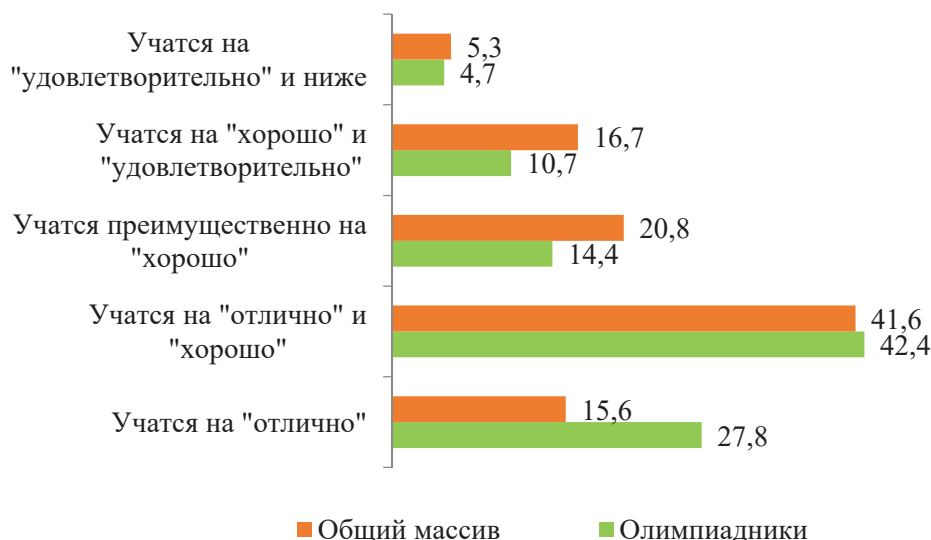

Рис. 4. Сравнительные данные об успеваемости по категориям респондентов (в %)

Что касается текущего уровня занятости (рисунок 5), то на момент опроса в целом среди студентов имели постоянную работу 36 %, а среди олимпиадников — 44 %, причем большинство из них указали, что работают по специальности (60 %). Вместе с тем около трети из работающих олимпиадников заняты на работе менее 10 часов в неделю, другая треть — более 21 часа в неделю. Среди работающих студентов олимпиадники выделяются

тем, что позже начинают трудовую деятельность: до поступления в вуз они в большинстве своем только учились, но на первом курсе начинают активно приобретать трудовой опыт. Сравнение ответов студентов показало, что не-олимпиадники имеют более высокую занятость по времени работы, раньше начинают трудовую деятельность и при выборе работы не ориентируются на получаемую специальность.

Рис. 5. Сравнительные данные о текущей занятости респондентов (в %). Планы по развитию своей профессиональной или образовательной траектории у олимпиадников и других студентов также отличаются (рисунок 6)

Рис. 6. Сравнительные данные о карьерных планах респондентов (в %)

Вполне закономерно, что на продолжение обучения ориентированы прежде всего олимпиадники — по общему массиву менее половины респондентов хотят учиться дальше. Различия фиксируются и в том, где студенты собираются продолжать обучение: среди олимпиадников выше доля тех, кто планирует уехать учиться за границу. Олимпиадники чаще ориентируются на коммерческий сектор и предпринимательство, а не на государственный сектор, чаще рассматривают в качестве перспективной сферы деятельности науку, прикладные исследования и высокотехнологичные разработки. Олимпиадники — это в некотором роде тот кадровый ресурс, которых будет обеспечивать воспроизводство в сфере образования: почти половина видит свою будущую карьеру в образовательной сфере.

Оценивая навыки, которые наиболее востребованы в настоящее время, студенты-олимпиадники выделили три наиболее значимых для себя: критическое мышление (61 %), аналитическое мышление (59 %) и коммуникабельность (54 %). Студенты в целом также считают эти навыки приоритетными, но наиболее важна для них коммуникабельность (61 %), а доля двух других навыков почти совпадает и составляет около 50 %. Олимпиадники тяготеют больше к навыкам интеллектуального характера, тогда как респонденты в целом — к так называемым «мягким навыкам» (коммуникабельность, умение работать в команде, адаптивность). То, что студенты-олимпиадники придают несколько большее значение таким когнитивным навыкам, как аналитическое и критическое мышление, может говорить о разнице в приоритетах двух групп учащихся. Вместе с тем, отвечая на вопрос, какие навыки необходимы конкретно им, олимпиадники утверждают, что им необходимо совершенствовать прежде всего «гибкие навыки» — главным образом коммуникабельность и способность работать в команде.

По видам стипендий распределение в группе олимпиадников показывает, что, помимо академической и социальной стипендий (9 %), они получают также стипендию для олимпиадников (15 %), стипендию Президента России (9 %), стипендию Правительства (3 %), разные именные (5 %) и губернаторские стипендии (2 %). Каждый десятый в этой группе указал другие виды стипендий (от коммерческих организаций, банков и фондов).

Таким образом, приход в вуз студентов с высокими образовательными запросами требует от системы образования пересмотра как традиционных форм работы с талантливой молодежью, так и поиска новых форматов взаимодействия с ней, вовлечения в НИР, развития и удержания ее в вузе [2; 5; 32]. Повышение удовлетворенности качеством образования, особенно в группе наиболее талантливых и мотивированных студентов, выступает значимым показателем успешности высшей школы и стимулирует развитие системы образования в целом [8; 18; 23]. Как правило, работа с одаренными и талантливыми студентами предполагает: ориентацию

образования на личность обучающегося, внедрение новых технологий обучения, разработку методического обеспечения для выявления и поддержки одаренных и талантливых студентов в рамках реализации образовательных программ; поддержку профессионального становления (10); развитие системы интеллектуальных и творческих состязаний, конференций, конкурсов профессионального мастерства; поддержку (онлайн) сообществ детей и молодежи в области науки, техники, культуры, искусства и спорта; развитие системы дополнительного образования [8; 32]. Важными инструментами сопровождения обучения талантов выступают информационные технологии, доступность лабораторной и приборной базы и в целом научно-исследовательская среда в вузе, наличие мер поощрения и вознаграждения за научные и образовательные достижения (не только материальных, но и имиджевых, мотивационных) [18; 19; 31]. Значимый фактор в работе по выявлению и сопровождению талантов — развитость форм дополнительного образования, предоставляемого вузами, а также на уровне региона и страны, которое позволяет развиваться и совершенствоваться не только в формальной образовательной среде, но и в неформальной (самообразование) [23].

Одна из наиболее важных и значимых форм работы с талантливой молодежью в период обучения в вузе — индивидуальные образовательные траектории [9; 18] в контексте общего современного запроса на системную индивидуализацию обучения на всех его уровнях. Однако пока индивидуальные образовательные траектории в российских вузах внедрены недостаточно: так, в нашем исследовании только каждый десятый респондент отметил, что в его вузе реализуются ИОТ, причем эта проблема остро стоит не только в России [23; 26; 35]. Чтобы студенты с исключительными способностями могли достичь выдающихся результатов и развить свой академический талант, им необходимы особые индивидуальные условия, благоприятные социальные факторы и среда, которая эффективно отвечает их конкретным потребностям [27]. Очевидно, что в образовательный процесс должно вводиться все больше элементов, стимулирующих поиск самостоятельных решений, нестандартный взгляд на проблемы, уход от наработанных и апробированных методов их решения, а учебная программа для талантливых студентов должна способствовать исследовательскому обучению, развивать критическое и творческое мышление, быть междисциплинарной и личностно-ориентированной [32].

«Портрет» талантливого, одаренного студента российского вуза показывает нам мотивированного и успешного молодого человека, завершившего обучение в школе с золотой или серебряной медалью, высокими

баллами ЕГЭ и опытом побед в предметных олимпиадах, подготовленного к научно-исследовательской работе и ориентирующегося на высокие стандарты обучения. Вовлеченность в образовательный процесс и высокий уровень мотивации отражаются в его достижениях и в стремлении построить профессиональную карьеру в научно-исследовательской и образовательной сфере или же в секторе перспективных разработок. Образовательные запросы и академические достижения студентов, поступивших в вуз по результатам олимпиад школьников, говорят о том, что существующие формы организации работы с талантливой молодежью недостаточны и нуждаются в существенном содержательном и методическом обновлении в целях обеспечения индивидуальных образовательных траекторий и персонализированного обучения. Инструменты искусственного интеллекта уже сегодня позволяют настраивать учебные задания и формы контроля знаний под каждого студента, но такие подходы пока используются редко. Кроме того, мониторинговые исследования и обратная связь от студентов относительно могут стать эффективным инструментом совершенствования образовательного процесса и качества образования в целом. Соответственно, меры по совершенствованию сопровождения талантливой молодежи предполагают включение в образовательный процесс курсов по методологии научной работы и организации НИР, методам прикладных и эмпирических исследований, форматам презентаций и использованию научных ресурсов. Большое значение имеет политика вуза в развитии и совершенствовании системы интеллектуальных, творческих состязаний, конкурсов, олимпиад. Особую роль играет научное наставничество — персональное взаимодействие профессорско-преподавательского состава и студентов, а также общая заинтересованность вуза в развитии и поддержке наиболее талантливых студентов в их образовательном и профессиональном росте.

Примечания

- (1) Саламанкская декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями (1994) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf.
- (2) Выступление Президента России В.В. Путина в ходе встречи с попечительским советом образовательного фонда «Талант и успех». 19.07.2016 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/3469164>.
- (3) Указ Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
- (4) Постановление Правительства Российской Федерации от 19.10.2023 № 1738 «Об утверждении Правил выявления детей и молодежи, проявивших выдающиеся способности, и сопровождения их дальнейшего развития» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310190047>.
- (5) Национальный проект «Молодежь и дети» // URL: <http://government.ru/rugovclassifier/914/about>.

- (6) Образовательный фонд «Талант и успех» был учрежден 24 декабря 2014 года. Образовательный центр «Сириус» в городе Сочи был создан Фондом на базе олимпийской инфраструктуры по инициативе Президента России В.В. Путина // URL: <https://sochisirius.ru/edu-info/main>.
- (7) Грошева М. Вузы проверили «предрассудок» об олимпиадниках и поступивших по ЕГЭ. 13.10.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/society/13/10/2024/670659709a7947c90f197c3b>.
- (8) Кубиляцкая М., Лукина О. Престижный шанс или изнурительный марафон. Что выигрывают и как проигрывают участники олимпиад. 18.10.2019 // URL: <https://www.pravmir.ru/prestizhnyj-shans-ili-iznuritelnyj-marafon-cto-vyigryvayut-i-kak-proigryvayut-uchastniki-olimpiad>.
- (9) Музаев А.А.: Отмена ЕГЭ для победителей олимпиад пагубно отразится на прозрачности экзамена. 19.05.2025 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/23978883>.
- (10) Рекомендации по работе с одаренными студентами // URL: https://ptoprof.narod.ru/doc/rekom_odap_tvorh.pdf.
- (11) Мониторинг качества приема в вузы 2022, 2023, 2024 год // URL: <https://ege.hse.ru>.

Библиографический список

1. Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Стартовые позиции абитуриентов вузов и особенности их дальнейшего обучения: социологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3.
2. Афанасиади О.В. Подготовка к реализации проекта менторского сопровождения в вузе с целью выявления и развития талантливой молодежи // Проблемы современной науки и образования. 2022. Т. 6.
3. Богоявленская Д.Б. Рабочая концепция одаренности // Вопросы образования. 2004. № 2.
4. Вередюк О.В., Черных Е.А. Олимпиадники поколения Z: поведенческие установки на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1.
5. Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24.
6. Гулов А.П. Индивидуальный образовательный трек участников всероссийской олимпиады школьников в высшей школе // Казанский педагогический журнал. 2023. № 2.
7. Гулямова М.Я., Махамматкулова И.Н., Рахимов Н.Н., Муродов М.Ш. Концептуальные основы одаренности у студентов высших учебных заведений // Scientific Progress. 2021. Т. 2. № 6.
8. Зарипова Е.И. Специфика работы с одаренными студентами: обзор практик российских вузов // Гуманитарные исследования. 2018. № 4.
9. Климова Т.А., Ким А.Т., Отт М.А. Индивидуальные образовательные траектории студентов как условие качественного университетского образования // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 1. № 27.
10. Лукина А.А. Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. 2023. № 2.
11. Майклс Э., Хэндфилд-Джонс Х., Аксельрод Б. Война за таланты. М., 2005.
12. Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю., Маслова Е.А. В чем разница между «самыми лучшими» и «достаточно престижными» университетами? Карьерные ожидания студентов ведущих и неселективных вузов // Вопросы образования. 2024. Т. 3. № 2.
13. Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т. и др. Вовлеченность студентов в научную работу в период обучения в вузе: социологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 2.

14. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
15. Слизовский Д.Е., Иванова М.Г., Мартыненко Е.В. Интеллектуальные конкурсы школьников: основные задачи и социальное значение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
16. Тоомсалу-Стефанова Л.М., Фокина Е.Н., Молчанова А.В., Бердыгина О.Н. Исследование качества поступления абитуриентов в вузы по результатам Единого государственного экзамена в России // Международный педагогический журнал. 2020. Т. 13. № 2.
17. Черненко С.Е., Романенко К.Р. Обречены на успех: продвигающая сила школы, роль семьи и неравенство на пути олимпиадников в университет // Вопросы образования. 2022. № 3.
18. Дуйсенова С.М., Омарова А.Т., Сарыбаева И.С. Образовательные стратегии студентов высших учебных заведений // Хабаршы. Психология және социология сериясы. 2019. Т. 67. № 4.
19. Bol T., Witschge J., van de Werfhorst H.G.V., Dronkers J. Curricular tracking and central examinations: Counterbalancing the impact of social background on student achievement in 36 countries // Social Forces. 2014. Vol. 92. No. 4.
20. Boudon R. Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society. N.Y., 1974.
21. Demulder L., Verschueren K., Donche V. Understanding transitions in exploration profiles of students opting for higher education // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14.
22. Gonzales K. Faculty practice as an educational strategy: Student, faculty, and administrator perspectives // Nurse Educator. 2023. Vol. 48. No. 4.
23. Güçyeter Ş. Serving gifted children in developmental and threshold countries — Turkey/ Uşak University // Cogent Education. 2017. Vol. 4. No. 1.
24. Haider Z.F., von Stumm S. Predicting educational and social-emotional outcomes in emerging adulthood from intelligence, personality, and socioeconomic status // Journal of Personality and Social Psychology. 2022. Vol. 123. No. 6.
25. Hsieh Tzu-Ling, Yu P. Exploring achievement motivation, student engagement, and learning outcomes for STEM college students in Taiwan through the lenses of gender differences and multiple pathways // Research in Science & Technological Education. 2022. Vol. 41. No. 3.
26. Ilshkina D., Bruin A., Podolskiy A., Volk D., van Merriënboera J. Understanding self-regulated learning through the lens of motivation: Motivational regulation strategies vary with students' motives // International Journal of Educational Research. 2022. Vol. 113. No. 20.
27. Irueste P., Saco A., Sarpakunnas P. Educational and learning resources for gifted and talented people: Perspective of professional women from Argentina // Cogent Education. 2024. Vol. 11. No. 1.
28. Ismail S.A.A., Alghawi M.A., Al Suwaidi K.A., Ziegler A. Gifted education in Arab countries: Analyses from a learning-resource perspective // Cogent Education. 2022. Vol. 9. No. 1.
29. Niedlich S., Kallfaß A., Pohle S., Bormann I. A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review // Review of Education. 2021. Vol. 9. No. 1.
30. Ortiz C.G.E., Valadez S.M. de los D., Betancourt M.J., Borges del Rosal Á., López A.G. Analysis of educational and learning capital for the attention of students with high abilities in Mexico // Cogent Education. 2024. Vol. 12. No. 1.
31. Petersen O.H. The need for inspiration and admiration // Function. 2023. Vol. 5. No. 1.
32. Sarbaini W.F. The influence of motivation, responsibility, courage and lecturer teaching performance on student satisfaction in higher education // Emerging Science Journal. 2023. Vol. 7.
33. Shaghayegh N. The comparative analysis of satisfaction rate among the public universities talented students with education and all the services provided to them // Journal of Education and Health Promotion. 2012. Vol. 1.

34. Vuyk A., Montania M., Barrios L., Lobo M. Gifted education in Paraguay: Analyses from a learning-resource perspective // *Cogent Education*. 2024. Vol. 11. No. 1.
35. Ziegler A., Stoeger H. First steps toward assessing talent-support systems on a country level // *High Ability Studies*. 2023. Vol. 35. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-322-343

EDN: ARXGYX

Features of educational trajectories and professional plans of students admitted to the university based on the results of school olympiads*

**I.A. Aleshkovski¹, A.T. Gasparishvili^{1,2,3}, O.V. Krukhmaleva^{1,2},
N.P. Narbut², N.E. Savina¹**

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia,

³Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia,

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Abstract. Today the competition for talents, especially young ones, has intensified. This competition is complicated by the demographic situation in most developed countries, increasing competition in the labor market for “quality” resources, digitalization and the widespread penetration of artificial intelligence technologies. At the same time, preferences for one group of students inevitably give rise to discussions about educational inequality, a balance of social justice and the right to education. However, the group of talented students needs closer attention from society, support and assistance from the university. The article considers achievements, academic performance, motivation, educational and professional plans of Russian students who entered universities as winners and prize-winners of school olympiads and are rightly called talented youth. The empirical basis of the article is the data of the student survey conducted in 2024 (N = 64573); in the sample, a group of those admitted without examinations (based on the results of olympiads) was identified (N=915). As the survey results showed, students admitted to the university based on the results of school olympiads have higher educational demands, are more critical in assessing the quality of education and are more actively involved in academic, scientific and research work during their studies. Professional plans of this group are primarily related to research and education. The identified heterogeneity of students’ priorities requires programs and approaches that allow for the successful implementation of various educational demands, providing high-quality education

*© I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, N.P. Narbut, N.E. Savina, 2025
The article was submitted on 15.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

and developing the necessary professional and personal competencies of future specialists in the interests of society. Universities need to improve work on supporting the talented youth, focusing on an individual approach, targeted involvement in research and maximum use of students' potential in educational activities and professional development.

Key words: Russian students; school olympiad; talent; giftedness; higher education; academic performance; motivation; educational achievements; competencies; mass survey

For citation: Aleshkovskii I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Features of educational trajectories and professional plans of students admitted to the university based on the results of school olympiads. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 322–343. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-322-343>

References

1. Aleshkovskii I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. et al. Startovye pozitsii abiturientov vuzov i osobennosti ih dalneyshego obucheniya: sotsiologicheskyy analiz [Starting positions of university applicants and features of their further education: A sociological analysis]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (3). (In Russ.).
2. Afanasiadi O.V. Podgotovka k realizatsii proekta mentorskogo soprovozhdeniya v vuze s tseliyu vyyavleniya i razvitiya talantlivoy molodezhi [Preparation for the implementation of the university project of mentoring support in order to identify and develop the talented youth]. *Problemy Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya*. 2022; 6. (In Russ.).
3. Bogoyavlenskaya D.B. Rabochaya kontseptsiya odarennosti [The working concept of giftedness]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2004; 2. (In Russ.).
4. Veredyuk O.V., Chernykh E.A. Olimpiadniki pokoleniya Z: povedencheskie ustanovki na rynke truda [Generation Z in intellectual olympiads: Behavioral attitudes in the labor market]. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*. 2022; 18 (1). (In Russ.).
5. Gordeeva T.O., Osin E.N. Osobennosti motivatsii dostizheniya i uchebnoy motivatsii studentov, demonstriruyushchih raznye tipy akademicheskikh dostizheniy (EGE, pobedy v olimpiadah, akademicheskaya uspevaemost) [Peculiarities of achievement and learning motivation of students with different types of academic achievements (USE, olympiad results, academic performance)]. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2012; 5 (24). (In Russ.).
6. Gulov A.P. Individualny obrazovatelnyy trek uchastnikov vserossiyskoy olimpiady shkolnikov v vysshey shkole [Individual educational track of participants of the All-Russian School Olympiad in the university]. *Kazansky Pedagogichesky Zhurnal*. 2023; 2. (In Russ.).
7. Gulyamova M.Ya., Makhammadkulova I.N., Rakhimov N.N., Muradov M.Sh. Kontseptualnye osnovy odarennosti u studentov vysshih uchebnykh zavedeniy [Conceptual framework for giftedness among university students]. *Scientific Progress*. 2021; 2 (6). (In Russ.).
8. Zaripova E.I. Spetsifika raboty s odarennyimi studentami: obzor praktik rossiyskikh vuzov [Features of teaching gifted students: A review of Russian universities' practices]. *Gumanitarnye Issledovaniya*. 2018; 4. (In Russ.).
9. Klimova T., Kim A., Ott M. Individualnye obrazovatelnye traektorii studentov kak uslovie kachestvennogo universitetskogo obrazovaniya [Students' individual educational trajectories as a condition for the high-quality university education]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2023; 27 (1). (In Russ.).
10. Lukina A.A. Obrazovatelnye traektorii studentov pervogo pokoleniya kak keys neravenstva v vysshem obrazovanii [Educational trajectories of first-generation students as a case of inequality in the higher education]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2023; 2. (In Russ.).
11. Michaels E., Handfield-Jones H., Axelrod B. *Voyna za talanty* [The War for Talent]. Moscow; 2005. (In Russ.).

12. Malinovsky S.S., Shibanova E.Yu., Maslova E.A. V chem raznitsa mezhdu “samymi luchshimi” i “dostatochno prestizhnymi” universitetami? Kariernye ozhidaniya studentov vedushchih i neselektivnyh vuzov [What is the difference between “top” and “rather prestigious” universities? Students’ career expectations in leading and non-selective universities]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2024; 3 (2). (In Russ.).
13. Narbut N.P., Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T. et al. Vovlechenost studentov v nauchnyu rabotu v period obucheniya v vuze: sotsiologicheskyy analiz [Students’ engagement in research at the university: A sociological analysis]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (2). (In Russ.).
14. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students’ life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
15. Slizovskiy D.E., Ivanova M.G., Martynenko E.V. Intellekturnyye konkursy shkolnikov: osnovnyye zadachi i sotsialnoye znachenie [Intellectual competitions for schoolchildren: Main tasks and social significance]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
16. Toomsalu-Stefanova L.M., Fokina E.N., Molchanova A.V., Berdygina O.N. Issledovanie kachestva postupleniya abiturientov v vuzy po rezul'tatam Edinogo gosudarstvennogo ekzamina v Rossii [The study of the quality of applicants’ admission to universities based on the results of the Unified State Exam in Russia]. *Mezhdunarodnyy Pedagogicheskiy Zhurnal*. 2020; 13 (2). (In Russ.).
17. Chernenko S.E., Romanenko K.R. Obrecheny na uspeh: prodvigayushchaya sila shkoly, rol semyi i neravenstvo na puti olimpiadnikov v universitet [Doomed to success: Promoting school power, role of the family, and inequality on the way of olympiad winners to the university]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2022; 3. (In Russ.).
18. Duysenova S.M., Omarova A.T., Sarybaeva I.S. Obrazovatelnye strategii studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy [Educational strategies of university students]. *Khabarshy. Psikhologiya zhane sotsiologiya seriyasy*. 2019; 67 (4). (In Russ.).
19. Bol T., Witschge J., van de Werfhorst H.G.V., Dronkers J. Curricular tracking and central examinations: Counterbalancing the impact of social background on student achievement in 36 countries. *Social Forces*. 2014; 92 (4).
20. Boudon R. *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. New York; 1974.
21. Demulder L., Verschueren K., Donche V. Understanding transitions in exploration profiles of students opting for higher education. *Frontiers in Psychology*. 2023; 14.
22. Gonzales K. Faculty practice as an educational strategy: Student, faculty, and administrator perspectives. *Nurse Educator*. 2023; 48 (4).
23. Güçyeter Ş. Serving gifted children in developmental and threshold countries. *Cogent Education*. 2017; 4 (1).
24. Haider Z.F., von Stumm S. Predicting educational and social-emotional outcomes in emerging adulthood from intelligence, personality, and socioeconomic status. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022; 123 (6).
25. Hsieh Tzu-Ling, Yu P. Exploring achievement motivation, student engagement, and learning outcomes for STEM college students in Taiwan through the lenses of gender differences and multiple pathways. *Research in Science & Technological Education*. 2022; 41 (3).
26. Ilishkina D., Bruin A., Podolskiy A., Volk M., Van Merriënboera J. Understanding self-regulated learning through the lens of motivation: Motivational regulation strategies vary with students’ motives. *International Journal of Educational Research*. 2022; 113 (20).
27. Irueste P., Saco A., Sarpakunnas P. Educational and learning resources for gifted and talented people: Perspective of professional women from Argentina. *Cogent Education*. 2024; 11 (1).
28. Ismail S.A.A., Alghawi M.A., Al Suwaidi K.A., Ziegler A. Gifted education in Arab countries: Analyses from a learning-resource perspective. *Cogent Education*. 2022; 9 (1).

29. Niedlich S., Kallfaß A., Pohle S., Bormann I. A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review. *Review of Education*. 2021; 9 (1).
30. Ortiz C.G.E., Valadez S.M. de los D., Betancourt M.J., Borges del Rosal Á., López A.G. Analysis of educational and learning capital for the attention of students with high abilities in Mexico. *Cogent Education*. 2024; 12 (1).
31. Petersen O.H. The need for inspiration and admiration. *Function*. 2023; 5 (1).
32. Sarbaini W.F. The influence of motivation, responsibility, courage and lecturer teaching performance on student satisfaction in higher education. *Emerging Science Journal*. 2023; 7.
33. Shaghayegh N. The comparative analysis of satisfaction rate among the public universities talented students with education and all the services provided to them. *Journal of Education and Health Promotion*. 2012; 1.
34. Vuyk A., Montania M., Barrios L., Lobo M. Gifted education in Paraguay: Analyses from a learning-resource perspective. *Cogent Education*. 2024; 11 (1).
35. Ziegler A., Stoeger H. First steps toward assessing talent-support systems on a country level. *High Ability Studies*. 2023; 35 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362

EDN: AIWOMB

Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика*

С.В. Мареева

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, Москва, 117218, Россия

(e-mail: s.mareeva@gmail.com)

Аннотация. В статье на эмпирических данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН рассмотрена динамика восприятия населением социально-экономических неравенств в последнее десятилетие. Актуальность темы обусловлена влиянием неравенства на устойчивое развитие страны и поведение населения. Показано, что острота восприятия неравенств в российском обществе в 2020-е годы в целом сокращается, однако эта динамика имеет разный характер в случае оценки неравенств в целом и их влияния на свою жизненную ситуацию. В первом случае представления россиян более однородны и характеризуются острым восприятием (несмотря на некоторое его смягчение в последние годы) неравенств в обществе независимо от собственного положения. Во втором случае представления населения в большей степени связаны с личной объективной ситуацией и субъективным благополучием, и проблема неравенств воспринимается менее болезненно. В обоих случаях на первое место выходит неравенство доходов, которое считается не только высоким, но и несправедливым, хотя и в этом отношении можно отметить положительную динамику. Среди немонетарных неравенств, характеризующих российское общество, наиболее остро население воспринимает неравенства, связанные с базовыми аспектами качества жизни — в жилищных условиях и в доступе к медицинской помощи. По мнению автора, неравенства сегодня в большей степени оцениваются россиянами как общественная проблема, нарушающая справедливое социальное устройство, нежели как затрагивающая их лично. Это усложняет решение задачи снижения неравенства со стороны государства, поскольку требует не только улучшения ситуации в тех сферах, где россияне фиксируют высокий уровень неравенства, но и демонстрации стремления к базовым принципам справедливости в соответствии с нормативно-ценностными представлениями населения. При этом внешние вызовы, стоящие перед страной, частично смягчают проблему воспринимаемого неравенства и дают государству возможность маневра.

Ключевые слова: российское общество; неравенство; восприятие неравенства; монетарные и немонетарные неравенства; оценки жизни; субъективное благополучие; социальная справедливость

*© Мареева С.В., 2025

Статья поступила в редакцию 17.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

Для цитирования: Мареева С.В. Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 344–362. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362>

В последние годы вопросам восприятия неравенства населением уделяется все больше внимания как в зарубежном [11; 12], так и в российском научном дискурсе [1–3; 8], что неудивительно. Субъективные оценки неравенства все чаще рассматриваются как дополняющие объективные оценки общественного развития [9]; более того, первые определяют предпочтения в отношении политики перераспределения [10], выступают фактором выбора населением тех или иных поведенческих стратегий на микроуровне [6], т.е. имеют реальные последствия. Восприятие неравенства в общественном сознании можно рассматривать через представления граждан о социальной структуре, их оценки масштабов и глубины неравенства, его оснований и легитимности и пр. Мы сосредоточимся на анализе восприятия населением проявлений социально-экономических неравенств в повседневной жизни, выявив рейтинг наиболее острых из них и динамику соответствующих представлений в последнее десятилетие. Такой анализ особенно актуален в периоды общественных трансформаций, поскольку позволяет увидеть как фундаментальные тренды, так и ситуационную реакцию на внешние изменения. Дополнительную актуальность данному сюжету придает включение проблематики неравенства в повестку социально-экономического развития, что отразилось в задаче снижения неравенства, сформулированной в Указе о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Эта задача сфокусирована на количественных показателях неравенства доходов (предполагается снижение коэффициента Джини до 0,37 к 2030 году и до 0,33 — к 2036), однако для понимания того, как объективные показатели неравенства и их динамика воспринимаются населением, эта задача должна быть погружена в широкий социальный контекст воспринимаемого неравенства. Динамика восприятия неравенств россиянами в последнее десятилетие была рассмотрена на данных многолетних мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН и ИКСИ РАН, осуществленных по аналогичной модели выборки. Для 2024 года были привлечены данные 15-й волны Мониторинга ФНИСЦ РАН (N = 2000) и специального обследования по тематике неравенств (N = 2000).

Неравенства в обществе и в собственной жизни: восприятие россиян

Начнем анализ с общего восприятия «ландшафта» социально-экономических неравенств и его изменений в последние несколько лет. Актуальность проблемы неравенства в общественном сознании сохранялась в 2000-е–2010-е годы как в условиях экономических спадов, так и во время экономических подъемов [7],

однако данные последних лет демонстрируют некоторое снижение остроты проблемы в контексте принципиально новых вызовов, с которыми сталкивается наше общество. Так, в 2024 году об отсутствии острых неравенств в современной России говорили 8,4 % (в 2022—4,1 %, в 2018—1,5 %). Еще более заметный сдвиг произошел в оценке личной болезненности неравенств — доля тех, кто считает, что их не затрагивают никакие неравенства, возросла с 9,3 % в 2018 году и 14,1 % в 2022 до 24,4 %: вероятно, на фоне внешних событий, затрагивающих все население, внутренняя проблема неравенств и различий в положении отдельных социальных групп несколько отошла на второй план.

Безусловно, снижение остроты проблемы неравенств в восприятии населения можно считать позитивным индикатором состояния общества, который говорит о движении страны по пути преодоления избыточных неравенств. С другой стороны, согласно этим же данным, и сегодня три четверти россиян ощущают, что проявления неравенств затрагивают их самым непосредственным образом. Об отсутствии неравенств в обществе чаще говорят молодые россияне, но не из самой младшей когорты (16,2 % в возрасте 25–29 лет не наблюдают болезненных неравенств), руководители разных уровней (18,1 %), работники торговли и бытового обслуживания (14,2 %) (специалисты с высшим образованием, наоборот, реже говорят об отсутствии неравенств), жители мегаполисов (10,3 %) и сел (11 %).

Более тесные взаимосвязи согласия с отсутствием в российском обществе острых проявлений неравенств наблюдаются с другими субъективными показателями: те, кто замечают перемены к лучшему в стране, в том числе рост социальной справедливости, чаще отмечают отсутствие острых неравенств в обществе. Связаны эти оценки и с восприятием собственной жизненной ситуации — доля не замечающих в обществе острых проявлений неравенств растет вместе с самооценкой своего материального положения, улучшением социально-психологического состояния и т.д. Однако такого мнения придерживается менее чем каждый десятый, поэтому различия между группами в этом отношении не носят качественного характера — подавляющее большинство россиян отмечает те или иные острые проявления неравенств в стране, считая их актуальной социальной проблемой.

Несколько иначе оценивается болезненность неравенств лично для себя. Во-первых, доля придерживающихся мнения об их отсутствии выше, чем доля отмечающих отсутствие неравенств в обществе, и она заметно возросла в 2020-е годы. Во-вторых, эта оценка более тесно связана с особенностями индивидуального положения: чем выше доходы, тем выше доля тех, кто не ощущает проявлений неравенств в своей жизненной ситуации, и различия между группами достигают четырехкратного размера — от 10,9 % среди тех, чьи доходы ниже 0,75 медиан по данному типу поселения, до 42 % среди тех, чей доход превышает 2 медианы. Таким образом, можно говорить о прямой связи уровня материального благополучия и подверженности негативному влиянию неравенства.

Наблюдается и более однозначная зависимость с положением в социально-профессиональной иерархии, чем в отношении представлений о неравенстве в обществе. Так, об отсутствии тех или иных проявлений неравенств в их жизни говорят более чем 40 % предпринимателей и руководителей, среди специалистов с высшим образованием эта доля снижается до 31,9 %, среди работников торговли и сферы бытового обслуживания — до 26,1 %, а в остальных социально-профессиональных группах (служащие без высшего образования, рабочие разной квалификации, те, кто на момент опроса не работал) эта доля ниже средней по населению, т.е. представители этих групп чаще испытывают на себе влияние тех или иных неравенств. От болезненного воздействия неравенств «страхуют» не только более благополучные профессиональные позиции, но и наличие высшего образования (32,5 %).

Таким образом, представители социальных групп, занимающих более высокое положение в объективных иерархиях по доходу, занятости и образованию, реже испытывают на себе проявления неравенств, в то время как неравенства в обществе в целом примерно в равной степени замечаются представителями разных по своему положению групп. Это означает, что мы имеем дело с разными по характеру оценками: если наличие неравенств в обществе оценивается, исходя из представлений о справедливом и желаемом социальном устройстве и в соотношении с нормами и ценностями большинства, то влияние неравенств на свою жизнь — исходя из специфики личной ситуации, устойчивости и возможности самостоятельно справиться с их последствиями. Как и в случае оценок неравенств в обществе в целом, наблюдается взаимосвязь, причем еще более сильная, воспринимаемого влияния неравенств на собственную жизнь с другими субъективными показателями: среди тех, кто не чувствует острых проявлений неравенств в своей жизни, значительно выше доля оценивающих свое материальное положение, статус и жизнь в целом как хорошую, добившихся улучшений в материальном положении в последний год, имеющих возможность влиять на свою жизнь и отличающихся положительным социально-эмоциональным состоянием. Особенности представителей этой группы по сравнению с остальным населением выражены ярче, чем у тех, кто не видит острых проявлений неравенств в обществе (таблица 1). Они позитивнее оценивают происходящие изменения в стране, хотя различия с остальным населением здесь менее значительны, чем в оценках собственной жизни.

Можно говорить о том, что субъективное благополучие россиян, не испытывающих на себе влияние неравенств, заметно выше, чем у тех, кто такое влияние ощущает. В отношении тех, кто не видит острых проявлений неравенств в обществе, тоже можно говорить о более высоком уровне субъективного благополучия и более позитивном восприятии ситуации в стране, но их отличия от остального населения менее значимы. Единственное исключение — более спокойное восприятие ситуации в мире.

Таблица 1

Некоторые характеристики россиян, не испытывающих проявлений неравенств в своей жизни и не наблюдающих их в обществе (2024, %) (серым выделены позиции, по которым различия групп с населением превышают 10 %)

Характеристики	Не видят болезненных неравенств	Не испытывают болезненных неравенств	По населению в целом
<i>Оценки собственной жизни и состояния</i>			
Оценка материального положения как хорошего	28	44,4	22,8
Улучшили материальное положение за последний год	28,6	39	21,3
Оценка жизни как хорошей	40,5	56,5	32,4
Имеют возможность влиять на свою жизнь	28	42,1	22,7
Оценка статуса в обществе как хорошего	39,3	49,5	30,5
Часто довольны, что дела идут по плану	37,5	47,6	29,4
Никогда не ощущают страх перед неопределенностью будущего	34,5	42,3	24,5
<i>Оценки ситуации в обществе и мире</i>			
Никогда не ощущают несправедливость происходящего вокруг	31,5	41,1	23,1
Замечают рост социальной справедливости в стране в последние десять лет	18,5	19,9	13,5
Видят перемены к лучшему в стране за последний год	41,7	41,7	34,1
Верят, что путь, по которому идет Россия, даст в перспективе положительные результаты	82,1	84,8	77,6
Оценивают ситуацию в мире как спокойную, нормальную	36,9	31,8	23,5

Рейтинг наиболее острых неравенств

Обратимся к рейтингу наиболее острых, по мнению россиян, монетарных и немонетарных неравенств, характеризующих ситуацию в стране (таблица 2). Этот рейтинг традиционно возглавляет монетарное неравенство (по доходам), которое отмечают как самое болезненное для общества три четверти россиян (75,4 %). Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимаются связанные с базовыми аспектами качества жизни — неравенства в жилищных условиях и в доступе к медицинской помощи (по 45 %), за ними следует группа неравенств, связанных с социальной мобильностью — в доступе к хорошим рабочим местам (37,5 %, в равной мере работающие и неработающие), возможностей для детей из разных слоев (29,7 %) и в доступе к образованию (24,1 %) (остальные неравенства как болезненные для общества набрали менее 20 %).

Показательно, что, говоря о ситуации в обществе, россияне реже отмечают неравенство в собственности, чем в доходах, не стали проблемными точками и неравенства, связанные с социальным капиталом, досугом, физическими возможностями и перемещением, а также цифровые неравенства.

Среди неравенств, которые затрагивают самих россиян, на первое место также выходит неравенство доходов — его считает болезненным для себя лично каждый второй (50,9 %). Это единственный тип неравенств, который набрал более половины голосов — все остальные варианты не достигли и трети. Далее следует неравенство в доступе к медицинской помощи (27,1 %), примерно каждый пятый отметил неравенство в жилищных условиях и в доступе к рынку труда.

Таблица 2

Наиболее болезненные неравенства для общества и для себя лично (2024, %) (упорядочено по видам неравенства в обществе)

Монетарные и немонетарные неравенства	Болезненные для общества	Болезненные лично	Разница
Доходов	75,4	50,9	24,5
Жилищных условий	45	18,3	26,7
В доступе к медицинской помощи	44,6	27,1	17,5
В доступе к хорошим рабочим местам	37,5	19,4	18,1
В возможностях для детей из разных слоев	29,7	10,6	19,1
В доступе к образованию	24,1	6,8	17,3
В обладании собственностью	19	10	9
В наличии знакомств с «нужными людьми»	17,4	15,7	1,7
В досуговых возможностях	12,1	9,7	2,4
В физических возможностях	7	9	–2
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	6,5	8	–1,5
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	3,1	2,6	0,5
Таких неравенств нет	8,4	24,4	–16
Среднее число ответов (за исключением варианта об отсутствии неравенств)	3,5	2,5	
Доля выбравших только один ответ (среди тех, кто отмечает те или иные неравенства)	10,9	30,6	
Доля выбравших пять ответов (среди тех, кто отмечает те или иные неравенства)	34,6	11,9	

Россияне заметно чаще говорят об остроте тех или иных неравенств для общества, чем для них лично, что отражает восприятие сложившихся в обществе «правил игры» как несправедливых в принципе, а не просто ущемляющих их интересы, и касается это всех наиболее распространенных, по мнению россиян, неравенств. Наиболее заметен соответствующий разрыв в оценках

неравенства доходов и жилищных условий, которые воспринимаются гораздо острее в обществе в целом, чем в индивидуальной ситуации. Несколько ниже этот разрыв в отношении неравенства в доступе к медицине, рынку труда, образованию и поколенческих возможностей. Показательно, что и интенсивность восприятия неравенств гораздо выше применительно к обществу: так, описывая ситуацию с болезненными неравенствами в целом, только каждый десятый (10,9 %) выбрал лишь один вариант ответа, а более трети (34,4 %) отметили пять (максимально допустимое количество ответов). Иными словами, россияне воспринимают неравенство в обществе как комплексную и многомерную проблему, не сводящуюся лишь к неравенству доходов. Это подтверждается тем, что среди тех, кто отметил неравенство доходов как болезненное для общества, лишь 9,2 % ограничились этим ответом и не выбрали какой-либо другой вариант, в то время как более 90 % назвали как минимум одно, а чаще несколько болезненных проявлений неравенств немонетарного характера.

Эти показатели согласуются и с данными о том, что на нормативном уровне россияне предпочли бы жить в обществе, где приоритет — обеспечение равенства возможностей. Так, выбирая между равенством возможностей и равенством доходов, 58,2 % склоняются к первому варианту, 40 % — ко второму, а остальные затрудняются с ответом. Такое распределение подчеркивает, с одной стороны, достаточно высокое и постепенно растущее значение доходного неравенства в глазах населения (три десятилетия назад сторонники равенства доходов составляли 25 % населения, в 2010-е годы эта доля возросла и стабилизировалась на уровне 40 %), с другой — понимание важности, даже более высокой, немонетарных измерений неравенства, определяющих неравные возможности социальных групп, что и отражается в оценке их болезненности.

Что касается неравенств, затрагивающих россиян лично, то ситуация оказывается в определенном смысле зеркальной. Среди тех, кто испытывает на себе влияние проявлений неравенств, более 30 % отмечают только одно из них, и лишь каждый десятый выбирает максимально возможное число вариантов, т.е. острые проявления неравенства, которые затрагивают самих россиян, воспринимаются ими как касающиеся только выборочных аспектов их жизни.

Посмотрим, как менялись эти оценки в последнее десятилетие. В инструментарии исследований использовались разные списки немонетарных неравенств, поэтому прямое их сравнение не совсем корректно, однако оценить общую динамику отношения населения к неравенствам все же возможно. Общий рейтинг неравенств в представлениях населения остается достаточно устойчивым — его традиционно возглавляет неравенство доходов, далее следуют неравенства в доступе к медицине, жилищных условий и в доступе к хорошим рабочим местам. Это верно для оценки как ситуации в обществе, так и собственного жизненного опыта (таблица 3). Но динамика представлений россиян в последние десять лет имела различный характер и направление. В 2015–2018 годы россияне заметно чаще отмечали в числе наиболее

острых неравенства в доступе к медицинской помощи и образованию (на-
 прямую связаны с человеческим потенциалом). К 2024 году оба показателя
 снизились и очень значительно: доля отмечающих как острое неравенство
 в доступе к медицинской помощи сократилось более чем на треть, в доступе
 к образованию — почти вдвое. Снизилась и воспринимаемая острота других
 типов неравенств, включая неравенство доходов (хотя в относительном вы-
 ражении снижение небольшое — с 83,8 % до 75,4 %), доступа к хорошим ра-
 бочим местам и жилищных условий. Показательно, что из общей тенденции
 выбивается неравенство в социальном капитале: хотя в представлениях рос-
 сийян оно находится на периферии пространства немонетарных неравенств,
 определяющих ситуацию в обществе, доля характеризующих это неравен-
 ство как болезненное выросла в 2018–2024 годы почти вдвое, отражая расту-
 щую роль социальных связей в новых условиях.

Таблица 3

Динамика оценок остроты неравенств для общества и для себя, (2015–2024, %)
(серым выделены позиции, изменения по которым превысили 5 %, светло-серым — снижение, темно-серым — рост)

Типы неравенств	Болезненные для общества			Болезненные лично			
	2015	2018	2024	2015	2018	2020	2024
Доходов	81,9	83,8	75,4	65,6	69,4	67,2	50,9
В доступе к медицинской помощи	58,7	69,6	44,6	38,9	51,2	46,2	27,1
В доступе к хорошим рабочим местам	48,3	51,4	39,5	32,4	33,6	35,6	21,6
Жилищных условий	60,7	64	45	30,1	36	32,3	18,3
В доступе к образованию	40,3	47,7	24,1	15,7	22,5	19,9	6,8
В возможностях для детей из разных слоев общества	30,7	32,6	29,7	17,9	19	25,9	10,6
В обладании собственностью	18	19,5	19	12,4	15,6	19,1	10
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	7,7	8,7	6,5	9,9	10,6	6,2	8
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10	8,8	17,4	10,7	10,1	14,1	15,7
В физических возможностях	6,9	6,4	7	9,1	9,1	9,3	9
В возможностях пользования компьютером и Интернетом		4,1	3,1		3,8	1,5	2,6
Таких неравенств нет	2,5	1,5	8,4	8,6	9,3	9,6	24,4

В оценке неравенств, от которых страдают сами россияне, в 2015–2018 годы также происходили изменения, свидетельствующие об их растущей остроте. Особенно усугубилась болезненность неравенства доступа к медицинской помощи (с 38,9 % до 51,2 %); в меньшей степени, но также увеличились доли тех, кто остро воспринимал неравенство в доступе к образованию и жилищным условиям. В 2018–2020 годы картина в целом оставалась стабильной, но в 2020–2024 годы принципиально изменилась — наметилось однозначное снижение воспринимаемой остроты разных типов неравенств для себя лично, включая неравенство доходов, что можно назвать положительной тенденцией. В относительном выражении наибольшее смягчение показали неравенства, связанные с социальной мобильностью — в доступе к образованию, в возможностях для детей в зависимости от социального происхождения, чуть в меньшей степени — в доступе к хорошим рабочим местам. Достаточно резко снизилась и доля тех, кто ощущает себя затронутым ключевыми неравенствами в качестве жизни — в жилищных условиях и доступе к медицинской помощи.

В отношении конкретных проявлений социальных неравенств в повседневной жизни заметна некоторая дифференциация. Так, неравенство доходов особенно остро затрагивает, по самооценкам, жителей небольших городов, в меньшей степени — проживающих в Москве и Санкт-Петербурге (55,5 % и 41,3 %); интересно, что жители пгт и сел занимают здесь промежуточные позиции. Неравенство в доступе к медицинской помощи и образованию также менее остро воспринимается жителями столиц. Сразу несколько проявлений неравенств заметно чаще воспринимаются как лично болезненные жителями областных и краевых центров (по сравнению как с Москвой и Санкт-Петербургом, так и с другими городами и селами) — видимо, запросы жителей этих типов поселений выше, чем в менее крупных городах и селах, а возможности при этом оказываются ниже (доступ к медицинской помощи, жилищные условия, доступ к образованию, хорошим рабочим местам, досуговым возможностям и др.). Более того, в среднем жители областных и краевых центров называют три проявления неравенств, затрагивающих их лично, а жители всех других типов поселений — два.

В поколенческом срезе наблюдаются различия, связанные с особенностями этапов жизненного цикла. Для молодежи более актуальны неравенство жилищных условий (38,1 % в возрасте 18–25 лет говорят об остроте этой проблемы для себя лично — против 7,8 % среди тех, кто старше 65 лет) и обладания собственностью (22,5 % против 3,6 %), а также в доступе к образованию (10,6 % против 2,6 %) и хорошим рабочим местам (28,7 % против 5,2 %). Молодежь чаще ощущает и неравенство в социальном капитале — наличии знакомств с «нужными людьми», что менее актуально для людей старшего поколения (28,1 % против 5,9 %). С неравенством в доступе к медицинской помощи ситуация обратная (его последствия ощущают 18,1 % 18–24-летних и 45,6 % тех, кто старше 65 лет), как и с неравенством в физических возмож-

ностях (5,6 % против 20,8 %). Неравенство возможностей для детей из разных слоев чаще отмечают россияне среднего возраста (36–54 года). Показательно, что в случае неравенства доходов и досуговых возможностей зависимости от возраста не прослеживается.

Поскольку более высокие доходы снижают остроту восприятия неравенств в своей жизни, среди неблагополучного по доходам населения (среднедушевые доходы домохозяйства ниже 0,75 поселенческих медиан) почти две трети болезненно переживают неравенство доходов, а среди благополучного (среднедушевые доходы домохозяйства более 2 поселенческих медиан) — треть. Различия между этими группами распространяются на все виды немонетарных неравенств, зачастую составляя 1,5–2 раза, и особенно ярко проявляются в оценках неравенства в доступе к хорошим рабочим местам и медицинской помощи.

Динамика самооценок различных аспектов жизни, отражающих положение в системе неравенств

Данные говорят об улучшении ситуации с субъективным восприятием неравенств российским населением в 2020-е годы. С чем могут быть связаны подобные изменения? Турбулентность последних лет затронула все слои общества; возможно, на фоне «общих» проблем россияне стали более терпимо относиться к различиям в положении разных слоев и к собственному положению в системе неравенства? Или же наметился тренд на усреднение положения россиян в иерархиях монетарного и немонетарных неравенств? Данные исследований показывают, что российское общество сегодня можно охарактеризовать как общество массовых средних слоев как по доходам, так и по качеству жизни; более того, продолжается «выравнивание по медиане» в массовых слоях населения и расширением срединных зон [5]. Возможно, эти процессы постепенно смягчают восприятие собственного положения в системе неравенств, хотя, по всей видимости, несколько отстают по времени от объективных изменений.

Посмотрим на субъективные оценки разных сфер повседневной жизни, которые определенным образом отражают восприятие неравенств — через оценку собственной ситуации и положения в тех или иных иерархиях. Для этого обратимся к оценкам, которые россияне дают различным аспектам своей жизни, отобрав те, что соотносятся с проявлениями неравенств, рассмотренными выше, за тот же временной период — 2015–2024 годы. В скобках в Таблице 4 указан тип неравенства, с которым можно соотнести соответствующую оценку того или иного аспекта жизни; к сожалению, для некоторых неравенств инструментарий не позволил подобрать соответствующие вопросы (неравенства в обладании собственностью, в возможностях для детей из разных слоев, возможностях добраться в нужные места общественным транспортом, наличии знакомств с «нужными людьми»).

Таблица 4

**Динамика оценок различных аспектов своей жизни (2015–2024, %)
(серым выделены позиции, изменения по которым превысили 5 %, светло-серым — снижение, темно-серым — рост)**

Аспекты жизни	2015 *2018, **20211	20242
Материально обеспечены (неравенство доходов)		
Хорошо	18,6	18,9
Удовлетворительно	60	63,9
Плохо	21,4	17,2
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную (неравенство в доступе к медицинской помощи)*		
Хорошо	13	21,7
Удовлетворительно	53,1	55,9
Плохо	33,9	22,4
Ситуация на работе (неравенство в доступе к хорошим рабочим местам)		
Хорошо	24,7	37,4
Удовлетворительно	58,3	55,5
Плохо	17	7,1
Жилищные условия (неравенство жилищных условий)		
Хорошо	37,2	38
Удовлетворительно	49,8	54,5
Плохо	13	7,5
Возможность получения необходимого образования и знаний (неравенство в доступе к образованию)		
Хорошо	26,8	34,4
Удовлетворительно	53,9	53,3
Плохо	19,3	12,3
Состояние здоровья (неравенство в физических возможностях)		
Хорошо	31,8	31,9
Удовлетворительно	53,5	57,1
Плохо	14,7	11
Доступность Интернета и цифровых технологий (неравенство в возможностях пользования компьютером и Интернетом)**		
Хорошо	47,4	49
Удовлетворительно	46,4	45,5
Плохо	6,2	5,5
Жизнь в целом (интегральное положение)		
Хорошо	31,3	34,2
Удовлетворительно	61,3	61,3
Плохо	7,4	4,5

¹Данные по возможностям получать качественную медицинскую помощь (*) приведены за 2018 года, по доступности Интернета (**) — за 2021 год, поскольку ранее эти вопросы не задавались

²Для 2024 года приведены данные осеннего опроса, за исключением вопросов о ситуации на работе и доступности Интернета (весенний опрос)

Динамика самооценок населением различных аспектов своей жизни, связанных с основными проявлениями неравенств, показывает, что качественных изменений здесь за последнее десятилетие не произошло, хотя определенные положительные тенденции прослеживаются. Так, несколько возросла доля средних оценок материального положения и жилищных условий, а также состояния здоровья; доля хороших оценок в отношении доступа к медицинской помощи и хорошим рабочим местам, а также возможностей получения необходимого образования и знаний. В целом можно говорить, что в этих сферах жизни россиян в течение последних десяти лет происходили улучшения, что могло способствовать снижению остроты переживаемых лично проявлений неравенств. Однако интегральная оценка жизни на этом фоне изменилась не так заметно, поскольку зависит и от положения на других осях неравенства, в том числе новых, в частности, связанных с возможностями контроля своей жизни. Тем не менее, в отношении интегральных оценок жизни населением можно говорить об устойчивом преобладании положительных оценок над негативными.

О небольших, но позитивных изменениях говорит и динамика самооценок своего положения по шкале от 1 до 10, где 1 — самое низкое положение в обществе, а 10 — наиболее высокое. В 2024 году среднее значение составило 5,6 (десять лет назад — 5,2). Эти изменения не столь масштабны, однако общее распределение оценок показывает «перетекание» населения вверх: сокращение в нижних и ниже-средних позициях (3 и 4) и прирост в верхних средних (6 и 7) (таблица 5).

Таблица 5

Динамика самооценки своего положения в обществе (2015–2024, %)

Оценка	2015	2024	Изменение
10	2,4	1,6	–0,8
9	2,7	3,1	0,4
8	6,2	10,2	4
7	9,8	14,6	4,8
6	18,5	21,7	3,2
5	23,9	23,5	–0,4
4	17,3	13,4	–3,9
3	11,7	8,1	–3,6
2	4,6	2,9	–1,7
1	2,5	0,9	–1,6
Среднее значение	5,2	5,6	0,4

Оценка справедливости неравенств и ее динамика

На фоне улучшений в повседневной жизни россиян, которые отражаются в снижении остроты восприятия различных проявлений неравенства в собственной жизни, модель общества принципиально не меняется. В нем сохраняется и отрыв «верхушки» от остального населения, и сочетание принципиально разных путей достижения успеха. Так, в число факторов благополучия три четверти населения включают, с одной стороны, хорошее образование и упорный труд, с другой — нужные знакомства; более половины относят к факторам благополучия происхождение из богатой семьи, подчеркивая значимость межпоколенческого воспроизводства неравенства. В этих условиях представления об актуальности неравенств как барьера для построения справедливого государства и обеспечения социальной устойчивости сохраняются, тем более что россияне характеризуют неравенства в обществе не только как острые или высокие, но и как несправедливые. Так, в 2024 году более 70 % оценивали различия по доходам в стране как слишком высокие (лишь 8 % были не согласны с этим); более половины населения считали, что нынешняя система распределения частной собственности несправедлива (55,3 % при 9,3 % несогласных с этим). Если же говорить про основания неравенства, то население чаще не соглашалось с тем, что отдача на рынке труда соответствует вкладу работников — как физиологическому (усилия), так и квалификационному (способности, навыки). Лишь каждый пятый считал соответствующие отдачи «достойными», а отрицающих это в 1,8–2,2 раза больше (рисунок 1). Причем чаще упоминается недостаточность отдачи на физиологический компонент (упорный тяжелый труд).

Показательно, что в отношении собственной оплаты труда россияне вновь настроены менее критично, чем в отношении ситуации в целом: чуть более 40 % считали, что получают меньше, чем заслуживают, но каждый четвертый работающий (24,3 %) этого не ощущал (что отличается от оценок вознаграждения на рынке труда в целом).

Динамика этих представлений также свидетельствует, что ощущение несправедливости устройства общества и характеризующих его неравенств в последние годы несколько снижается (рисунок 2). По сравнению с 2006 годом сократились доли тех, кто считал различия в доходах слишком высокими и несправедливыми, и тех, кто говорил о недостаточности отдачи на человеческий капитал на рынке труда — как в целом, так и в отношении себя лично. Причем в отношении оплаты труда оценка трансформировалась качественным образом: доля тех, кто считал, что россияне не получают достойную отдачу на человеческий капитал, как и доля тех, кто отмечал это в отношении себя лично, сократилась с более чем половины населения до менее чем половины. Тем не менее, и сегодня представления о несправедливости оплаты труда в целом преобладают над представлениями о ее справедливости, и оценки монетарного неравенства как высокого и несправедливого характерны для более чем половины населения.

Рис. 1. Оценка отдельных аспектов монетарного неравенства в обществе, 2024, %

Рис. 2. Динамика оценок отдельных аспектов монетарного неравенства в обществе, %

Можно предположить, что на оценки неравенства доходов в стране как высокого, а распределения частной собственности как несправедливого влияет не только (и не столько) общая социальная дифференциация, но и отрыв «верхушки» от остального населения. Одним из подтверждений этого предположения выступает резко актуализировавшееся в последние годы в представлениях населения противоречие между олигархами и остальными: если в 2015 году в числе трех наиболее острых противоречий российского общества его называли 17,3 %, то в 2024 — уже 30,4 %. При этом доля считающих острым конфликт между богатыми и бедными в этот период, наоборот, сни-

зилась — с 37,3 % до 26,1 % (в 2005 году — 55,3 %). Видимо, резкое восприятие россиян вызывает именно радикальный отрыв малочисленной «верхушки» от остального населения (не только в отношении доходов), а не дифференциация в массовых слоях, особенно в условиях внешних вызовов, затрагивающих большинство. Следует отметить, что именно концентрация доходов и богатства в руках меньшинства при средневысоком, на фоне других стран, уровне неравенства в массовых слоях — отличительная характеристика российской модели монетарного неравенства [4].

Восприятие неравенства тесно связано с идеей справедливости, традиционно играющей одну из ключевых ролей в культурно-нормативной системе россиян. Данные о том, какие принципы справедливого общества, по мнению россиян, в наименьшей мере соблюдаются в современной России, позволяют увидеть ключевые «болевы́е точки» — это неравенство доходов, доступа к медицинской помощи и перед законом. Нарушение этих принципов россияне наблюдают в обществе чаще всего, и эта ситуация устойчива во времени (таблица 6).

Таблица 6

Принципы справедливого общества, которые не соблюдаются в России, %

Принципы	В наименьшей мере соблюдаются сегодня		Изменения
	2020	2024	
Равенство всех перед законом	42,7	35	–7,7
Различия в доходах между людьми невелики	39	33,2	–5,8
Все имеют равный доступ к медицинскому обслуживанию	36,3	30,1	–6,2
Различия в уровне жизни невелики	30,2	29,3	–0,9
Все имеют реальную возможность решить жилищный вопрос	27	28,3	1,3
Различия между жизнью в городе и селе невелики	25,5	27,8	2,3
Все имеют равный доступ к хорошим рабочим местам	31,3	26,3	–5
В обществе мало бедных	33,9	24	–9,9
Богатые выплачивают в виде налога большую долю своего дохода, чем бедные	30,8	22,5	–8,3
Все имеют равные возможности получить желаемое образование	24,2	21,3	–2,9
Одинаковая оплата равной квалификации и образования	17	18	1
В обществе мало богатых	15,2	14,7	–0,5

Три наиболее распространенных ответа в 2020 году сохранили позиции и в 2024, но можно отметить определенную положительную динамику — за прошедшие четыре года россияне стали реже говорить о нарушениях в отношении почти всех принципов, перечисленных в Таблице 6, в том числе и трех

ключевых. Наиболее заметно изменение восприятия неравенства по доходам в части бедности — россияне все реже говорят, что принцип «в обществе мало бедных» в стране не выполняется (изменение в 10 %), что отражает динамику объективных показателей бедности: в 2024 году уровень бедности, согласно официальной статистике, составил 7,2 % — это исторический минимум. Все это говорит и о уже отмеченной тенденции снижения остроты восприятия неравенств в обществе, но все же при сохранении достаточно высокой актуальности этой проблемы, особенно для общества в целом.

Проблема неравенств остается важной «болевой точкой» в представлениях населения, однако в 2020-е годы острота ее восприятия снизилась, особенно в отношении тех неравенств, которые касаются россиян лично. Такая динамика может быть следствием новых внешних шоков, которые затрагивают все слои населения, и на фоне которых различия в положении социальных групп отходят на второй план (кроме отрыва «верхушки»), а также следствием постепенных объективных улучшений жизни, которые россияне фиксируют в последние десять лет. Снижение остроты проблемы неравенств в восприятии населения — позитивный индикатор общественной динамики, однако и сегодня три четверти населения ощущают, что те или иные проявления неравенств затрагивают их самым непосредственным образом, а более 90 % отмечают те или иные неравенства в обществе, причем, как правило, сразу несколько. Поэтому вопросы неравенства, безусловно, остаются актуальными и не сводятся лишь к неравенству доходов, хотя оно традиционно занимает первое место в рейтинге наиболее острых неравенств в представлениях россиян.

Социологически фиксируемый рейтинг неравенств остается достаточно устойчивым на протяжении последнего десятилетия. За неравенством доходов следуют неравенства в доступе к медицине, хорошим рабочим местам и жилищным условиям, причем россияне заметно чаще говорят об остроте проявлений неравенств в обществе в целом, чем об их влиянии на собственную жизнь. Это отражает восприятие сложившихся в российском обществе «правил игры» как несправедливых в принципе, а не просто ущемляющих их собственные интересы, и касается всех наиболее распространенных, по их мнению, неравенств. Если индивидуальная «подверженность» неравенствам связана с объективным и субъективным благополучием, то оценки неравенства в обществе меньше зависят от специфики индивидуальной ситуации и положения (объективно и субъективно воспринимаемого) — скорее оцениваются исходя из представлений о желаемом и справедливом социальном устройстве в рамках общей ценностно-нормативной системы. В этом контексте задача преодоления избыточных неравенств для построения справедливого общества сохраняет высокую актуальность и востребована населением.

Библиографический список

1. Андреевкова А.В. Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межкультурном контексте // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5.
2. Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 2.
3. Горшков М.К. Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики // *Россия реформирующаяся: ежегодник* / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 21. М., 2023.
4. Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11. № 3.
5. Мареева С.В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // *Социологические исследования*. 2024. № 9.
6. Мареева С.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал: опыт эмпирического анализа // *Социологические исследования*. 2023. № 6.
7. Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
8. Салмина А.А. Дифференциация восприятия неравенства россиянами и его динамика // *Социологические исследования*. 2023. № 6.
9. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М., 2016.
10. Hauser O.P., Norton M.I. (Mis) perceptions of inequality // *Current Opinion in Psychology*. 2017. No. 18.
11. Niehues J. Subjective perceptions of inequality and redistributive preferences: An international comparison. Cologne Institute for Economic Research. IW-TRENDS Discussion Paper. 2014. Vol. 2. No. 1.
12. Norton M.I., Ariely D. Building a better America — one wealth quintile at a time // *Perspectives on Psychological Science*. 2011. Vol. 6. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362

EDN: AIWOMB

Social-economic inequalities in the Russian society: Public perception and its dynamics*

S.V. Mareeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Khrushchevskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: s.mareeva@gmail.com)

Abstract. The article, based on the empirical data of all-Russian surveys conducted by the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, explains the dynamics of the public perception of social-economic inequalities over the past decade. The relevance of the research

*© S.V. Mareeva, 2025

The article was submitted on 17.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

question is determined by the impact of inequality on the country's sustainable development and public behavior. The author shows that the perception of inequalities in the Russian society in the 2020s has changed, but this dynamic differs for assessments of inequalities in general and of their impact on one's life situation. In the first case, the views of Russians are more homogeneous and are characterized by an acute perception (despite some changes in recent years) of inequalities in society, regardless of their own situation. In the second case, Russians' views to a greater extent depend on the personal objective situation and subjective well-being, and inequalities are perceived less painfully. In both cases, income inequality comes first due to being considered not only high but also unfair, although there are some positive changes. Among non-monetary inequalities that characterize the Russian society, the population perceives most acutely inequalities in the basic aspects of quality of life — in housing conditions and access to medical care. The author argues that today inequalities are assessed by Russians rather as a social problem that violates a fair social order than as affecting them personally. This complicates the task of reducing inequality on the part of the state, since the population demands not only improving the situation in areas with a high level of inequality but also implementing basic principles of justice in accordance with the normative-value ideas. At the same time, external challenges the country faces partially mitigate the perceived inequality and give the state room to maneuver.

Key words: Russian society; inequality; perception of inequality; monetary and non-monetary inequalities; subjective well-being; social justice

For citation: Mareeva S.V. Social-economic inequalities in the Russian society: Public perception and its dynamics. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 344–362. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-344-362>

References

1. Andreenkova A.V. Predstavleniya o spravedlivosti i ekonomicheskom neravenstve v sravnitel'nom mezhsranovom kontekste [Perceptions of justice and economic inequality in a comparative cross-country context]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2017; 5. (In Russ.).
2. Gimpelson V.E., Chernina E.M. Polozhenie na shkale dokhodov i ego sub'ektivnoe vospriyatie [How we perceive our place in income distribution and how the perceptions deviate from reality]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2020; 2. (In Russ.).
3. Gorshkov M.K. Sotsialnaya spravedlivost i neravenstva kak ob'ekt sotsiologicheskoy diagnostiki [Social justice and inequalities as an object of sociological diagnostics]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. Vyp. 21. Moscow; 2023. (In Russ.).
4. Mareeva S.V. Monetarnoe neravenstvo v Rossii v sotsiologicheskom izmerenii [Monetary inequality in Russia in the sociological dimension]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2020; 11 (3). (In Russ.).
5. Mareeva S.V. Neravenstvo v rossiyskom obshchestve v monetarnom i nemonetarnom izmerenii: dinamika poslednego desyatiletiya [Monetary and non-monetary inequalities in the Russian society: Dynamics of the recent decade]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 9. (In Russ.).
6. Mareeva S.V., Karavay A.V., Slobodenyuk E.D. Predstavleniya o neravenstve kak faktor investitsiy v chelovechesky kapital: opyt empiricheskogo analiza [Perceptions of inequality as a factor of investments in human capital (an empirical analysis)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 6. (In Russ.).
7. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (Eds.). *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga tretiya* [Russian Society and Challenges of Time. Book 3]. Moscow; 2016. (In Russ.).
8. Salmina A.A. Differentsiatsiya vospriyatiya neravenstva rossiyanami i ego dinamika [Differentiation in Russians' perceptions of inequality and their dynamics]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 6. (In Russ.).

9. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.P. *Neverno otsenivaya nashu zhizn: Pochemu VVP ne imeet smysla. Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomicheskogo i sotsialnogo progressa* [Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add up. Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress]. Moscow; 2016. (In Russ.).
10. Hauser O.P., Norton M.I. (Mis) perceptions of inequality. *Current Opinion in Psychology*. 2017; 18.
11. Niehues J. Subjective perceptions of inequality and redistributive preferences: An international comparison. *Cologne Institute for Economic Research. IW-TRENDS Discussion Paper*. 2014; 2 (1).
12. Norton M.I., Ariely D. Building a better America — one wealth quintile at a time. *Perspectives on Psychological Science*. 2011; 6 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380

EDN: ZYFYJV

Долгосрочная динамика дифференциации заработной платы в отечественной промышленности в контексте социальной политики*

Д.В. Диденко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Аннотация. В статье рассмотрено взаимодействие факторов, определивших соотношение оплаты труда двух основных социально-профессиональных групп (рабочие и служащие) в рамках ключевого для индустриального общества сектора материального производства (промышленности) в России/СССР. Эмпирическая база статьи — обработанные официальные данные о заработных платах. Для характеристики совокупных доходов, социальных расходов и трансфертов привлечены материалы из научной литературы. Предложен новый ракурс анализа исторических данных: какие факторы лежали в основе вековой циклической динамики неравенства; какую роль играло перераспределение доходов. Среди факторов выделены: соотношение спроса и предложения квалификаций и навыков, мотивации, социальные механизмы и институты. Роль первой группы факторов раскрывает теория человеческого капитала, фокусирующаяся на взаимодействии сферы образования и трудовых отношений. Институциональный подход к изучению неравенства связывает его измеряемые показатели с их восприятием и характеризуется имманентной историчностью. Сравнение с альтернативными оценками неравенства доходов показывает, что динамика относительного дифференциала оплаты интеллектуального труда в отечественной промышленности отражает вековую циклическую тенденцию неравенства совокупных доходов. Делается вывод, что эгалитарная коммунистическая идеология советской элиты влияла на величину относительного дифференциала оплаты труда, но не на направление его динамики, которое определялось в первую очередь соотношением спроса и предложения. В условиях преобладания в СССР административных методов их балансирования и сильной компрессии зарплат в 1960-е–1980-е годы предприятия имели гибкие инструменты стимулирования производительного труда, в том числе социальные трансферты, — они выступали скорее фактором повышения неравенства, что не соответствовало их целевому назначению выравнивать доходы социально уязвимых групп. Для современной социальной политики важный исторический урок состоит в приоритетности избирательного и целенаправленного использования фискальных инструментов и социальных трансфертов по сравнению с регулированием заработных плат.

*© Диденко Д.В., 2025

Статья поступила в редакцию 11.03.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

Ключевые слова: социально-профессиональные группы; индустриальное общество; трудовые отношения; неравенство доходов; идеология; человеческий капитал; социальные трансферты

Для цитирования: Диденко Д.В. Долгосрочная динамика дифференциации заработной платы в отечественной промышленности в контексте социальной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 363–380. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380>

Анализ доходов социально-профессиональных групп, начатый в научной литературе советского периода [1; 22; 23], выводит на крупную научную проблему динамики социальной стратификации дореволюционного, советского и постсоветского обществ, наличии в ней преемственности и изменений (1). Официально социальная структура советского общества состояла из двух классов (занятый в промышленности «рабочий класс» со статусом «гегемона» и занятые в аграрном секторе «крестьянство») и интеллигенции как «социальной прослойки», выполняющей сервисные функции [3; 4; 11; 14; 21], и эти ключевые социальные группы считались получателями преимущественно трудовых доходов и в обществе с господством частнокапиталистических отношений. При характеристике стратификационной структуры также используются понятия «специалисты» или «профессионалы» — как персонификаторы человеческого капитала [16; 17], а при анализе социально-экономических отношений и управленческих практик — понятие «работники интеллектуального труда» [2; 9] как обозначение субъектов формирования и интенсивного использования человеческого капитала в процессах материального и нематериального производства [9. С. 82–92].

В статье продолжен анализ соотношения доходов двух социально-профессиональных групп (рабочие и работники интеллектуального труда в промышленности России/СССР) [см.: 8; 9; 10]. Предшествующие исследования сравнительно мало освещали факторы, стоящие за вековой циклической динамикой распределения доходов в дореволюционной и раннесоветской версиях формирующегося индустриального общества, позднесоветской версии среднеразвитого индустриального общества и его постсоветской версии, осуществившей прорывную системную трансформацию. Взаимодействие таких факторов выводит на проблематику социальной политики — системы мер в сфере распределения и, главным образом, перераспределения доходов в целях достижения оптимальной (с точки зрения субъектов такой политики) структуры потребления материальных и нематериальных благ различными группами населения. Анализ факторов динамики трудовых доходов, формируемых зарплатами, дополняется анализом динамики социальных трансфертов: если основной целью первых является компенсация трудовых усилий работников, то цель последних — выравнивание доходов социально уязвимых групп (регулирование трудовых отношений — важная часть социальной политики).

Среди факторов, воздействующих на масштабы неравенства доходов, выделяют две основные группы: 1) соотношение спроса и предложения на рынке труда квалификаций и навыков, сформированных в системе образования и на рабочих местах; 2) институциональная среда в широком смысле — система правил формирования, настройки и работы механизмов балансировки спроса и предложения (включая мотивации, побуждения к работе, идеологию правящей элиты). Институциональный подход к экономическому неравенству состоит в том, что динамика объективно измеряемого (с той или иной точностью) уровня неравенства соотносится с изменением социальных механизмов его формирования, среди которых важнейшее место занимает восприятие допустимого и нормального уровней неравенства, господствующих нормативных представлений о социальной справедливости. В свою очередь, они проявляются в социальных действиях, которые так или иначе воздействуют на траекторию изменений количественных показателей неравенства.

В промышленном секторе выделяют две крупные социально-профессиональные группы: рабочие и работники интеллектуального труда — «служащие», а среди них — инженерно-технических работников (ИТР) и служащих в узком значении (руководители и средний персонал) в советский период, руководителей, специалистов и других служащих — в постсоветский. Их общей характеристикой является то, что это наемные работники, получающие трудовые, а не предпринимательские доходы, а различием — характер труда (физический и умственный) и форма его результата (материальная и нематериальная).

Количественный анализ неравенства доходов может проводиться в рамках теории человеческого капитала [9; 16]. Она объясняет структуру трудовых доходов в разрезе премий за квалификацию как следствие полученного образования и опыта работы. Соответственно, различия в доходах в первую очередь соотносятся с различиями в образовательном уровне рабочей силы (при незначимости различий в других характеристиках). Уровень заработной платы промышленных служащих и рабочих хорошо представлен в официальной статистике с 1913 года по настоящее время. Во многом это связано с тем, что советская правящая элита считала промышленный сектор ключевым элементом социально-экономической системы. Данные за 1913–1917 годы были получены благодаря Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 года [19. С. 98] и опубликованы Центральным статистическим управлением СССР [29. С. 189–191]. Категория «служащие» была разделена на следующие подгруппы: директора и управляющие; технический персонал; прочие служащие.

С конца 1920-х по конец 1930-х годов и с 1957 по 2004 годы данные о заработной плате соответствующих социально-профессиональных групп ежегодно (в том числе с пересчетом исторических данных с 1925 года) публиковались в официальных статистических сборниках [9. С. 209–212]. На преимст

ность методологии позднесоветского периода в постсоветские годы указывал Госкомстат, смыкая данные в единые ряды [28. 2001. С. 359; 2006. С. 461]. С 2005 года Росстат собирает и публикует данные о численности и заработной плате работников по категориям, наиболее соответствующим группировке переписи 1918 года, в рамках обследования, проводимого раз в два года в октябре [25]. Выборка предприятий смещена в сторону крупной промышленности: здесь группы интересов были лучше организованы и больше преуспевали в их продвижении, особенно в 1960-е — 1980-е годы, когда возросло значение лоббирования и административного торга в планировании и распределении ресурсов [7. С. 320–322, 330–336]. В крупной промышленности размеры зарплат, в том числе руководителей, были выше, чем в мелкой.

Рассчитанный на основе официальных статистических данных простой дифференциал — это относительная разница заработных плат двух социально-профессиональных групп [9. С. 174–176; 8. С. 8–12]:

$$dw_t = \frac{wwc_t}{wbc_t} - 1, \quad (1)$$

где: dw_t — дифференциал оплаты труда в году t ; wwc_t — заработная плата служащих в году t ; wbc_t — заработная плата рабочих в году t . Согласно теории человеческого капитала дифференциал зарплат — это дополнительный доход в пересчете на один год образования, полученного в организованных формах:

$$dwy_t = \frac{dw_t}{swc_t - sbc_t}, \quad (2)$$

где: dwy_t — премия за один дополнительный год образования в году t ; swc_t — средняя продолжительность образования служащих в году t ; sbc_t — средняя продолжительность образования рабочих в году t . На протяжении всего изучаемого периода эффекты изменения выборки и содержания категорий не были столь значительными, чтобы поставить под сомнение достоверность динамики исследуемого показателя, а расхождения, вытекающие из возможных различий в методологии, были слабыми на фоне сильных изменений его значений. В частности, сокращение простого дифференциала (1) с 80,5 % в 2004 году до 68,5 % в 2005 году при снижении индекса Джини с 46,7 % до 45,6 % может быть связано с эффектами изменения выборки и содержания категорий в связи с переходом российской статистики с ОКОНХ (Общесоюзный классификатор отраслей народного хозяйства) на ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности), который не выделяет промышленность. Впрочем, дальнейшее падение дифференциала до 50,4 % и индекса Джини до 41 % свидетельствует в пользу того, что

разницы, вытекающие из возможных различий в методологии, незначительны на фоне сильных изменений самого показателя.

Использование в качестве аналитического инструмента относительного дифференциала заработных плат в пересчете на год разницы в образовательной подготовке (2) основано на следующих допущениях: работники имеют возможность выбирать образование и работу; расходы работников на образование в основном представляли альтернативные издержки (неполученные доходы); соотношение открытых и скрытых доходов (не отраженных в официальной статистике) было одинаковым для промышленных рабочих и служащих; соотношение общего и специфического опыта работы обеих категорий оставалось постоянным; социальные трансферты обеим категориям были пропорциональны их денежной заработной плате; соотношение отдачи на человеческий капитал здоровья (как совокупности физических способностей к будущей трудовой деятельности) для обеих категорий оставалось постоянным.

В [8] реконструирован показатель неравенства заработных плат в экономике СССР/РФ, традиционно измеряемый индексом Джини. Этот ряд за 1968–1991 годы содержит корректировку на эффекты немонетарных привилегий элиты в сторону повышения на 3,9 процентных пунктов, исходя из оценки К. Моррисона [37. С. 133], учитывавшего эффект неравного доступа к потребительским благам (элита могла приобретать товары и услуги по ценам, существенно ниже их равновесной стоимости). Для 1992–2009 годов предпочтение отдано оценкам ЮНИСЕФ [39], до 2005 года несколько превышавшим значения Росстата. Для 2010–2019 годов используются данные Росстата (с интерполяциями) [24].

Сравнение полученных оценок с альтернативными. Динамика относительного дифференциала оплаты интеллектуального труда (2) демонстрирует вековую цикличность частной отдачи от образования (рисунок 1), характерную для многих стран, где после Великой депрессии и Второй мировой войны выравнивание доходов посредством социальных трансфертов и регулирования трудовых отношений привело к компрессии зарплат и снижению отдачи от образования. Так, динамика внутривостанового неравенства зарплат в США с позиций теории человеческого капитала реконструирована в работе К. Голдин и Л. Катц [33. С. 44–88]. В СССР, во многом благодаря коммунистической идеологии правившей элиты, сужение надбавок за квалифицированную работу оказалось чрезвычайно сильным. Напротив, постсоветская рыночная экономика продемонстрировала высокую гибкость зарплат, что позволило дифференциалу вернуться к уровню дореволюционной рыночной экономики раннеиндустриального общества.

Сравнение полученных оценок долгосрочной динамики неравенства, измеренного разными индикаторами, с альтернативными (рисунок 2) показывает, что периоды восходящих и нисходящих тенденций в целом соответствуют

друг другу, хотя моменты поворотных точек могут несколько различаться, как и диапазон колебаний разных индикаторов вследствие их разной размерности. Эти различия объясняются как выборками данных, так и методиками их расчета. Так, использованные Т. Пикетти и его командой [38] в качестве основного источника семейные бюджеты рабочих, служащих и колхозников СССР характеризуются смещенной выборкой, ведущей к занижению масштабов неравенства [31. С 118–119, 131]. Основным недостатком сконструированного ими векового ряда — методологическая неоднородность: значительные повышающие корректировки применены для исходных данных дореволюционного и постсоветского периодов, но практически отсутствуют для советского (2).

Я.Л. ван Занден и соавторы [41] использовали временную шкалу с более широким шагом (5 лет) и более продолжительным хронологическим периодом в 180 лет. Но при отсутствии прямых источников для расчета индекса Джини они применяли модельные оценки на основе косвенных свидетельств, которыми до начала XX века служили данные о человеческом росте. Децильный коэффициент зарплат, используемый в [31 и 40], исключает из рассмотрения 80 % распределения, при этом опирается на результаты измерения в крайних децилях, в которых оно наименее надежно. Примечательно, что в [31] ряд по зарплате несколько длиннее, чем ряд по совокупным доходам (до налогообложения). Представительная межстрановая база данных WIID [40] по России содержит сравнительно короткий ряд сопоставимых данных.

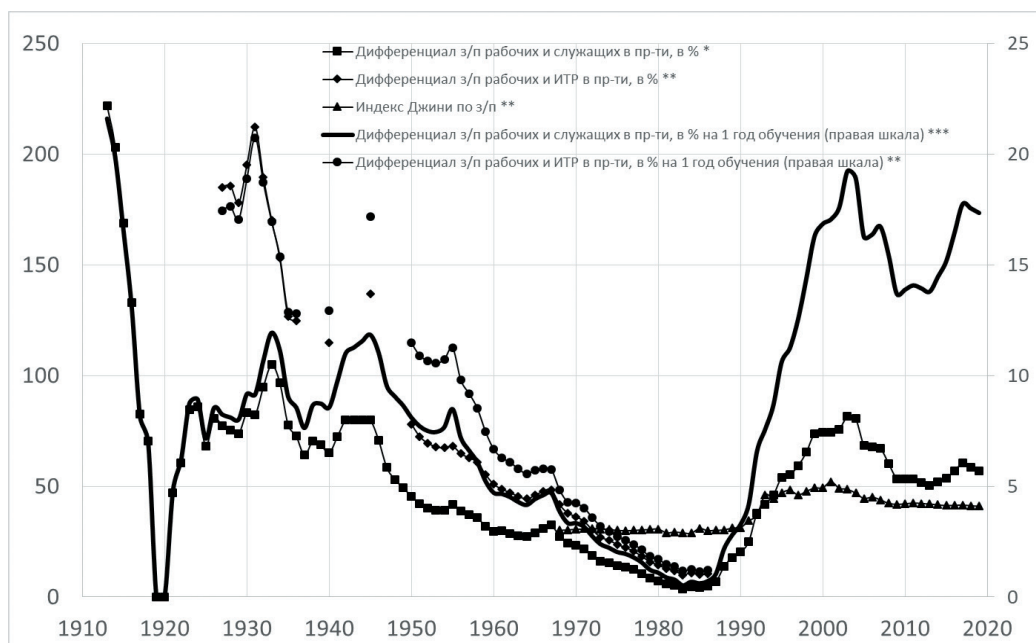

Рис. 1. Результаты расчетов показателей неравенства оплаты труда; * [9], ** [8], *** [8; 10]

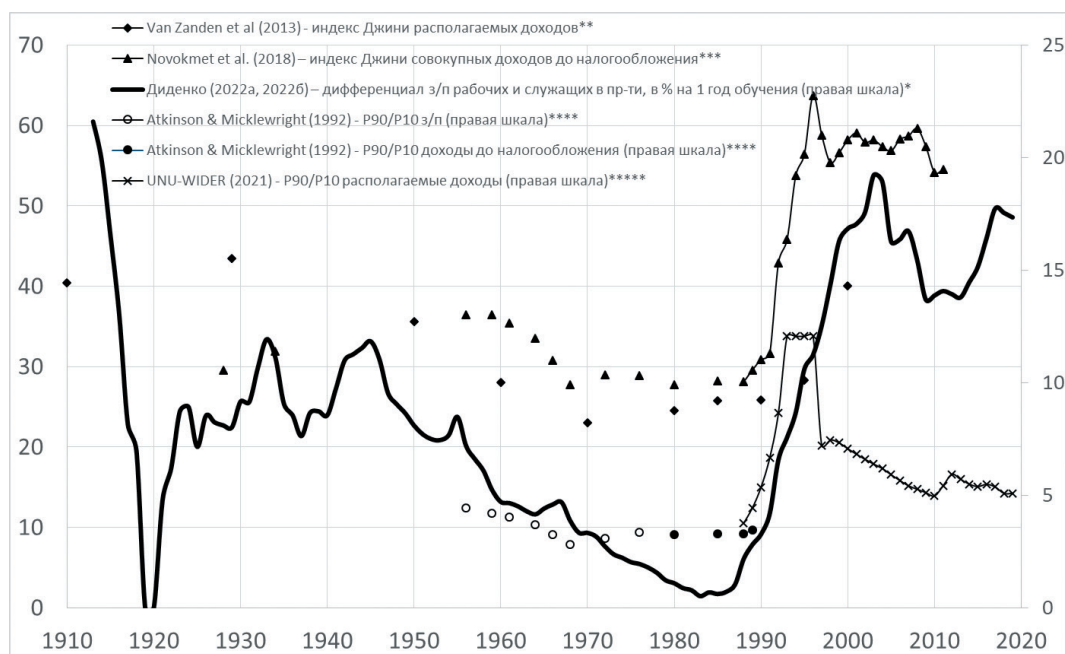

Рис. 2. Дифференциал оплаты труда в промышленности в сравнении с альтернативными оценками неравенства доходов, где P90/P10 — децильный коэффициент — соотношение минимальной оплаты 10 % наиболее обеспеченных работников к максимальной оплате 10 % наименее обеспеченных; * [8; 10], ** [41], *** [38], **** [31], ***** [40]

В целом динамика относительного дифференциала оплаты интеллектуального труда в российской промышленности соответствует динамике неравенства совокупных и располагаемых доходов, которая на долгосрочном горизонте демонстрирует циклические колебания.

Факторы циклической динамики неравенства доходов. Первым по очередности фактором формирования дифференциала оплаты интеллектуального труда является соотношение спроса и предложения квалификаций и навыков, сформированных в системе непрерывного образования и на рабочих местах. На разных исторических этапах этот фактор мог действовать как в сторону выравнивания, так и в сторону усиления дифференциации доходов [15. С. 197–230]. На ранних этапах становления индустриального и постиндустриального общества, сопровождавшихся системными трансформациями, скорее характерна последняя тенденция. Так, свидетельства о динамике дифференциации зарплат более и менее квалифицированных рабочих в период дореволюционной индустриализации [5] позволяют обоснованно полагать, что на 1913 год приходится максимальный уровень неравенства трудовых и смешанных доходов в дореволюционной России при слабой роли социальных трансфертов.

Наиболее релевантным представляется объяснение механизма неравенства трудовых доходов, апеллирующее к идее волн технологического

прогресса, смещенного в пользу высококвалифицированной рабочей силы. Распространение группы технологий, возникших в результате очередного комплекса изобретений, тесно связано с накоплением адекватного человеческого капитала, поскольку для их внедрения и использования необходима квалифицированная рабочая сила с высоким уровнем образования. Соответственно, динамика неравенства определяется исходом «гонки» между технологическим прогрессом и развитием системы образования [33]. Когда рост спроса на образованную рабочую силу, порождаемый технологическим прогрессом, опережает рост ее предложения, разрыв в зарплатах между более и менее образованными работниками увеличивается, и наоборот [13. С. 124].

Во многом на этой логике строится концепция цикличности долгосрочных трендов неравенства доходов: «волны Кузнеца» связаны с разным характером технологического прогресса и сопутствующих изменений на рынках образования и финансовых активов, а также с различием трендов технологии, открытости экономики и политики государства [20. С. 75–161]. В другой циклической концепции — «модифицированной кривой Кузнеца» — возрастание неравенства доходов связано также с радикальным разрушением устойчивых трудовых институтов в ходе системных трансформаций и недостаточной сформированностью новых институтов [9. С. 106–107, 273–274, 296–307].

Утверждение о функционировании рыночных механизмов в сфере трудовых отношений в дореволюционный и постсоветский периоды редко подвергается сомнению, иная ситуация характеризует советскую эпоху, где, за исключением периодов военной экономики, типичный работник имел значительную свободу выбора в отношении образования и места работы, а руководители предприятий по большей части должны были привлекать сотрудников на добровольной основе. Наличие у работников переговорной силы обеспечивалось правом на увольнение по собственному желанию, возможностями отлынивать от работы, получать связанные с ней дополнительные (чаще нелегальные) доходы, присваивать не критичные для функционирования производства объемы оборотных средств или готовой продукции, часто с неявного согласия руководителей предприятий. Показателем в целом рыночного характера занятости в СССР была довольно высокая текучесть рабочей силы, которая со временем снижалась [31; 36]. А.К. Соколов [26. С. 200] справедливо отмечал, что в советской экономике зарплата как цена рабочей силы имела более рыночный характер, чем другие «социалистические цены». При этом значительно ограничивали свободу выбора институты прописки, обязательной занятости и временного распределения после окончания школ, ссуза, вуз, т.е. конкуренция «вокруг» рабочих мест была менее совершенной, чем в западных государствах «всеобщего благосостояния» 1950-х–1970-х годов с сильными переговорными

полномочиями профсоюзов (Франция, Италия, Швеция, Великобритания). Тем не менее, в СССР расширялся диапазон возможностей обходить правовые ограничения, т.е. речь может идти лишь о квазирынке труда, который подвергался жесткому администрированию.

Аксиома советского экономического сознания, что производство может быть только материальным, во многом определяло официальное отношение к квалифицированному интеллектуальному труду. Ликвидация существенных различий между умственным и физическим трудом на протяжении всего советского периода провозглашалась одним из идеологических приоритетов социальной политики государства. При этом с позиций советской идеологии интеллектуальный труд промышленных служащих (во всяком случае ИТР), как и физический труд рабочих, считался производительным, в отличие от интеллектуального труда в отраслях нематериального производства сектора услуг («непроизводственной сфере»). В этой связи соотношение между заработной платой промышленных служащих и рабочих в советский период можно рассматривать как основу структурной динамики заработной платы и распределения доходов.

Нормативные представления о допустимом неравенстве, которые задавались официальной идеологией и экономическим сознанием, взаимодействовали с потребностями стимулирования трудовой активности для экономического развития. Главное внутреннее противоречие трудовых отношений в советское время заключалось в борьбе уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд [26. С. 178]. Так, в период ускоренной индустриализации и Великой Отечественной войны произошло корректирующее повышение дифференциации зарплат: в этот период догоняющего промышленного развития, обеспечивавшегося мобилизационными методами, потребность в высококвалифицированной рабочей силе и ее редких навыках резко возросла. Поэтому фактическая динамика дифференциации заработной платы отличалась от эталонной, задававшейся эгалитарными идеологическими ценностями.

Сталинскому руководству 1930-х годов пришлось адаптировать марксистский дискурс к этим социальным и экономическим вызовам, гибко используя лексику и цитаты классиков, чтобы создать положительные стимулы, по крайней мере для гражданской рабочей силы, понимая, что она склонна избегать работы на пределе возможностей, если заработная плата падает ниже субъективно воспринимаемого «справедливого» уровня. Модель «справедливая заработная плата — трудовые усилия» [30] тестировалась в работе П. Грегори [7. С. 110–142], где было отмечено использование государственной пропаганды для снижения восприятия «справедливого» уровня и смещения ожидаемого вознаграждения во временном горизонте.

Ставки заработных плат в СССР устанавливались в централизованном порядке, в меру понимания администраторами (как правило недоста-

точного) соотношения между спросом и предложением квалификаций, навыков и нормативными представлениями о желательности ослабления дифференциации. В административном управлении иерархической экономической системой неизбежно возникал конфликт интересов между принципалом (представляющим национальную экономику) и его агентами (представителями предприятий и их подразделений). Интерес агентов состоял в полноте выполнения плановых показателей, установленных принципалом, с учетом их приоритетности, в получении денежных премий, натуральных выплат и нематериальных повышений социального статуса. Агенты имели ограниченный, но гибкий инструментарий стимулирования трудовой деятельности тех, кого считали полезными в выполнении своих задач. Вследствие лучшей информированности и креативности агенты имели больше возможностей манипулирования информацией и институтами, ухода из сферы социального контроля [7. С. 22–23, 182–184, 317–322]. В позднесоветский период, по мере потери командной системой мобилизационного потенциала и ослабления репрессивного давления, такой конфликт интересов скорее усиливался, чем ослабевал.

Среднеразвитое индустриальное общество позднего СССР рассматривалось в зарубежной литературе как аналог государства «всеобщего благосостояния» [36; 42]. Социальные трансферты (в виде выплат из «общественных фондов потребления» — ОФП) во многом выступали как натуральная часть зарплаты, воспроизводили ее дифференциалы через статусные различия и могли вносить вклад в повышение неравенства. В принятии решений о распределении ОФП большую роль играли предприятия, которые, вследствие различного статуса, имели неравные возможности. Кроме того, сокращение дифференциала оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда подрывало стимулы к производительной работе, и посредством выплат ОФП руководство предприятий пыталось их восполнить, что не соответствовало тому, как роль ОФП определялась в государственной идеологии и социальной политике (как зачаточный механизм распределения «по потребностям»). Наиболее крупным видом выплат выступало предоставление жилой площади определенного размера и качества, сокращение срока их улучшения, мелкими компенсациями — льготные путевки в санатории и дома отдыха.

Снижение дифференциации зарплат сочеталось с умеренным расширением дифференциации совокупных доходов за счет расширения доли доходов элиты. На это указывает увеличение (с конца 1960-х по середину 1980-х годов) отношения зарплат 10 % верхнего сегмента к 10 % нижнего [23. С. 54–57], что могло быть вызвано ростом как нелегальных предпринимательских доходов, поступавших в сферу потребления, так и разного рода смешанных доходов. С началом прорыночных реформ в середине 1980-х годов началось обратное движение дифференциации оплаты труда — как реакция на «уравниловку»

предшествующего периода. В официальном дискурсе эта тенденция получала обоснование как восстановление принципов «социалистической оплаты по труду». С переходом к рыночной экономике в 1990-е годы тенденция роста неравенства доходов проявилась в России в большей степени, чем в других странах с переходной экономикой. Важнейшую роль в этом сыграло ослабление институтов, сдерживавших неравенство, в том числе делигитимация официального марксизма как государственной идеологии.

Государственная политика регулирования рынка труда на протяжении последних 20–30 лет характеризовалась приоритетом ограничения безработицы, недопущения экстремальных проявлений «провалов» рынка и государства (голода и социальных волнений) при прямом невмешательстве в рыночные механизмы установления заработных плат. Косвенное воздействие оказывали низкие ставки в бюджетном секторе и заниженный (относительно прожиточного минимума) минимальный размер оплаты труда. С начала 2000-х годов, после того как был пройден наиболее острый и хаотичный этап прорыночной системной трансформации, неравенство зарплат и доходов начало ослабевать. То, что последний максимальный уровень дифференциала в 2017 году (60,4 %) не превысил достигнутый в 2003 году (81,6 %), — признак тенденции к ослаблению неравенства (рисунок 1), что подтверждается другими исследованиями (рисунок 2). В то же время относительные дифференциалы заработной платы показывают, что в 2011–2021 годы более квалифицированные работники (особенно занятые управленческой деятельностью) несколько улучшили свое положение относительно менее квалифицированных (таблица 1). В рамках векового цикла соответствующие премии остаются исторически высокими — примерно 17 % за дополнительный год образования (рисунок 1).

Несмотря на снижение роли предприятий в социальных расходах (помимо социальных трансфертов включают расходы на образование и здравоохранение), сохраняется их сравнительно высокий уровень [34. С. 135–141], а также высокий (в международном контексте) редистрибутивный эффект налоговой системы [35. С. 37–38]. Имеющиеся фрагментарные данные о доле социальных расходов в ВВП свидетельствуют, что их относительное снижение в 1990-е годы (в условиях сильного сжатия экономики) носило коррекционный характер, а постсоветская Россия (13,09 % ВВП в 2010 году) ближе к позднему СССР (16,81 % ВВП в 1970 году) и достаточно далека как от поздней Российской империи (0,59 % ВВП в 1870–1890 годы), так и от раннего СССР (4,31 % ВВП в 1930 году) [34. С. 137].

Для субъективного восприятия неравенства важно наличие в обществе каналов вертикальной мобильности, т.е. возможности улучшить социальное положение, следуя действующим правилам [32]. Отмечаемая в условиях снижения роли конкурентных принципов тенденция к «склеротизации» институтов, определяющих шансы, каналы и темпы социальной мобильности, в числе прочего ведет к снижению толерантности российского общества к неравенству (3).

Таблица 1

Дифференциалы заработной платы социально-профессиональных групп в промышленности (2005–2021)

Год	Среднемесячная заработная плата, руб. в текущих ценах					Дифференциалы заработной платы, %		
	Руководители	Специалисты	Другие служащие	Всего РИТ*	Рабочие	РИТ* / рабочие	Руководители / специалисты	Специалисты / другие служащие
2005	21106	12209	7754	1531	8918	69	73	57
2007	31740	18454	11717	22 563	13496	67	72	58
2009	34497	23168	15187	26274	17122	53	49	53
2011	43716	30094	18252	33904	22133	53	45	65
2013	52665	35877	22917	40812	27137	50	47	57
2015	63015	42356	27889	48530	31618	53	49	52
2017	78837	51206	30922	58828	36677	60	54	66
2019	88535	58270	36560	66649	42486	57	52	59
2021	109966	70565	43409	82206	51095	61	56	63

* Работники интеллектуального труда — руководители, специалисты и другие служащие

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата [24; 25; 28]

Таким образом, развороты тенденций в динамике неравенства (середина 1910-х, конец 1920-х, вторая половина 1940-х, первая половина 1980-х, середина 2000-х), как правило, предшествовали изменениям в институциональной среде исторических версий российского индустриального общества, т.е. (квази)-рыночный фактор определял вектор рассматриваемой динамики. Но другая группа факторов (мотивации, социальные механизмы и институты) на протяжении более чем векового периода по-разному воздействовала на масштабы неравенства и усиливала движения в рамках определенных тенденций.

Работники интеллектуального труда и рабочие промышленности — две основные социально-профессиональные группы индустриального общества. Величина относительного дифференциала оплаты их труда определя-

ется, с одной стороны, соотношением спроса и предложения квалификаций и навыков, с другой — институциональной средой, в которой важное место занимают нормативные представления о справедливости распределения доходов. Итоговый измеряемый показатель неравенства — результат взаимодействия комплекса факторов, и тенденции его динамики определялись в первую очередь соотношением спроса и предложения квалифицированного труда, а также господствовавшей эгалитарной идеологией элиты. В советский период государственная политика пыталась балансировать спрос и предложение преимущественно административными методами, а на уровне предприятий имелись гибкие инструменты стимулирования труда. В условиях сильной компрессии зарплат в 1960-е — 1980-е годы важную роль стали играть социальные трансферты, но их использование для стимулирования труда считается нецелевым. Советская модель предоставления социальных благ через предприятия имела слабый выравнивающий эффект — фактором роста неравенства было различие ресурсов и возможностей предприятий.

Неравенство зарплат рассмотренных социально-профессиональных групп положительно коррелирует с совокупным неравенством доходов. Тем более интересны выявленные случаи их рассогласованного движения: 1) в СССР 1960-х — начала 1980-х годов, когда отдача на образование понижалась при некотором усилении неравенства совокупных доходов; 2) в России последних двух десятилетий, когда сравнительно высокая оплата интеллектуального труда сочеталась с некоторым ослаблением исторически высокого неравенства доходов, во многом за счет сильного редистрибутивного эффекта налоговой системы. В условиях понижающейся толерантности российского общества к неравенству важную роль в его дальнейшем ослаблении призвано играть не столько регулирование ставок и размеров заработных плат, сколько избирательное и целенаправленное использование фискальных инструментов и социальных трансфертов. Один из важных уроков (пере)распределения доходов в позднем СССР состоит в том, что жесткое регулирование заработных плат способно исказить действие внерыночных инструментов (социальных трансфертов). Другое важное направление исследований — снижение роли некогнитивных факторов (дискриминации по полу, происхождению, национальности и прочих видов).

Примечания

- (1) Эта проблема на материале постсоветской России рассматривается, в частности, в работе Н.Е. Тихоновой [27].
- (2) Вопросы о степени достоверности исходных данных и расчетов подробно освещены в отношении постсоветского периода Р.И. Капелюшниковым [12], советского и постсоветского — частично Д.В. Диденко [8; 10].
- (3) Соответствующие эмпирические свидетельства приведены в [6; 18].

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г., Майер В.Ф. Заработная плата в СССР. М., 1959.
2. Андреева Т.Е. Работник интеллектуального труда: подход к определению // Вестник СПбГУ. Серия 8: Менеджмент. 2007. № 4.
3. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия. Курган, 2007.
4. Бляхман Л.С., Шкаратан О.И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973.
5. Бородин Л.И. Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнецца? // Россия и мир. М., 2001.
6. Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2.
7. Грегори П.Р. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.
8. Диденко Д.В. Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики // Уральский исторический вестник. 2022. № 1.
9. Диденко Д.В. Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015.
10. Диденко Д.В. Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 2.
11. Интеллигенция современного российского общества: поиски смысла жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020.
12. Капелюшников Р.И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4.
13. Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4.
14. Капогузов Е.А. Неявный социальный контракт в советском высшем образовании и его трансформация в 1990-х годах // Journal of Institutional Studies. 2023. Т. 15. № 3.
15. Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование. М., 2017.
16. Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество — новый ресурс — новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2.
17. Латова Н.В., Латов Ю.В. Опоздавшие к третьей образовательной революции (компаративистский анализ человеческого капитала российских специалистов-профессионалов) // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12. № 2.
18. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1.
19. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.
20. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М., 2017.
21. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда / Под ред. О.И. Шкаратана. М., 1985.
22. Римашевская Н.М. Экономический анализ доходов рабочих и служащих. М, 1965.
23. Римашевская Н.М., Римашевский А.А. Равенство или справедливость? М., 1991.
24. Российский статистический ежегодник. М., 2010–2022 // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.
25. Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>.
26. Соколов А.К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории. Вып. 9 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.-Тула, 2010.
27. Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х — конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8.

28. Труд и занятость в России. М., 2001, 2006, 2007, 2009 // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>.
29. Труды Центрального статистического управления СССР. Т. XVIII: 1918–1923. М., 1924.
30. *Akerloff G., Yellen J.* The fair wage-effort hypothesis and unemployment // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. Vol. 105. No. 2.
31. *Atkinson A.B., Micklewright J.* Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income. Cambridge, 1992.
32. *Gimpelson V.E., Treisman D.* Misperceiving inequality // *Economics and Politics*. 2018. Vol. 30. No. 1.
33. *Goldin C., Katz L.* The Race Between Education and Technology. Cambridge, 2008.
34. *Lindert P.H.* Making Social Spending Work. Cambridge, 2021.
35. *Lindert P.H.* The Rise and Future of Progressive Redistribution. CEQ Working Paper 73. 2017 // URL: https://commitmenttoequity.org/wp-content/uploads/2017/11/CEQ-WP73_Lindert_RiseFutureProgressiveRedistribution_Oct17_2017.pdf.
36. *McAuley A.* Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality. Madison-Herts, 1979.
37. *Morrisson C.* Income distribution in East European and Western countries // *Journal of Comparative Economics*. 1984. Vol. 8. No. 2.
38. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia 1905–2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. No. 2.
39. TransMONEE. Database. UNICEF Regional Office for CEECIS. Geneva, 2011 // URL: http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls.
40. UNU-WIDER. World Income Inequality Database (WIID) 2021 // URL: <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid>.
41. *Van Zanden J.L., Baten J., Földvari P., Van Leeuwen B.* The changing shape of global inequality 1820–2000: Exploring a new dataset // *Review of Income and Wealth*. 2013. Vol. 60. No. 2.
42. *Von Beyme K.* Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunion im Systemvergleich. München, 1977.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380

EDN: ZYFYJV

Long-term dynamics of wage differentiation in the national industry in the framework of social policy*

D.V. Didenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: didenko-dv@ranepa.ru)

Abstract. The article considers the interplay of factors that determined the wage ratio dynamics of two social-professional groups (blue- and white-collar workers) in Russia/USSR, focusing on the core sector of material production in the industrial society and based on the official statistical data

*© D.V. Didenko, 2025

The article was submitted on 11.03.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

on wages. To explain the trends of total income, social expenditures and transfers, the author refers to the relevant scientific research, suggesting a new perspective for the analysis of historical data — what factors contributed to the secular cyclical dynamics of inequality and what role the income redistribution played. The factors include the patterns of supply and demand for qualifications and skills and motivations, social mechanisms and institutions. The theory of human capital, which focuses on the interaction between education and labor relations, helps to understand the role of the first group of factors. The institutional approach to the study of inequality associates its indicators with the perception and emphasizes its inherent historicity. The comparison with alternative estimates of the income inequality shows that the dynamics of the relative white-collars' wage differential in the national industry reflects the secular cyclical trend of overall income inequality. The author argues that the egalitarian ideology of the Soviet elite affected the scale of the relative wage differential but not the direction of its trend as determined primarily by the relationship between supply and demand. Under the dominant administrative methods of balancing them in the USSR and severe wage compression in the 1960s–1980s, the enterprise management used flexible incentive instruments to stimulate productive labor, including social transfers that seem to be an inequality enhancing factor despite their declared purpose of equalizing the incomes of socially vulnerable groups. For the contemporary social policy, an important history lesson is the priority of selective and targeted use of fiscal instruments and social transfers over wage regulation.

Key words: social-professional groups; industrial society; labor relations; income inequality; ideology; human capital; social transfers

For citation: Didenko D.V. Long-term dynamics of wage differentiation in the national industry in the framework of social policy. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 363–380. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-363-380>

References

1. Aganbegyan A.G., Mayer V.F. *Zarabotnaya plata v SSSR* [Wages in the USSR]. Moscow; 1959. (In Russ.).
2. Andreeva T.E. Rabotnik intellektualnogo truda: podkhod k opredeleniyu [Knowledge worker: An approach to definition]. *Vestnik SPbGU. Seriya 8: Menedzhment*. 2007; 4. (In Russ.).
3. Barbakova K.G., Mansurov V.A. *Intelligentsiya i vlast: dinamika vzaimodeistviya* [Intelligentsia and Power: Dynamics of Interaction]. Kurgan; 2007. (In Russ.).
4. Blyakhman L.S., Shkaratan O.I. *NTR, rabochy klass, intelligentsiya* [STR, Working Class, Intelligentsia]. Moscow; 1973. (In Russ.).
5. Borodkin L.I. Neravenstvo dokhodov v period industrialnoi revolyutsii. Universalna li gipoteza o krivoi Kuznetsa? [Income inequality under the industrial revolution. Is the Kuznets Curve Hypothesis universal?] *Rossiya i mir. Pamyati professora Valeriya Ivanovicha Bovykina*. Moscow; 2001. (In Russ.).
6. Gimpelson V.E., Chernina E.M. Polozhenie na shkale dokhodov i ego sub'ektivnoe vospriyatie [Position on the income scale and its subjective perception]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2020; 2. (In Russ.).
7. Gregory P.R. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow; 2008. (In Russ.).
8. Didenko D.V. Vekovye tendentsii neravenstva dokhodov v Rossii: sravnitelny analiz statisticheskoi dinamiki [Secular trends of income inequality in Russia: A comparative analysis of the statistical dynamics]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*. 2022; 1. (In Russ.).
9. Didenko D.V. *Intellektualoemkaya ekonomika: chelovechesky kapital v rossiiskom i mirovom sotsialno-ekonomicheskom razviti* [Knowledge-Intensive Economy: Human Capital in Russian and Global Social-Economic Development]. Saint Petersburg; 2015. (In Russ.).
10. Didenko D.V. Neravenstvo dokhodov v sovremennoi Rossii na fone dolgosrochnoi istoricheskoi retrospektivy [Income inequality in contemporary Russia in the long-term historical perspective]. *Terra Economicus*. 2022; 20 (2). (In Russ.).

11. Toshchenko Zh.T. (Ed.) *Intelligentsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva: poiski smysla zhizni* [Intelligentsia in the Contemporary Russian Society: In Search for the Meaning of Life]. Moscow; 2020. (In Russ.).
12. Kapelyushnikov R.I. Komanda T. Piketti o neravenstve v Rossii: kolleksiya statisticheskikh artefaktov [Piketty's team on inequality in Russia: A collection of statistical artifacts]. *Voprosy Ekonomiki*. 2020; 4. (In Russ.).
13. Kapelyushnikov R.I. Neravenstvo: kak ne primitivizirovat problemu [Inequality: How not to primitivize the issue]. *Voprosy Ekonomiki*. 2017; 4. (In Russ.).
14. Kapoguzov E.A. Neyavny sotsialny kontrakt v sovetskom vysshem obrazovanii i ego transformatsiya v 1990-h godah [The implicit social contract in the Soviet higher education and its transformation in the 1990s]. *Journal of Institutional Studies*. 2023; 15 (3). (In Russ.).
15. Klyucharev G.A., Didenko D.V., Latov Yu.V., Latova N.V. *Sotsiologiya obrazovaniya. Dopolnitelnoe i nepreryvnoe obrazovanie* [Sociology of Education. Additional and Continuing Education]. Moscow; 2017. (In Russ.).
16. Latov Yu.V., Tikhonova N.E. Novoe obshchestvo — novy resurs — novy klass? (K 60-letiyu teorii chelovecheskogo kapitala) [A new society — a new resource — a new class? (to the 60th anniversary of the human capital theory)]. *Terra Economicus*. 2021; 19 (2). (In Russ.).
17. Latova N.V., Latov Yu.V. Opozdavshie k tretyei obrazovatelnoi revolyutsii (Komparativistsky analiz chelovecheskogo kapitala rossiiskikh spetsialistov-professionalov) [Latecomers to the third educational revolution (comparative analysis of the human capital of Russian specialists)]. *Journal of Institutional Studies*. 2020; 12 (2). (In Russ.).
18. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Tolerantnost k sotsialnym neravenstvam v epokhu neopredelennosti v Rossii: vazhna li sub'ektivnaya mobilnost? [Tolerance to social inequalities in the era of uncertainty in Russia: Is subjective mobility important?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2022; 1. (In Russ.).
19. Kovalchenko I.D. (Ed.) *Massovye istochniki po sotsialno-ekonomicheskoi istorii sovetskogo obshchestva* [Mass Sources on the Social-Economic History of the Soviet Society]. Moscow; 1979. (In Russ.).
20. Milanovic B. *Globalnoe neravenstvo. Novy podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global Inequality: A New Approach for the Era of Globalization]. Moscow; 2017. (In Russ.).
21. Shkaratan O.I. (Ed.) *Rabochy i inzhener. Sotsialnye faktory effektivnosti truda* [Worker and Engineer. Social Factors of Labor Efficiency]. Moscow; 1985. (In Russ.).
22. Rimashevskaya N.M. *Ekonomichesky analiz dokhodov rabochih i sluzhashchih* [Economic Analysis of Workers' and Employees' Incomes]. Moscow; 1965. (In Russ.).
23. Rimashevskaya N.M., Rimashevsky A.A. *Ravenstvo ili spravedlivost?* [Equality or Justice?]. Moscow; 1991. (In Russ.).
24. Rossiisky statistichesky ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; 2010–2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.
25. Svedeniya o zarabotnoi plate rabotnikov v organizatsiyah po kategoriym personala i professionalnym gruppam [Data on employees' wages in organizations by personnel categories and professional groups]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>. (In Russ.).
26. Sokolov A.K. Problemy motivatsii truda na sovetskikh predpriyatiyah [Issues of labor motivation at Soviet enterprises]. Sakharov A.N., Rudaia E.N. (Eds.). *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Vol. 9. Moscow-Tula; 2010. (In Russ.).
27. Tikhonova N.E. Transformatsii sotsialnoi struktury rossiiskogo obshchestva: konets 1980-h — konets 2010-h gg. [Transformations of the social structure of the Russian society in the late 1980s — late 2010s]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 8. (In Russ.).
28. Trud i zanyatost v Rossii [Labor and Employment in Russia]. Moscow; 2007, 2009. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>.
29. Trudy Tsentralnogo statisticheskogo upravleniya SSSR [Works of the Central Statistical Board of the USSR]. Vol. XVIII: 1918–1923. Moscow; 1924. (In Russ.).

30. Akerloff G., Yellen J. The fair wage-effort hypothesis and unemployment. *Quarterly Journal of Economics*. 1990; 105 (2).
31. Atkinson A.B., Micklewright J. *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge; 1992.
32. Gimpelson V.E., Treisman D. Misperceiving inequality. *Economics and Politics*. 2018; 30 (1).
33. Goldin C., Katz L. *The Race Between Education and Technology*. Cambridge; 2008.
34. Lindert P.H. *Making Social Spending Work*. Cambridge; 2021.
35. Lindert P.H. *The Rise and Future of Progressive Redistribution*. CEQ Working Paper 73. 2017. URL: https://commitmenttoequity.org/wp-content/uploads/2017/11/CEQ-WP73_Lindert_RiseFutureProgressiveRedistribution_Oct17_2017.pdf.
36. McAuley A. *Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality*. Madison-Herts; 1979.
37. Morrisson C. Income distribution in East European and Western countries. *Journal of Comparative Economics*. 1984; 8 (2).
38. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*. 2018; 16 (2).
39. TransMONEE. Database. UNICEF Regional Office for CEECIS. Geneva; 2011. URL: http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls.
40. UNU-WIDER. World Income Inequality Database (WIID). 2021. URL: <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid>.
41. Van Zanden J.L., Baten J., Földvari P., Van Leeuwen B. The changing shape of global inequality 1820–2000: Exploring a new dataset. *Review of Income and Wealth*. 2013; 60 (2).
42. Von Beyme K. *Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunion im Systemvergleich*. München; 1977.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-381-396

EDN: ZNZZCI

Переквалификация как запрос рынка труда и жизненная стратегия в постиндустриальном обществе*

А.С. Баркова

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Россия, 119234

(e-mail: ann.barkova@list.ru)

Аннотация. Переквалификации обретает особую актуальность в постиндустриальном обществе, которое характеризуется динамичными социальными и технологическими изменениями, трансформацией рынка труда и, вследствие этого, необходимостью профессиональной адаптации. Статья посвящена комплексному анализу социально-экономического феномена переквалификации в современных реалиях, где технологические инновации, внедрение искусственного интеллекта и изменения в жизненных стратегиях кардинально меняют требования к профессиональным компетенциям. Методологические сложности в изучении переквалификации связаны с отсутствием ее единого понимания. Анализ отечественных и зарубежных источников показывает, что понятия «переквалификация» и «профессиональная переподготовка» часто воспринимаются как синонимы, что искажает статистические данные. Важной исследовательской проблемой является и отсутствие системных механизмов учета полной смены профессии. Системы мониторинга рынка труда, как правило, фиксируют лишь факты профессиональной мобильности, не дифференцируя их по конкретным направлениям или радикальности изменений, что существенно ограничивает возможности анализа эффективности разных моделей переквалификации. Таковая представляет собой сложный многоаспектный процесс, который может носить вынужденный характер или быть инициативным. По радикальности она подразделяется на полную (кардинальная смена профессиональной сферы) и частичную (расширение или углубление компетенций) и тесно связана с разными формами профессиональной мобильности: апшифтингом (переход на более высокую социальную и профессиональную позицию), дауншифтингом (сознательное снижение профессионального статуса) и горизонтальной мобильностью. Каждая форма отражает особые стратегии адаптации работников к изменяющимся условиям рынка труда и реализации личных профессиональных устремлений. Несмотря на обилие ярких примеров успешной кардинальной смены профессии, системный анализ вторичных данных и результатов опросов выявляет парадоксальную тенденцию: значительное количество людей хочет сменить профессию, но большая часть тех, кто осуществил кардинальную переквалификацию, не удовлетворены ее результатами, и это противоречие между медийными историями успеха и реальной статистикой требует осмысления. В то же время наибольший уровень профессиональной удовлетворенности наблюдается у работников, осуществивших нерадикальные формы переквали-

*© Баркова А.С., 2025

Статья поступила в редакцию 06.02.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

фикации (например, у врачей, которые сменили направление деятельности, или водителей, пересевших на другое транспортное средство).

Ключевые слова: переквалификация; смена профессии; профессиональная адаптация; профессиональная мобильность; рынок труда; постиндустриальное общество

Для цитирования: Баркова А.С. Переквалификация как запрос рынка труда и жизненная стратегия в постиндустриальном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 381–396. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-381-396>

Какими были мы на старте!
Теперь не то, исчезла прыть...
Играйте на рискованной карте,
Не бойтесь жизнь переломить!

Э. Рязанов

Рынок труда в современном обществе характеризуется высокой динамичностью и подвержен воздействию широкого спектра факторов. Технологические инновации, экономические кризисы и изменения в нормативно-правовой базе трансформируют его структуру, способствуют появлению и исчезновению конкретных профессий и специальностей, запускают процесс адаптации всех субъектов рынка труда — и работодателей, и работников — к новым условиям. Чаще всего такая адаптация подразумевает корректировку стратегий и моделей экономического поведения, но возможны и ее радикальные варианты: для работодателей это перепрофилирование компании, для работников — переквалификация, смена профессии.

До недавнего времени радикальные варианты адаптации встречались достаточно редко — они плохо согласовывались с идеологическими и социальными приоритетами эпохи модерна, для которой была характерна ориентация на кумулятивное развитие, постепенное накопление знаний. Поэтому кардинальная смена профессии и сферы трудоустройства чаще всего воспринималась как трагическое событие, вызванное внешними обстоятельствами или странностями человека. Однако ситуация меняется: в постиндустриальном обществе рынок труда трансформируется так быстро и существенно, что все большему количеству людей приходится задумываться о смене профессии. Впрочем, и сами люди часто хотят этого: многомерные исследования настроений относительно смены профессии демонстрируют, что желание изменить сферу деятельности присутствует у значительной части населения. По данным рекрутингового агентства SuperJob, к переквалификации готовы 86 % россиян, к смене профессии — каждый второй [12]. Согласно данным интернет-рекрутинга HeadHunter, 55 % россиян готовы сменить профессию [5]. С одной стороны, это свидетельствует о неудовлетворенности текущим профессиональным положением у значительной части россиян; с другой стороны, говорит о новом понимании жизненных стратегий у людей эпохи постмодерна.

Стремление к тому, чтобы не быть замкнутым в одной профессиональной области, давно наличествует у людей. Так, К. Маркс, анализируя развитие общественного производства, сформулировал закон перемены труда, согласно которому капиталистическое производство характеризуется нарастающим техническим прогрессом, что вызывает постоянное изменение характера труда и необходимость смены профессиональной деятельности [6]. Маркс размышлял и о закономерностях выбора профессии, полагая, что он должен быть осознанным и основываться на понимании своих способностей, убеждений и целей. Ошибочный выбор может привести к внутренним страданиям, а правильный выбор не только приносит личное удовлетворение, но и способствует достижению высоких общечеловеческих целей [15]. В «Манифесте коммунистической партии» подчеркивается, что в идеальном обществе, основанном на коммунистических принципах, образование позволит людям реализовать свой потенциал в различных сферах, способствуя как личному, так и общественному прогрессу [27].

Сегодня мы начинаем сталкиваться с уникальной ситуацией, когда и объективные условия рынка труда подталкивают людей к переквалификации, и их стремление реализовать свои давние мечты. Все сказанное подчеркивает важность создания условий для переквалификации, включая доступность образовательных программ и поддержку работодателей, а также социологического анализа данного феномена в постиндустриальном обществе.

Изменения рынка труда: объективные условия радикальной переориентации

Чтобы понять, сколько ниш, «лакун» и возможностей для переквалификации предоставляет современное общество, кратко рассмотрим развитие отечественного рынка труда за последние пять лет. По историческим меркам 2019 год закончился совсем недавно, но сколько изменений произошло с тех пор, включая мировые потрясения, под влиянием которых рынок труда существенно преобразился. Так, вызовы 2020 года, связанные с пандемией, поставили перед организациями непростую задачу перевода сотрудников на удаленный формат работы. Такой формат был распространен в компаниях и ранее [25], однако в 2020 году началось его повсеместное применение. С того времени, согласно мировой статистике [26], доля удаленных работников стабильно растет, а компании регулярно добавляют этот формат как опцию при поиске кандидатов. Сейчас в большинстве своем люди относятся к дистанционной работе положительно [8], она стала неотъемлемым элементом современного рынка труда.

В 2022 году российский рынок труда столкнулся с новым потрясением — западные санкции привели к прекращению деятельности ряда международных компаний на территории России и ограничению доступа к иностранным технологиям и сервисам, что потребовало адаптации к новым реалиям и по-

иска альтернативных стратегий развития. Тогда рынок труда вступил в кризисную фазу и показывал парадоксальную динамику: уровень безработицы достиг исторического минимума [2. С. 10], но напряженность на рынке труда сохранилась, изменив свою форму, — возникли массовые дефициты специалистов в определенных сферах деятельности, и многие люди сменили профессию, чем, несомненно, способствовали стабилизации как рынка труда, так и экономического положения страны. Кроме того, компании стали задействовать в качестве сотрудников тех, кого ранее принимали на работу неохотно — неопытную молодежь, самозанятых, пенсионеров, лиц с ограниченными возможностями [11]. При этом вакансии для молодых и пожилых чаще остальных предполагают гибкую и частичную занятость, неполный рабочий день [23]. По данным обзора рынка труда за 2024 год [10], важнейшими процессами на нем стали удержание кадров и борьба за опытных специалистов, т.е. адаптация компаний к меняющимся условиям заставила их изменить поведение на рынке труда.

Третий за пять лет фактор трансформации рынка труда связан с активным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Внедрение ИИ приводит к изменению бизнес-процессов, пересмотру профессиональных компетенций и созданию новых рабочих мест, а также к сокращению традиционных должностей, что вновь формирует новые вызовы для переквалификации [14. С. 223]. Развитие ИИ ставит под угрозу множество сфер занятости, особенно те, что связаны с выполнением рутинных задач и не требуют когнитивной обработки информации [1. С. 33]. В то же время предполагается, что ИИ восполнит потерю старых вакансий новыми [34], например, специалистов по этике и тренеров ИИ, ответственных за безопасность его развития. Сегодня можно найти множество вакансий, связанных с разработкой и внедрением технологий ИИ в рабочие процессы — на рынке труда наблюдается массовое возникновение новых ниш, для занятия которых людям необходима переквалификация.

Описанные выше факторы можно считать объективными условиями, стимулирующими перепрофилирование компаний и преквалификацию работников. Эти процессы имеют ряд схожих черт, но, прежде чем перейти к предмету нашего исследования, охарактеризуем перепрофилирование компаний — процесс изменения основного направления деятельности с целью повышения эффективности и конкурентоспособности компании. Перепрофилирование может включать в себя смену продукта или услуги, выход на новые рынки и др. Существует много ярких примеров перепрофилирования, в результате которого ранее скромные компании превратились в гигантов рынка. Так, компания Wrigley изначально занималась производством и продажей мыла, а сейчас это крупный игрок на рынке жевательной резинки [19]. Столь радикальная смена направления — результат парадокса потребления: в подарок за покупку мыла давали жвачку, и через некоторое время спрос на подарок

стал превышать спрос на основной продукт, что и стало стимулом к успешному перепрофилированию. Другая известная компания Nokia перепрофилировалась несколько раз, что объяснялось меняющимися потребностями рынка: начиналось все с целлюлозно-бумажного производства, постепенно к нему добавилось производство резиновых изделий, а затем и гаджетов [18]. В течение десяти лет с 1998 года Nokia была крупнейшим мировым производителем мобильных телефонов и смартфонов, а сейчас это крупный игрок в области телекоммуникационных технологий.

Перепрофилирование — сложный, дорогостоящий и рискованный процесс, но все же в некоторых аспектах он проходит легче, чем переквалификация работника. Компания свободна в выборе ресурсов на внешних рынках, в том числе на рынке труда, а человек должен перестраиваться сам, начав мыслить и действовать по-новому: купить на рынке «мозги» программиста или «руки» токаря невозможно.

Сущность, виды и восприятие переквалификации

По сути, переквалификация представляет собой смену профессии, что предполагает получение новых знаний, умений и навыков с целью адаптации к изменившимся реалиям на рынке труда и/или для более полной самореализации. Зачастую процесс переквалификации отождествляют с профессиональной переподготовкой, однако последняя — это получение новых знаний посредством прохождения соответствующих учебных программ, т.е. один из видов образования, тогда как переквалификация подразумевает трудоустройство на новое место работы по специальности, отличной от предыдущей. Профессиональная подготовка — часть переквалификации, и именно так переквалификация представлена в материалах агентства SuperJob [20]. Она предполагает кардинальную смену рода деятельности и часто воспринимается как сложный и пугающий процесс, но ежегодно значительная часть работников высказывает готовность в нему [7].

С древних времен стремление к улучшению своей жизни и мечты об успехе являются неотъемлемой частью человеческой природы. Однако отношение к мечтам неоднозначно: некоторые считают, что они должны оставаться фантазиями, без практического воплощения. Склонность к пустому фантазерству и бесплодным мечтаниям называли «маниловщиной» (от фамилии персонажа «Мертвых душ» Н.В. Гоголя). Напротив, мечта, формирующая жизненную стратегию человека, предполагает активное движение, самосовершенствование и поиск путей для достижения целей по улучшению качества жизни. Переквалификация — один из таких путей. В известных медийных случаях успешной переквалификации важную роль играет интуиция: принимая решение о смене профессии или выборе нового направления деятельности, люди руководствуются внутренними ощущениями, стремясь к условиям, которые, как им кажется, обеспечат им лучшую жизнь.

Интуитивное принятие решений основано на неосознанной обработке информации, накопленном опыте и эмоциональных сигналах. Решающим фактором переквалификации нередко становится глубокое недовольство текущим трудоустройством. Переквалификация — это не только результат стечения обстоятельств, но и выбор, требующий личной инициативы, смелости и готовности к изменениям. Наличие таких надпрофессиональных личностных навыков уже само по себе является существенным преимуществом в поиске работы в современных реалиях [4. С. 41].

По своим детерминантам переквалификация может быть вынужденной и инициативной. Например, автоматизация рабочих процессов или изменение рыночных условий делают конкретную профессию менее востребованной, что вынуждает человека сменить ее, чтобы сохранить конкурентоспособность на рынке труда. В процессе перехода от плановой к рыночной экономике миллионы людей прошли вынужденную переквалификацию. В противоположном случае, когда человек самостоятельно и осознанно принимает решение о смене профессии, переквалификация является инициативной. По направлению в рамках карьерной траектории или изменения социального статуса переквалификация может быть восходящей (апшифтинг), нисходящей (дауншифтинг) и горизонтальной. Инициативная переквалификация в целом ориентирована на апшифтинг: в новой профессии человек видит больше возможностей для заработка, личного удовлетворения и др. В небольшом, но растущем количестве случаев инициативным может быть и дауншифтинг, который набирает популярность в силу становления нового постмодернистского понимания социальной реальности [3. С. 333–340]. Один из видов дауншифтинга — профессиональный, т.е. переквалификация с резким снижением амбиций, когда бывший менеджер становится барменом, а профессор — звонарем в церкви.

Вынужденная переквалификация часто оборачивается дауншифтингом: человек переквалифицируется, чтобы выжить в новых условиях, поэтому ему бывает не до повышения или даже сохранения социального статуса. Если в новой профессии он его сохранит и при этом получит большее удовольствие от жизни (т.е. осуществит горизонтальную переквалификацию), то может считать себя успешным. Конечно, существуют и впечатляющие исключения из этой рациональной логики — когда люди от безысходности и ощущения невостребованности выбирали такой путь переквалификации, который приводил их к успеху. Например, в рассказе С. Моэма «Помощник викария» герой, уволенный с должности помощника викария, потому что не умел читать и писать, открыл преуспевающую сеть киосков, торгующих сигаретами, и заработал немалые деньги, снискав уважение и даже восхищение окружающих [17. С. 112].

Горизонтальная (в основном вынужденная) переквалификация достаточно редка как с точки зрения намерений человека, так и с точки зрения

социальной практики. Ведь человек отваживается на переквалификацию в надежде, что его жизнь станет лучше, а не останется прежней. Кроме того, новая профессия и сфера деятельности всегда будут отличаться в лучшую или худшую сторону от прежних. Массовой и популярной горизонтальная переквалификация остается в Японии: пожизненный найм, предусмотренный для наиболее квалифицированных сотрудников крупных организаций, обуславливает необходимость регулярной смены ими профессиональных областей, и чаще всего человека перемещают в другой отдел без повышения или понижения в статусе.

Кроме того, переквалификация может быть полной — когда человек кардинально меняет сферу деятельности, осваивая совершенно новую профессию — или частичной — когда происходит расширение или углубление знаний и навыков в рамках прежней профессиональной области, как правило, достаточно широкой.

К очевидным плюсам переквалификации можно отнести рост человеческого капитала — освоение новой профессии требует обучения и адаптации, что в целом хорошо сказывается на личностном развитии. Подобные надпрофессиональные компетенции высоко ценятся работодателями в нашем быстро меняющемся мире [4. С. 41]. Минусы переквалификации связаны с рисками и издержками смены профессии: временные и материальные затраты, отсутствие гарантий успеха, эмоциональное напряжение — с подобным не каждый способен справиться. В начале переквалификации привлекательность новой жизни сравнивается с этими издержками, а при ее завершении ключевым является вопрос «а стоило ли оно того?».

Яркие медийные примеры переквалификации мотивируют и поддерживают людей, делая ее менее пугающей. Особое место среди них занимают рассказы о «позднерасцветших» (*late bloomers* — англ.) людях, чей успех пришел в пожилом возрасте. История символа ресторанов KFC — Х.Д. Сандерса — яркий пример кардинальной переквалификации и достижения колоссального успеха. За свою жизнь он перепробовал себя в совершенно разных областях, которые не были связаны с кухней и готовкой: военный, пожарник, юрист и др. В сорок лет, работая в своей автомастерской, он решил угощать посетителей обедом, который готовил сам, и внезапно обнаружил, что спустя время гости возвращались не за услугами автотехника, а чтобы поесть приготовленную им курицу. Это навело Дэвида на мысль о переквалификации, и сейчас франчайзинговая сеть KFC — одна из самых крупных по обороту в мире [27]. Другой пример успеха — Р. Крок, основатель сети McDonald's. Долгое время его деятельность не была связана с ресторанами — торговый представитель, агент по продаже недвижимости, коммивояжер. Ухватившись за идею братьев Макдональдов и развив ее, Рэй стал во главе империи самой популярной франшизы ресторанов [23].

Российские реалии также могут представить примеры радикальной переквалификации и достижения успеха, например, писатель С. Лукьяненко до написания книг работал психиатром. В целом переквалификация из врачей в писатели дала немало известных имен как в России, так и за рубежом — Ф. Рабле, Ф. Шиллер, А.П. Чехов, А. Конан Дойл, М.А. Булгаков, С. Моэм и др. Важно подчеркнуть, что в становлении позитивного имиджа переквалификации принципиально важную роль сыграли менее известные, но не менее вдохновляющие примеры смены профессии. На платформе HeadHunter представлены истории людей, которые успешно сменили профессиональную сферу [16], а на множестве других сайтов и личных страниц можно найти тысячи примеров профессиональных «кульбитов». Для взрослых людей поиск смысла жизни важнее конкуренции с другими [32. С. 90] — вопрос «кем я хочу быть?» лежит в основе их саморазвития.

Отечественные и зарубежные исследования переквалификации

Получить детальную информацию о том, как именно работники меняют профессии, затруднительно — статистики, отражающей процесс переквалификации, почти не существует. Причина кроется в сложности сбора соответствующей информации: факт смены работы хорошо фиксируется, но насколько его новые функциональные обязанности отличаются от прежних и можно ли считать смену места работы переквалификацией? Обработать и структурировать подобную информацию сложно: ни кадровики, ни статистические службы этим не занимаются. Большинство данных описывают смену профессии в общем, не выделяя различий между кардинальной переквалификацией и менее значительными изменениями. Кроме того, переквалификация трактуется работниками, их руководителями, исследователями и представителями статистических ведомств по-разному: для одних это кардинальная смена профессии, для других — переход на другую должность в рамках прежней профессиональной сферы.

Бюро трудовой статистики США (BLS) указывает на своем сайте, что не собирает информацию о смене профессии, поскольку не сложилось единого мнения о том, что следует считать переквалификацией [31]. Непонятно, что конкретно мешает определить переквалификацию тем или иным способом и собирать по ней данные в рамках этой интерпретации. В результате для анализа доступны статистические отчеты и отдельные исследования, которые отмечают лишь долю сменивших работу, без детализации характера и направленности такой смены. Например, по данным частной консалтинговой компании The Motley Fool [30], 20 % американцев сменили профессию под влиянием пандемии. Подобное исследование с сопоставимой выборкой в России провело рекрутинговое агентство GorodRabot — 26 % опрошенных во время пандемии сменили профессию [9].

Самый интересный материал по исследуемой теме в России предоставляет рекрутинговое агентство Superjob. Масштабный опрос о переквалификации был проведен в середине 2024 года [21] (15000 респондентов, которые за последние четыре года сменили профессию), однако не все случаи можно отнести к кардинальной переквалификации. Например, врачи, меняющие профиль деятельности, или водители, пересаживающиеся на иные транспортные средства, хотя и используют достаточно категоричные формулировки типа «совершенно иная специализация» и «совершенно иное транспортное средство», остаются в схожем профессиональном окружении и с теми же базовыми принципами работы. Аналогично инженеры, переходящие в сферу IT, хотя и сталкиваются с более значительными изменениями, вовлечены в смежные процессы, работу с оборудованием, имеющим программное обеспечение, и соответствующие технологические процессы, что облегчает их переход.

Итак, каждый четвертый россиянин кардинально сменил специальности в период 2020–2024 годов. В Таблице 1 представлены состоявшиеся переходы между профессиями в рамках переквалификации, а также их распределение по уровню удовлетворенности осуществленной сменой специализации.

Таблица 1

Удовлетворенность переквалификацией (сменой профессии) (2020–2024)

Переходы (было—стало)	Довольны ли сменой специальности	
	да	нет
Рабочий—рабочий (больше всего переходов)	74 %	26 %
ИТР—ИТР	83 %	17 %
Рабочий—ИТР	83 %	17 %
Медицинский работник—медицинский работник	88 %	12 %
ИТР—рабочий	70 %	30 %
Продавец/менеджер по продажам—рабочий	81 %	19 %
Рабочий—водитель	62 %	38 %
Водитель—водитель	73 %	27 %
Рабочий—продавец/менеджер по продажам	67 %	33 %
Учитель/воспитатель—учитель/воспитатель	71 %	29 %
Рабочий—разнорабочий	77 %	23 %
Бухгалтер/экономист—экономист/бухгалтер	69 %	31 %
ИТР—IT-специалист	91 %	9 %
ИТР—HR	91 %	9 %
ИТР—менеджер по продажам	36 %	64 %
Менеджер по транспортной/складской логистике—рабочий	45 %	55 %
Продавец—разнорабочий	55 %	45 %

Возвращаясь к пояснению о субъективном восприятии кардинальности перемен, можно отметить, что действительно кардинальных переходов пока немного. К числу таковых можно отнести переход из ИТР в HR, однако сфера HR очень обширна, и из данных не ясна связь между прошлой и нынешней специальностью: если человек работал в ИТР и перешел в найм персонала в сфере ИТР, то переквалификация не столь радикальна и в какой-то мере аналогична той, что наблюдается при переходе из ИТР в IT или при смене специализации врачом — меняется только деятельность, а общий контекст работы сохраняется, кардинальной «перестройки» рабочей атмосферы и социальных взаимоотношений не происходит.

Особый интерес представляет удовлетворенность после переквалификации. В основном респонденты отметили, что их удовлетворяет переход, новая работа предоставляет возможности для развития, приобретения новых знаний и навыков. Наиболее успешными с точки зрения удовлетворенности оказались переходы из инженерно-технических специальностей (ИТР) в сферу IT и HR, смены врачебной, сестринской и инженерной специализаций. Наиболее неудовлетворены те, кто сменил профессию инженера на менеджера по продажам или логиста на рабочего, причем именно такие переходы можно отнести к «поистине кардинальным», поскольку они предполагают значительное изменение профессионального фона и характера деятельности. Переход «логист–рабочий» связан с переходом от координации и организации поставок к физическому труду, что часто требует адаптации к повышенным нагрузкам и новым условиям работы. По понятным причинам неудовлетворенность проявляется в случае нисходящей переквалификации, по всей видимости, вынужденного дауншифтинга, и уровень заработной платы в таких случаях, как правило, снижается. Переход инженера в профессию менеджера по продажам также кардинален, так как требует развитых коммуникативных навыков и способности к продажам, что далеко не всем дано. Направление такой переквалификации определить сложно, она имеет ситуативный характер: в самом общем виде такая трансформация создает впечатление горизонтальной переквалификации. Так или иначе, эти переходы, будучи кардинальными, согласно данным не обеспечили высокого уровня удовлетворенности россиянам.

Анализируя структуру профессиональных переходов, можно сделать вывод, что немногие решаются на резкую и кардинальную смену профессии. В большинстве случаев люди выбирают направления, связанные с их профессиональным бэкграундом или соответствующие их уровню образования и опыта, что свидетельствует о предпочтении более плавных и менее рискованных изменений в карьере. Возможно, по этой причине найти статистику и исследования, посвященные резкой смене профессиональных занятий, достаточно сложно.

Поиск информации по теме переквалификации показал, что здесь существует даже своя терминология. Например, свитчеры — это люди, которые переходят в ИТ из других профессиональных областей. Они «переключаются» (*switch* — англ.) на новую сферу, часто кардинально отличающуюся от их предыдущей профессиональной деятельности. Несмотря на отсутствие начального опыта в ИТ, свитчеры успешно осваивают новые навыки, привнося в индустрию уникальные компетенции из своих прежних профессий. Их переход требует значительных усилий, но многие находят в ИТ новые возможности для роста и самореализации [13].

Состояние зарубежных исследований переквалификации аналогично российским — соответствующей статистики почти нет, а предметом анализа выступают перемены мест работы и профессиональных областей без учета их радикальности. Так, международный конструктор резюме и одновременно сайт-блог о карьере Novoresume, аккумулируя множество источников данных об изменении карьеры, предлагает материалы о барьерах к переквалификации, мотивации и распределении по возрастным группам тех, кто желает сменить профессию, но не конкретные данные об осуществленных переходах из профессии в профессию [29]. Как и в России, зарубежные исследования чаще всего фокусируются на желаниях и предпочтениях сменить работу, а не фактических данных о профессиональных переходах, что может быть связано с несколькими причинами. Во-первых, желания и намерения легче измерить с помощью опросов (прежде всего анкетных), в то время как сбор данных о реальных переходах требует контактов с HR-сообществом и работодателями, специальной методологии и долгосрочного мониторинга. Во-вторых, изучение предпочтений позволяет выявить тренды, полезные для прогнозирования изменений на рынке труда и разработки образовательных программ. В-третьих, реальные переходы часто зависят от множества внешних факторов (экономическая ситуация, доступность обучения, поддержка работодателей и др.), что делает их трудно сопоставимыми друг с другом и усложняет выявление общих характеристик. В то же время исследование мотивации совершить переквалификацию позволяет получить оперативные и универсальные данные, которые могут быть использованы для разработки стратегий государства и компаний в сферах занятости и образования.

Анализ обширного материала, включая кейсы и вторичные данные отечественных и зарубежных исследований, показал, что переквалификация сегодня выступает актуальным и востребованным объектом изучения. В современном мире наблюдается высокая готовность людей к переквалификации, что обусловлено вызовами рынка труда, изменением жизненных стратегий и новыми возможностями для преодоления профессиональных барьеров, т.е. переквалификация становится все более распространенным

явлением, расширяя свои масштабы и охватывая различные социальные группы. Для социологов это явление представляет значительный интерес, так как позволяет изучать трансформацию профессиональных траекторий, социальных ролей и ценностных ориентаций, становится важным индикатором социальной мобильности и адаптивности, помогает понять, как люди справляются с вызовами современности, формируя новые модели занятости и самореализации.

Обобщая итоги проведенного анализа переквалификации, можно сделать следующие выводы. Во-первых, все еще отсутствует единое понимание данного процесса: для одних это профессиональная переподготовка, для других — смена специализации внутри одной профессиональной сферы, для третьих — кардинальная смена профессии и жизненной стратегии. Во-вторых, радикальную переквалификацию трудно отслеживать на уровне конкретных профессиональных переходов вследствие отсутствия детализированной статистики и методологических сложностей. В-третьих, если публикуемые кейсы часто демонстрируют успешные примеры переквалификации, создавая ей привлекательный имидж, то исследование рекрутингового агентства SuperJob, в котором два направления переквалификации носят кардинальный характер, скорее выявило неудовлетворенность людей этим процессом, что противоречит данным многочисленных опросов, в которых респонденты выражают готовность к переквалификации. Что именно они подразумевают под этим термином и к каким конкретно изменениям готовы?

Перед экономической социологией и социологией труда стоит задача детального отслеживания как самого процесса переквалификации, так и его восприятия людьми. Успешная реализация этой задачи поможет сформировать новое направление социологических исследований и заложит научную основу для управления набирающим силу процессом перехода из профессии в профессию.

Библиографический список

1. Акьюлов Р.И., Скворень А.А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // Дискуссия. 2019. № 3.
2. Ахапкин Н.Ю. Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений // Вестник Института экономики РАН. 2024. № 6.
3. Барков С.А., Zubkov B.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.
4. Баркова А.С. Получение высшего образования и успех на рынке труда: современные российские реалии // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 1.
5. Больше половины россиян готовы сменить профессию. 2024 // URL: <https://finance.mail.ru/2024-01-26/bolshe-pолоviny-rossiyan-gotovy-smenit-professiyu-59537696>.
6. Бородин А.С. Закон перемены труда К. Маркса и его отражение в российских трудовых конструкциях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 3.
7. Возможность переквалификации рассматривает 87 % россиян. 2009 // URL: <https://www.superjob.ru/community/career/27502>.

8. Исследование об удаленном режиме работы за 2023 год // URL: https://otus.ru/journal/issledovanie-ob-udaljonnom-rezhime-raboty-za-2023-god/#Удаленная_работа_продолжает_восприниматься_как_нечто_положительное
9. Исследование GorodRabot.ru: сколько россиян сменили работу в 2020 году // URL: <https://hr-elearning.ru/issledovanie-gorodrabot-ru-skolko-rossijan-smenili-rabotu-v-2020-godu>.
10. Итоги 2024 года на рынке труда // URL: <https://www.superjob.ru/pro/5978>.
11. Итоги года российского рынка труда: демография, поведение соискателей и зарплаты. 2022 // URL: <https://hh.ru/article/31092>.
12. К переквалификации готовы 86 % россиян. Каждый второй из них согласен сменить профессию. 2020 // URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112304/k-perekvalifikacii-gotovy-86>.
13. Кто такие свитчеры. 2024 // URL: <https://elbrusboot.camp/blog/kto-takiie-svitchiery>.
14. *Лексин В.Н.* Искусственный интеллект в экономике, политике и частной жизни: Опыт системной диагностики. М., 2021.
15. *Маркс К.* Размышления юноши при выборе профессии // URL: <http://www.agitclub.ru/front/mar/bm01.htm>.
16. Маршрут перестроен: три вдохновляющие истории про смену профессии. 2023 // URL: <https://hh.ru/article/31342>.
17. *Моэм С.* Человек со шрамом. М., 2010.
18. От бумажной фабрики до телеком-гиганта: история Nokia. 2024 // URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/831442>.
19. От продавца мыла до крупнейшего производителя жевательной резинки. 2018 // URL: <https://vc.ru/story/39988-ot-prodavca-myla-do-krupneishego-proizvoditelya-zhevatelnoi-rezinki>.
20. Переквалификация — путь к новой работе. 2009 // URL: <https://www.superjob.ru/community/career/28281>.
21. По мнению россиян, удачная переквалификация — когда есть, куда развиваться. 2024 // URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114820/po-mneniyu-rossiyan>.
22. Поколение Z: что происходило на молодежном рынке труда в первом полугодии 2024 года // URL: <https://hh.ru/article/33108>.
23. Рэй Крок. Предприниматель, ресторатор, один из первых владельцев McDonald's. 2023 // URL: <https://biographe.ru/biznesmeni/ray-kroc>.
24. *Сидорова Д.П.* История развития дистанционного труда // Скиф. 2023. № 9.
25. Статистика удаленной работы в мире. 2025 // URL: <https://inclient.ru/remote-work-stats>.
26. *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_4/p26.php#n_162.
27. Харланд Сандерс: история основателя KFC. 2024 // URL: <https://media.halvacard.ru/lyudi/kharland-sanders-istoriya-osnovatelya-kfc>.
28. SuperJob: пиарщики готовы переквалифицироваться в digital-маркетологов. 2022 // URL: <https://www.prstudent.ru/news/superjob-piarshhiki-gotovy-perekvalificirovatsya-v-digital-marketologov>.
29. 60+ Career Change Statistics for 2024 [That You Didn't Know!]. 2025 // URL: <https://novoresume.com/career-blog/career-change-statistics>.
30. Here's Why 20 % of Americans Have Changed Careers Since the Pandemic Began. 2024 // URL: <https://www.fool.com/research/20-percent-americans-changed-careers>.
31. National Longitudinal Surveys. 2025 // URL: <https://www.bls.gov/nls/questions-and-answers.htm#anch43>.
32. Plimmer G., Smith M., Duggan M., Englert P. Career adaptability, well-being, and possible selves // Career Planning and Adult Development Journal. 2000. Vol. 15.
33. The Future of Jobs Report. 2025 // URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025>.

Requalification as a labor market demand and life strategy in the post-industrial society*

A. S. Barkova

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: ann.barkova@list.ru)

Abstract. Requalification has become especially relevant in the contemporary post-industrial society characterized by dynamic social-technological changes, labor market transformation and, consequently, the need for professional adaptation. The article presents a comprehensive analysis of this social-economic phenomenon in today's realities, under technological innovations, automation of production processes and globalization of economic relations radically changing the requirements for professional competencies. Methodological difficulties in the study of requalification are determined by the lack of its common understanding. The analysis of Russian and foreign research data shows that “requalification” and “professional retraining” are often perceived as synonyms, which distorts statistical data. An important research problem is the lack of systematic mechanisms for recording cases of a complete change of profession. As a rule, labor market monitoring systems record only facts of professional mobility without differentiating them by specific areas/specialization or degree of change, which significantly limits opportunities for the analysis of efficiency of various models of professional adaptation. Requalification is a complex multidimensional process that can be forced or proactive, full (cardinal change of professional sphere) or partial (expanded or deepened competencies). This phenomenon is closely related to various forms of professional mobility: upshifting (a higher professional position), downshifting (conscious decline in professional status) and horizontal. Each of these forms reflects different strategies of adaptation to changing labor market conditions and personal professional aspirations, thus, demonstrating the diversity of professional trajectories in the contemporary economy. Despite many vivid examples of successful career change, a systematic analysis of secondary data and surveys reveals a paradoxical trend: many people want to change their profession, but the majority of those who decided on radical retraining remain dissatisfied with its results, and this contradiction between media success stories and real situation requires further analysis. At the same time, the highest level of professional satisfaction is observed among workers who managed non-radical requalification: doctors who changed their field of activity or drivers who changed their type of vehicle.

Key words: requalification; change of profession; professional adaptation; professional mobility; labor market; post-industrial society

For citation: Barkova A.S. Requalification as a labor market demand and life strategy in the post-industrial society. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 381–396. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-381-396>

*© A.S. Barkova, 2025

The article was submitted on 06.02.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

References

1. Akyulov R.I., Skovpen A.A. Rol iskusstvennogo intellekta v transformatsii sovremennogo rynka truda [The role of artificial intelligence in the transformation of the contemporary labor market]. *Diskussiya*. 2019; 3. (In Russ.).
2. Akhupkin N.Yu. Strukturnaya dinamika rossiyskogo rynka truda: efekty sanktsionnyh ogranicheniy [Structural dynamics of the Russian labor market: Effects of sanctions]. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAN*. 2024; 6. (In Russ.).
3. Barkov S.A., Zubkov V.I. *Monologi i dialogi o postmodernr i postmodernizme* [Monologues and Dialogues about Postmodern and Postmodernism]. Moscow; 2019. (In Russ.).
4. Barkova A.S. Poluchenie vysshego obrazovaniya i uspeh na rynke truda: sovremennye rossiyskie realii [Higher education and success at the labor market: Today's Russian realities]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2024; 1. (In Russ.).
5. Bolshe poloviny rossiyan gotovy smenit professiyu [More than half of Russians are ready to change profession]. 2024. URL: <https://finance.mail.ru/2024-01-26/bolshe-poloviny-rossiyan-gotovy-smenit-professiyu-59537696>. (In Russ.).
6. Borodin A.S. Zakon peremeny truda K. Marxa i ego otrazhenie v rossiyskih trudopravovykh concepts [Marx's law of change of labor and its reflection in the Russian labor law constructions]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2009; 3. (In Russ.).
7. Vozmozhnost perekvalifikatsii rassmatrivaet 87 % rossiyan [87 % of Russians consider retraining]. 2009. URL: <https://www.superjob.ru/community/career/27502>. (In Russ.).
8. Issledovanie ob udalennom rezhime raboty za 2023 god [Study of the remote work in 2023]. URL: <https://otus.ru/journal/issledovanie-ob-udaljonnom-rezhime-raboty-za-2023-god>. (In Russ.).
9. Issledovanie GorodRabot.ru: skolko rossiyan smenili rabotu v 2020 godu [GorodRabot.ru study: How many Russians changed job in 2020]. URL: <https://hr-elearning.ru/issledovanie-gorodrabot-ru-skolko-rossiyan-smenili-rabotu-v-2020-godu>. (In Russ.).
10. Itogi 2024 goda na rynke truda [Results of 2024 on the labor market]. URL: <https://www.superjob.ru/pro/5978>. (In Russ.).
11. Itogi goda rossiyskogo rynka truda: demografiya, povedenie soiskateley i zarplaty [Results of the year on the Russian labor market: Demographics, job seekers' behavior and salaries]. 2022. URL: <https://hh.ru/article/31092>. (In Russ.).
12. K perekvalifikatsii gotovy 86 % rossiyan. Kazhdy vtoroy iz nih soglasen smenit professiyu [86 % of Russians are ready for retraining. Every second would agree to change profession]. 2020. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112304/k-perekvalifikacii-gotovy-86>. (In Russ.).
13. Kto takie svitchery [Who are switchers]. 2024. URL: <https://elbrusboot.camp/blog/kto-takiie-svitchiery>. (In Russ.).
14. Leksin V.N. *Iskusstvenny intellekt v ekonomike, politike i chastnoy zhizni: Opyt sistemnoy diagnostiki* [Artificial Intelligence in the Economy, Policies and Private Life: System Diagnostics]. Moscow; 2021. (In Russ.).
15. Marx K. Razmyshleniya yunoshi pri vybore professii [Reflections of a young man on the choice of a profession]. URL: <http://www.agitclub.ru/front/mar/bm01.htm>. (In Russ.).
16. Marshrut perestroen: tri vdokhnovlyayushchie istorii pro smenu professii [Route changed: Three inspiring stories about change of profession]. 2023. URL: <https://hh.ru/article/31342>. (In Russ.).
17. Maugham S. *Chelovek so shramom* [The Man with the Scar]. Moscow; 2010. (In Russ.).
18. Ot bumazhnoy fabрики do telekom-giganta: istoriya Nokia [From paper mill to telecom giant: History of Nokia]. 2024. URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/831442>. (In Russ.).
19. Ot prodavtsa myla do krupneyshego proizvoditelya zhevatelnoy rezinki [From soap salesman to the largest chewing gum manufacturer]. 2018. URL: <https://vc.ru/story/39988-ot-prodavca-myla-do-krupneishego-proizvoditelya-zhevatelnoi-rezinki>. (In Russ.).

20. Perekvalifikatsiya — put k novoy rabote [Retraining — a way to a new job]. 2009. URL: <https://www.superjob.ru/community/career/28281>. (In Russ.).
21. Po mneniyu rossiyan, udachnaya perekvalifikatsiya — kogda est, kuda razvivatsya [According to Russians, successful retraining is when there is a chance for development]. 2024. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114820/po-mneniyu-rossiyan>. (In Russ.).
22. Pokolenie Z: chto proiskhodilo na molodezhnom rynke truda v pervom polugodii 2024 goda [Generation Z: What was going on the youth labor market in the first half of 2024]. URL: <https://hh.ru/article/33108>. (In Russ.).
23. Ray Kroc. Predprinimatel, restorator, odin iz pervyh vladeltsev McDonald's [Ray Kroc. Entrepreneur, restaurateur, one of the first owners of McDonald's]. 2023. URL: <https://biographe.ru/biznesmeni/ray-kroc>. (In Russ.).
24. Sidorova D.P. Istoriya razvitiya distantsionnogo truda [History of the remote work development]. *Skif*. 2023; 9. (In Russ.).
25. Statistika udalennoy raboty v mire [Global remote work statistics]. 2025. URL: <https://inclient.ru/remote-work-stats>. (In Russ.).
26. Engels F. Printsipy kommunizma [The Principles of Communism]. URL: http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_4/p26.php#n_162. (In Russ.).
27. Harland Sanders: istoriya osnovatelya KFC [Harland Sanders: Story of the KFC founder]. 2024. URL: <https://media.halvacard.ru/lyudi/kharland-sanders-istoriya-osnovatelya-kfc>. (In Russ.).
28. SuperJob: piarshchiki gotovy perekvalificirovatsya v digital-marketologov [SuperJob: PR specialists are ready to retrain as digital marketers]. 2022. URL: <https://www.prstudent.ru/news/superjob-piarshchiki-gotovy-perekvalificirovatsya-v-digital-marketologov>. (In Russ.).
29. 60+ Career Change Statistics for 2024 [That You Didn't Know!]. 2025. URL: <https://novoresume.com/career-blog/career-change-statistics>.
30. Here's Why 20% of Americans Have Changed Careers Since the Pandemic Began. 2024. URL: <https://www.fool.com/research/20-percent-americans-changed-careers>.
31. National Longitudinal Surveys. 2025. URL: <https://www.bls.gov/nls/questions-and-answers.htm#anch43>.
32. Plimmer G., Smith M., Duggan M., Englert P. Career adaptability, well-being, and possible selves. *Career Planning and Adult Development Journal*. 2000; 15.
33. The Future of Jobs Report. 2025. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-397-409

EDN: ZKOBVV

Конфликт реальной и цифровой личности участников медиакоммуникационного процесса: результаты исследования*

А.К. Мамедов, О.В. Смирнова, Г.В. Денисова, О.В. Сапунова

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: akmnauka@yandex.ru; smirnova.olga.msu@yandex.ru; denissovagv@my.msu.ru;
sapunovaov@my.msu.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме несоответствия цифровой личности, создаваемой индивидом в медиапространстве, реальному образу. Проведенное разведывательное исследование было призвано подтвердить наличие и/или отсутствие у современных участников медиакоммуникации намерения сформировать симулякр, который выступает в качестве виртуальной маски, заменяющей и даже модифицирующей реальную личность. Для этого авторы сосредоточились на выявлении статистически значимой тенденции к возникновению когнитивного диссонанса у пользователей социальных сетей, вызванного противоречием реального и цифрового образов. Были применены методы формализованного опроса и незаконченных предложений, обеспечивающие возможности самоанализа поведения индивида в цифровом пространстве. Ключевыми оцениваемыми параметрами выступили следующие аспекты медийной коммуникации: анонимность vs эксплицирование позиции; конформность, стремление к получению социального одобрения vs отстаивание своей позиции; следование моде vs следование своим интересам; тенденция к реалистичной самопрезентации vs предпочтение идеализированной самопрезентации. В опросе приняло участие 112 респондентов (в возрасте от 19 до 32 лет) — студенты и аспиранты российских высших учебных заведений. Полученные эмпирические результаты позволяют говорить о выраженном стремлении респондентов эксплицитно выражать собственную точку зрения, тенденции к неконформности и нелояльности относительно популярного/распространенного мнения. Самоанализ поведения пользователей в социальных сетях выявил доминирование реалистичной самопрезентации и стремление сформировать позитивный образ с особым вниманием к визуальной составляющей виртуального образа, а также позволил обнаружить тенденцию к значительному совпадению виртуального образа с реальным.

Ключевые слова: цифровизация; медиакоммуникация; социальные сети; homo digitalis; цифровая личность; цифровой двойник; конфликт реальной и виртуальной личности

*© Мамедов А.К., Смирнова О.В., Денисова Г.В., Сапунова О.В., 2025

Статья поступила в редакцию 15.08.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Мамедов А.К., Смирнова О.В., Денисова Г.В., Сапунова О.В. Конфликт реальной и цифровой личности участников медиакоммуникационного процесса: результаты исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 397–409. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-397-409>

Цифровая трансформация — наиболее актуальный триггер в парадигмальных изменениях современной общественной жизни: экономики, бизнеса, производства, образования, здравоохранения, досуга, ведения быта и даже общения. За период с 1998 по 2023 годы количество интернет-пользователей в России увеличилось в сто раз, составив 88,2 % от общей численности населения, и этот показатель продолжает расти [1; 19; 20]. Оборот отечественного рынка интернет-торговли за последние десять лет вырос в 12 раз (с 506 млрд рублей в 2014 году до 6,162 млрд — в 2023) [3; 12]. Результатом поступательного развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий стало кардинальное преобразование жизненного пространства людей, их образа жизни, мировоззрения и повседневных практик. Цифровизация трансформирует даже правовую сферу, формируя «четвертое поколение прав», характеризующееся глобальностью и сверхтерриториальным характером [21], что свидетельствует о все возрастающей значимости данного феномена [8].

Информатизация и цифровизация затронули и переформатировали все сферы социальной активности и привели к бурному росту аудитории социальных сетей, которые значительно преобразили социальные практики и взаимоотношения общества с медиа как социальным институтом [2], изменив и поведенческие паттерны современного человека. Развивается феномен цифровой социализации, к признакам которой можно отнести в том числе «попытки придать медиасреде контуры социального мира за счет экстраполяции морально-этических норм, заимствованных из социального мира, выстраивания личных границ внутри медиасреды по типу социального пространства, т.е. в целом попытки организовать правила и нормы взаимодействия в онлайн-среде по типу социальной системы; результатом такой медиасоциализации становится незаменимость медиа и зависимость от них» [5. С. 218]. Современные медиа стали неотъемлемой частью жизни индивида и общества, поскольку с их помощью важные события и пережитый опыт немедленно актуализируются и в то же время сохраняются [17. С. xi].

Вовлеченность человека в мир цифровой инфраструктуры, проникновение в его жизнь разнообразных сетевых сервисов и мобильных приложений формируют качественно новые социальные статусы и роли, и образу реального человека придается некая естественная раздвоенность — синтезируются физический облик и виртуальная сущность индивида как пользователя Интернета и участника цифровых сообществ и социальных сетей. В этом состоянии человек, принимая новую виртуальную ипостась и новое имя («ник», зачастую анонимный), вступая в пространство вариативных от-

ношений, опосредованных интернет-пространством, по сути, встраивается в новый для себя мир — созданную технологическим образом дополненную реальность. Иными словами, человек сам создает новую «цифровую гибридность», не только реализуя свой потенциал и удовлетворяя свои повседневные потребности, но и получая возможность осуществлять любые неожиданные желания. Такая «цифровая гибридность» созданного мира становится аналоговой реальностью, параллельной формой существования и дополняет природу человека «онлайновой» сущностью, изменяет его самого. В цифровом пространстве действует новая ипостась человека — его цифровой двойник, под которым понимаются виртуальные модели, идентичные реальным объектам, процессам и/или системам, позволяющие воспроизводить, моделировать, интегрировать, прогнозировать реальные или потенциальные изменения своих офлайн-аналогов [14].

Цифровые двойники в современном социуме

Цифровой двойник впервые появился в фантастическом романе Д. Гелернтера «Зеркальные миры» (1991), где позиционировался как некая абстрактная система, созданная при помощи параллельной цифровой симуляции и имитирующая рукотворный мир. Созданное зазеркалье (цифровой двойник реальности) позволяло оперировать «высокотехнологичными куклами вуду», манипулировать и экспериментировать событиями и процессами, прогнозируя будущее посредством бесконечного множества возможных симуляций. В 2002 году на конференции Общества инженеров-технологов М. Гривс предложил концепцию виртуального управления жизненным циклом продукта — модель цифрового производства, а Дж. Векерс в отчете NASA за 2010 год — концепцию «цифрового близнеца» практически для всех видов производства [18]. Таким образом, футуристическая идея Д. Гелернтера стала реальностью.

Первоначально модель «цифрового двойника» использовалась как информационная поддержка, предполагая непрерывную интеграцию производственных автоматизированных систем всего жизненного цикла изделия — начиная с выявления потребности в нем до снятия его с эксплуатации (технология Product Lifecycle Management — управление жизненным циклом продукта; PLM), а также для создания виртуальных производств с распределенным во времени и пространстве программным управлением (CALS/PLM-технологии непрерывной информационной поддержки). В середине 2010-х годов с распространением Big Data («больших данных») и IoT (Internet of Things — «Интернета вещей») появилась возможность управлять огромными массивами данных и обеспечивать информационно-технологическое взаимодействие систем практически в автономном режиме, без вмешательства в их работу. Цифровые двойники обрели качественно новый вид: так, аналоговые 3D-модели промышленных объектов, многомерные чертежи, произ-

водственные схемы не только полностью копируют реально существующие объекты, но и позволяют управлять производственным сектором и прогнозировать алгоритмы. В России «приоритетными» отраслями для цифровых двойников стали промышленный, энергетический и строительный секторы, добыча полезных ископаемых, архитектура и «умный город», сервисы такси, доставки, навигаторов и банкинга, программные продукты которых представляют мобильные системы цифрового двойника [15].

В изучении цифровых двойников и соответствующих технологий принципиально важно понимать сущность тех глубинных преобразований, которые обусловили новый способ мышления и новую культуру. Используя традиционные методы воздействия, породившие в реальном социуме культуру массового потребления, интернет-реклама заняла доминирующую позицию в управлении человеческим вниманием и манипулировании мировоззрением громадной аудитории пользователей. «Калька» императивов культуры массового потребления в условиях практически безграничных возможностей информационно-цифровой среды усилила процесс нивелирования идентичности индивида как личности, встроенной в социум и идентифицирующей себя как социального актора с атрибутами, необходимыми для активного бытия и инноваций, но потому как личности, представляющей собой маркузианского «одномерного человека» с набором качеств потребителя и стереотипами потребительского поведения [6; 10; 13].

Homo digitalis как мировоззренческая парадигма и паттерн поведения

Императивы массовой культуры и общества потребления в условиях развития информационно-коммуникационной среды породили новый тип — homo digitalis («цифровой человек»), который отличается глубокой зависимостью от гаджетов и компьютерных систем [7], открытостью к любым информационным и интеллектуальным ресурсам, свободой от социальных норм, стандартов и стереотипов. Недавние опросы (май–июнь 2024 года) свидетельствуют об укреплении данной тенденции: зависимость молодых россиян от электронных устройств и Интернета выявлена у шести из десяти респондентов моложе 34 лет и у 40 % взрослых старше 45 лет [16]. Иными словами, стремление любыми способами утвердиться в интернет-пространстве, стать успешным в социальных сетях стало главной мировоззренческой доминантой цифровой культуры.

Формирование мировоззренческих установок новой цифровой культуры спровоцировало стремительные антропологические трансформации, вследствие которых homo digitalis не просто стал цифровой копией человека, но и приобрел мощные по силе «обратного» психологического воздействия черты и формы. Человек, вступая в качестве интернет-пользователя в цифровую реальность, децентрализованную, заполненную громадными пото-

ками информации, встраивается в пространство, наполненное симулякрами и имитациями, разнообразными смыслами, образами, текстами, новостями и событиями, посредством создания нового «Я», т.е. цифрового двойника. Цифровая среда, открытая и практически безграничная, предлагает индивиду бесконечно разнообразный набор символов для личностной мимикрии, в которой любой образ как цифровой конструкт не нуждается в физическом теле. При этом масштабы цифровой среды обуславливают состояние постоянного поиска, выбора, обретения и утраты образа как фантома самости.

Пребывая в условиях непрекращающейся цифровой социализации и самоидентификации, человек вынужден устанавливать идентичность «привычными методами» — выбирая определенный дискурс, который хотя бы как-то коррелирует с набором его индивидуальных смыслов, ценностных ориентиров и предпочтений. Результатом безграничной свободы выбора, предоставляемой цифровой реальностью, становится самоидентификация через «цифрового двойника», наделенного совокупностью разноформатных габитусов, обуславливающих его амбивалентность в реальном социуме и фактически нивелирующих реальные социальные практики. Получается, что цифровая среда, обеспечивающее многообразие коммуникативных каналов, девальвирует состояния близости, доверия, привязанности, любви, искренности и иных императивов живого общения, что ведет к крайней индивидуализации и самодистанцированию от социальной среды, в том числе цифровой. Речь идет и о проблеме «одиночества в сети», зачастую приводящей к социальным деструкциям, конфликтным ситуациям, суициду участников сетевого взаимодействия и различным формам девиантного поведения [9; 11].

Цифровая зависимость даже в легкой форме приводит к когнитивному диссонансу: по сути, каждый цифровой двойник представляет собой ментальную модель, иллюстрирующую разнообразие когнитивных интерпретаций, которые формируются относительно условий и событий окружающего реального мира и/или рефлексии в отношении тех или иных явлений мира цифрового. Соответствуя идиосинкразическим паттернам индивидуальных когнитивных способностей, цифровые двойники формируют «когнитивный мир восприятия», имитирующий действительность в облегченной и многовариативной форме, т.е. мир доступный, познаваемый и легкий для адаптации. Эта цифровая модель «здесь-и-сейчас», в которую может быть включено множество различных состояний, оказываются в фокусе внимания человека.

С одной стороны, создавая и/или встраиваясь в когнитивно-ментальную цифровую реальность посредством своего цифрового двойника, человек получает право выбора собственной роли (наблюдателя или участника), способов коммуникационного взаимодействия и поведенческих моделей, в том числе далеких от тех, что приняты в реальном социуме. Набор поведенческих сценариев для цифрового двойника определяет утилитарные конструкты, применяемые при взаимодействии с реальным социумом, и моделирует

ситуации для адаптации в объективном мире. С другой стороны, индивид, субъективно оценивая свою виртуальную реальность, идентичную его представлениям, замыслам, намерениям, желаниям и интересам, по сути, замещает действительность виртуализированной псевдообъективностью. Причем любая «внештатная» ситуация, выходящая за рамки когнитивно-цифрового замысла, не только может разрушить выстроенные аллюзии, но и несет в себе угрозу когнитивной подмены, размывания границ между цифровыми конструктами и реальностью, замены операций с объектами реального мира манипуляциями с цифровыми двойниками и симулякрами.

Возникают ситуации, когда поступки человека в общественных местах, его речь и манеры поведения представляют собой «заводной механизм» — набор стереотипных коммуникативных, лингвистических и поведенческих паттернов. При этом результат, на который ориентируется человек, совершая поступки (на основе поведенческой модели цифрового двойника), нередко становится нецелевым для другой стороны и/или общества в целом. Происходит коммуникативный диссонанс: встречные цифровые аллюзии оказываются в условиях, когда новые смысловые пласты диктуют необходимость дополнительных усилий когнитивного аппарата. И тогда иллюзия социальной адаптации (в созданном цифровом двойнике) в реальных ситуациях дает сбой и может стать причиной социального диссонанса — человек стремится преодолеть дискомфорт и погрузиться в мир цифровых двойников. Все сказанное выше актуализирует проблему управления личностью, поскольку законы, нормы и условности реального мира зачастую преломляются когнитивным восприятием цифрового двойника, т.е. фрагментируются и отбираются наиболее «удобные» их варианты [4].

Результаты эмпирического исследования

В нашем исследовании была поставлена задача выявления статистически значимой тенденции к возникновению у пользователей социальных сетей когнитивного диссонанса, вызванного противоречием между реальным и цифровым образами индивида. Для решения поставленной задачи был проведен онлайн-опрос, призванный обеспечить самоанализ соответствия реального и цифрового образов респондентов: участникам высылалась ссылка на опрос с просьбой принять участие в исследовании. Инструментарий состоял из пяти блоков: первый блок представлял собой «паспортичку» (содержат вопросы социально-демографического характера); вопросы второго, третьего, четвертого и пятого блоков были нацелены на выявление доминирующих тенденций в наборе дихотомий, характеризующих цифровые коммуникативные практики (анонимность vs эксплицирование позиции; конформность, стремление к социальному одобрению vs отстаивание своей позиции; следование моде vs следование своим интересам; склонность к реалистичной самопрезентации vs склонность к идеализированной самопрезентации).

тации). Второй блок был призван выявить частоту и особенности активности респондента в социальных сетях посредством восьми вопросов (например, «Как часто Вы публикуете новый контент на своей странице в социальной сети или выкладываете сторис?», варианты — «никогда», «каждый день», «раз в три дня», «раз в неделю», «не чаще раза в месяц», «раз в три месяца», «раз в полгода», «раз в год», «раз в несколько лет»). Третий и четвертый блоки представляли собой порядковые вопросы: в третьем блоке респондентам предлагались 15 высказываний от первого лица (например, «Я редактирую фотографии, прежде чем публиковать их в социальных сетях», варианты ответа — «никогда», «редко», «иногда», «часто», «всегда»); в четвертом блоке были представлены описания разных ситуаций (например, «Вы доверите своему другу выложить в соцсеть любую фотографию, не требуя, чтобы фото получило Ваше одобрение»), которые респонденты оценивали по трехбалльной шкале — «именно так и поступлю», «редко так поступаю», «никогда так не поступаю». Пятый блок состоял из неоконченных предложений от первого лица (например, «Я использую соцсети, потому что ...»). В исследовании приняли участие 112 респондентов в возрасте от 19 до 32 лет: 70 % девушек и 30 % юношей, студенты и аспиранты российских вузов без дифференциации по уровням и профилям обучения.

Согласно полученным данным 63 % опрошенных используют социальные сети для личной переписки. Новый контент публикуется с разной периодичностью (не чаще раза в месяц — 22 %, раз в неделю — 20 %, раз в год или раз в три дня — по 13 %), но одинаковые доли респондентов избегают публикаций и обновляют посты ежедневно (по 6 %). Контент, который подавляющее число (84 %) публикует на своей странице, — это фотографии; второй по распространенности вид контента — собственные размышления (29 %). Особой популярностью пользуются новостные группы (78 % против 22 % не интересующихся подобным контентом) и сообщества, связанные с хобби респондента (75 % против 25 % не являющихся участниками подобных сообществ) или искусством (62 % против 38 % не имеющих таких подписок), а также образовательные группы (55 %) и сообщества, связанные с работой респондентов (53 %).

Как правило, молодые люди не стремятся показать свою жизнь в социальной сети более интересной, чем она есть на самом деле (34 %), либо же склонны делать это иногда (24 %) или редко (22 %). Большинство респондентов никогда или же редко показывают события своей жизни более яркими, чем они были в действительности (по 32 %), и не склонны избегать публикаций о «немодных» событиях (38 % всегда публикуют посты об интересных для себя явлениях, даже если таковые не считаются модными, 25 % делают так часто). 85 % никогда не делают посты о том, что увлекается модным хобби, если это не соответствует действительности. Согласно субъективной самооценке респондентов, их образ в социальных сетях соответствует

(45 %) или почти соответствует (25 %) реальному образу; только 10 % заявили об их расхождении.

Для каждого второго (55 %) мнение других пользователей об их странице в социальных сетях не важно; для респондентов, придерживающихся противоположного мнения (20 %), значимо мнение близких или друзей, но не совершенно посторонних пользователей. Для части опрошенных важно и то, что другие пользователи пишут на их страницах: 15 % ежедневно просматривают оставленные на их странице комментарии, 12 % делают это раз в три дня, треть (30 %) никогда не проверяет количество просмотров своих публикаций. Большинство опрошенных не удаляют оставленные на их страницах негативные комментарии (59 %) и собственные посты, набравшие много негативных комментариев (54 %). Хотя каждый второй (53 %) ежедневно просматривает страницы других пользователей, сами респонденты демонстрируют достаточно низкую активность в комментировании страниц других пользователей: 23 % предпочитают вообще не оставлять такие комментарии, 20 % комментируют страницы других пользователей не чаще раза в месяц, 13 % — раз в три дня.

Каждый второй никогда (54 %) или крайне редко (22 %) публикует в социальных сетях посты, в которых демонстрируются дорогие вещи или дорогостоящие активности. Подавляющее большинство (88 %) никогда не заимствуют дорогостоящие и модные вещи у друзей, чтобы сделать фото для социальных сетей. Респонденты не заинтересованы и во флешмобах: предпочитают не присоединяться к таким акциям (53 %) или делают это редко (34 %). Отметим, что мнение друзей о странице в социальных сетях не играет значимой роли для респондентов: они не стремятся выкладывать больше постов, если друзья отзываются о странице как о неинтересной (49 %).

Что касается редактирования публикуемых фотографий, то наблюдается противоречивая тенденция: 30 % редко редактируют фотографии для постов, четверть (25 %) — никогда, 17 % — всегда редактируют фото, предназначенные для публикации в социальных сетях, 15 % — иногда, 13 % — часто. Подавляющее большинство респондентов серьезно относятся к грамотности своих постов и проверяют их на предмет опечаток и ошибок всегда (60 %) или часто (24 %). По мнению 42 %, социальные сети — не место для демонстрации успешности и статусности, поскольку позитивный образ в виртуальном пространстве не значим для поиска престижной работы или продвижения по службе («никогда» — 21 %, «редко» — 26 %, «иногда» — 21 %). Каждый второй полагает, что в социальных сетях никогда нельзя преувеличивать или публиковать то, чего не было на самом деле, даже если это помогает поднять свой статус в реальной жизни (49 %), либо же допускает это в отдельных случаях («редко» или «иногда» — по 20 %).

Опрошенные проявляют определенный интерес к количеству просмотров своих постов: 46 % редко отслеживает количество просмотров, 30 % —

всегда. В наибольшей степени респондентов интересует восприятие публикуемых ими фотографий: 42 % редко доверяют другу выложить в социальную сеть любую фотографию без своего одобрения, 40 % — никогда; 64 % делают много кадров и потом долго выбирают наиболее удачное фото для размещения в социальные сети. При этом каждый второй 56 % редко требует удалить неудачное фото со своим участием со страницы друга.

Опрошенные однозначно продемонстрировали тенденцию к неконформности: 69 % никогда не ходят в театр/музей/на выставку, чтобы сделать фото и выложить его в социальную сеть, если спектакль/экспозиция/выставка их не интересует. 66 % никогда не подстраивают свое мнение под точку зрения большинства, если оно непопулярно, и не стремятся представить на своей странице только социально одобряемые оценки. 71 % никогда не публикуют социально приемлемое или одобряемое мнение об актуальном событии, если такая оценка противоречит их собственной точке зрения. 66 % делятся своим отрицательным мнением о новом фильме, даже если таковой одобряет их круг общения и высоко оценивают критики. 75 % никогда не подписываются на группу в социальные сети, если тематика сообщества их не интересует. 84 % никогда не заказывают блюдо исключительно для фото, если действительно не хотят его попробовать. В результате относительно социальных сетей большинство высказало пожелания большей искренности и терпимости со стороны пользователей, а также повышения уровня надежности социальных сетей как источника информации.

В целом респонденты продемонстрировали стремление к реалистичной самопрезентации в социальных сетях, которые склонны использовать преимущественно в качестве источника новостей, платформы для общения и способа рекреации. Цели, которые респонденты преследуют, используя социальные сети, можно разделить на пять условных категорий: общение с друзьями и семьей; потребность поделиться событиями своей повседневной жизни или рассказать о своем опыте и получить обратную связь; поддержание устойчивого уровня информированности о последних событиях в различных сферах жизни; самовыражение и самореализация; общение с широким социальным кругом (людьми со всего мира). Соответственно, отношение респондентов к социальным сетям и публикациям в них варьирует от позитивного до равнодушного: 35 % считают посты нормальным и даже важным инструментом самовыражения, 25 % воспринимают их как ненужные или неинтересные занятия, лишь расходующие время, для 20 % публикации в социальных сетях — удобный способ делиться позитивными событиями и сохранить о них воспоминания. 40 % публикуют материалы редко (в особых случаях), 30 % — время от времени (чтобы создавать интересный контент), 30 % предпочитают наблюдать за страницами друзей, а не размещать в социальных сетях собственный контент. Впрочем, хотя большинство респондентов заявило о невысокой значимости мнения других пользователей об их странице в социаль-

ных сетях, все же прослеживается доминирующая тенденция сформировать свой наиболее благоприятный виртуальный образ, в первую очередь благодаря его визуальной составляющей (об этом говорит тщательный выбор фотографий, публикуемых на собственной странице).

Информация о финансировании

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-16 «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты».

Библиографический список

1. Алиулов Ш. Количество пользователей интернета в России выросло в 100 раз за 25 лет // URL: https://4pda.to/2023/10/02/418913/kolichestvo_polzovatelej_interneta_v_rossii_vyroslo_v_100_raz_zh_25_let.
2. Варманова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. 2022. № 1.
3. В России кратно вырос интерес к цифровизации быта // URL: <https://companies.rbc.ru/news/G8gunP04Ip/v-rossii-kratno-vyiros-interes-k-tsifrovizatsii-byita>.
4. Гуров О.Н., Шерстов А.В. Проблемы управления искусственной личностью // Исследования в цифровой экономике. 2023. № 1.
5. Дунас Д.В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78.
6. Елькина Е.Е. Автотрофный проект — ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи // Мысль. 2020. № 22.
7. Киселев Д. Цифровой ГУЛАГ: сбой в Интернете показал, как сильна зависимость миллионов людей // URL: <https://www.vesti.ru/article/2624613>.
8. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
9. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2.
10. Меликян М.А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2.
11. Осипова А.А., Давыденко Д.В., Абдулкадир Ю.Р. Особенности девиантного поведения молодежи в виртуальной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6.
12. Рынок интернет-торговли в России // URL: <https://akit.ru>.
13. Степанюк В.К. Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации // Известия Гомельского государственного университета. 2020. № 4.
14. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3.
15. Что такое цифровые двойники и где их используют? // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6107e5339a79478125166eeb>.
16. Addiction to gadgets and the Internet in Russia in 2024, by age group // URL: <https://www.statista.com/statistics/1250407/russia-digital-addiction-by-age>.
17. Deuze M. *Medialife*. Cambridge; Malden, 2012.

18. *Grieves M.* Digital twin: Manufacturing excellence through virtual factory replication // White Paper. 2014. Vol. 1.
19. *Kemp S.* Digital 2023: The Russian Federation // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation>.
20. *Kemp S.* Digital 2024: The Russian Federation // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation>.
21. *Muqsith M.A., Muzykant V.L., Pratomo R.R.* Sociological study of cyber threats as an integrated part of the general data protection regulation // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-397-409

EDN: ZKOBVV

Conflict of real and digital personality in media communication: Results of the study*

A.K. Mamedov, O.V. Smirnova, G.V. Denissova, O.V. Sapunova

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: akmnauka@yandex.ru; smirnova.olga.msu@yandex.ru; denissovagv@my.msu.ru;
sapunovaov@my.msu.ru)

Abstract. The article considers the discrepancy between digital personality created by an individual in the media space and one's real image. The conducted exploratory study was intended to confirm the presence and/or absence of the intention of media communication participants to form a simulacrum which acts as a virtual mask replacing and even modifying real personality. The authors focus on identifying a statistically significant tendency towards cognitive dissonance of social network users as determined by the contradiction between their real and digital images. The methods of formalized survey and unfinished sentences were used, providing opportunities for self-analysis in the digital space. The evaluated key parameters were the following aspects of media communication: anonymity vs explicit position; conformity, desire to receive social approval vs defending one's position; following fashion vs following one's interests; tendency towards realistic self-presentation vs preference for idealized self-presentation. The sample consisted of 112 respondents aged 19 to 32 — students and postgraduates of Russian higher education institutions. The empirical results proved respondents' desire to explicitly express their own point of view and non-conformity and disloyalty to popular/widespread opinions. Self-analysis of users' behavior in social networks revealed the dominance of realistic self-presentation, the desire to form a positive virtual image with special attention to its visual component, and a significant coincidence of virtual and real images.

Key words: digitalization; media communication; social networks; homo digitalis; digital personality; digital twin; conflict of real and virtual personality

*© A.K. Mamedov, O.V. Smirnova, G.V. Denissova, O.V. Sapunova, 2025

The article was submitted on 15.08.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

For citation: Mamedov A.K., Smirnova O.V., Denissova G.V., Sapunova O.V. Conflict of real and digital personality in media communication: Results of the study. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 397–409. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-397-409>

References

1. Aliulov Sh. Kolichestvo polzovatelej interneta v Rossii vyroslo v 100 raz za 25 let [The number of Internet users in Russia has grown 100 times in 25 years]. URL: https://4pda.to/2023/10/02/418913/kolichestvo_polzovatelej_interneta_v_rossii_vyroslo_v_100_raz_za_25_let. (In Russ.).
2. Vartanova E.L. Menyayushchayasya arkhitektura media i tsifrovye platformy [Changing media architecture and digital platforms]. *Medi@lmanakh*. 2022; 1. (In Russ.).
3. V Rossii kratno vyros interes k tsifrovizatsii byta [Interest in digitalization of everyday life has increased significantly in Russia]. URL: <https://companies.rbc.ru/news/G8gunP04Ip/v-rossii-kratno-vyros-interes-k-tsifrovizatsii-byta>. (In Russ.).
4. Gurov O.N., Sherstov A.V. Problemy upravleniya iskusstvennoy lichnosti [Problems of digital personality control]. *Issledovaniya v Tsifrovoy Ekonomike*. 2023; 1. (In Russ.).
5. Dunas D.V. Media i sotsializatsiya: pervichnaya, vtorichnaya ili samosotsializatsiya? Opyt izucheniya mediapotrebleniya “tsifrovoy molodezhi” Rossii [Media and socialization: Primary, secondary or self-socialization? The study of the media consumption of the Russian “digital youth”]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*. 2022; 78. (In Russ.).
6. Elkina E.E. Avtotrofny proekt — otvet na vyzovy i globalnye riski tsifrovoy epokhi [Autotrophic project — a response to the challenges and global risks of the digital age]. *Mysl*. 2020; 22. (In Russ.).
7. Kiselev D. Tsifrovoy GULAG: sbor v Internete pokazal, kak silna zavisimost millionov lyudej [Digital GULAG: Internet failure showed how strong the millions’ addiction is]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2624613>. (In Russ.).
8. Kartashkin V.A. Tsifrovye prava cheloveka: mezhdunarodno-pravovoe i sotsialnoe izmereniya [Digital human rights: International-legal and social dimensions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (4). (In Russ.).
9. Kostolomova M.V. Tsifrovaya deviatsiya kak fenomen novoy sotsialnoy realnosti: metodologicheskie osnovaniya i kontseptualizatsiya ponyatiya [Digital deviation as a phenomenon of the new social reality: Methodological foundations and conceptualization]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2020; 8 (2). (In Russ.).
10. Melikyan M.A. Noosfernost i informatsionnost cheloveka: filosofsko-antropologicheskoe osmyslenie novogo chelovecheskogo kachestva [Human noosphericity and informativeness: A philosophical-anthropological interpretation of a new human quality]. *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2018; 2. (In Russ.).
11. Osipova A.A., Davydenko D.V., Abdulkadir Yu.R. Osobennosti deviantnogo povedeniya molodezhi v virtualnoy srede [Features of the youth’s deviant behavior in the virtual space]. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*. 2020; 6. (In Russ.).
12. Rynok internet-torgovli v Rossii [Online trade market in Russia]. URL: <https://akit.ru>. (In Russ.).
13. Stepanyuk V.K. Chelovek “ekonomicheskyy” i “tsifrovoy”: transformatsiya chelovecheskoy prirody v usloviyah globalizatsii [“Economic” and “digital” man: Transformation of human nature under globalization]. *Izvestiya Gomelskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2020; 4. (In Russ.).
14. Tikhonova S.V., Frolova S.M. Tsifrovoe obshchestvo i tsifrovaya antropologiya: transdistsiplinarnye osnovaniya sotsialno-epistemologicheskikh issledovaniy [Digital society and digital anthropology: Transdisciplinary foundations of social-epistemological research]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2019; 19 (3). (In Russ.).

15. Chto takoe tsifrovye dvojniki i gde ih ispolzuyut? [What are digital twins and where are they used?]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6107e5339a79478125166eeb>. (In Russ.).
16. Addiction to gadgets and the internet in Russia in 2024, by age group. URL: <https://www.statista.com/statistics/1250407/russia-digital-addiction-by-age>.
17. Deuze M. *Medialife*. Cambridge; Malden; 2012.
18. Grieves M. Digital twin: Manufacturing excellence through virtual factory replication. *White Paper*. 2014; 1.
19. Kemp S. Digital 2023: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation>.
20. Kemp S. Digital 2024: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation>.
21. Muqsith M.A., Muzykant V.L., Pratomo R.R. Sociological study of cyber threats as an integrated part of the general data protection regulation. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426

EDN: ZEGTTK

Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО)*

И.В. Киреева, Е.С. Куква, З.А. Жаде

Адыгейский государственный университет,
ул. Первомайская, 208, Майкоп, Республика Адыгея, Россия

(e-mail: ira.kireeva.2024@internet.ru; otvs_priem@mail.ru; zhadezura@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме недостаточной сформированности представлений о макрорегиональной северокавказской идентичности как в публичной политике, так и академическом поле. Макрорегиональная идентичность рассматривается как результат пространственно-территориальной идентификации, характеризующийся пониманием и ощущением причастности к макрорегиону и обусловленной не только географическими и природно-климатическими, но и историческими и эмоциональными основаниями, т.е. обозначена двойственная природа северокавказского макрорегиона: административная и исторически обусловленная, природно-географическая и символическая. Цель статьи — выявление в дискурсе макрорегиональной идентичности направленности межрегиональных связей, позволяющих характеризовать Северный Кавказ как единый макрорегион, а также потенциала макрорегиональной идентичности в укреплении российской национальной идентичности. Авторы провели анализ дискурса, формируемого в телеграм-каналах представителей региональной и федеральной власти: глав регионов Северного Кавказа и полномочного представителя Президента РФ в СКФО. Эмпирическую базу составили 187 постов глав всех регионов СКФО, Ростовской области и Краснодарского края, содержащих упоминание северокавказской общности, и 170 постов в официальном телеграм-канале полномочного представителя Президента РФ в СКФО. Для определения направленности транслируемого региональной властью дискурса о северокавказской макрорегиональной идентичности были выявлены смысловые единицы и объединены в несколько групп: культура, история, безопасность, экономика, туризм и религия. Позитивное поле идентичности формируется вокруг ряда «узловых точек»: сохранение мира и обеспечение безопасности; этнокультурная и природно-географическая уникальность региона; российский Кавказ (Северный Кавказ — уникальный регион России). Отмечено, что вербализация темы Северного Кавказа носит эпизодический характер: главы регионов стремятся, с одной стороны, развивать региональную идентичность, с другой — интегрировать ее в общенациональный контекст. Анализ дискурса макрорегиональной идентичности в телеграм-канале полномочного представителя Президента РФ в СКФО позволил

*© Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А., 2025

Статья поступила в редакцию 17.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

зафиксировать отсутствие «окружной повестки» применительно к идентичности. Согласно выводам авторов, реальное межрегиональное сетевое взаимодействие могло бы говорить о наличии макрорегиональной целостности и лечь в основу управления полиэтническим Северным Кавказом. Позитивная макрорегиональная идентичность может формироваться вокруг идеи развития (например, туризма и связанных с ним направлений), а идея российского Кавказа будет способствовать укреплению общероссийской идентичности.

Ключевые слова: макрорегион; Северный Кавказ; макрорегиональная идентичность; дискурс; телеграм-канал; российская национальная идентичность; политика идентичности; СКФО; ЮФО; региональная власть

Для цитирования: Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А. Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 410–426. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426>

Проблематика макрорегиональной идентичности выступает относительно новой в исследованиях российских ученых, будучи сосредоточена в изучении особенностей Уральского и Сибирского макрорегионов [23; 24]. На фоне достаточно большого количества кавказоведческих исследований работ, посвященных поиску индикаторов макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе и специфики ее проявлений, немного [1; 4; 11]. Это обусловлено, во-первых, относительно новым для российской политики пространственного развития, социологической и политической науки понятием «макрорегион». Наряду с административно-территориальным подходом к определению данной категории в официальных документах, нормативно фиксирующих основные атрибуты общности этого уровня (ландшафтно-географические черты и управленческо-экономические приоритеты), сложилось видение макрорегиона как символического пространства, развитие которого обусловлено историческими, социокультурными и эмоциональными особенностями (отсутствие четких границ и выраженной макрорегиональной элиты, отдельные уникальные атрибуты, общность исторического развития [30]), например, Поволжье, Сибирь, Урал и Дальний Восток. Во-вторых, исходя из неоднозначности существующих подходов, возникает вопрос о границах северокавказского макрорегиона: сегодня регионы, которые в силу ландшафтно-географических и историко-культурных черт относятся к Северному Кавказу [16], включены в разные федеральные округа — Северо-Кавказский и Южный, что делает научный поиск оснований макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе еще более интересным. В-третьих, одним из условий стабильного существования современного государства, особенно этно-федеративного, является поддержание в рамках политики идентичности определенной иерархии идентичностей граждан (как уровней власти) [6].

Макрорегиональная идентичность не только находится в фокусе публичной политики, но и постепенно становится частью предметного поля науки.

Она понимается как соотнесенность индивида с широкой территориальной общностью [11], как отдельный уровень территориальной самоидентификации [22] и как надэтническая социетальная целостность [16]. Ввиду многогранности и сложности концепта макрорегиональной идентичности, обусловленного различными контекстами его бытования, «актуальной научной задачей для всего поля социогуманитарного знания остается соединение микро- и макроуровней анализа применительно к тематике идентичности — изучение закономерностей и форм перетекания индивидуальных идентичностей в коллективные и обратного расщепления, дробления коллективных» [25].

Одна из первых попыток анализа трансформации системы идентичностей у народов Кавказа была предпринята К.С. Гаджиевым, который дал на вопрос «можно ли говорить о Кавказе как единой для представителей всех народов региона кавказской идентичности» следующий ответ: «существует некий комплекс критериев и признаков, на основании которых коренные народы региона относятся к определенной общности, отличающейся от сообществ других народов и регионов, тем более что представители каждого из кавказских народов сознают себя именно кавказцами, а не, например, славянами, арабами и пр.» [9]. «У народов Северного Кавказа, возможно, и у народов национальных республик других регионов обнаруживаются несколько уровней идентичности: этнический, республиканский и общероссийский — гражданский или политический» [10], что созвучно нашей концепции многоуровневой идентичности [18], наряду с идеями портфеля идентичностей и многосоставной идентичности, интерпретирующей идею множественной идентичности как соотношения разных идентичностей, их доминирования и ситуативности, сосуществования и конкурентности. В архитектуре множественной идентичности ее составляющие взаимодействуют (этническая, региональная и российская национальная идентичности). Исследователи, работающие с данными Юга России и Северного Кавказа, говоря о региональной идентичности, выделяют ее локальный, субрегиональный и макрорегиональный уровни, анализируя степень выраженности каждого и соотнесенность с национальной идентичностью [11]. Исследовательский коллектив под руководством В.А. Авксентьева, проведя анализ «портфеля идентичностей» жителей макрорегиона, констатировал одновременно уход от конфликта идентичностей в результате реализуемой политики идентичности и сохранение «конкуренции идентичностей» вследствие создания Северо-Кавказского и Южного федеральных округов [4; 5]. Значимость северокавказской компоненты в идентификационной матрице россиян — предмет исследований ученых макрорегиона, среди которых следует выделить следующие школы: адыгейскую [24; 29], кабардино-балкарскую [14; 17]), ростовскую [11; 12] и ставропольскую [3; 5; 8]. Существенное место в научной полемике в период образования двух федеративных округов (ЮФО и СКФО) занимала проблема окружной идентичности — южнороссийской и северокавказской [13; 27].

В нашем исследовании Северный Кавказ как макрорегион рассмотрен шире, чем в официальных документах, в том числе в Стратегии пространственного развития до 2030 года, где за субъектами СКФО закреплён статус геостратегических территорий. Наряду с субъектами СКФО такие регионы ЮФО, как Республика Адыгея, Краснодарский край и Ростовская область, включены в макрорегион Северный Кавказ, что обусловлено общностью ландшафтно-географических особенностей, историко-культурными связями и активным развитием туризма. Мы рассматриваем макрорегиональную идентичность как результат пространственно-территориальной идентификации (понимание причастности к макрорегиону), обусловленной не только географическими и природно-климатическими чертами, но также социокультурными (близкие традиции и схожая картина мира), историческими и эмоциональными. Пространственно-территориальная идентификация основана на похожести и солидарности, имеющих социокультурную и институциональную природу [31], и находится между региональной и национальной [18]. Особенности макрорегиональной идентичности — динамичность (возможно изменение не только административно-территориальных границ макрорегиона, но и идентификационных маркеров) и выраженный ситуативный характер.

Ещё одна черта — отсутствие ярко выраженной макрорегиональной элиты, нацеленной на формирование макрорегиональной идентичности, требует изучения дискурсивных практик в современном медиапространстве. Все чаще исследователи прибегают к анализу дискурсивных полей, применяя как качественные, так и количественные методы [23]. При этом особый интерес представляют «латентные регионалистские интенции», которые артикулируются региональными акторами в определенных вербальных конструкциях [20]: скрытые, неявные смыслы позволяют выявлять особенности развития макрорегионального сообщества, которое мыслится в категориях «воображаемого пространства», не имеющего четких границ, наполненного динамичными и ситуативными свойствами. При этом в ходе дискурс-анализа посредством группировки фрагментов текстов важно зафиксировать «узловые точки» дискурса [20].

В основу исследования были положены следующие подходы: во-первых, представление, что политическая элита играет значимую роль в конструировании коллективных форм идентичности, так как обладает широким доступом к формам публичного дискурса (СМИ, политика, образование и т.д.). Воспроизводимый и транслируемый элитой нарратив важен для понимания региональной политики идентичности. В нашем исследовании выделены два типа акторов — главы регионов (представители региональной политической элиты) и полномочный представитель Президента РФ в СКФО (представитель федеральной власти). Во-вторых, понимание рационалистского дискурса как смысловых характеристик регионального своеобразия и активной мотивированной

деятельности по достижению целей региона. В-третьих, инструменталистский подход — оценка содержания дискурса с точки зрения целей и интересов регионального сообщества и федеральной власти, их потребности в развитии макрорегиональной идентичности. Данные подходы предопределили обращение к дискурсивному полю, формирующемуся в пространстве телеграм-каналов из сообщений, посредством которых обозначенные акторы взаимодействуют с обществом, институциональными и неинституциональными субъектами.

Выбор пространства телеграм-каналов не случаен: коммуникация глав регионов с жителями посредством социальных сетей становится все более активной, а одной из самых популярных информационных площадок является Телеграм (четверо из пяти жителей России читают новости в Телеграм). Пик создания телеграм-каналов главами субъектов РФ пришелся на март 2022 года [28], а в ноябре 2024 года действовали 82 канала глав регионов России в Телеграм. У всех глав регионов СКФО и ЮФО есть свой канал, первым создал свою страничку в Телеграм в 2016 году губернатор Краснодарского края. В рейтингах каналов лидирует глава Чеченской Республики. Телеграм-канал аппарата полпреда Президента РФ в СКФО начал свою работу в июне 2020 года и насчитывает более 3300 подписчиков.

Исследование дискурса макрорегиональной северокавказской идентичности проводилось посредством качественного подхода. Эмпирическую базу составили отобранные в ручном режиме 187 постов, которые были размещены в официальных телеграм-каналах глав Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Северной Осетии, Чечни, Адыгеи, Ставропольского и Краснодарского края и Ростовской области с января по ноябрь 2024 года, а также 170 постов в телеграм-канале полпредства Президента РФ в СКФО. На первом этапе проводился анализ всех постов за указанный период и отбирались те сообщения, в которых упоминалась тема Северного Кавказа (по ключевым словам). Далее в отобранных постах были выявлены смысловые единицы — события, мероприятия, идеи, практики, процессы, отражающие проявление северокавказской макрорегиональной общности. На третьем этапе смысловые единицы были сгруппированы, чтобы выявить доминирующую интенцию дискурса, который фиксирует текущий момент, воспроизводит опыт прошлого и конструирует образ будущего макрорегиона. Для подтверждения сделанных выводов был проведен экспертный опрос (N=17, полуструктурированные интервью с представителями академического сообщества и практиками).

Итак, в телеграм-каналах глав регионов был обнаружен нарратив, отражающий макрорегиональный уровень идентичности. Его доля в общем потоке сообщений невелика — менее 5 %, поэтому были выявлены «триггеры», актуализирующие северокавказскую тематику. В первую очередь, это региональные праздники — «День республики», «День государственности», «День адыгов (черкесов)», «День единства народов республики», «День края» и др. В постах глав регионов содержатся поздравления, отражающие идею связи

между регионами, готовность развивать сотрудничество, видение общности исторических судеб и культур народов, проживающих на Северном Кавказе. Далее идут памятные даты, к которым приурочены обращения к историческому прошлому и событиям, участниками которых становились жители макрорегиона (День разгрома немецко-фашистских захватчиков в Битве за Кавказ, 160-летие завершения Кавказской войны, День депортации и др.). Актуализация северокавказской тематики наблюдается в ходе официальных визитов глав регионов, совместных совещаний, встреч и заседаний при участии полпредства и других представителей федеральной власти. Чаще всего выход на макрорегиональный уровень связан с проведением мероприятий в области культуры и молодежной политики (форумы, открытия памятников, юбилеи региональных институтов культуры и образования, фестивали и др., например, медиафорум «PROКавказ», круизный поезд «Жемчужина Кавказа», акция «Знамя Победы», велогонка «Дружба народов Северного Кавказа» и др.). В целом вербализация северокавказской проблематики носит эпизодический характер — говорить о последовательном и устойчивом стремлении глав регионов конструировать макрорегиональную идентичность не приходится, поскольку наблюдается акцент на интегрировании ее в общенациональный контекст. Так, часть постов связана с кризисными моментами — стихийными бедствиями, когда регионы Северного Кавказа выражают готовность оказывать друг другу помощь и поддержку.

С целью определения направленности транслируемого региональной властью нарратива выявленные в информационных сообщениях смысловые единицы были объединены в несколько групп.

1. *Культура, молодежь*: XII Всероссийский радиотрибунал «Голос Кавказа», Северо-Кавказский форум креативных индустрий «Кавказский акцент», Северо-Кавказская олимпиада интеллектуальных единоборств «Кредо — знание» среди старшеклассников, Федеральный проект «Маяки дружбы. Башни Кавказа–2024», Северо-Кавказский молодежный образовательный форум «Каспий-2024», фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы!!!», проект «Регион для молодых», большая памятная книга «Мир Кавказа» и др.). Например: «В Северной Осетии проходит многодневная велогонка “Дружба народов Северного Кавказа”... Соревнования проходят в Северной Осетии уже не в первый раз и очень полюбились местным болельщикам. Ежегодно здесь царит атмосфера братства и дружбы!».

2. *История* («Битва за Кавказ», защитники Кавказа, исторические события на Кавказе, многовековые дружественные связи, ученые-кавказоведы, Институт археологии Кавказа, поисковые отряды — участники «Вахты Памяти “Терский рубеж”», «Конгресс Международной Черкесской ассоциации», «День памяти жертв политических репрессий», Кавказская война, сложные исторические события на Кавказе, день депортации и др.). Например: «Битва за Кавказ длилась 442 дня. Она стала одним из ключевых этапов Великой Отечественной

войны... Официальный статус Дня воинской славы России дата 9 октября получила в 2020 году. Президент подписал федеральный закон, принятый по инициативе жителей регионов Северного Кавказа. В их числе были и ставропольцы. Благодарен главе государства за поддержку. Мы будем вечно чтить наших героев. Вечная слава защитникам и освободителям Кавказа. Долгих лет живущим ветеранам»; «Адыги — наши братья, с которыми мы имеем многовековые дружественные связи. Это очень гостеприимный и трудолюбивый народ».

3. *Безопасность* (противодействие/профилактика терроризма и экстремизма, совещание по вопросам безопасности регионов СКФО, меры по пресечению деструктивной деятельности недружественных стран, работа по выявлению рисков и опровержению вбросов на дестабилизацию обстановки на СК и др.). Например: «Профилактика терроризма и экстремизма в республике продолжает оставаться одной из важнейших задач»; «Проведение СВО определило основные направления деятельности ЦУРов по выявлению рисков и опровержению различных вбросов, направленных на дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе и стране в целом».

4. *Экономика, партнерство* (обмен опытом с регионами СКФО и ЮФО, системообразующие территориальные сетевые организации в субъектах СКФО, укрепление позиций регионов СКФО, доброе соседство, совместное развитие, межрегиональное взаимодействие, расширение торгово-экономических связей между регионами СКФО и др.). Например: «Обмен опытом с регионами СКФО и ЮФО, а также активное взаимодействие вузов и бизнеса — это крайне важная задача»; «Во все времена Карачаево-Черкесию и Ставрополье объединяло не только доброе соседство, но и совместное развитие — у нас общие исторические, культурные, духовные корни, что, несомненно, укрепляет наши дружеские связи. И сегодня мы продолжаем общий путь во благо нашей общей Родины — великой России».

5. *Туризм, бренды* (Кавминводы, Кавказ.РФ, проект «Кавказ GranTurismo», «Грозный — настоящая жемчужина Кавказа», «Владикавказ — настоящая культурная столица Северо-Кавказского федерального округа», «первый на Северном Кавказе всесезонный туристический кластер», «Эльбрус — лучший горнолыжный курорт России», межрегиональный туристско-патриотический слет «Мосты дружбы» в Приэльбрусье и др.). Например: «Северная Осетия будет готовить кадры для кавказских курортов. В республике откроется образовательный кластер “Туризм и сфера услуг” проекта “Профессионалитет”... Выпускники будут трудоустроены. Причем им предложат работу не только в Северной Осетии, но и за пределами региона. Такую возможность открывает соглашение, которое мы сегодня подписали с коллегами из Кавказ.РФ»; «В Дагестане создают первый на Северном Кавказе всесезонный туристический кластер».

6. *Религия* («традиции ислама на Кавказе» и др.). Например: «Без активного участия исламской общины регионов Северного Кавказа сегодня невоз-

можно представить развитие межнационального и межрелигиозного диалога в нашей стране, патриотическое воспитание подрастающего поколения, реализацию востребованных благотворительных, просветительских и волонтерских инициатив».

Данные группы приведены в порядке убывания плотности и частоты их присутствия в информационных сообщениях, что подтверждает гипотезу о преобладании в них историко-культурной направленности, однако значимы для макрорегиона и вопросы безопасности и социально-экономического сотрудничества (в том числе в сфере туризма). Как правило, смысловые единицы, которые напрямую «фиксируют» макрорегиональное северокавказское сообщество и выводят на понимание связанной с ним идентичности, выражены в метафорах, передающих семейственный характер отношения: «Северный Кавказ — наш общий дом», «братские народы/отношения/республика», «наследие предков», «кровные узы». Например: «У наших республик давно и прочно сложились дружеские узы, а братские народы связывают богатое культурное наследие и исторические пути развития»; «У наших народов общая судьба, связанная с разными событиями, в том числе наши земляки прошли испытания депортацией. Прошедшие десятилетия показали, что люди не только выстояли, но и стали еще более едины в своем стремлении развивать свою малую Родину, трудиться и созидать на благо Отечества». Следует отметить и важность такой смысловой единицы, как «общие традиции и ценности». Например: «Жители горных территорий — это наша гордость и опора. Они поддерживают традиции народов Кавказа, богатое культурно-историческое наследие... На Кавказе есть незыблемые вещи — семья, отношение к детям и старшим»; «Все кавказцы особенно восприимчивы к несправедливости, поэтому важно обеспечение беспрепятственного доступа граждан к справедливости и правосудию». Интегративный компонент проявляется в гордости за спортивные победы («за тебя болеет весь Кавказ» — о чемпионе мира по боксу А. Бетербиеве) и культурные достижения («кавказская композиторская школа», «лучший северокавказский фильм»).

Проведенный анализ подтверждает символическую природу исследуемого нарратива — он явно выражает позитивную сторону макрорегиональной северокавказской идентичности (развитие сотрудничества в сфере культуры, безопасности, экономики, туризма). При этом модальность дискурса определяется преобладанием в сообщениях глагольных форм (взаимодействовать, сотрудничать, развивать, договариваться, усилить работу, решать проблемы и др.) в контексте создаваемого образа политической стабильности и мира в макрорегионе. Информационные сообщения в телеграм-каналах губернаторов Краснодарского края и Ростовской области за тот же период практически не содержат упоминаний Северного Кавказа, поэтому были исключены из анализа.

В дискурсе информационных сообщений глав регионов были выделены следующие «узловые точки», вокруг которых «выкристаллизовывается» спец-

ифика позитивной макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе. *Сохранение мира и обеспечение безопасности* — «ценности мира, межнационального и межконфессионального согласия», «дух единства и взаимопонимания», «общие цели». Эта «точка» будет только укрепляться, поскольку направлена против деструктивных «смысловых узлов», которые артикулируются в антироссийских телеграм-каналах, ориентированных на Северный Кавказ [7]. Наибольшую опасность представляют «присутствующие в информационном пространстве СКФО пассивно-агрессивные каналы, сдержанные в риторике, но умело эксплуатирующие исторический нарратив, угрозы ассимиляции, утраты своей национальной идентичности» [26]. Телеграм-каналы, объединенные антироссийской риторикой и продвижением идеи разделения России — «деколонизации», нацелены на создание максимально негативного образа России и образа угнетенных народов Северного Кавказа [8].

Этнокультурная и природно-географическая уникальность Северного Кавказа — конструируется через такие позитивные вербализации, как «богатое культурное наследие», «сохранение традиций», «удивительно прекрасная природа», «славные духовные традиции». При этом акцент на уникальности не противоречит стремлению к единству: упоминания региональной специфики контекстуализируются идеей «общего дома», объединяющего все народы Северного Кавказа своими ценностями.

Российский Кавказ, или Северный Кавказ как уникальный регион России — выход на национальную российскую идентичность, когда «регионалистский дискурс интегрируется в целях решения задачи общенациональной политики идентичности» [19]. Позитивное поле макрорегиональной идентичности, возникающее вокруг данной «точки», включает такие маркеры, как «единение разных регионов и народов», «сплоченность и единство», «любовь к Родине», «сила многонационального народа», «героическое прошлое», «герои ВОВ/СВО», «действуем сообща».

Что касается дискурса макрорегиональной идентичности в телеграм-канале полномочного представителя Президента РФ в СКФО, то за рассматриваемый период в нем не прослеживается «идентификационной» повестки — сообщения носят в основном региональный характер: «субъекты, входящие в СКФО» или «регионы округа» — наиболее часто встречающиеся формулировки, хотя в целом телеграм-канал освещает новости отдельных регионов и их успехов, как будто соблюдая некие квоты по упоминанию каждого региона округа. В тех случаях, когда используется термин «Северный Кавказ», обычно подразумевается расширительное обозначение региона, например: «умные мосты начнут контролировать погодные условия на региональных дорогах Северного Кавказа» (о КБР), «единый билет для поездок на курорты Северного Кавказа» (о КЧР), «горнолыжники этой зимой стали чаще выбирать отдых на Северном Кавказе» (о КБР и КЧР). Такое обозначение характерно для постов о туризме.

В проанализированном контенте не обнаруживается «макрорегиональная целостность» как реальное или «воображаемое» сообщество, что, видимо, объясняется тем, что в нормативных документах федеральных округов отсутствует упоминание их целостности, даже символической. Так, в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 года, несмотря на схожесть мер по развитию регионов округа, очевидно отсутствие макрорегионального единства, не прописаны меры, которые касались бы округа как некоей отдельной сущности (помимо «развития единства культурного пространства»). Общая макрорегиональная повестка прослеживается лишь в части постов туристической тематики, где можно отследить некие общие подходы ко всему Северному Кавказу, чему, вероятно, способствует активность федерального института развития «Кавказ. РФ», инвестирующего преимущественно в туристический кластер макрорегиона. Тем самым, несмотря на некоторые экспертные ожидания, что полпредства окажутся на фронтире повестки макрорегиональной идентичности, в дискурсе глав регионов представлено больше тематик и поводов для фокусировки на макрорегиональной общности.

Зачем лидерам республик развивать единство Северного Кавказа как макрорегиона? Этот вопрос вызывает неоднозначную реакцию экспертного сообщества. Рассуждая об акторах макрорегиональной северокавказской идентичности, эксперты подтвердили приоритетность *«формирования субъектной идентичности, органично вписанной в общегосударственный идентификационный дискурс»*. Если говорить в целом о политической элите Северного Кавказа, то, по мнению ряда экспертов, она *«не заинтересована в последовательном формировании макрорегиональной идентичности, так как соответствующая ментальная модель существенно ограничивает имеющиеся возможности, связанные с постоянной апелляцией к локальным этническим и конфессиональным кодам, фиксирующим властное пространство в отдельных субъектах»*; *«у политической элиты регионального уровня есть ориентация на внутрирегиональные проблемы... макрорегиональный дискурс не значим в контексте Северного Кавказа»*. А если и значим, то преимущественно в экономической сфере, поскольку дает *«определенные возможности через свой регион использовать бренд Кавказа, применить какие-то фишки с точки зрения региональных брендов (Минеральные воды, Эльбрус и др.); этот образ очень позитивный, и он артикулируется»*.

Нарративы, отражающие идеи и практики позитивной макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе, циркулируют в информационном пространстве на региональном и федеральном уровнях [2] — конструируется и транслируется образ Северного Кавказа как стабильного и спокойного региона единой большой страны [2]. Как показали результаты нашего иссле-

дования, позитивный контент (дискурс Великой Отечественной войны, идея развития макрорегиона, его туристическая привлекательность, молодежная активность, сохранение традиционных ценностей и этнической культуры, природное богатство) — важная составляющая политики идентичности в условиях нарастания попыток расколоть северокавказское общество.

Публичный политический дискурс четко ориентирует на укрепление российской национальной идентичности, но роль регионалистского дискурса неоднозначна. С одной стороны, он интегрируется как частная составляющая общенационального дискурса, с другой — может и дезинтегрировать общество (как на Алтае и в Калининграде). В современной геополитической ситуации многие эксперты высказывают опасения, что *«сильная и ярко выраженная северокавказская идентичность может стать ресурсом различных центробежных либо сепаратистских проектов; сейчас, в условиях прокси-войны России с Западом необходимо укреплять общероссийскую национально-гражданскую идентичность на полиэтнической, секулярной основе»*. Эксперты отмечают факт наличия северокавказской идентичности, но *«социологические опросы показывают, что респонденты в гораздо большей степени считают себя жителями конкретного субъекта федерации, а не макрорегиона»*, что подтверждают и результаты проведенного нами опроса жителей Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана [15]. В то же время можно говорить о существовании *«общих соседских и земляческих форм приятельства и взаимовыручки»*, что подтверждают сообщения глав республик о готовности поддержать соседей в трудную минуту или выражающие искреннюю радость во время праздничных событий или в связи с достижениями соседних регионов.

Эксперты подчеркивают близость культур народов Северного Кавказа, и ее устойчивый маркер — этнические традиции и ценности: *«если говорить об этнической идентичности коренных, в том числе, титульных народов Северного Кавказа... то такой идентификационный комплекс силен, живуч, рельефно выражен и воспроизводит себя в режиме социальной этнической синергетики. Эта идентичность ... прочна и выражается во многих социальных формах, этнокультурных проекциях, а также в этнократических системах (фамильных, клановых, родовых с усилением использования конфессионального фактора). Эта идентичность (в данном случае, республиканская, общинная, но никак не макрорегиональная) представляет как возможности для развития северокавказских обществ, так и для их торможения»*.

Официальный политический дискурс, выявленный в ходе анализа телеграм-канала полпредства, ближе к модели региональной специализации внутри макрорегиона, нежели к модели макрорегиональной целостности. Это подтверждается и практически полным отсутствием упоминаний некоей особости макрорегиона, что снижает возможности построения идентичности на отстраивании от других за счет собственного своеобразия и уникальности. Также очевиден неактивный характер дискурса о связях между регионами вну-

три округа, межрегиональном взаимодействии, что может свидетельствовать о нетождественности окружной и макрорегиональной северокавказской идентичности и об отсутствии государственной политики идентичности с артикулирующей на макрорегиональном уровне, хотя с учетом символического значения и историко-культурной общности этот уровень идентичности мог бы стать важным ресурсом в укреплении национальной идентичности. Администрации полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах на площадках Телеграма ориентируются в большей мере на федеральные органы власти, на внешнюю аудиторию, что говорит об отсутствии задачи формирования макрорегиональной идентичности (за исключением идеи некой общности в контексте крупных туристических проектов).

Вместе с тем следует подчеркнуть значимость дискурса позитивной макрорегиональной северокавказской идентичности. Выявленные в ходе исследования смысловые единицы и «узловые точки» информационных сообщений указывают на основания формирования и укрепления общероссийской идентичности. Понимая нелинейность и сложность данного процесса, видя неоднозначность экспертных оценок, следует использовать позитивный потенциал межрегионального сотрудничества на Северном Кавказе в культуре, экономике, управлении, молодежной политике и др. в целях снижения межэтнической напряженности. По мнению экспертов, макрорегиональная идентичность не может формироваться «изолированно», сама по себе, — только как «один из этапов по утверждению общегражданской идентичности». Как региональная власть, так и федеральная в лице полпредств в округах, формируя через дискурсы чувство принадлежности к макросообществу, могла бы использовать его как ресурс укрепления гражданской идентичности, в том числе поддерживая и усиливая сетевое региональное взаимодействие внутри макрорегиона, чего нынешний дискурс пока не отражает. На наш взгляд, позитивная макрорегиональная идентичность может формироваться вокруг идеи развития, в частности туризма и тесно связанных с ним направлений деятельности. Практики межрегионального сетевого сотрудничества в области туризма, продвижение привлекательного образа Северного Кавказа как уникального макрорегиона с богатой природой и культурой — инструменты, которые обладают значительным потенциалом формирования позитивной макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе и укрепления общероссийской идентичности. Сформированная макрорегиональная идентичность может стать основой управления гетерогенным Северным Кавказом, какие бы административные очертания он ни имел.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионология. 2023. Т. 31. № 3.
2. Авксентьев В.А., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиапространстве региона // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3.

3. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. и др. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 1.
4. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Макросоциальная идентичность на Северном Кавказе в условиях современных вызовов: осмысливая исследовательские практики // Журнал фронтальных исследований. 2024. № 4.
5. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7.
6. Ачкасов В. Культурно-ценностное измерение федерализма в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20. № 2.
7. Габараева М.Р., Чибирова З.А. Идея деколонизации России и Северный Кавказ: современный контекст (по результатам контент-анализа публикаций в Telegram) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4.
8. Габараева М.Р. Дискурс «деколонизации» в антироссийских Telegram-каналах, ориентированных на Северный Кавказ (опыт контент-анализа) // Социологические исследования. 2024. № 8.
9. Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2.
10. Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Политические исследования. 2018. Т. 27. № 3.
11. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7.
12. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Южнороссийская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6.
13. Дружинин А.Г. Полиэтничен ли современный Юг России? // Региональные исследования. 2024. № 2.
14. Кавказская идентичность в российской социально-культурной трансформации / Отв. ред. А.М. Кумыков. Нальчик, 2007.
15. Киреева И.В., Куква Е.С., Ляушева С.А. и др. Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) // Регионология. 2024. Т. 32. № 2.
16. Клименко Л.В., Жаде З.А., Петрулевич И.А. Идентичность населения полиэтнического юга России в контексте социетальной интеграции макрорегиона // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3.
17. Кумыков А.М., Тхагансоев Х.Г. Кавказская идентичность в процессах современной российской социокультурной трансформации // Философские науки. 2011. № 1.
18. Многоуровневая идентичность. М.; Майкоп, 2006.
19. Назукина М.В. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов // Политическая наука. 2020. № 4.
20. Назукина М.В. Регионализм в «посланиях» глав субъектов РФ: дискурсивный аспект // Политические исследования. 2022. № 2.
21. Назукина М.В. Макрорегиональная идентичность и регионализм в современной Сибири // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России / Под ред. Е.В. Викторовой. Т. 1. СПб., 2021.
22. Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 6.
23. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Вульфович Б.Г. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ // Политическая лингвистика. 2019. № 5.

24. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.; Майкоп, 2011.
25. Семенов И.С. Перспективы идентитарных исследований и российские приоритеты // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2023.
26. Федосова Е.В., Канукова З.В., Синанов Б.А., Гадиева А.Н. Идеи «деколонизации» Северного Кавказа в современном общественном дискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4.
27. Черноус В.В. Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1.
28. Чугунов А.В., Низомутдинов Б.А., Будяк А.А. Telegram-каналы глав субъектов Российской Федерации: тестирование исследовательского инструментария // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Т. 10.
29. Шадже А.Ю. Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: опыт концептуализации // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 11.
30. Щербаков А.Ю. Символические границы макрорегиональной идентичности: уральский случай // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3.
31. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity // Regional Science Policy & Practice. 2019. Vol. 11.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426

EDN: ZEGTTK

Discourse of macro-regional identity in the North Caucasus (based on the official telegram channels of the Heads of Regions and the Russian President's Plenipotentiary Representative in the North Caucasus Federal District)*

I.V. Kireeva, E.S. Kukva, Z.A. Zhade

Adyghe State University,
Pervomayskaya St., 208, Maykop, Republic of Adygea, Russia

(e-mail: ira.kireeva.2024@internet.ru; otvs_priem@mail.ru; zhadezura@yandex.ru)

Abstract. The article focuses on the insufficient development of ideas about the macro-regional North Caucasian identity in both public policy and academic field. Macro-regional identity is considered a result of spatial-territorial identification, characterized by an understanding and a sense of belonging to macro-region and determined not only by geographical and natural-climatic but also historical and emotional grounds, i.e. the North Caucasian macro-region has the dual nature — administrative and historical, natural-geographical and symbolic. The authors aim at identifying in the discourse of macro-regional identity those interregional ties that allow to define

*© I.V. Kireeva, E.S. Kukva, Z.A. Zhade, 2025

The article was submitted on 17.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

the North Caucasus as a single macro-region with macro-regional identity capable of strengthening the Russian national identity. The authors analyzed the discourse formed in the Telegram channels of representatives of regional and federal authorities: Heads of the Regions of the North Caucasus and the Plenipotentiary Representative of the Russian President in the North Caucasus Federal District. The empirical base consisted of 187 posts by the Heads of Regions in the North Caucasus Federal District, Rostov and Krasnodar Regions, which mention the North Caucasian community, and 170 posts in the official Telegram channel of the Plenipotentiary Representative of the Russian President in the North Caucasus Federal District. To identify the focus of the regional authorities' discourse on the North Caucasian macroregional identity, the authors identified semantic units and combined them into several groups: culture, history, security, economy, tourism and religion. The positive field of identity is formed around the following "nodes": maintaining peace and ensuring security; ethnic-cultural and natural-geographical uniqueness; Russian Caucasus (North Caucasus as a unique region of Russia). However, the North Caucasus is rather an episodic topic: the Heads of Regions strive both to develop regional identity and to integrate it into the national context. The discourse of macroregional identity in the Telegram channel of the Plenipotentiary Representative lacks "district agenda" in relation to identity. The authors argue that the real interregional network interaction could indicate the presence of macroregional integrity and form the basis for managing the multiethnic North Caucasus. A positive macroregional identity can be formed around the idea of development (for example, of tourism), and the idea of the Russian Caucasus would strengthen the all-Russian identity.

Key words: macro-region; North Caucasus; macro-regional identity; discourse; telegram channel; Russian national identity; identity policy; North Caucasian Federal District; Southern Federal District; regional authorities

For citation: Kireeva I.V., Kukva E.S., Zhade Z.A. Discourse of macro-regional identity in the North Caucasus (based on the official telegram channels of the Heads of Regions and the Russian President's Plenipotentiary Representative in the North Caucasus Federal District). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 410–426. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426>

References

1. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D. Severny Kavkaz: faktorny analiz i prognozy dinamiki regionalnoy situatsii [North Caucasus: A factor analysis and forecasts of the regional situation dynamics]. *Regionologiya*. 2023; 31 (3). (In Russ.).
2. Avksentyev V.A., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Reprezentatsii etnopoliticheskoy situatsii na Severnom Kavkaze v mediaprostranstve regiona [Representations of the ethnic-political situation in the North Caucasus in the regional media space]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2024; 15 (3). (In Russ.).
3. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Obshcherossiyskaya identichnost na Severnom Kavkaze: opyt ekspertnoy otsenki [All-Russian identity in the North Caucasus: An expert assessment]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Politologiya*. 2022; 1. (In Russ.).
4. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V., Gritsenko G.D. Makrosotsialnaya identichnost na Severnom Kavkaze v usloviyah sovremennykh vyzovov: osmyslivaya issledovatel'skie praktiki [Macrosocial identity in the North Caucasus under today's challenges: Research practices]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. 2024; 4. (In Russ.).
5. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V. "Portfel identichnostey" molodezhi Yuga Rossii spustya 12 let ["Identities portfolio" of the youth in Southern Russia after 12 years]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 7. (In Russ.).
6. Achkasov V. Kulturno-tsennostnoe izmerenie federalizma v Rossii [Cultural-value dimension of federalism in Russia]. *Politicheskaya Ekspertiza*. 2024; 20 (2). (In Russ.).

7. Gabaraeva M.R., Chibirova Z.A. Ideya dekolonizatsii Rossii i Severnyy Kavkaz: sovremenny kontekst (po rezultatam kontent-analiza publikatsiy v Telegram) [The idea of decolonization of Russia and the North Caucasus: A today's context (based on the results of the content analysis of posts in Telegram)]. *Mir Nauki. Sotsiologiya, Filologiya, Kulturologiya*. 2023; 14 (4). (In Russ.).
8. Gabaraeva M.R. Diskurs “dekolonizatsii” v antirossiyskikh Telegram-kanalah, orientirovannykh na Severnyy Kavkaz (opyt kontent-analiza) [Discourse of “decolonization” in anti-Russian Telegram channels focused on the North Caucasus (a content-analysis study)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 8. (In Russ.).
9. Gadzhiev K.S. Etnonatsionalnaya i geopoliticheskaya identichnost Kavkaza [Caucasian ethnic-national and geopolitical identity]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2010; 2. (In Russ.).
10. Gadzhiev K.S. Rossiyskaya Federatsiya: natsionalnoe gosudarstvo ili gosudarstvo narodov? [Russian Federation: A national state or a state of nations?]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2018; 27 (3). (In Russ.).
11. Denisova G.S., Klimenko L.V. Osobennosti regionalnoy identichnosti naseleniya Yuga Rossii [Features of regional identity in Southern Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 7. (In Russ.).
12. Denisova G.S., Klimenko L.V. Yuzhnorossiyskaya identichnost: upushchennaya vozmozhnost integratsii multikulturnogo regiona [Southern-Russian identity: A missed opportunity of integrating a multicultural region]. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazsky Region. Obshchestvennye Nauki*. 2011; 6. (In Russ.).
13. Druzhinin A.G. Polietnichn li sovremenny Yug Rossii? [Is today's South of Russia polyethnic?]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2024; 2. (In Russ.).
14. *Kavkazskaya identichnost v rossiiskoi sotsialno-kulturnoi transformatsii* [Caucasian Identity in the Russian Social-Cultural Transformation]. Otv. red. A.M. Kumykov. Nalchik; 2007. (In Russ.).
15. Kireeva I.V., Kukva E.S., Lyausheva S.A., Zhade Z.A., Ilinova N.A. Brending regionov i ego potentsial v ukreplenii rossiyskoy natsionalnoy identichnosti (keysy Adygei, Kabardino-Balkarii i Dagestana) [Regional branding and its potential in strengthening the Russian national identity (cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan)]. *Regionologiya*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
16. Klimenko L.V., Zhade Z.A., Petrilevich I.A. Identichnost naseleniya polietnichnogo yuga Rossii v kontekste sotsialnoy integratsii makroregiona [Identity in the multiethnic South of Russia in the context of the societal macroregional integration]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*. 2021; 24 (3). (In Russ.).
17. Kumykov A.M., Tkhangapsoev Kh.G. Kavkazskaya identichnost v protsessah sovremennoy rossiyskoy sotsiokulturnoy transformatsii [Caucasian identity under the current Russian social-cultural transformation]. *Filosofskie Nauki*. 2011; 1. (In Russ.).
18. *Mnogourovnevaya identichnost* [Multilevel Identity]. Maikop; 2006. (In Russ.).
19. Nazukina M.V. Identitarnye aspekty regionalistskogo diskursa federalnykh simvolicheskikh konkursov [Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic contests]. *Politicheskaya Nauka*. 2020; 4. (In Russ.).
20. Nazukina M.V. Regionalizm v “poslaniyakh” glav sub'ektov RF: diskursivnyy aspekt [Regionalism in the “messages” of the Heads of the Subjects of the Russian Federation: A discursive aspect]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).
21. Nazukina M.V. Makroregionalnaya identichnost i regionalizm v sovremennoy Sibiri [Macroregional identity and regionalism in today's Siberia]. *Transformatsiya identichnostei: opyt Evropy i Rossii*. Pod. red. E.V. Viktorovoy. Vol. 1. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.).
22. Nazukina M.V. Uralsky makroregion v sisteme territorialnykh identichnostey sovremennoy Rossii [Ural macro-region in the system of territorial identities of contemporary Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2015; 6. (In Russ.).

23. Ryabchenko N.A., Katerina V.V., Gnedash A.A., Vulfovich B.G. Regionalny politichesky diskurs: teoreticheskaya model, metodologiya issledovaniya i praktiki upravleniya politicheskim kontentom v online-prostranstve sub'ektov RF [Regional political discourse: A theoretical model, methodology of research and practices of managing political content in the online space of the Subjects of the Russian Federation]. *Politicheskaya Lingvistika*. 2019; 5. (In Russ.).
24. *Severnyy Kavkaz v focuse rossiiskoi identichnosti* [North Caucasus in the Focus of Russian Identity]. Pod obshch. red. A.Yu. Shadzhe. Maikop; 2011. (In Russ.).
25. Semenenko I.S. Perspektivy identitarnykh issledovaniy i rossiyskie priority [Prospects of identity research and Russian priorities]. *Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya*. Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow; 2023. (In Russ.).
26. Fedosova E.V., Kanukova Z.V., Sinanov B.A., Gadieva A.N. Idei “dekolonizatsii” Severnogo Kavkaza v sovremennom obshchestvennom diskurse [Ideas of the North Caucasus “decolonization” in the contemporary public discourse]. *Mir Nauki. Sotsiologiya, Filologiya, Kulturologiya*. 2023; 14 (4). (In Russ.).
27. Chernous V.V. Administrativno-territorialny faktor transformatsii regionalnoy identichnosti na Yuge Rossii [An administrative-territorial factor of transformation of regional identity in the South of Russia]. *Yuzhno-Rossiyskiy Forum: Ekonomika, Sotsiologiya, Politologiya, Sotsialno-Ekonomicheskaya Geografiya*. 2010; 1. (In Russ.).
28. Chugunov A.V., Nizamutdinov B.A., Budak A.A. Telegram-kanaly glav sub'ektov Rossiyskoy Federatsii: testirovanie issledovatel'skogo instrumentariya [Telegram channels of the Heads of Subjects of the Russian Federation: A test of research tools]. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022; 10. (In Russ.).
29. Shadzhe A.Yu. Makroregionalnaya identichnost na Severnom Kavkaze: opyt kontseptualizatsii [Macro-regional identity in the North Caucasus: A conceptualization]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2024; 11. (In Russ.).
30. Shcherbakov A.Yu. Simvolicheskie granitsy makroregionalnoy identichnosti: uralsky sluchay [Symbolic boundaries of macro-regional identity: The Ural case]. *Diskurs-Pi*. 2014; 2–3. (In Russ.).
31. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy & Practice*. 2019; 11.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-427-446

EDN: ZCXXQW

Влияние ценностных ориентаций молодежи на восприятие ESG-повестки*

М.Л. Ивлева¹, Е.В. Нежникова¹, Н.Б. Сафронова^{2,3}

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
Ярославское ш., 26, Москва, 129337, Россия,

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 86, Москва, 119517, Россия

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; nezhnikova-ev@rudn.ru; safronova@ranepa.ru)

Аннотация. Статья посвящена влиянию ценностных ориентаций студентов на восприятие ESG-повестки (Environmental, Social, Governance — экология, социальная ответственность, корпоративное управление) в России. На основе модели ценностей Ш. Шварца был разработан инструментарий эмпирического исследования. При выборе социологической модели для представления ценностных ориентаций личности был проведен сравнительный анализ ряда популярных методик, по результатам которого был обоснован инструментарий для оценки связи между базовыми ценностями личности и отношением к принципам устойчивого развития. Такие свойства восприятия, как осмысленность и обобщенность, целостность и избирательность, константность и предметность легли в основу инструментария (два уровня абстракции и набор индикаторов). В качестве целевой аудитории была выбрана студенческая молодежь — как будущие акторы реализации ESG-повестки в деятельности российского бизнеса и в государственной политике устойчивого развития. Был опрошен 321 респондент (женщин — 61 %, мужчин — 39 %; 87 % в возрасте от 18 до 25 лет), выборка была разделена на четыре группы: студенты бакалавриата (1 и 4 курсы), магистратуры и аспирантуры. Результаты опроса показали, что ценностные ориентации, связанные с универсализмом и заботой о других, значимо коррелируют с поддержкой ESG-инициатив. 56 % респондентов оказались знакомы с термином «ESG», однако его понимание варьирует в зависимости от уровня образовательных программ. Экологические вопросы студенты считают наиболее приоритетными (67 %), тогда как корпоративное управление вызывает наименьший интерес (52 %). Авторы отмечают недостаточное включение ESG-тематики в учебные программы (лишь 22 % изучали соответствующие дисциплины) и формулируют рекомендации для системы высшего образования. Тем самым исследование вносит вклад в понимание ценностей и мотивации молодежи в контексте устойчивого развития и подчеркивает необходимость адаптации образовательных стандартов к глобальным ESG-трендам.

*© Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б., 2025

Статья поступила в редакцию 03.02.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

Ключевые слова: экологические приоритеты; социальная ответственность; корпоративное управление; ESG-повестка; ценностные ориентации молодежи; студенчество; подготовка кадров; социологические исследования

Для цитирования: *Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова, Н.Б.* Влияние ценностных ориентаций молодежи на восприятие ESG-повестки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 427–446. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-427-446>

В последние годы ESG (Environmental, Social, Governance) повестка «перекочевала» из сферы интересов бизнеса в сферу внимания широких слоев населения, политиков и международного сообщества. Понятие «ESG-повестка» сформировалось в результате трансформации категории «устойчивое развитие» [36] и стало обобщающим для 17 целей устойчивого развития, принятых на ассамблее ООН в 2015 году [7], поскольку предполагает комплексное достижение результатов в экологической и социальной сферах, а также в корпоративном управлении. Наблюдаемый рост интереса к ESG-повестке напрямую связан с такими факторами, как глобальное осложнение экологической ситуации, резкое обострение социального и экономического неравенства. В России популярность вопросов устойчивого развития растет из года в год в бизнес-среде, где реализация проектов ESG рассматривается как фактор повышения конкурентоспособности, инвестиционного и репутационного рейтинга [4]. Последовательная реализация принятых на себя добровольных обязательств в сфере экологии, социальных вопросов и корпоративного управления помогает выстраивать отношения с контрагентами, потребителями и представителями государственной власти. В целом применение концепции социального развития усиливает конкурентные позиции компании и является одним из конкурентных преимуществ, основанных на социально-этическом маркетинге [15]. Многие авторы связывают устойчивое развитие с корпоративным ростом компании — органичным развитием, базирующимся на внутренних ресурсах, возможностях и компетенциях организации, а также на различных формах взаимодействия с субъектами ее рыночной среды [3; 28].

Большое значение для популяризации вопросов устойчивого развития в России имеет государственная политика сохранения и защиты природных ресурсов и климата. Целый ряд документов и программ были приняты федеральными органами и дополнены на региональном уровне. Так, в 2020 году был принят Указ о сокращении выбросов парниковых газов [30], в 2021 году он был дополнен Распоряжением Правительства об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития страны [23]. Основным программным документом в сфере устойчивого развития можно считать Перспективный план развития российской экономики до 2050 года, предусматривающий низкий уровень выбросов парниковых газов [22]. Развитие государственной политики в сфере ESG-повестки на-

шло отражение в принятом в 2023 году Указе Президента об утверждении Климатической доктрины страны [31] и оперативного национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года [21]. Эти документы определяют роль и место государственных органов в управлении процессами достижения устойчивого развития страны.

В будущем молодое поколение составит значительную часть рабочей силы и потребительского потенциала страны. Уже сейчас, по данным Росстата, в стране насчитывается почти 36 млн трудоспособных молодых людей (от 16 до 35 лет), что составляет около 24 % населения [33]. От отношения этой группы к вопросам устойчивого развития и их вовлеченности в реализацию целей ООН будет зависеть не только экологическое, но и социальное будущее нашего общества. Поэтому целью нашего исследования стало выявление связей между ценностными ориентациями молодежи (18–25 лет) и их отношением к экологическим, социальным и корпоративным вопросам устойчивого развития, а также определение зависимости отношения к ESG-повестке от возраста, ценностей и уровня образования молодых людей.

Среди социологических публикаций встречаются работы, затрагивающие ценностные основы приверженности принципам устойчивого развития, но это преимущественно международные проекты. Например, в рамках Всемирного исследования ценностей [5] рассматривался эоактивизм как компонент ESG-повестки: последователи эоактивизма демонстрируют устойчивую приверженность постматериалистическим ценностям. Однако в целом можно говорить о недостаточной изученности связи между ценностями и экологическим сознанием, «кроме того, явно недостаточное внимание уделялось субъективным предикторам экологических установок, в первую очередь – ценностным ориентациям» [25]. В реализации ESG-повестки важна и образовательная составляющая [26], поскольку необходима широкая общественная поддержка, в том числе молодежью, принципов устойчивого развития. Для этого они должны быть понятны и ценны для правительств, бизнеса и населения всех стран, что требует широкого охвата образованием и просвещением. Однако в аналитических материалах рейтингового агентства RAEX за 2023 год приводятся неутешительные данные: «о концепции ESG не имеют представления почти 70 % опрошенных студентов; о наличии или отсутствии в своем вузе магистерских и бакалаврских программ и ДПО по повестке устойчивого развития не знают 52 % преподавателей и 76 % студентов» [9]. Необходимым условием ESG трансформации является подготовка кадров, разделяющих ценности устойчивого развития и обладающих необходимыми знаниями и компетенциями [16]. Однако опросы экспертов и государственных служащих [13] показали, что пока возможности и перспективы реализации ESG-подхода российским компаниям неясны.

Иными словами, комплексные социологические работы, связывающие ценностные ориентации и ESG-восприятие, редки как в России, так и за ру-

бежом, что определяет актуальность выявления связей между общечеловеческими ценностями и вопросами ESG-повестки для понимания источников и принципов формирования ответственного отношения к окружающей среде и обществу.

Для выбора модели ценностных ориентаций для эмпирического исследования был проведен критический анализ социологических методов выявления ценностей и мотивов личности. Методика оценки мотивации личности к успеху Т. Эйлера [37] базируется на ценностных моделях ориентации на успех, но не затрагивает весь спектр поведенческих мотивов. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной основана на двух взаимоисключающих понятиях — альтруизм и эгоизм, что упрощает понимание мотивирующих ценностей [19]. Многофакторная методика диагностики мотивации трудовой деятельности также основана на дуализме (положительных и отрицательных) поведенческих мотивов трудовой деятельности [20]. Ближе всего к задачам исследования оказалась концепция смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [14], однако один из трех компонентов методики (оценка «результата») противоречит понятию ценности как основополагающей структуры личности.

Определение термина «ценности» остается предметом обсуждения в социогуманитарных науках, поскольку не имеет однозначной трактовки [12], хотя «идентификация ценностных ориентаций помогает увидеть существующий в обществе набор ценностей, задающий нормы и правила поведения и усваиваемый молодым поколением в ходе социализации» [17]. Мы понимаем под ценностями базовые, характерные для личности отношения к внутренним и внешним факторам, проявляющиеся в поведении субъекта постоянно или длительный период, поэтому для разработки инструментария была использована модель ценностей Ш. Шварца [41]. Уже несколько десятилетий она применяется для выявления связей между базовыми ценностями (метаценностями) и половозрастными и поведенческими особенностями личности [34] с помощью многомерного шкалирования (группировка переменных-индикаторов в двухмерном пространстве). Такой подход соответствует гипотезе исследования о наличии зависимости между ценностями личности и отношением к принципам и формам реализации устойчивой повестки. При разработке опросной методики была использована уточненная модель ценностей, дополненная после соответствующей эмпирической апробации (была одобрена Шварцем).

В основу уточненной модели легли три уровня ценностей, представленных окружностями, что подчеркивает непрерывность их формирования и реализации («круговой мотивационный континуум») [34]. Три первых наружных круга задают порядок расположения ценностей: верхняя часть внешнего круга включает ценности роста и саморазвития — мотиваторы при отсут-

ствии угроз или тревоги; нижняя половина внешнего круга включает ценности защиты от угроз; второй уровень определяет фокус ценностей — социальный и личный; третий внешний круг — границы между альтернативами. Так, ценность «открытость изменениям» связана с готовностью к новым действиям, идеям и переживаниям, а ценность «сохранение» — с избеганием изменений, самоограничением, поддержкой порядка. «Самоутверждение» основано на достижении личных целей и интересов, а «самоопределение» — на готовности личности найти свое место в социуме, подчинить свои интересы коллективным. Круговая конструкция позволяет отразить явственный конфликт ценностей, находящихся на ее противоположных сторонах. Ценности, расположенные на осях внутренней окружности, объединены в набор показателей, которые подлежат эмпирическому измерению в ходе опроса.

На основе этой модели мы составили анкету об отношении к ценностям, в основе которой лежит связь вариантов ответа с проявлением ценностей. В Таблице 1 представлен фрагмент модели взаимосвязи эмпирических индикаторов и уровней ценностей, определяющих отношение респондентов к ESG-повестке.

Таблица 1

Модель взаимосвязи эмпирических индикаторов и уровней ценностей, определяющих отношение респондентов к ESG-повестке

1 уровень	2 уровень	3 уровень	Индикаторы	Вопросы	
Рост и развитие	Самоопределение	Универсализм	Забота о природе	17 Мир во всем мире	
Свобода от тревоги				24 Единение с природой	
				29 Гармония	
			Забота о других	1 Равенство	
				22 Безопасность семьи и близких	
				30 Социальная справедливость	
			Толерантность	7 Чувство общности	
				11 Вежливость	
				15 Взаимность в отношениях с людьми	

Для оценки значимости индикаторов была использована шкала оценок — разные степени положительного, нейтрального и отрицательного отношения к ценности, что позволило определить ценности, не приемлемые для респондентов (Табл. 2).

Таблица 2

Шкала оценок индикаторов ценностей

Оценка в баллах	Семантическое значение оценки
7	исключительно важная в качестве руководящего принципа моей жизни
6	очень важная
5	достаточно важная
4	важная
3	не очень важная
2	мало важная
1	не важная
0	совершенно безразличная
–1	это противоположно принципам, которым я следую

Оценка восприятия ESG-повестки строилась на трактовке восприятия как психологического феномена с рядом базовых свойств [40]: осмысленность и обобщенность, целостность и избирательность, константность и предметность [1]. Эти свойства были положены в основу инструментария, включающего два уровня абстракции и набор индикаторов [26] (Таблица 3).

Таблица 3

Структура инструментария социологического исследования

Свойства восприятия	1 уровень	2 уровень	Индикаторы	Вопросы
Осмысленность и обобщенность	Знание ESG	Понятия	Знаю понятие и его содержание	1, 8
Целостность		Информация	Источники информации	7, 12
Избирательность	Значимость ESG	Важность	Рейтинг важности	3, 4, 5
Константность		Актуальность	Необходимость	6
Предметность	Поведение ESG	Деятельность	Внедряю	13
		Решения	Решаю	9, 10, 11

Анкетирование было проведено в период с ноября 2024 года по январь 2025 года. Была опрошена молодежь (18–25 лет), разбитая на четыре группы по образовательным уровням: 1 курс бакалавриата (18–22 года); 4 курс бакалавриата (18–22 года); магистратура (23–25 лет); аспирантура (23–25+лет) (Табл. 4). Различия ответов групп можно объяснить накоплением знаний: студенты 4 курса и аспиранты демонстрируют более глубокое понимание ESG благодаря профильным дисциплинам (Таблицы 8–9).

Таблица 4

Данные о выборочной совокупности

Выборка	%	Муж	Жен	18–22 года	23–25 лет	25+
Общий массив	100	39,2	60,8	32,9	54,1	13
Массив 1	23,3	25,8	74,2	100		
Массив 2	16,8	41,3	58,7	89,3	7,2	2,5
Массив 3	20,8	56,7	43,3	4,2	93,4	2,4
Массив 4	39,1	67,1	32,9		66,8	33,2

Гендерно выборка смещена — преобладают девушки (61 %), что выше среднестатистического значения (57 %) [6], однако, поскольку опрос проводился преимущественно среди студентов социально-экономических специальностей, выборка может считаться релевантной — доля девушек, обучающихся по направлениям экономики, менеджмента и права, составляет 65 % [2]. Отклонение от заданной в параметрах исследования возрастной структуры 18–25 лет составляет 13 %, но за счет респондентов, обучающихся по программам аспирантуры. С учетом отмеченных отклонений и их причин выборку можно считать соответствующей параметрам генеральной совокупности.

Одна из задач опроса — поиск ответа на вопрос о будущем влиянии представителей поколения «зуммеров» на реализацию ESG-повестки как активных участников экономических процессов. Сначала были выявлены профессиональные и карьерные планы студентов на ближайшие десять лет (Табл. 5).

Таблица 5

**«Кем вы хотите стать через 10 лет?»
(выбор нескольких вариантов ответа, %)**

Варианты	суперпрофи в своей профессии	(со) владельцем бизнеса	наемным работником в должности руководителя	самозанятым/ фрилансером	пока не знаю
Массив 1	42,1	64,5	10,5	32,9	11,8
Массив 2	54,3	60,9	19,6	47,8	2,2
Массив 3	53,1	60,9	18,8	20,3	12,5
Массив 4	49,2	49	21,4	16,7	9,5
Всего	47,3	45,6	24,9	36	13,2

Большинство респондентов видят себя в будущем владельцами бизнеса, т.е. лицами, принимающими решения, в том числе в сфере ESG-повестки, с которой они знакомятся, в первую очередь, в процессе получе-

ния профессионального образования. Доля выбирающих позицию наемного работника-руководителя растет по мере взросления — с 10,5 % среди студентов первого курса до 21 % у аспирантов, тогда как двухкратно сокращается доля ориентированных на фриланс — от 33 % среди 18-летних до 17 % после 25 лет. Видимо, преимущества работы по найму и риски, связанные с проектами самозанятых, становятся очевидны с возрастом и по мере приобретения опыта работы.

Вопрос о приоритетах в финансировании из бюджета компании активностей ESG-повестки дал устойчивое совпадение по всем массивам. В Таблице 6 приведены средние значения сумм в ответах на вопрос «Представьте, что Вы уже стали руководителем компании, работающей на отечественном рынке, и Вам предстоит распределить бюджет в 10 млн рублей на реализацию ESG инициатив. Разделите этот бюджет по различным направлениям ESG».

Таблица 6

Распределении бюджета на реализацию ESG инициатив (в млн руб.)

Варианты	Максимум	Среднее	Медиана
сохранение экосистем	10	2,81	2,5
декарбонизация производства	6,75	1,74	1,75
создание рабочих мест для инвалидов	4,75	1,38	1
предоставление дополнительных льгот для сотрудников с детьми до 7 лет	5,75	1,6	1,5
развитие внутрикорпоративных СМИ	7,25	1,26	1,25
проведение ежегодного конкурса ESG инициатив среди сотрудников	5,25	1,19	1

В ходе исследования предполагалось выявить связь между уровнем подготовки и восприятием ESG-повестки. Для этого респонденты были разделены на группы по образовательным уровням: студенты бакалавриата 1 курса (массив 1, 23 %) — знакомство с ESG-повесткой формируется на основе общедоступных информационных источников (СМИ, социальные сети); студенты бакалавриата 4 курса (массив 2, 17 %) — в дополнение к общедоступным источникам осваивают ряд предметов учебного плана, содержание которых связано с ESG-повесткой, например, дисциплину «Корпоративная социальная ответственность» (КСО); студенты магистратуры 2 курса (массив 3, 21 %) — изучают методы и опыт реализации ESG-повестки компаниями, работающими в отраслях, соответствующих тематике программ магистратуры; аспиранты 1–2 года обучения (массив 4, 39 %) — имеют опыт изучения и реализации ESG-повестки как руководители или собственники бизнес-структур в разных странах (доля иностранных аспирантов в выборке — 34 %, из них 26 % — граждане Китая).

Значения оценок ценностей в категории «универсализм», формирующей отношение к универсальным принципам устойчивого развития, представлены в Таблице 7: учитывалась сумма ответов респондентов, выбравших наибольшие баллы (7+6); данные приведены по каждому индикатору в каждом массиве, и проведены средние значения по массивам (взвешенные средние) и по каждой категории индикаторов/вопросов.

Таблица 7

**Результаты положительной оценки
ценностной категории «универсализм», %**

Индикатор	Номер вопроса	Массив 1	Массив 2	Массив 3	Массив 4	Средние
О природе	17	25	65,9	54,7	52,7	38,85
	24	46,5	36,6	41,3	47,7	36,6
	29	30	19	25,4	45,5	22,2
Среднее		33,3	40,5	40,2	48,6	40,6
Забота о других	1	32	25	35,9	47,6	32
	22	89,1	92,7	88,9	84,8	88,8
	30	54,8	59	60,3	45,7	52,3
Среднее		58,3	58,9	61	59,2	59,3
Толерантность	7	20	30,4	36,6	56,4	35,8
	11	56,2	46,4	50,8	75,6	57,2
	15	47,8	53,1	57,8	53,1	52,9
Среднее		31	43,3	48,4	61,7	48,6

Согласно данным в Таблице 7, индикаторы уровня ценностей, относящихся к «универсализму», свидетельствуют о наличии и высокой значимости этой категории для 18–25-летних, т.е. ценностная база личных приоритетов для восприятия и реализации ESG-повестки имеется и будет определять в будущем поведение специалистов при выборе управленческих решений в пользу устойчивого развития. На первом месте с большим отрывом стоит такая категория ценностей, как забота о других (59 %): среди вопросов, раскрывающих этот индикатор, доля положительных ответов на вопрос о ценности «безопасность семьи и близких людей» составляет 88,8 % и лидирует в общем перечне ценностей по модели Ш. Шварца. Повышенное внимание к понятиям безопасности в широком ее понимании формирует благоприятное ценностное восприятие «устойчивого развития», цель которого — обеспечение экологической и социальной безопасности для настоящих и будущих поколений.

ний. Значение этого показателя колеблется очень незначительно — в пределах 1 % — по массивам, в отличие от индикатора «толерантность», который демонстрирует почти двухкратный рост (от 31 % у первокурсников до 62 % у аспирантов), отражая изменение личных ценностей под влиянием социального опыта. Данные о ценности «природы» как среды обитания согласуются с популярным мнением об интересе молодых поколений к вопросам защиты окружающей среды: 33 % восемнадцатилетних и 49 % двадцатипятилетних отметили этот индикатор, что говорит о наличии ценностной базы для привлечения молодежи к активной реализации экологической повестки в контексте устойчивого развития.

Соответственно, интерес представляют ответы на вопрос о понимании и знании термина «устойчивое развитие» и «ESG-повестка». Более половины респондентов отметили свое знакомство с термином «ESG -повестка», который в анкете определяется как совокупность принципов деятельности компании, основанных на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении с сотрудниками и клиентами и надлежащем корпоративном управлении (Табл. 8). Десятикратное различие между массивами 1 и 2 (8 % против 79 %) показывает, насколько велико влияние образовательной программы на формирование профессиональных знаний по устойчивому развитию. Если сложить доли положительных ответов в выборке, то более половины (55 %) респондентов, обучающихся по программам высшего образования, знакомы с термином «ESG-повестка».

Таблица 8

Знакомство с понятием «ESG-повестка», %

Вариант ответа	Массив 1	Массив 2	Массив 3	Массив 4	Всего
Я знаю этот термин и его значение	7,9	78,7	41,5	50	44,6
Я знаю этот термин, но не знал (а) его полное значение	11,8	10,6	9,2	13,1	11
Я встречал (а) термин и считал, что он про экологию	3,9	6,4	10,8	5,7	6,7
Я встречал (а) этот термин, но не знал его значение	11,8		7,7	7,4	6,5
Я не встречал (а) этот термин	64,5	4,3	30,8	23,8	31

На Рисунке 1 представлено распределение ответов на вопрос «Насколько важны для Вас экологические вопросы?» (шкала от 1 до 5). Только 6 % отметили экологические вопросы как «не (очень) важные», что подтверждает высокую вовлеченность студенческой молодежи в экологическую тематику.

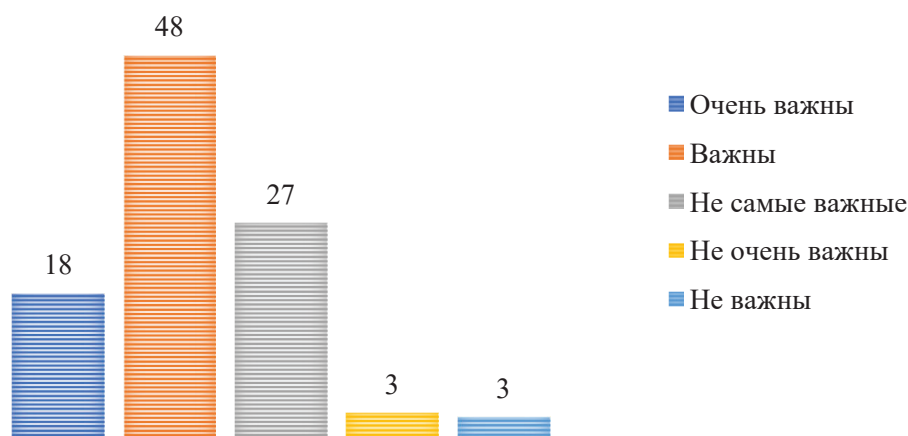

Рис. 1. Важность экологических вопросов (%)

Для уточнения мнений о важности конкретных экологических проблем современности респондентам было предложено расставить на их условном «пьедестале» (1, 2, 3 места). Оказалось, что почти половина респондентов (48 %) считают изменение климата важнейшей экологической проблемой, но только каждый четвертый (23 %) ставит одну из причин данного явления — парниковый эффект — на третье место. Во многом такое расхождение в оценках связано с источниками информации, из которых респонденты получают сведения по вопросам ESG-повестки: в основном это СМИ и социальные сети, в которых представлен своего рода популистский взгляд — мнение авторитетных специалистов в сокращенном, «хайповом» варианте. Комплексное представление о причинах и последствиях изменения климата не формируется, и экологическая грамотность обретает форму популяризации раздельного сбора отходов. Выявленные особенности восприятия информации и источников сведений о ESG-повестке, по сути, ставят перед системой высшего образования задачу формирования системного, научно обоснованного отношения будущих экономических акторов к экологическим проблемам страны и человечества.

Социальные проблемы — гендерное неравенство, безработица, недоступность образования и пр. — составляют самостоятельный раздел ESG-повестки. Опрошенные обращают внимание на социальные инициативы компаний и ожидают от них участия в решении социальных проблем общества (только 7 % отметили социальные вопросы как «не (очень) важные»), поддерживают программы, направленные на улучшение качества жизни, поддержку разнообразия и инклюзии, устранение неравенства и несправедливости. Иная картина прослеживается в отношении норм и правил корпоративного управления, которое пока мало знакомо студенческой молодежи: 18 % отметили таковые как «не (очень) важные»,

Хотя устойчивое развитие рассматривается правительствами, научным сообществом, политическими партиями и общественностью как главное средство сохранения цивилизации и планеты для будущих поколений, система высшего образования, будучи достаточно инертной, пока не готовит специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для успешной реализации принципов устойчивого развития в сфере своих профессиональных интересов [11]. Наши данные говорят о недостаточном отражении вопросов ESG-повестки в ученых дисциплинах высшего образования (Табл. 9).

Таблица 9

**Наличие учебных дисциплин, посвященных ESG-повестке,
в образовательных программах, %**

Варианты	Массив 1	Массив 2	Массив 3	Массив 4	Всего
В учебном плане образовательной программы, по которой я прохожу подготовку, есть дисциплина, посвященная ESG/КСО повестке	6,8	59	9,4	12,2	22
Вопросы ESG изучаются в большинстве дисциплин	5,4	2,1	12,5	16,3	9,1
Вопросы ESG упоминаются во многих дисциплинах	13,5	2,1	20,3	28,5	16,1
Вопросы ESG упоминаются в 1–2 дисциплинах	9,5	31,9	26,6	17,1	21,3
Вопросы ESG НЕ упоминаются	31,1	4,3	17,2	9,8	15,6
Не помню	33,8		14,1	16,3	16,1

Только 22 % отметили наличие в содержании образовательных программ дисциплин, связанных с ESG/КСО повесткой; примерно треть не встречалась или не помнит тематики устойчивого развития в содержании учебных дисциплин (что согласуется с 31 % не встречавших данного термина в Таблице 8). В целом по мере перехода на более высокие уровни обучения присутствие тематик устойчивого развития расширяется. Так, доли отметивших, что вопросы ESG упоминаются во многих дисциплинах, составляют: в бакалавриате — 13 %, в магистратуре — 20 %, в аспирантуре — 29 %. Исключение составляют студенты 4 курса, 59 % которых изучали тематику устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности в семестре анкетирования. На этих данных можно оценить влияние изучения специализированных дисциплин ESG-повестки на знание содержания этого термина — 79 % при средних данных в 44 % (Табл. 7). Также показательно сравнение вопросов, при решении которых респонденты ориентируются или используют данные о реализации принципов устойчивого развития (Табл. 10). Обращают на себя внимание результаты по массиву 2 (ответы респондентов, изучающих

тематику ESG/КСО), но и в целом можно утверждать, что система высшего образования формирует понимание значимости деятельности в сфере устойчивого развития при выборе места работы (66 %), участии в общественных инициативах (64 %), голосовании на выборах (51 %), финансовой поддержке благотворительных проектов (62 %), т.е. в тех сферах, где реализуются важнейшие ценностные ориентации молодежи.

Таблица 10

При принятии каких решений студентам важна информация о реализации ESG-повестки (множественный выбор, %)

Варианты	Массив 1	Массив 2	Массив 3	Массив 4	Всего
При покупке товаров и услуг	28,9	40,4	43,8	32,8	36,5
подписке на социальные сети	11,8	23,4	7,8	25,6	17,2
выборе места практики/работы	48,7	66	48,4	44	51,8
участии в общественных инициативах	32,9	63,8	46,9	46,4	47,5
выборе депутатов различных уровней	30,3	51,1	29,7	19,2	32,6
финансовой поддержке благотворительных проектов	38,2	61,7	39,1	39,2	44,6
Мне не важна эта информация	31,6	4,3	15,6	16	16,9

Выбирая свой путь и определяя собственные приоритеты устойчивого развития, Россия учитывает мировой опыт и активно взаимодействует с международным сообществом в преодолении экологических, социальных и корпоративных вызовов современности [13]. По мнению исследователей, совместные инициативы ESG будут подкреплены обменом информацией и ресурсами: целенаправленные экосистемы, включающие организации, образовательные учреждения и стартапы, объединятся для решения сложных задач в различных отраслях — сохранения природного капитала, устранения климатических рисков и разрывов в оплате труда сотрудников, обеспечения разнообразия и инклюзивности общества. Наличие общих целей устойчивого развития у субъектов экономических отношений будут стимулировать

инновационные и творческие тенденции в бизнесе и обществе [39]. Особое внимание к рискам, возникающим в корпоративном управлении при внедрении ESG-принципов, обусловлено тем, что такие риски препятствуют ESG-трансформации систем (корпоративного) управления [16]. Один из них — низкий уровень вовлеченности рядовых сотрудников и граждан в реализацию государственных и корпоративных проектов по экологии, социальному управлению и корпоративной ответственности (порядка 90 % даже не понимают значение терминов «ESG» и «устойчивое развитие» [32]).

Все это выдвигает особые требования к системам просвещения и образования. От успешности формирования общественного запроса на реализацию ESG-принципов в бизнесе и государстве, от наличия мотивированных и подготовленных кадров зависит успешность государственной политики и бизнеса, а, значит, и сохранение условий жизни для будущих поколений. Как показывают многочисленные исследования, молодежная аудитория наиболее восприимчива и разделяет идеи, содержащиеся в целях устойчивого развития ООН [24]. Так, в нашем исследовании практически каждый второй респондент знает или знаком с термином «ESG-повестка», что вдвое превышает осведомленность представителей других возрастных групп и свидетельствует об интересе молодежи к возможным сценариям будущего планеты и текущим проблемам. Привлечение молодежи как будущих участников производства и потребления товаров и услуг к осознанной реализации принципов устойчивости — важная задача образовательных и общественных структур страны. Уже сегодня инвесторы до 35 лет готовы пойти на сокращение доходности инвестиций ради поддержки ESG-инициатив компаний [38], молодежь отдает предпочтение экологичным продуктам и компаниям, реализующим цели устойчивого развития.

Насколько общемировые тренды отличаются от современных российских реалий в вопросах принятия решений молодежью в таких значимых сферах, как потребление и занятость, можно судить по результатам исследования, проведенного в 2024 году специалистами Высшей школы управления «Сколково» [8]. При общей заинтересованности в вовлечении молодежи в реализацию ESG-активностей, отмеченной, например, в материалах прошедшей в Общественной палате РФ в конце 2023 года конференции «Бизнес и общество» [27], исследований, посвященных ценностным ориентациям молодежи, которые определяют ее мотивацию к реализации устойчивой повестки, не проводилось. Но для создания устойчивых стимулов и формирования долгосрочных трендов необходимо понимать, каким глубинным запросам и ценностям должны отвечать планы устойчивого развития, чтобы в их реализации росла доля добровольной активной деятельности большинства, а не только государства и бизнеса. Принципы устойчивого развития необходимо отражать в элементах формирования мировоззрения молодых поколений [10] и развивать в контексте корпоративной культуры. Как показывают исследования, молодеж-

ная аудитория наиболее восприимчива и разделяет идеи, закрепленные в целях устойчивого развития ООН, но низкий уровень вовлеченности граждан в реализацию государственных и корпоративных проектов по экологии, социальному управлению и корпоративной ответственности выдвигает особые требования к российской системе высшего образования.

Библиографический список

1. Барабанищikov В.А. Восприятие и событие. СПб., 2002.
2. Баскакова М.Е. Мужчины и женщины в системе образования // Вопросы образования. 2005. № 1.
3. Васильева Е.Ю., Бакрунов Ю.О. Перспективы развития ESG-финансирования как инновационного подхода к привлечению ресурсов компании России // Управленческий учет. 2022. № 4–3.
4. Вострикова Е.О., Мешкова А.П. ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 4.
5. Гегер С.А., Гегер А.Э. Факторы эоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10.
6. Гохберг Л.М., Кузьмичева Л.Б., Озерова О.К. и др. Образование в цифрах. М., 2022.
7. Доклад Генеральной Ассамблеи ООН «Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды» // URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.
8. Дубовицкая Е., Кленина Н., Шишмонин В., Мисютин В. Молодое поколение как драйвер ESG-трансформации. М., 2024.
9. ESG в российской высшей школе: взгляд практиков. 2023 // URL: https://raex-rr.com/education/universities_Influence_Russia/ESG_universities/2023/analytics/ESG_uni_analytics.
10. Ивлева М.Л., Курилов С.Н. Проблема формирования социальной парадигмы экоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 4.
11. Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б. Опыт исследования влияния коучинговых методов на повышение эффективности образовательного процесса в высшей школе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2.
12. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
13. Козырев Н.А., Маркина А.М. Перспективы развития принципов управления ESG в России // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1.
14. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. М., 2000.
15. Малахова А.О. Проблема реализации ESG-стратегий в современной России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 12.
16. Марголин А.М., Вякина И.В. Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13. № 3.
17. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
18. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. 2018. Т. 18. № 2.
19. Потемкина О.Ф. Психологический портрет. СПб., 2004.
20. Прохорова М.В., Овсянникова О.М. Разработка многофакторной методики диагностики мотивации трудовой деятельности // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1.

21. Распоряжение Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года» // URL: <http://static.government.ru/media/files/DzVPGII7JgT7QYRoogphpW69KKQREGTB.pdf>
22. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29102021-n-3052-r-ob-utverzhdanii>.
23. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ» // URL: <https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-1912-r-14072021>.
24. Родин К. Цели устойчивого развития в зеркале общественного мнения. 2022 // URL: https://wciomru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-0707_Rodin_K_ESGpdf.
25. Смигельски А., Соколов Б., Немировская А. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2.
26. Ссылка на форму анкеты по оценке влияния ценностных ориентаций молодежи на восприятие ESG-повестки // URL: <https://anketolog.ru/s/888257/ArXcsJgg>.
27. Тренды в продвижении ESG-повестки: фокус на человека. 2023 // URL: <https://www.b-soc.ru/trendy-v-prodvizhenii-esg-povestki-fokus-na-cheloveka>.
28. Тронин С.А., Эпштейн М.М. Устойчивое развитие компании, финансовые и нефинансовые факторы устойчивого развития // Форум. 2021. № 1.
29. Троцук И.В., Давыденкова Е.С. Феномен этического консьюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 1.
30. Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011040008>.
31. Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009>.
32. Устойчивое развитие и ответственное потребление. 2023 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/18319647>.
33. Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2022 года // URL: <https://rosstatgovru/folder/12781>.
34. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. 2012. Т. 9. № 1.
35. Шукова Г.В. Современные исследовательские тенденции в области психологии восприятия // Психологические исследования. 2016. № 9.
36. Dernbach J.C. Achieving sustainable development: The centrality and multiple facets of integrated decision making // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2003. Vol. 10. No. 1.
37. Ehlers Th., Merz F., Remer H. Psychologische Längsschnittuntersuchungen an Kindern aus dem Schwerpunktprogramm “Schwangerschaftsverlauf und Kindesentwicklung”. Marburg, 1993.
38. Larcker D.F., Seru A., Tayan B. Survey of investors, retirement savings and ESG. 2023 // URL: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/2023-survey-investors-retirement-savings-esg>.
39. Looking Ahead. ESG 2030 Predictions // URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/au/pdf/2022/esg-predictions-2030.pdf>.
40. Rose D., Brown D. Idealism and materialism in perception // *Perception*. 2015. Vol. 44. No. 4.
41. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25.

The impact of the youth's value orientations on the perception of the ESG agenda*

M.L. Ivleva¹, E.V. Nezhnikova¹, N.B. Safronova^{2,3}

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Moscow State University of Civil Engineering,
Yaroslavskoe Sh., 26, Moscow, 128337, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
³*Vernadskogo Prosp., 86, Moscow, 119571, Russia*

(e-mail: ivleva_ml@pfur.ru; nezhnikova_ev@rudn.ru; safronova@ranepa.ru)

Abstract. The article considers the impact of students' value orientations on their perception of the ESG agenda (Environmental, Social and Governance) in Russia. Based on Schwartz's theory of basic human values, the authors developed a methodological framework for the sociological survey assessing the relationship between youth's value orientations and their perception of the ESG agenda. When selecting a sociological model to represent value orientations, the authors conducted a comparative analysis of several methodologies to provide the rationale for the chosen survey tool. The study evaluates the relationship between personal core values and attitudes toward sustainable development principles. The structure of the research tool incorporates key perceptual properties such as meaningfulness, generality, integrity, selectivity, constancy and objectivity. The questionnaire included two levels of abstraction and a set of indicators. The sample consisted of four groups of students as future actors in implementing the ESG agenda in the Russian business and state sustainable development policies. In the sample of 321 respondents, 61 % were women and 39 % were men; 87 % were aged 18–25. Respondents were divided into four educational groups: undergraduate students (1st and 4th years), master's and postgraduate students. The survey showed that 56 % were familiar with the term "ESG" but its understanding varied depending on the educational level. Environmental issues were identified as the highest priority (67 %) while corporate governance was of the least interest (52 %). The authors note insufficient integration of ESG issues into university curricula (only 22 % of students studied relevant disciplines) and provide recommendations for the higher education system. Thus, the study contributes to understanding the youth's values and motivation in the context of sustainable development and emphasizes the need to adapt educational standards to the global ESG trends.

Key words: environmental priorities; social responsibility; corporate governance; ESG agenda; youth value orientations; personnel training; sociological research

For citation: Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. The impact of the youth's value orientations on the perception of the ESG agenda. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 427–446. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-427-446>

*© M.L. Ivleva, E.V. Nezhnikova, N.B. Safronova, 2025

The article was submitted on 03.02.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

References

1. Barabanshikov V.A. *Vospriyatie i sobytie* [Perception and Event]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
2. Baskakova M.E. Muzhchiny i zhenshchiny v sisteme obrazovaniya [Men and women in the educational system]. *Voprosy Obrazovaniya* 2005; 1. (In Russ.).
3. Vasilyeva E.Yu., Bakrunov Yu.O. Perspektivy razvitiya ESG-finansirovaniya kak innovatsionnogo podkhoda k privlecheniyu resursov kompanij Rossii [Prospects for the development of ESG financing as an innovative approach to attracting resources of Russian companies]. *Upravlenchesky Uchet*. 2022; 4. (In Russ.).
4. Vostrikova E.O., Meshkova A.P. ESG-kriterii v investirovanii: zarubezhny i otechestvennyy opyt [ESG-criteria in investment: Foreign and Russian experience]. *Finansovy Zhurnal*. 2020; 12 (4). (In Russ.).
5. Geger S.A., Geger A.E. Faktory ekoaktivizma v Rossii [Factors of environmental activism in Russia]. *Peterburgskaya Sotsiologiya Segodnya*. 2018; 10. (In Russ.).
6. Gokhberg L.M., Kuzmicheva L.B., Ozerova O.K. et al. *Obrazovanie v tsifrah* [Education in Figures]. Moscow; 2022. (In Russ.).
7. Doklad Generalnoy Assamblei OON “Razvitie i mezhdunarodnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo: problemy okruzhayushchey sredy” [United Nations General Assembly. Report on Development and International Economic Cooperation: Environmental Issues]. 1987. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>. (In Russ.).
8. Dubovitskaya E., Klenina N., Shishmonin V., Misyutina V. *Molodoe pokolenie kak draiver ESG-transformatsii* [Younger Generation as a Driver of ESG-Transformation]. Moscow; 2024. (In Russ.).
9. ESG v rossiyskoy vysshey shkole: vzglyad praktikov [ESG in the Russian higher education: Practitioners’ perspective]. 2023. URL: https://raex-rr.com/education/universities_Influence_Russia/ESG_universities/2023/analytics/ESG_uni_analytics. (In Russ.).
10. Ivleva M.L., Ivlev V.Yu., Kurilov S.N. Problema formirovaniya sotsialnoy paradigmy ekotsentrizma: opyt filosofskogo osmysleniya sotsiologicheskogo issledovaniya v vuze [The development of the social paradigm of eco-centrism: A philosophical interpretation of the sociological research in university]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
11. Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. Opyt issledovaniya vliyaniya ko-uchingovykh metodov na povyshenie effektivnosti obrazovatel'nogo protsessa v vysshey shkole [The study of the impact of coaching on the efficiency of learning in the higher education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (2). (In Russ.).
12. Karandashev V.N. *Metodika Schwartz dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz’s Methodology for the Study of Personal Values: Concept and Guide]. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
13. Kozyrev N.A., Markina A.M. Perspektivy razvitiya printsipov upravleniya ESG v Rossii [Prospects for the development of the ESG management principles in Russia]. *Vestnik Evraziyskoy Nauki*. 2022; 14 (1). (In Russ.).
14. Leontyev D.A. *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [Life Meaning Orientations Test]. Moscow; 2000. (In Russ.).
15. Malakhova A.O. Problema realizatsii ESG-strategiy v sovremennoy Rossii [Implementation of ESG strategies in contemporary Russia]. *Skif. Voprosy Studencheskoi Nauki*. 2022; 12. (In Russ.).
16. Margolin A.M., Vyakina I.V. Riski, vyzovy i mekhanizmy ESG-transformatsii sistem upravleniya [Risks, threats and mechanisms of ESG-transformation of management systems]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*. 2022; 13 (3). (In Russ.).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexkii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries’ youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).

18. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseni (chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
19. Potemkina O.F. *Psikhologicheskyy portret* [Psychological Portrait]. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
20. Prokhorova M.V., Ovsyannikova O.M. Razrabotka mnogofaktornoy metodiki diagnostiki motivatsii trudovoy deyatelnosti [Designing a multifactor method for diagnostics of labor motivation]. *Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2017; 38 (1). (In Russ.).
21. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 11.03.2023 No. 559-r "Ob utverzhdenii natsionalnogo plana meropriyatiy vtorogo etapa adaptatsii k izmeneniyam klimata na period do 2025 goda" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 559-r of March 11, 2023 "On Approval of the National Plan for the Second Stage of Climate Change Adaptation until 2025"]. URL: <http://static.government.ru/media/files/DzVPGII7JgT7QYRoogphpW69KKQR EGTB.pdf>. (In Russ.).
22. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 29.10.2021 No. 3052-r "Ob utverzhdenii strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii s nizkim urovnem vybrosov parnikovyykh gazov do 2050 goda" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-r of October 29, 2021 "On Approval of the Strategy for Social-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050"]. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-29102021-n-3052-r-ob-utverzhdenii>. (In Russ.).
23. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 14.07.2021 No. 1912-r "Ob utverzhdenii tseley i osnovnykh napravleniy ustoychivogo (v tom chisle zelenogo) razvitiya RF" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1912-r of July 14, 2021 "On Approval of Goals and Main Directions for Sustainable (Including Green) Development of the Russian Federation"]. URL: <https://www.zakonrf.info/rasporyazhenie-pravitelstvo-rf-1912-r-14072021>. (In Russ.).
24. Rodin K. Tseli ustoychivogo razvitiia v zerkale obshchestvennogo mneniia [Sustainable development goals in the public opinion]. 2022. URL: https://wciomru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-0707_Rodin_K_ESGpdf. (In Russ.).
25. Smigelski A., Sokolov B., Nemirovskaya A. Ekologicheskie ustanovki i emansipativnye tsennosti: analiz dannykh Evropeyskogo issledovaniya tsennostey [Environmental attitudes and emancipative values: Data of the European Values Study]. *Russian Sociological Review*. 2024; 23 (2). (In Russ.).
26. Ssylka na formu anketi po otsenke vliianiia tsennostnykh orientatsiy molodezhi na vospriiatiie ESG-povestki [Link to the Questionnaire on youth values and ESG perception]. URL: <https://anketolog.ru/s/888257/ArXcsJgg>. (In Russ.).
27. Trendy v prodvizhenii ESG-povestki: fokus na cheloveka [ESG promotion trends: A human-centered approach]. 2023. URL: <https://www.b-soc.ru/trendy-v-prodvizhenii-esg-povestki-fokus-na-cheloveka>. (In Russ.).
28. Tronin S.A., Epshtein M.M. Ustoychivoe razvitie kompanii, finansovye i nefinansovye faktory ustoychivogo razvitiya [Sustainable development of the company, financial and non-financial factors of sustainable development]. *Forum*. 2021; 1. (In Russ.).
29. Trotsuk I.V., Davydenkova E.S. Fenomen eticheskogo konsyumerizma: spetsifika sotsiologicheskoy interpretatsii i osobennosti sovremennogo bytovaniya ["Ethical consumerism": The specifics of sociological interpretation and present manifestations]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 1. (In Russ.).
30. Ukaz Prezidenta RF ot 04.11.2020 No. 666 "O sokrashchenii vybrosov parnikovyykh gazov" [Decree of the President of the Russian Federation No. 666 of November 4, 2020 "On Reduction of Greenhouse Gas Emissions"]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011040008>. (In Russ.).

31. Ukaz Prezidenta RF ot 26.10.2023 No. 812 “Ob utverzhdenii Klimaticheskoy doktriny Rossiyskoy Federatsii” [Decree of the President of the Russian Federation No. 812 of October 26, 2023 “On Approval of the Climate Doctrine of the Russian Federation”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009>. (In Russ.).
32. Ustoichivoe razvitie i otvetstvennoe potreblenie [Sustainable development and responsible consumption]. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18319647>. (In Russ.).
33. Chislennost naseleniia po polu i vozrastu na 1 ianvaria 2022 goda [Population by Sex and Age as of January 1, 2022]. URL: <https://rosstatgovru/folder/12781>. (In Russ.).
34. Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individualnykh tsennostey: primeneniye v Rossii [Theory of basic personal values: Application in Russia]. *Psikhologiya*. 2012; 9 (2). (In Russ.).
35. Shukova G.V. Sovremennye issledovatel'skie tendentsii v oblasti psikhologii vospriyatiya [Contemporary research trends in the field of perceptual psychology]. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2016; 9. (In Russ.).
36. Dernbach J.C. Achieving sustainable development: The centrality and multiple facets of integrated decision making. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2003; 10 (1).
37. Ehlers Th., Merz F., Remer H. *Psychologische Längsschnittuntersuchungen an Kindern aus dem Schwerpunktprogramm “Schwangerschaftsverlauf und Kindesentwicklung”*. Marburg; 1993.
38. Larcker D.F., Seru A., Tayan B. Survey of investors, retirement savings and ESG. 2023. URL: <https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/publications/2023-survey-investors-retirement-savings-esg>.
39. Looking Ahead. ESG 2030 Predictions. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/au/pdf/2022/esg-predictions-2030.pdf>.
40. Rose D., Brown D. Idealism and materialism in perception. *Perception*. 2015; 44 (4).
41. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992; 25.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-447-458

EDN: YHYXAA

Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования*

В.А. Тупикова, Е.К. Мисятува, Л.Е. Мурзиков

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: tupikova-va@rudn.ru; emisiautova@gmail.com; lev.murzikov@gmail.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты изучения восприятия социальной сплоченности в России. Исследование состояло из двух этапов — экспертного и всероссийского — и проводилось методами экспертного опроса, фокус-групп и онлайн анкетирования, чтобы реконструировать двусторонний взгляд на социальную сплоченность — с точки зрения экспертов (представителей «сплоченных сообществ», активно вовлеченных в их деятельность; цель таких сообществ — объединение людей в рамках единой деятельности по типу «человек–человек», т.е. в рамках оказания помощи, следования общим идеалам и ценностям, вклада в общее дело) и населения в целом. Оценки двух категорий опрошенных существенно образом различаются: эксперты значительно ниже оценивают уровень социальной сплоченности российского общества, выделяя такие факторы, способствующие сплоченности, как общие ценности и традиции, общая цель или проблема, общее дело, общий враг (необязательно внешний агрессор, достаточно определенных трудностей или кризисных ситуаций); ответственность, смелость, мотивация, личный интерес; лидеры, готовые взять на себя ответственность, повлиять на других. Россияне определяют социальную сплоченность как прежде всего взаимную помощь; также ассоциируют ее с общими ценностями и единством мнений; высоко оценивают современный уровень взаимовыручки и единства в российском обществе, а также ощущение безопасности. Основными причинами единения с другими гражданами в общественном мнении выступают общность территории проживания (государство и малая родина) и языка. На теоретическом этапе исследование показало, что в изучении социальной сплоченности сохраняется проблема операционализации понятий, хотя большинство ученых подразумеваются под сплоченностью общества, в первую очередь, его солидаризацию благодаря общим ценностям. В исследовании был проведен сравнительный анализ таких ключевых понятий, как «социальная сплоченность» и «солидарность», в том числе в контексте классических и современных их концептуализаций.

Ключевые слова: социальная сплоченность; доверие; солидарность; факторы сплоченности; консолидация; атомизация; эксперты; общественное мнение; российское общество; опрос

Для цитирования: Тупикова В.А., Мисятува Е.К., Мурзиков Л.Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 447–458. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-447-458>

*© Тупикова В.А., Мисятува Е.К., Мурзиков Л.Е., 2025

Статья поступила в редакцию 28.04.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

По данным социологических опросов, в России уровень институционального доверия вырос в 2022 году [2] на фоне конфронтации со «странами Запада», которая обусловила консолидацию общества, под воздействием «эффекта объединения вокруг флага» (*rally around the flag*) [6]. В то же время продолжают возникать конфликты общенационального и регионального уровней, и уровень межличностного доверия, в отличие от институционального, остался практически неизменным [5]. Для объяснения этих противоречивых реалий российского общества следует обратиться к таким понятиям, как «социальная сплоченность» и «солидарность», характеризующих различные аспекты взаимодействия и объединения людей в обществе. В условиях глобализации важно понимать, как коллективная идентичность и взаимная поддержка влияют на устойчивость общества: сплоченность граждан — ключевой фактор социальной стабильности и способности общества к адаптации в условиях быстро меняющейся внешней и внутренней среды. В случае экономических кризисов и социальных изменений сплоченность определяет потенциал общества объединяться для решения общих задач и преодоления трудностей, а наличие сильных социальных связей и чувство общности способствуют развитию гражданской активности и повышению уровня политической сознательности.

В эмпирической социологии наблюдается растущий интерес к факторам, способствующим или препятствующим сплоченности, — культурным, экономическим, региональным и историческим аспектам, которые формируют идентичность различных групп. Понимание этих факторов и их воздействия на уровень сплоченности позволяет сформулировать рекомендации по укреплению общественного согласия и социального порядка, однако требует комплексного подхода и междисциплинарного анализа. Социологический дискурс о социальной сплоченности формируется работами как отечественных, так и зарубежных авторов. Исторически первым обращением к вопросам социальной солидарности считаются работы Э. Дюркгейма [1]: он полагал, что основы и уровень сплоченности изменяются по мере развития общества в зависимости от степени разделения общественного труда. Общества, характеризующиеся механическим типом солидарности, демонстрируют однородность и высокую степень сплоченности, важную роль в них играют коллективные ценности и эмоции. В обществах с органической солидарностью, где наблюдается специализация труда, сплоченность поддерживается на основе согласия [3]. Для Дюркгейма разделение труда — фундамент единства в современных обществах, а сплоченность — важнейшая характеристика социального организма, его единства и способности к сопротивлению, которые зависят от взаимодействия между его членами.

Значительно позже Т. Парсонс рассматривал процессы интеграции и поддержания стабильности в ходе дифференциации общества. По его мнению, система сталкивается с потребностью в обобщении разнообразных ценностных

ориентаций коллективов, организаций и групп, и для легитимизации этого многообразия целей и функций должна формулировать общие ценностные образцы. Парсонс учитывал возможность конфликтов вследствие различий в ценностях, поэтому говорил о необходимости инноваций для интеграции элементов системы в целое. Такая интеграция предполагает объединение разнообразных компонентов системы в единую целостность. Соответственно, социальная сплоченность и развитие зависят от функциональных предпосылок системной интеграции, особенно от мотивации ее агентов в соответствии с ролевыми требованиями [12]. Таким образом, Парсонс рассматривает солидарность с точки зрения диспозиций социальных агентов, интернализации ими социальных норм и исполнения ролей. Социальная структура накладывает ограничения на ролевые ожидания, и ее нормативное регулирование пытается контролировать взаимоотношения акторов. Действия агентов системы обусловлены удовлетворением потребностей или системой потребностей-диспозиций, где агенты нормативно реагируют на окружающую среду, действуя согласно своим потребностным диспозициям и интернализированным культурным образцам.

Р. Мертон акцентировал внимание на том, как социальные структуры интегрируются и конфликтуют друг с другом [2. С. 91]. Социальные структуры развивают механизмы, которые накладывают обязательства и ценности и определяют социальный статус на основе распределения ролей. Особое значение имеет культурная структура и составляющие ее социальные практики: культура — это то, что навязывается людям извне, набор норм, регулирующих поведение социальной группы. Однако, хотя поведение людей рутинизировано, в нем возможны различные реакции: социальная дезорганизация может быть следствием конфликтующих ценностей, противоречивых интересов, статусов и ролей, недостатками социализации и коммуникации. Для преодоления и предотвращения социальной дезинтеграции необходима сильная культурная и институциональная структура, обеспечивающая социальный консенсус и оставляющая место для инакомыслия. Если же в ней происходят сбои, то потому, что обычные структуры оказываются перегружены несогласием. По Мертону, социальная сплоченность — это регулятивная способность общества, а конфликт — результат разрушения этой способности. Социальные структуры и культура оказывают давление на людей, и они могут проявить несоответствие или несогласие. Например, чрезмерное внимание к материальным целям или денежному успеху приводит к разрушению регулятивной способности общества, поскольку люди по-разному «располагаются» в структуре возможностей и возникают разрывы между стремлениями и достижениями.

Дальнейшие исследования уточнили условия и механизмы групповой сплоченности (эмоциональная вовлеченность, сходство ориентаций и эмоциональных реакций и т.д.) [17; 22], неизменно подчеркивая важность доверия и общих ценностей для коллективной солидарности. В результате сегодня со-

циальная сплоченность рассматривается как ключевая характеристика межличностных отношений, формирующихся в процессе совместной деятельности [10], которая как положительные аспекты (здоровые отношения между членами группы), так и негативные (излишнее сосредоточение на психологических характеристиках), поэтому в контексте межличностных отношений концепции сплоченности и солидарности оказываются взаимодополняемыми: «[необходимо учитывать развитие] не только материального и духовного производства, производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, но и способа производства общественной жизни, т.е. производства самого человека, его социальной и духовной жизни, или говоря проще, производства людей, производства вещей и идей» [11. С. 12].

Современный этап в жизни экономически развитых стран и государств с модернизирующимися системами характеризуется высоким уровнем социальной, экономической и политической активности. Этот динамический процесс принимает турбулентный характер, что приводит к нестабильности, определяя необходимость разработки концептуальных оснований анализа недовольства как отдельных индивидов, так и социальных групп [13]. Как правило, социологи оценивают социальную сплоченность с помощью чувства единства: по данным ВЦИОМ, в 2024 году 61 % россиян были уверены в существовании единства в российском обществе [7] (31 % — в 2020 году, 56 % — в 202, 58 % — в 2022). По мнению 49 % россиян, в 2022 году единство общества упрочилось благодаря следующим причинам: отношение западных стран к России, СВО и мобилизация (по 28 %); мирное сосуществование множества наций (15 %); в трудные минуты Россия объединяется, высокий уровень патриотизма и поддержка национального лидера (по 9 %) [9]. Согласно результатам исследования компании ИНСОМАР, сегодня уровень социальной сплоченности в российском обществе самый высокий за всю новейшую историю: 54 % россиян считают, что российское общество в большей степени характеризуется сплоченностью (единство мнений в отношении значимых событий, сходство ценностных ориентаций), нежели разобщенностью (вследствие материального и властного неравенств) [4; 16], и по этому показателю входит в небольшое число стран с положительным уровнем социальной сплоченности [20], несмотря на достаточно высокий уровень социального недоверия на протяжении последних тридцати лет [19].

Определение Организации экономического сотрудничества и развития, которое использует компания Ipsos, характеризует сплоченное общество как то, что работает на благосостояние всех своих членов, борется с эксклюзивом и маргинализацией, создает чувство принадлежности, способствующее доверию и обеспечивающее возможности восходящей социальной мобильности [20]. Соответственно, формирование отношений доверия и социальной интеграции рассматривается на трех уровнях: микроуровне (коллективы) — основная задача заключается в создании оптимального внутреннего климата,

приоритет отдается развитию социально ориентированной корпоративной культуры; мезоуровне (местные сообщества) — акцент делается на разработке модели развития муниципальных образований в интересах достижения долгосрочных стратегических целей, обеспечения уважительного отношения к культурным традициям, развития человеческого потенциала и активного вовлечения населения в управленческие процессы; макроуровне (региональное и национальное общество) — система доверительных отношений между государственными структурами и институтами гражданского общества, участие граждан в обсуждении ключевых социально-экономических вопросов, поддержка деятельности общественных организаций и развитие эффективных информационных каналов для обмена мнениями [14]. Кроме того, есть и группа особых индикаторов, отражающих проявления социальной сплоченности: региональные ритуалы и национальная идентичность, культурное разнообразие и социальная сплоченность, социальные институты и религиозная активность, онлайн-сети и социальная поддержка [18].

Таким образом, исследования социальной сплоченности, как правило, концентрируются на разных группах факторов и разных уровнях социальной интеграции, поэтому наше исследование было проведено в два этапа: сначала был проведен экспертный опрос и фокус-группы, затем всероссийский онлайн-опрос. Экспертный опрос прошел в период с 1 по 14 июля 2023 года, его инструментарий состоял из пяти блоков преимущественно из открытых вопросов. При отборе экспертов применялись следующие критерии: активные участники «сплоченных сообществ», чья цель — объединение людей на принципах «человек–человек» (взаимопомощь, соблюдение общих идеалов и ценностей, вклад в общее дело); тип организаций — благотворительные фонды, НКО, государственные и частные социальные организации, молодежные объединения и волонтерские центры; стаж работы в такой структуре — от 3 лет; должность — управленческие позиции, включая исполнительных директоров, руководителей и заместителей руководителей фондов (анализ деятельности организации в сопоставлении с состоянием общества в целом).

В соответствии с этими критериями было отобрано 49 респондентов, еще 9, не отвечающих требованиям (менее 3 лет в НКО и/или волонтеры), были включены в анализ для выявления различий в оценке уровня сплоченности российского общества среди экспертов (по критерию должностной позиции и продолжительности работы в НКО, ориентированных на создание сплоченных сообществ). По результатам экспертного опроса участникам было предложено принять участие в онлайн-фокус-группах для валидации выявленных индикаторов социальной сплоченности, уточнения последствий атомизации и пояснения проблем, с которыми сталкиваются «сплоченные сообщества» в своей деятельности. После проведения фокус-групп в июле 2023 года была разработана анкета всероссийского опроса, проведенного на онлайн-панели ОМІ (N=1095).

Итак, почти половина экспертов охарактеризовали российское общество как не сплоченное, треть — как сплоченное, а остальные затруднились с ответом; аналогичное распределение мнений наблюдалось среди руководителей сообществ. Отвечая на открытый вопрос, эксперты дали следующие определения сплоченности: общность ценностей, мнений и целей (31 %); решение проблем и достижение общих целей (22 %); помощь окружающим и взаимовыручка (19 %); единение (16 %). У экспертов сплоченность ассоциируется в первую очередь с ориентацией на окружающих, наличием общих мнений и целей. Для тех, кто охарактеризовал уровень сплоченности российского общества как высокий, важным ее аспектом выступает общее понимание истории (схожие взгляды на исторический путь страны); напротив, эксперты, считающие российское общество несплоченным, чаще акцентировали внимание на недостатке общности целей и мнений.

Эксперты считают сплоченность положительной характеристикой здорового общества, а ее отсутствие — неблагоприятным явлением, связанным с проявлениями трусости, апатии и пассивности: разобщенное общество становится *«безголосым, не умеет формулировать собственные желания и требования... перестает существовать гражданское общество, оно становится населением»*. В то же время некоторые респонденты уточняли, что сплоченность необходима лишь тем, кто чувствует свою слабость (поэтому стремится объединиться), или тем, кто управляет обществом (для консолидации своей властью и усиления своего влияния): *«Жизнь так устроена, что обычно слабые нуждаются в объединении. Сильному человеку не нужно объединение — он сам себя может устроить»*. Высказывались и мнения, что здоровому обществу сплоченность не так уж необходима — это защитная реакция на социальные проблемы, а в отсутствие задач, требующих коллективного решения, сплоченность почти не возникает. Респонденты признавали разделение сплоченности по уровням — на макро-, мезо- и микроуровень, полагая, что на уровне сообществ сплоченность вполне достижима, в рамках общества в целом скорее нет: *«мы можем сплотиться среди своих знакомых, даже, может быть, знакомых знакомых, такие микро-группы тех, кто рядом, но в более широком плане я думаю нет, мы не сплочены»*.

В ходе фокус-групп респондентам предлагалось назвать факторы, которые влияют на сплоченность, и это оказались общие ценности и традиции; общая цель или проблема; общее дело; общий враг; ответственность, смелость, мотивация, личный интерес; лидеры или люди, готовые взять на себя ответственность, повлиять на других. По сути, были подтверждены факторы социальной сплоченности, выявленные в ходе первого этапа экспертного опроса. Прежде всего, общность целей и ценностей, наличие какой-то общей глобальной проблемы: *«Для нормальной консолидации нужны проблемы, когда общество слишком хорошо живет, оно, что называется по-русски, “зажралось”, и уже не едино»*. Следует отметить,

что «общий враг» — необязательно внешний агрессивный актор, это может быть общая трудность или проблема (борьба с пандемией, глобальное изменение климата и т.д.). Также информанты уточняли, что «общая цель» не подразумевает бизнес или экономические интересы — это коллективные задачи, которые вытекают из определенных ценностей и традиций и относятся в первую очередь к гуманитарной и духовной сферам. Напротив, «дух капитализма» подвергался критике как фактор, способствующий разобщенности вследствие формирования потребительского отношения к окружающим, недоверия и эгоизма.

Всероссийский онлайн-опрос подтвердил высказывания экспертов: социальная сплоченность ассоциируется с готовностью помогать друг другу (42 %), общностью взглядов и установок (39 %). Респонденты старше 60 лет, в отличие от других возрастных групп, более склонны акцентировать значение общности взглядов и установок (47 %), а молодежь до 24 лет (каждый третий) — скорее совместного стремления решать общие проблемы. Работники сферы здравоохранения в 1,5 раза чаще отмечали общность взглядов и установок, чем готовность оказывать взаимопомощь. Понятие единства чаще всего упоминали социальные работники (53 %) и представители сферы образования и науки (51 %).

Поскольку по результатам анализа литературы и экспертного опроса были выделены три основных фактора социальной сплоченности — общность ценностей, взаимовыручка и ощущение безопасности, респондентам были предложены три группы суждений, которые отражали эти факторы. Большинство россиян предпочли «позитивные» утверждения, что может свидетельствовать о (декларативно) высоком уровне социальной сплоченности в российском обществе: «В нашей стране люди всегда готовы прийти на помощь человеку в беде» — 70 % vs «В России люди вряд ли помогут человеку, попавшему в беду» — 30 %; «В России высокий уровень общественной безопасности, есть чувство спокойствия и защищенности» — 66 % vs «Уровень безопасности в российском обществе низкий, страшно выходить на улицу» — 34 %; «В российском обществе большинство людей едины, у них есть общие взгляды и ценности» — 60 % vs «Большинство людей в России не сходятся в одном мнении и не имеют общих взглядов и ценностей» — 40 %.

Уверенность в готовности людей оказывать помощь растет с возрастом: среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет так считают 56 %, среди людей старше 60 лет — 79 %. Самую высокую поддержку данному утверждению выражают социальные работники — 80 % согласных с ним. Видимо, эти данные — результат различий в личном и профессиональном опыте: у пожилых респондентов больше жизненных примеров, а у социальных работников — профессиональных. Ощущение безопасности коррелирует с финансовым положением: доля выбравших «позитивное» утверждение о безопасности увеличивается по мере роста уровня дохода. Наивысший уровень защищенности отмечают жители Сибири (76 %), наименьший — жители Северо-Западного федерального окру-

га, включая Санкт-Петербург (40 %). Среди респондентов старше 45 лет 65 % согласны с утверждением, что для российского общества характерны общие взгляды и ценности. По данному показателю заметные различия наблюдаются по типам населенных пунктов: чем меньше численность населения, тем выше уровень согласия с «позитивным» утверждением об общности взглядов. Среди тех, кто не смотрит телевизор, 63 % уверены в отсутствии единства взглядов у большинства населения, тогда как «регулярные» телезрители (свыше 4 часов в день) склонны выражать противоположную точку зрения.

Респонденты, считающие российское общество солидарным, объясняют такое положение дел следующими причинами: «в трудные времена Россия объединяется» (74 %), «это часть нашего менталитета, культуры, воспитания и истории» (55 %), «люди стремятся оказывать взаимопомощь» (34 %). Наиболее близка идея единства в трудные времена представителям старших поколений (старше 45 лет) — 83 %; женщины чаще упоминают взаимопомощь (39 % против 27 %), что может объясняться различиями в социально-психологической ее трактовке. Главными причинами единения с другими гражданами респонденты считают, в первую очередь, общность территории и природы (69 %), русский язык (68 %), единое государство (62 %), общность культуры (обычаи, праздники) (56 %) и исторического прошлого (54 %). Ко всему перечисленному опрошенные не имеют прямого отношения, поскольку речь идет о прошлом, и в перечне нет аспектов, направленных в будущее и требующих активности респондентов.

Таким образом, эмпирическое исследование в значительной степени подтвердило выделенные в научной литературе трактовки социальной сплоченности: в российском обществе социальная солидарность имеет высокий уровень значимости и воспринимается как основанная на общих целях и ценностях, объединяющих людей в сообщества не только для решения совместных проблем. Россияне уверены, что сплоченность усиливается как при наличии общих ценностей и эмоций (внутренние факторы), так и в «трудные времена», перед общими вызовами (внешние факторы). Единственное принципиальное отличие экспертных оценок от массовых — уверенность представителей экспертного сообщества, что сплоченность — «качество» малых сообществ, обеспечиваемое комплексом слабых и сильных связей и единым действием, т.е., по сути, эксперты говорят о необходимости расширения поддержки НКО, благотворительных фондов, иных социальных объединений и сообществ, которые бы объединяли людей и способствовали их коллективным действиям.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках ИнНИР № 100938-0-000 «Использование искусственного интеллекта: перспективы, угрозы, ограничения (на примере представлений студенчества)».

Благодарность

Авторы выражают благодарность благотворительному фонду «Жить вместе» и организаторам конкурса «Research Got Talent»

Библиографический список

1. Гoffман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник-2012 / Под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. М., 2013.
2. Доверие общественным институтам // URL: <https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2>¹.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
4. ИНСОМАР: Более половины граждан считает российское общество сплоченным // URL: .
5. Институциональное и межличностное доверие. 2024 // URL: <https://www.levada.ru/2024/10/24/institutsionalnoe-i-mezhlichnostnoe-doverie-sentyabr-2024>.
6. Казун А.Д. Эффект «gally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Политические исследования. 2017. № 1.
7. Мы разные, но мы вместе! // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/my-gaznye-no-my-vmeste>.
8. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4.
9. Народное единство на фоне специальной военной операции // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii>.
10. Павленок П.Д. Социальная сплоченность общества (теоретико-методологические аспекты) // Отечественный журнал социальной работы. 2010. № 1.
11. Павленок П.Д. О сущностях и взаимосвязях социальной сплоченности общества и социальной солидарности: проблемы и пути их решения // Особенности социальной солидарности в современном российском обществе / Отв. ред. А.В. Ткаченко. М., 2016.
12. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. № 2.
13. Роик В.Д., Юдина М.А. Социальная сплоченность: методы оценки и пути достижения // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1.
14. Сорокин П.С., Попова Т.А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
15. Троцук И.В. Повседневный народный российский патриотизм: возможности и ограничения социологического исследования и типологизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.
16. Троцук И.В. Трактовки счастья и справедливости — основа поколенческой солидарности или конфликта? // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах / Отв. ред. В.К. Левашов, Н.Г. Хайруллина. Тюмень, 2022.
17. Шиняева О.В., Каюмова Л.Х. Роль некоммерческих организаций в укреплении социальной интеграции россиян // АНИ: педагогика и психология. 2015. № 1.
18. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4.
19. Ярская В., Пашина Е., Медведев К. Социальная сплоченность виртуальных сообществ в фокусе качественных методов онлайн исследования // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 4. № 1.
20. Cartwright D. Group dynamics and the individual // Readings and Exercises in Organizational Behavior. Academic Press, 2013.

¹ АНО «Левада-центр» внесен в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента

21. Gundelach B., Traunmüller R. Kulturelle Diversität und sozialer Zusammenhalt. Eine Mehrebenenanalyse zum Einfluss multikultureller Kontexte auf das Sozialkapital in den deutschen Regionen // Vergleichende subnationale Analysen für Deutschland. Berlin, 2010.
22. Inglehart R. et al. World Values Survey: Round Six-Country-Pooled Datafile Version // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.
23. Ipsos: Social Cohesion Is under Assault Globally // URL: <https://www.ipsos.com/en/social-cohesion-pandemic-age-global-perspective>.
24. Joseph J. Social Theory: Conflict, Cohesion and Consent. Edinburgh University Press, 2003.
25. Newcomb T.M., Turner R.H., Converse P.E. Social Psychology: The Study of Human Interaction. Psychology Press, 2015.
26. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
27. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-447-458

EDN: YHYXAA

Social cohesion in the Russian society: Results of the empirical study*

V.A. Tupikova, E.K. Misiautova, L.E. Murzikov

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: tupikova-va@rudn.ru; emisiautova@gmail.com; lev.murzikov@gmail.ru)

Abstract. The article presents the results of the study of the perception of social cohesion in today's Russia. The study consisted of two stages — expert and all-Russian — and was conducted with methods of expert assessments, focus groups and online survey in order to reconstruct a two-sided view of social cohesion — from the point of view of experts (representatives of “close-knit communities”, who are involved in collective activities; such communities aim at uniting people within “person-to-person” activities, i.e. within the framework of providing assistance, following common ideals and values, contributing to a common cause) and the population as a whole. The assessments of these two categories of respondents differ significantly: experts consider the level of social cohesion in the Russian society as much lower, highlighting such factors contributing to solidarity as common values and traditions, a common goal or a problem, a common cause, a common enemy (not necessarily an external aggressor, certain difficulties or crisis situations are sufficient); responsibility, courage, motivation, personal interest; leaders who are ready to take responsibility and influence others. In the public opinion, social cohesion as defined primarily as mutual assistance and is also associated with common values and unity of opinion; Russians highly value the current level of mutual assistance, unity and social security. The main reasons for unity with other citizens in the Russian public opinion are the common territory of residence (state and small homeland) and common language. At the theoretical stage, the study showed that the problem of operationalization of concepts related to social cohesion remains, although most

*© V.A. Tupikova, E.K. Misiautova E.K., L.E. Murzikov, 2025

The article was submitted on 28.04.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

scientists define it mainly as solidarity based on common values. In the study, the authors conducted a comparative analysis of such key concepts as “social cohesion” and “solidarity”, including in the context of their classical and today’s interpretations.

Key words: social cohesion; trust; solidarity; cohesion factors; consolidation; atomization; experts; public opinion; Russian society; survey

For citation: Tupikova V.A., Misiutova E.K., Murzikov L.E. Social cohesion in the Russian society: Results of the empirical study. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 447–458. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-447-458>

Funding

The article was funded by InNIR No. 100938-0-000 “The use of artificial intelligence: Prospects, threats, limitations (on the example of student representations)”.

Gratitude

Authors express gratitude to the charity foundation Live Together and to the organizers of the contest Research Got Talent

References

1. Gofman A.B. Solidarnost ili pravila, Durkheim ili Hayek? O dvuh formah sotsialnoj integratsii [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration]. *Sociologicheskyy ezhegodnik–2012*. Pod red. N.E. Pokrovskogo, D.V. Efremenko. Moscow; 2013. (In Russ.).
2. Doverie obschestvennym institutam [Trust in public institutions]. URL: <https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshchestvennym-institutam-2>. (In Russ.).
3. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the Division of Social Labor. The Rules of Sociological Method]. Moscow; 1991. (In Russ.).
4. INSOMAR: Bolee poloviny grazhdan schitaet rossijskie obshchestvo splochnym [More than half of citizens consider the Russian society united]. URL: <https://rg.ru/2023/05/29/insomar-bolee-poloviny-grazhdan-schitaet-rossijskie-obshchestvo-splochnym.html>. (In Russ.).
5. Institutsionalnoe i mezhluchnostnoe doverie [Institutional and interpersonal trust]. 2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/24/institutsionalnoe-i-mezhluchnostnoe-doverie-sentyabr-2024>. (In Russ.).
6. Kazun A.D. Effect “rally around the flag”? Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremya tragediy i mezhdunarodnykh konfliktov? [The “rally around the flag” effect. How and why does support for the government grow during tragedies and international conflicts?]. *Political Studies*. 2017; 1. (In Russ.).
7. My raznye, no my vmeste! [We are different, but we are together!]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/my-raznye-no-my-vmeste>. (In Russ.).
8. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Mirovospriyatie rossiyskoy molodezhi: patrioticheskie i geopoliticheskie komponenty [Worldview of the Russian youth: Patriotic and geopolitical components]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2014; 4. (In Russ.).
9. Narodnoe edinstvo na fone spetsialnoj voennoj operatsii [National unity during the Special Military Operation]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-sposialnoi-voennoi-operatsii>. (In Russ.).
10. Pavlenok P.D. Sotsialnaya splochnost obshchestva (teoretiko-metodologicheskie aspekty) [Social cohesion of the society (theoretical-methodological aspects)]. *Otechestvenny Zhurnal Sotsialnoj Raboty*. 2010; 1. (In Russ.).
11. Pavlenok P.D. O sushchnostyah i vzaimosvyazyah sotsialnoj splochnosti obshchestva i sotsialnoj solidarnosti: problemy i puti ih resheniya [On the essence and interrelations of social cohesion of the society and social solidarity: Problems and ways to solve them]. *Osobennosti sotsialnoj solidarnosti v sovremennom rossijskom obshchestve*. Pod. red. A.V. Tkachenko. Moscow; 2016. (In Russ.).

12. Parsons T. Ponyatie obshchestva: komponenty i ih vzaimootnosheniya [The concept of society: The components and their relationships]. *THESIS*. 1993; 2. (In Russ.).
13. Roik V.D., Yudina M.A. Sotsialnaya splochnost: metody otsenki i puti dostizheniya [Social cohesion: Methods to assess and ways to achieve it]. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*. 2021; 17 (1). (In Russ.).
14. Sorokin P.S., Popova T.A. Klassicheskie i sovremennye podkhody k issledovaniyu solidarnosti: problemy i perspektivy v usloviyakh destrukturatsii [Classical and contemporary approaches to the study of solidarity: Challenges and perspectives under destructure]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
15. Trotsuk I.V. Povsednevny narodny rossiyskiy patriotizm: vozmozhnosti i ogranicheniya sotsiologicheskogo issledovaniya i tipologizatsii [Everyday people's patriotism in Russia: Possibilities and limitations of sociological study and typologization]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (4). (In Russ.).
16. Trotsuk I.V. Traktovki schastiya i spravedlivosti — osnova pokolencheskoy solidarnosti ili konflikta? [Interpretations of happiness and justice — the basis of generational solidarity or conflict?]. *Mezhkulturny i mezhreligiozny dialog v rossiyskikh regionah*. Otv. red. V.K. Levashov, N.G. Khayrullina. Tyumen; 2022. (In Russ.).
17. Shinyaeva O.V., Kayumova L.Kh. Rol nekommercheskikh organizatsij v ukreplenii sotsialnoj integratsii rossiyan [The role of non-commercial organizations in strengthening social integration of Russians]. *ANI: Pedagogika i Psikhologiya*. 2015; 1. (In Russ.).
18. Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. Sotsialnaya splochnost: napravleniya teoreticheskoy diskussii i perspektivy sotsialnoj politiki [Social cohesion: Directions of theoretical discussion and prospects of social policy]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*. 2014; 17 (4). (In Russ.).
19. Yarskaya V., Pashinina E., Medvedev K. Sotsialnaya splochnost virtualnykh soobshchestv v fokuse kachestvennykh metodov onlajn issledovaniya [Social cohesion of virtual communities in the focus of qualitative methods of online research]. *Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*. 2014; 4 (1). (In Russ.).
20. Cartwright D. Group dynamics and the individual. *Readings and Exercises in Organizational Behavior*. Academic Press; 2013.
21. Gundelach B., Traunmüller R. Kulturelle Diversität und sozialer Zusammenhalt. Eine Mehrebenenanalyse zum Einfluss multikultureller Kontexte auf das Sozialkapital in den deutschen Regionen. *Vergleichende subnationale Analysen für Deutschland*. Berlin; 2010.
22. Inglehart R. et al. World Values Survey: Round Six-Country-Pooled Datafile Version. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.
23. Ipsos: Social Cohesion Is under Assault Globally. URL: <https://www.ipsos.com/en/social-cohesion-pandemic-age-global-perspective>.
24. Joseph J. *Social Theory: Conflict, Cohesion and Consent*. Edinburgh University Press; 2003.
25. Newcomb T.M., Turner R.H., Converse P.E. *Social Psychology: The Study of Human Interaction*. Psychology Press; 2015.
26. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
27. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-459-472

EDN: YEMVHW

Российская демографическая традиция на университетском уровне: актуальные образовательные и управленческие запросы и решения*

О.А. Ястребов¹, Т.К. Ростовская^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: rector@rudn.ru; rostovskaya.tamara@mail.ru)

Аннотация. В последние десятилетия российское общество переживает сложные демографические процессы, обусловленные как объективными факторами глобального характера (старение населения, сокращение рождаемости, демографический переход, трансформация ценностей приоритетов молодых поколений в условиях цифровизации, несбалансированные миграционные потоки и т.д.), так и особенностями социально-экономического и политико-идеологического развития постсоветского пространства (внешнее идеологическое влияние, накопленные в советский период нерешенные вопросы, продолжающиеся реформы образования, межконфессиональное и многонациональное жизненное пространство со множеством локальных и региональных сочетаний групповых и коллективных приоритетов и т.д.). Признавая важность демографических вопросов для обеспечения национальной безопасности, государство приняло целый ряд программных документов, призванных улучшить демографические показатели не только с помощью финансово-стимулирующих документов, но и за счет расстановки более четких ценностных приоритетов семейной и демографической политики на долгосрочный период. Однако обеспечить демографическую устойчивость и безопасность российского общества невозможно лишь целенаправленными усилиями «сверху» — необходимо консолидировать работу государственных структур, научных учреждений и образовательных институций. Опираясь на свой профильный экспертный опыт, авторы обозначают возможные направления такой консолидации одновременно на трех уровнях социального управления — государственные целевые программы и национальные проекты

* © Ястребов О.А., Ростовская Т.К., 2025

Статья поступила в редакцию 17.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

(условный макроуровень), расширение профессионального кругозора молодежи за счет продуманного включения в программы подготовки специалистов демографического компонента исторического и обзорного характера (условный микроуровень) и дополнение демографической проблематикой корпоративной культуры конкретных организаций (условный мезоуровень). В статье акцент сделан, во-первых, на возможных стратегиях включения корпуса демографических знаний (и соответствующего блока демографических тематик или дисциплин) в учебные программы высшего образования (исследовательские вопросы, содержательные акценты, рекомендуемая литература, просвещенческо-идеологическая компонента и т.д.); во-вторых, на необходимости введения демографической проблематики в систему корпоративной ответственности. Российский университет дружбы народов представлен как показательный «кейс», деятельно, а не декларативно заинтересованный в развитии демографического компонента в системе российского высшего образования и уже реализующий комплекс мер корпоративной демографической политики в рамках стратегического университетского управления.

Ключевые слова: демография как наука и учебная дисциплина; российская демографическая традиция; история и современное состояние демографической науки; высшее образование; университетское управление; корпоративная социальная ответственность; корпоративная демографическая политика

Для цитирования: Ястребов О.А., Ростовская, Т.К. Российская демографическая традиция на университетском уровне: актуальные образовательные и управленческие запросы и решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 459–472. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-459-472>

Для Российской Федерации значимость демографии как фундаментальной науки и сферы прикладных знаний особенно возросла в конце XX — начале XXI века, когда страна столкнулась с демографическим кризисом (резкое сокращение рождаемости и рост смертности в 1990-е годы, последовавший далее период депопуляции) [см., напр.: 1; 9; 10; 15; 23; 34]. Осознание демографической ситуации как фактора национальной безопасности нашло отражение в государственных документах, например, в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации 09.10.2007 № 1351) [17] и в национальных проектах, направленных на улучшение демографических показателей. 2024 год был объявлен Президентом Российской Федерации Годом семьи и стал важнейшим этапом в переосмысления роли семейной и демографической политики на долгосрочный период: обеспечение демографической устойчивости страны — не только текущая, но и стратегическая задача. Для ее решения принят целый пакет документов, в частности, «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-р), которая синхронизирована с национальными проектами нового поколения (прежде всего «Семья», «Продолжительная и активная жизнь» и «Молодежь и дети»). Однако принятия документов, определяющих долгосрочные национальные цели в области демографической безопасности, недостаточно для ее обеспечения — нужны

совместные усилия государства, научного сообщества и образовательных институций.

Демографические процессы во все времена оказывали существенное влияние на развитие общества и государства, что определяло внимание не только ученых, но и государства к корпусу демографических знаний — совокупности сведений о численности, структуре, динамике населения и факторах, на него влияющих. Сегодня демографические знания признаны важнейшим элементом российской науки и образования, поскольку лежат в основе анализа актуальных социальных проблем (старение населения, низкая рождаемость, неполные семьи, миграционные процессы и др.) и выработки стратегий их решения. Признание необходимости включения демографических дисциплин в подготовку специалистов социально-гуманитарного знания отражает понимание того, что без учета демографических факторов невозможно планирование устойчивого развития общества, поэтому демографические знания должны восприниматься даже на этапе общего образовательного знакомства с ними как одновременно фундаментальные (часть исторически формирующегося институционального дисциплинарного комплекса) и прикладные (основа для разработки мер социальной политики, экономического планирования, оптимизации системы здравоохранения и инструмента практического решения разного типа проблем).

С одной стороны, включение корпуса демографических знаний (и соответствующего блока демографических тематик или дисциплин) в учебные программы высшего образования, не должно вызывать затруднений [см., напр.: 12; 14; 16; 25; 30; 37], тем более что в последние годы научное сообщество активизировало исследования в области демографии, осмысливая как текущие тенденции, так и исторические уроки, в частности богатый дореволюционный опыт — как зарождались и развивались демографические исследования в Российской империи (1721–1917), какую ценность представляет накопленный пласт демографических знаний, и, соответственно, какие концептуальные и методологические дополнения следует внести в этот «золотой запас» российских демографических знаний с учетом накопленных в течение прошедшего столетия теоретических знаний и эмпирических данных. Показательным результатом проделанной в этом направлении работы может выступать «Демографическая энциклопедия в лицах. Т. 1. Дореволюционный период», изданная при поддержке РУДН в 2024 году [8] и систематизирующая накопленный в эту историческую эпоху массив знаний и институциональных достижений новой науки в ее «личностном измерении».

Будучи результатом фундаментальной историко-исследовательской научной работы, этот энциклопедический труд может использоваться и в образовательных целях, особенно в рамках общих, ознакомительных демографических курсов, преподаваемых в просвещенческих целях, — чтобы студенты могли сопоставить современное демографическое состояние страны с про-

шлыми эпохами, сформировать целостную картину развития российского общества в его демографическом измерении, проследить преемственность научных идей — от первых теорий и статистических обследований населения до современных образовательных программ и государственных национальных проектов, понять особенности взаимодействия науки, образования и государства на примере демографической проблематики и адекватно воспринимать вырабатываемые сегодня новые подходы к демографической политике, включая меры по стимулированию рождаемости, поддержке многодетных семей, продлению активного долголетия и регулированию миграционных процессов.

Кратко охарактеризуем данное научное издание как возможную основу для разработки исторического блока общих курсов по демографии для студентов всех профилей подготовки (безусловно, в таком качестве могут выступать и другие издания [см., напр.: 7; 25; 32], в которых рассматриваются вопросы демографической политики и демографического прогнозирования, но они должны составлять фундамент других тематических блоков в структуре демографических дисциплин). Во-первых, материал по истории демографических идей должен быть представлен студентам в хронологической последовательности — чтобы они смогли увидеть событийный и идейный ряд, лежащий в основе демографических знаний и моделей, в его временной динамике. Вряд ли для развития демографического кругозора студентам следует читать первоисточники — важнее рассмотреть соотношение научных разработок с государственными инициативами (проведение переписей, создание статистических комитетов и т.д.), научиться понимать состояние демографических исследований в разные исторические периоды с точки зрения их детерминации объективными социальными процессами и учета в реализуемых мерах государственной политики, а также видеть неизбежную демографическую составляющую учебных курсов в рамках большинства направлений социально-гуманитарной подготовки специалистов (скажем, очевидно, что без понимания демографических процессов невозможно стать специалистом-социологом).

Что касается понимания студентами преемственности, то речь идет не только о последовательном знакомстве с развитием демографической проблематики на научном и прикладном (государственном) уровнях, но также и о восприятии предлагаемых в рамках курсов по демографии знаний как модельных для понимания других социальных процессов. В частности, невозможно говорить о демографической проблематике как исключительно наборе знаний, методик и персоналий — важно понимать, как этот набор институционализировался, и, по аналогии, можно воспринимать становление других областей научного знания, имеющих не меньшее прикладное значение (например, применительно к социологическим дисциплинам, накопленный методический потенциал которых не менее важен для эффективного соци-

ального управления). Так, развитие демографических знаний в России можно условно разделить на несколько этапов, соответствующих ключевым историческим вехам в развитии как самого общества, так и демографии как науки и учебной дисциплины:

- Начало XVII — середина/конец XVIII веков — создание институциональной базы для научных исследований, формирование категориального аппарата демографии (в том числе замена понятия «политическая арифметика» термином «человеческая статистика, или сравнительная демография»), формулирование первых «демографических законов» («мальтузианская ловушка»), первые комплексные проекты демографической политики (например, М.В. Ломоносов [18] предложил меры по повышению рождаемости и снижению смертности в целях увеличения российского народонаселения) и регулярные переписи населения (в самых разных форматах), первые попытки разработки предметного поля и методического арсенала демографии как самостоятельной науки и учебной дисциплины, отличной от статистики и экономики, первые периодические демографические издания.
- 1897–1917 — от Первой Всеобщей переписи населения Российской империи под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского до создания нового советского государства с особым представлением о сути демографической политики.
- 1917–1991 — демографическая политика как отдельная отрасль государственного управления в СССР: глобальные и национальные демографические тенденции (демографический переход, военные периоды, модели социального государства и т.д.), объективные и идеологические факторы.
- Постсоветские десятилетия — возрождение досоветской научной традиции, разработка методических инструментов для сравнительной оценки демографических процессов на постсоветском пространстве, комплексный анализ семейно-демографических и миграционных процессов в контексте семейной, демографической и миграционной политик, не только ретроспективные исследования, но и прогнозные оценки динамики численности населения на средне- и долгосрочную перспективу, дискуссионность вопросов демографической политики, демографического развития и демографического образования в научном и управленческом дискурсах.

Очевидно, что одна из ключевых особенностей развития демографии в России — сочетание теоретического интереса (разработка общих законов динамики населения) и прикладной направленности (решение конкретных задач управления народонаселением в контексте стратегий развития здравоохранения, территорий, системы социального обеспечения и т.д.). Другая особенность — «реабилитация» дореволюционной демографической традиции в постсоветский период [см., напр.: 6] как заложившей концептуальные, методологические, управленческие и институциональные (в науке, образо-

вании и государственной системе) основы для дальнейшего развития демографии. Хотя послереволюционный перерыв в открытых демографических исследованиях (само слово «демография» на время вышло из употребления в СССР) завершился уже в 1960-е годы (демография возродилась как наука — были созданы демографические подразделения в Академии наук, проведены переписи населения и т.д.), все же говорить о полной институционализации демографии как науки, учебной дисциплины и фундамента государственной политики можно говорить лишь в постсоветские десятилетия.

Включение подобного исторического блока не только в специализированные демографические дисциплины, но и в учебные курсы для других социально-гуманитарных и экономических специальностей представляется важным не только для расширения общего и профессионального кругозора будущих специалистов, но и в просветительско-идеологических целях. Дело в том, что в первые постсоветские десятилетия, а отчасти и сегодня, сохраняется идеологема о научно-исследовательской отсталости российского общества как вынужденного идти по пути заимствования западных наработок во всех сферах общественной жизни — от образования и науки до управления и государственного строительства. Однако даже самый краткий обзор истории становления российской демографической мысли показывает, что она не только развивалась в русле общемировых тенденций, а иногда и опережала их. Например, идеи Т.-Р. Мальтуса [19] были восприняты и активно обсуждались в России вскоре после их появления (еще в 1805 году вышел русский перевод работы — вторая часть «Опыта о законе народонаселения», а в последующие десятилетия многие экономисты и статистики ссылались на мальтузианские воззрения), но российские ученые стремились проверить эти теории эмпирически, опираясь на данные о своей стране: перепись 1897 года и исследования Д.И. Менделеева [20] можно рассматривать как ответ на мальтузианский вызов, согласно которому российское население может расти при условии экономического развития и без угрозы голода. И если Менделеев фактически стал пионером прогнозирования в демографии (его расчет потенциальной емкости Земли по населению опередил на несколько десятилетий современные теории демографического перехода), то идеи М.В. Ломоносова о стимулировании рождаемости и снижении смертности можно рассматривать как одно из первых обоснований пронаталистской политики государства (подобные меры позднее были реализованы во многих странах, например, во Франции в XIX веке, в Швеции в XX веке). Иными словами, российские демографические исследования влияли на глобальную научную повестку и парадигмальные дискуссии.

Возвращаясь к вопросу о включении корпуса демографических знаний в учебные программы высшего образования как очевидном и не слишком сложном для реализации шаге, следует все же отметить его недостаточность в сложившейся сегодня в России демографической ситуации (снижение рож-

даемости, миграционные дисбалансы, старение населения, недостаточные компетенции управленцев, принимающих решения в области демографического развития как ключевой сферы государственного управления, защита персональных демографических данных и др.). Безусловно, оставляя за скобками многоуровневые меры государственной демографической политики, усиление роли демографической проблематики в различных областях научных исследований, включение демографических курсов в образовательные программы разных специальностей и формирование самостоятельной инфраструктуры подготовки демографов (системное развитие кадрового потенциала в области демографии для комплексного решения актуальных проблем в контексте национальной безопасности) — шаги сегодня необходимые, но недостаточные. Складывается следующая противоречивая ситуация: на условном макроуровне (всего общества и государства) принимаются политические решения (национальные проекты, концепции и стратегии [см., напр.: 13; 33]) и образовательные инициативы (например, в 2022 году был утвержден профессиональный стандарт «Демограф» [см., напр.: 5; 24; 26; 27; 28; 31], определивший набор компетенций, которыми должен обладать демограф определенной квалификации, и набор его возможных трудовых функций), на условном микроуровне (конкретные люди и сообщества) вводятся инструменты расширения демографического кругозора (не только соответствующие блоки учебных программ университетов, но тематические акценты специальных уроков в школе, широкое медийное освещение и т.д.).

На наш взгляд, следует обратить внимание и на условный мезоуровень — ввести демографическую проблематику в систему корпоративной ответственности [см., напр.: 2; 4; 29; 36; 38; 39; 41], и здесь Российский университет дружбы народов можно рассмотреть как показательный «кейс», взявший на себя инициативу по развитию не только демографического компонента в системе российского высшего образования, но и корпоративной демографической политики. В первом случае речь идет о том, что РУДН вошел в число тех первых университетов, что поддержали внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) 4.0 по направлению подготовки «Демография» и активно участвует в его профессионально-общественной аккредитации и научно-образовательной экспертизе, а с 2023 года в РУДН реализуется междисциплинарный курс «Глобальная демография и национальная безопасность», который доступен для выбора обучающимися всех направлений подготовки.

Во втором случае речь идет о разработке корпоративного демографического стандарта, призванного обеспечить: формирование демографически дружественной среды в университете; институциональную поддержку студентов и сотрудников с детьми; развитие механизмов гибкой занятости, цифровой трансформации кадровой политики с учетом семейных приоритетов; поддержку репродуктивного здоровья, включая реализацию консультатив-

ных и психотерапевтических программ. В основу корпоративного демографического стандарта РУДН положены рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений сторонами социального партнерства по разработке и реализации мероприятий корпоративной социальной политики по поддержке работодателями работников с семейными обязанностями (от 13.12.2024 № 106082-П24РТК). Согласно этим рекомендациям стратегическое управление университетом должно ориентироваться в том числе на сбережение и развитие человеческого потенциала, многоуровневую поддержку многодетных семей и родительства и достижение приоритетных для государства демографических целей.

На данном этапе в рамках программ университетской корпоративной социальной ответственности уже реализуются следующие меры:

- В сфере защиты здоровья и здоровьесбережения:
 - на базе Клинико-диагностического центра университета действуют периодические и предварительные медицинские осмотры для всех сотрудников и студентов, а также программы скринингов, коррекции факторов риска, профилактики и своевременной диагностики, направленные не только на сохранение здоровья, но и на формирование культуры самосохранительного поведения и здорового образа жизни;
 - с 2024 года реализуется программа социальной и психологической поддержки работников и обучающихся (психологическое консультирование, психотерапевтическое сопровождение в стрессогенных и кризисных состояниях; анонимная диагностика эмоционального выгорания, тревожных и депрессивных расстройств, посттравматических состояний), призванная не только помочь конкретным людям, но и сформировать в университете культуру сопричастности, поддержки и нравственной солидарности.
- В области укрепления института семьи и ответственного родительства: внедрена целостная система помощи и поддержки семей с детьми (материальные выплаты разным категориям семей, улучшение жилищных условий молодых семей, создание развивающей среды для детей, психологические консультации и тренинги для студенческих пар), в частности, обеспечивающая условия, в которых студенты могут совмещать обучение и родительство, получая реальную и адресную поддержку со стороны университета.
- Информационно-коммуникативная поддержка корпоративной демографической политики — закрепление на уровне организационной культуры вуза корпоративных ценностей, базирующихся на положительном отношении к семейному образу жизни и родительству [см., напр.: 21; 22; 35].

Таким образом, университет (фигурируя в данном случае лишь как пример организации) выступает не только как производственная, научно-исследовательская или образовательная среда, но как семейно-дружественное

пространство, в котором меры поддержки родительства, гибкие графики, инклюзивные практики, социальные и медицинские программы становятся нормой, внося свой вклад в народосбережение как основу национальной безопасности и решая не только гуманитарную, но также стратегическую государственную задачу поддержки многопоколенной, многодетной, устойчивой семьи. Университет формирует духовно-нравственные ценности, гражданскую ответственность, патриотизм и семейные (брачные и репродуктивные) модели молодежи не только в рамках учебных программ и образовательных дисциплин (посредством соответствующего содержания), но и формируя особую университетскую (корпоративную) среду как участник демографической модернизации страны и распространитель ее демографической философии.

Библиографический список

1. *Архангельский В.Н., Бардакова Л.И., Безвербный В.А. и др.* Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад / Под ред. С.В. Рязанцева. М., 2021.
2. *Багирова А.П., Вавилова А.С.* Корпоративная демографическая политика: оценки и возможности // *Human Progress*. 2021. Т. 7. № 2.
3. *Багирова А.П., Вавилова А.С.* Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях // *Управленец*. 2022. Т. 13. № 5.
4. *Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д.* Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 3.
5. *Бедрина Е.Б., Чернова К.В.* Профессиональные стандарты как основа развития и совершенствования знаний в области демографии // *Human Progress*. 2021. Т. 7. № 3.
6. *Вишневский А.Г.* Трудное возрождение демографии // *Социологический журнал*. 1996. № 1/2.
7. *Демографическая модернизация России, 1900–2000* / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.
8. *Демографическая энциклопедия в лицах: в 2 т. Т. 1: Дореволюционный период* / Под ред. Т.К. Ростовской, Ю.Н. Эбзеевой. М., 2024.
9. *Демографическое развитие постсоветского пространства* / Под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. М., 2018.
10. *Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2024* / Отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова. Вологда, 2025.
11. *Елизаров В.В.* Теория и практика демографической политики в СССР // *Статистика и экономика*. 2017. Т. 14. № 5.
12. *Зверева Н.В.* Теория изучения народонаселения в университетской школе // *Статистика и экономика*. 2018. Т. 15. № 1.
13. *Калабихина И.Е.* Измерение временем: новая парадигма социально-демографической политики // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 2.
14. *Калабихина И.Е.* Междисциплинарный подход в преподавании демографии в вузах // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2017. № 1.
15. *Кашенов А.В.* Демографическая динамика в странах постсоветского пространства: итоги тридцатилетия // *Демографические исследования*. 2023. Т. 3. № 1.

16. Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р. Демографическое образование в России: исторические аспекты и современная парадигма развития // Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 4.
17. Концепция развития кадрового потенциала в области демографии. 2024 // URL: https://socio.isu.ru/export/sites/socio/ru/.galleries/docs/Demografia/Koncepcia_razvitiia_kadrovogo_sostava06.2024.-docx-1.pdf.
18. Ломоносов М.В. О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011.
19. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895.
20. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995.
21. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7.
22. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Приоритеты студентов российских вузов: обучение, семья, работа // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
23. Обедкова А.П., Обедкова А.А. Тенденции демографического развития России в постсоветский период // Россия и современный мир. 2012. № 4.
24. Приказ Министерства труда России № 346н от 8.06.2022 «Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»» // URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368?ysclid=17e9nglzmc73043482>.
25. Ростовская Т.К., Бедрина Е.Б., Золотарева О.А. Развитие демографического образования в России и за рубежом / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М., 2024.
26. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Профессиональный стандарт «демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2.
27. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Профессиональный стандарт «демограф» как ключевой механизм управления развитием кадрового потенциала в области народосбережения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 1.
28. Ростовская Т.К., Рычихина Н.С. Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем // Вопросы управления. 2023. № 2.
29. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5.
30. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Давлетишина Л.А. Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2.
31. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Рычихина Н.С. Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 1.
32. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М., 2003.
33. Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9.
34. Рыбаковский О.Л. Демографическая динамика России: основные понятия, показатели, итоги за 1946–2017 гг. // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4.
35. Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Маркова Ю.С. Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
36. Тонких Н.В., Чудиновских М.В., Бегичева С.В. Интеграция гибких инструментов корпоративной демографической политики в систему управления персоналом // Управленец. 2024. Т. 15. № 5.

37. Чернова К.В., Бедрина Е.Б. Развитие демографического образования в высших учебных заведениях России // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 4.
38. Шубат О.М. Российский бизнес как потенциальный субъект эффективной демографической политики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 26.
39. Шубат О.М., Багирова А.П., Янь Д. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // *Экономика региона*. 2022. Т. 18. № 4.
40. Ястребов О.А. Формирование институциональной инфраструктуры государственно-частного партнерства в Российской Федерации // *Проблемы современной экономики*. 2011. № 2.
41. Anderson T., Green A. Roadmap for Change to Support Pregnant and Parenting Students. Washington, 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-459-472

EDN: YEMVHW

Russian demographic tradition at the university level: Current educational and managerial tasks and solutions*

O.A. Yastrebov¹, T.K. Rostovskaya^{1,2}

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,

Fotievoi St., 6-1, Moscow, 119333, Russia

(e-mail: rector@rudn.ru; rostovskaya.tamara@mail.ru)

Abstract. In recent decades, the Russian society has experienced complex demographic processes caused by both objective factors of a global nature (population aging, declining birth rate, demographic transition, transformation of values and priorities of younger generations in the context of digitalization, unbalanced migration flows, etc.) and peculiarities of the social-economic and political-ideological development of the post-Soviet space (external ideological influence, unresolved issues accumulated during the Soviet period, ongoing education reforms, multiconfessional and multinational living space with many local and regional combinations of group and collective priorities, etc.). The state recognized the importance of demographic issues for ensuring national security by adopting policy documents to improve demographic indicators not only with financial means but also by setting clear value priorities for family and demographic policies for the long term. However, it is impossible to ensure demographic stability and security of the Russian society only with targeted efforts “from above” — it is necessary to consolidate the work of government agencies, scientific and educational institutions. Based on their specialized expert experience, the authors outline possible areas of such consolidation at three levels of social management — government target programs and national projects (conditional macro-level), expansion of professional horizons of young people through the inclusion of a historical and general demographic component in specialist training programs (conditional micro-level) and supplementation of the corporate culture of specific organizations with demographic issues (conditional meso-level). The article

* © O.A. Yastrebov, T.K. Rostovskaya, 2025

The article was submitted on 17.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

focuses, first, on possible strategies for including the corpus of demographic knowledge (and the corresponding block of demographic topics or disciplines) in the higher education curricula (research issues, thematic emphases, recommended literature, ideological component, etc.); second, on the need to introduce demographic issues into the system of corporate responsibility. The RUDN University is presented as an illustrative “case” that is actively rather than declaratively develops the demographic component in the Russian higher education and has already implemented a set of measures for corporate demographic policy in the system of the strategic university management.

Key words: demography as a science and academic discipline; Russian demographic tradition; history and current state of the demographic science; higher education; university management; corporate social responsibility; corporate demographic policy

For citation: O.A. Yastrebov, T.K. Rostovskaya. Russian demographic tradition at the university level: Current educational and managerial tasks and solutions. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 459–472. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-459-472>

References

1. Arkhangel'sky V.N., Bardakova L.I., Bezverbn'y V.A. i dr. *Demograficheskoe razvitiye postsovet'skikh stran (1991–2021): trendy, demograficheskaya politika, perspektivy. Analitichesky doklad* [Demographic Development of Post-Soviet Countries (1991–2021): Trends, Demographic Policy, Prospects. Analytical Report]. Pod red. S.V. Ryazantseva. Moscow; 2021. (In Russ.).
2. Bagirova A.P., Vavilova A.S. Korporativnaya demograficheskaya politika: otsenki i vozmozhnosti [Corporate demographic policy: Assessments and possibilities]. *Human Progress*. 2021; 7 (2). (In Russ.).
3. Bagirova A.P., Vavilova A.S. Korporativnaya politika, orientirovannaya na semyi rabotnikov: realii i vozmozhnosti razvitiya v rossiyskikh organizatsiyah [Corporate policy focused on employees' families: Realities and development opportunities in Russian organizations]. *Upravlenets*. 2022; 13 (5). (In Russ.).
4. Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D. Korporativnaya demograficheskaya politika kak instrument realizatsii strategicheskikh interesov gosudarstva, biznesa i personala [Corporate demographic policy as a tool for realizing the strategic interests of the state, business and personnel]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2024; 17 (3). (In Russ.).
5. Bedrina E.B., Chernova K.V. Professionalnye standarty kak osnova razvitiya i sovershenstvovaniya znaniy v oblasti demografii [Professional standards as a basis for the development and improvement of knowledge in the field of demography]. *Human Progress*. 2021; 7 (3). (In Russ.).
6. Vishnevsky A.G. Trudnoe vozrozhdeniye demografii [The difficult revival of demography]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 1996; 1/2. (In Russ.).
7. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization in Russia, 1900–2000]. Pod red. A.G. Vishnevskogo. Moscow; 2006. (In Russ.).
8. *Demograficheskaya entsiklopediya v litsah: v 2 t. T. 1: Dorevolutsionnyy period* [Demographic Encyclopedia in Persons: in 2 vols. Vol. 1. : Pre-revolutionary Period]. Pod red. T.K. Rostovskoy, Yu.N. Ebzeevov. Moscow; 2024. (In Russ.).
9. *Demograficheskoe razvitiye postsovet'skogo prostranstva* [Demographic Development of the Post-Soviet Space]. Pod red. M.B. Denisenko, R.V. Dmitrieva, V.V. Elizarova. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Natsionalny demografichesky doklad — 2024* [Demographic Well-Being of Russian Regions. National Demographic Report — 2024]. Otv. red. T.K. Rostovskaya, A.A. Shabunova. Vologda; 2025. (In Russ.).
11. Elizarov V.V. *Teoriya i praktika demograficheskoy politiki v SSSR* [Theory and practice of demographic policy in the USSR]. *Statistika i Ekonomika*. 2017; 14 (5). (In Russ.).

12. Zvereva N.V. Teoriya izucheniya narodonaseleniya v universitetskoj shkole [Theory of population studies at the university]. *Statistika i Ekonomika*. 2018; 15 (1). (In Russ.).
13. Kalabikhina I.E. Izmerenie vremenem: novaya paradigma sotsialno-demograficheskoy politiki [Temporal measurement: A new paradigm of social-demographic policy]. *Narodonaselenie*. 2020; 23 (2). (In Russ.).
14. Kalabikhina I.E. Mezhdistsiplinarny podkhod v prepodavanii demografii v vuzah [Interdisciplinary approach to teaching demography at the university]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 2017; 1. (In Russ.).
15. Kashepov A.V. Demograficheskaya dinamika v stranah postsovetskogo prostranstva: itogi tridsatiletiya [Demographic dynamics in the post-Soviet countries: Results of thirty years]. *Demograficheskie Issledovaniya*. 2023; 3 (1). (In Russ.).
16. Kozin S.V., Zhidyaeva T.P., Zakieva R.R. Demograficheskoe obrazovanie v Rossii: istoricheskie aspekty i sovremennaya paradigma razvitiya [Demographic education in Russia: Historical aspects and the contemporary development paradigm]. *Demograficheskie Issledovaniya*. 2024; 4 (4). (In Russ.).
17. Kontseptsiya razvitiya kadrovogo potentsiala v oblasti demografii. 2024 [Concept of Developing Human Resources in the Field of Demography. 2024] // URL: https://socio.isu.ru/export/sites/socio/ru/.galleries/docs/Demografia/Koncepcia_razvitiya_kadrovogo_sostava06.2024.-docx-1.pdf. (In Russ.).
18. Lomonosov M.V. *O sokhranении russkogo naroda* [On the Preservation of the Russian People]. Sost. i otv. red. O.A. Platonov. Moscow; 2011. (In Russ.).
19. Malthus T.R. *Opyt zakona o narodonaselenii* [An Essay on the Principle of Population]. Moscow; 1895. (In Russ.).
20. Mendeleev D.I. *Zavetnye mysli* [Cherished Thoughts]. Moscow; 1995. (In Russ.).
21. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Brak, semya, obuchenie: ustanovki i predstavleniya studentov [Marriage, family, education: Students' attitudes and ideas]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 7. (In Russ.).
22. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Prioritety studentov rossiyskikh vuzov: obuchenie, semya, rabota [Priorities of Russian students: Education, family, work]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
23. Obedkova A.P., Obedkova A.A. Tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v postsovetsky period [Trends in Russia's demographic development in the post-Soviet period]. *Rossiia i Sovremennyy Mir*. 2012; 4. (In Russ.).
24. Prikaz Ministerstva truda Rossii No. 346n ot 8.06.2022 "Ob utverzhdenii professionalnogo standarta "Demograf"" [Order of the Russian Ministry of Labor No. 346n of June 8, 2022 "On Approval of the Professional Standard 'Demographer'"]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368?ysclid=17e9nglzm73043482>. (In Russ.).
25. Rostovskaya T.K., Bedrina E.B., Zolotareva O.A. *Razvitie demograficheskogo obra-zovaniya v Rossii i za rubezhom* [Development of Demographic Education in Russia and Abroad]. Otv. red. T.K. Rostovskaya. Moscow; 2024. (In Russ.).
26. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Professionalny standart "demograf" kak faktor formirovaniya novoy modeli kadrovogo potentsiala [Professional standard "Demographer" as a factor determining a new model of human resources potential]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2021; 9 (2). (In Russ.).
27. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Professionalny standart "demograf" kak klyuchevoy mekhanizm upravleniya razvitiem kadrovogo potentsiala v oblasti narodosberezheniya [Professional standard "Demographer" as a key mechanism for managing the development of human resources in the field of population preservation]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2022; 10 (1). (In Russ.).
28. Rostovskaya T.K., Rychikhina N.S. Razrabotka sistemy podgotovki demografov dlya kompleksnogo resheniya demograficheskikh problem [Developing a system for training

- demographers for a comprehensive solution to demographic problems]. *Voprosy Upravleniya*. 2023; 2. (In Russ.).
29. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P. Kontseptsiya korporativnoy demograficheskoy politiki rossiyskikh organizatsiy v kontekste sotsialnoy otvetstvennosti biznesa [The concept of corporate demographic policy of Russian organizations in the context of business social responsibility]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2021; 14 (5). (In Russ.).
 30. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Davletshina L.A. Demograficheskoe obrazovanie v sovremennoy Rossii: protivorechiya potrebnoy i vozmozhnostey [Demographic education in today's Russia: Contradictions of needs and opportunities]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2022; 15 (2). (In Russ.).
 31. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Rychikhina N.S. Professionalny standart "Demograf": ot kvalifikatsii spetsialistov k effektivnym resheniyam v oblasti demografii [Professional standard "Demographer": From the qualification of specialists to effective solutions in the field of demography]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2025; 18 (1). (In Russ.).
 32. Rybakovsky L.L. *Demograficheskaya bezopasnost: populyatsionnye i geopoliticheskie aspekty* [Demographic Security: Population and Geopolitical Aspects]. Moscow; 2003. (In Russ.).
 33. Rybakovsky L.L. Kontseptsiya demograficheskoy politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniya [The concept of Russia's demographic policy: Development and ways for improvement]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 9. (In Russ.).
 34. Rybakovsky O.L. Demograficheskaya dinamika Rossii: osnovnye ponyatiya, pokazateli, itogi za 1946–2017 gg. [Demographic dynamics of Russia: Basic concepts, indicators, results for 1946–2017]. *Narodonaselenie*. 2018; 21 (4). (In Russ.).
 35. Strelets I.E., Mukhortov D.S., Markova Yu.S. Rol obrazovatelnoy sredy vuza v formirovanii tsennosti semyi: otsenka rossiyskogo studenchestva [The role of the university educational environment in forming family values: Russian students' assessments]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
 36. Tonkih N.V., Chudinovskih M.V., Begicheva S.V. Integratsiya gibkikh instrumentov korporativnoy demograficheskoy politiki v sistemu upravleniya personalom [Integration of flexible instruments of corporate demographic policy into the personnel management system]. *Upravlenets*. 2024; 15 (5). (In Russ.).
 37. Chernova K.V., Bedrina E.B. Razvitie demograficheskogo obrazovaniya v vysshih uchebnykh zavedeniyah Rossii [Development of demographic education in Russian universities]. *Narodonaselenie*. 2020; 23 (4). (In Russ.).
 38. Shubat O.M. Rossiysky biznes kak potentsialny sub`ekt effektivnoy demograficheskoy politiki [Russian business as a potential subject of the effective demographic policy]. *Natsionalnye Interesy: Prioritety i Bezopasnost*. 2014; 26. (In Russ.).
 39. Shubat O.M., Bagirova A.P., Yan D. Korporativnaya politika, orientirovannaya na semyi rabotnikov: potentsial vnedreniya v rossiyskikh regionah [Corporate policy focused on employees' families: Potential for implementation in Russian regions]. *Ekonomika Regiona*. 2022; 18 (4). (In Russ.).
 40. Yastrebov O.A. Formirovanie institutsionalnoy infrastruktury gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiyskoy Federatsii [Development of the institutional infrastructure for public-private partnership in the Russian Federation]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*. 2011; 2. (In Russ.).
 41. Anderson T., Green A. *Roadmap for Change to Support Pregnant and Parenting Students*. Washington; 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-473-481

EDN: YBJLXJ

Sociology of the new media environment in the western post-truth society*

F.I. Sharkov, V.V. Silkin, O.F. Kireeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119454

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@migsu.ru; kirolga08@list.ru)

Abstract. The new media presents forms of communication that facilitate production, distribution and exchange of content on platforms and networks that enable interaction and collaboration. Over the past three decades, the new media has developed rapidly and continues to develop in new, previously unknown ways, providing greater opportunities for social governance and political practice. With their convergent properties, the new media has changed the ways in which government institutions operate and political leaders communicate. The new media environment has significantly transformed the system of social communications and changed the role of journalists in political processes. Today digital platforms used by the media provide the electoral system with new ways of interacting with the electorate, introducing new ways for holding elections and in general expanding mechanisms of civil participation. At the same time, the new media in the post-truth society has become the main source of information, which presents lies supplemented by individual facts as news. The dubious quality of such news creates serious problems for the democratic discourse. In the emerging era of post-truth, the new media strengthens negative trends in the changing media environment, which undermines both the goals of democratically oriented media and the foundations of social-cultural development. This situation determines the need to analyze new patterns of audience behavior in connection with the development of the new media environment. The increasing effect of media dependence in the post-truth society has turned the new media into the main source of fakes, which is typical mainly for the American post-truth society. Based on the analysis of the traditional and new media, the authors show the ways to block the free dissemination of truthful information by the so-called “megaphone press”, serving as an advertising machine for politicians. The authors’ methodological approach to the study of the media environment is based on the principle of convergence of technologies and created and consumed content in the developing “post-truth society of the contemporary western type”. Convergence of the media environment, along with the positive trends, creates new opportunities and gives new impetus to the development of the post-truth society.

Key words: media environment; convergent media environment; new media; digital platforms; post-truth society; sociology of the media environment; patterns of the media audience behavior

*© F.I. Sharkov, V.V. Silkin, O.F. Kireeva, 2025

The article was submitted on 15.12.2024. The article was accepted on 15.04.2025.

For citation: Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Sociology of the new media environment in the western post-truth society. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 473–481. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-473-481>

The new media environment

“The media environment is social reality in which the mass media perform their functions and operate. By social reality we mean social-cultural, political and economic characteristics of the life of society at different stages of its development. This external environment of the mass media influences their content and state and sets their development trends. The media environment reflects social reality at all its levels (international, regional, national) and develops based on the features of the national media system and factors affecting it (including the state of the media economy, its typological structure, legal framework, etc.)” [14. P. 302–303]. The new media environment demands that sociologists systematically monitor its components [see, e.g.: 27; 28; 29], since social processes in this framework become more dynamic and increase the degree of uncertainty, leading to serious negative consequences for democratic governance and transformations of the democratic system, which often destroys the very basis for the development of civil society. “We witness essential changes of those social entities that we call the media: the traditional ones lose their former attractiveness for both consumers and advertisers; the new — digital — fill all communication niches, starting to determine the configuration of the media space and the whole media environment” [22. P. 5].

In general, all political consequences that the new media ultimately cause can be summarized as follows: “an unprecedented level of instability and distortion in the political communications system” [33. P. 22]. The new media has radically changed the work of government and local authorities, the ways in which political leaders interact with voters (often completely excluding people’s opinions from decision-making), since the media space is a type of social space covered by the media. Therefore, it is necessary to create an effective system of legal protection and social guarantees so that any citizen would not only receive minimal social protection but also protection from the negative impact of the unfavorable media environment. Not everyone experiencing the intense media impact realizes its negative consequences, including ‘fatigue syndrome’ [38. P. 774].

In recent years, the above-mentioned processes have become especially evident in the western society. For instance, the new media has complicated the system of functioning of the political media. The old media — established institutions of the mass media — such as newspapers, radio and television that appeared before the Internet, coexist with the new media. While the old media maintains relatively stable formats, the new media, which includes websites, blogs, video platforms, digital apps and social networks, is constantly expanding [25. P. 21].

Almost all traditional media duplicates their content, posting it on their own and accessible sites. Moreover, with its convergent properties, digital platforms used by the new media provide the electoral system with new ways of interacting with the electorate, allow for the introduction of new methods of electoral development and, in general, for the expansion of mechanisms for civil participation in politics [26]. Thus, the evolution of the new media is associated not only with the expansion of communication capabilities but also with a significant change in social processes in the media space.

The sociocentric interpretation of the media functions in society “implies a reversal of the presented model, which comes from the social dominant that includes all spheres of social life, which to one degree or another influence communication technologies: moral, aesthetic and legal aspects of their functioning. Content is determined at least by the creative atmosphere and by the state of ideology and cultural traditions. And all this is influenced by the level of economic development and social well-being. The effect of communication dissolves in everyday social practices” [22. P. 65] in both Russian and foreign media environment. For instance, the media function of social control (the so-called watchdog role of the media) ensures revealing abuse by government officials and achieving transparency in their activities. For instance, according to the Pew Research Center, about 70 % of Americans believe that the media reports can “prevent leaders from doing what they should not do” [9].

This tendency is exacerbated by the fact that there is a kind of “revolving door” through which journalists move between positions in the media and government. Some sociologists argue that this situation threatens journalists’ objectivity, since they consider their work just a source of current and future paychecks [45]. In this situation, the state of American journalism “reflects the state of post-truth America”: objective facts are subordinated to emotional appeals and personal convictions in shaping public opinion; and it is difficult for the public to distinguish relevant news about important policy issues from the extraneous media noise; well-documented stories get lost due to the constant buzz of repetitive, sensationalist minutiae that dominates in the old and new media [13]. Nevertheless, many journalists try to conscientiously bring the truth to the public, but, given the reluctance of western leaders and political figures to hear what they do not like, the voice of journalists and the public ceases to have significance [see, e.g.: 4; 25; 33].

Transformation of the traditional media functions

With the rapid development and widespread popularization of Internet technologies, the new media based on digital technologies, wireless and satellite communications and other technical means spreads quickly [41. P. 22–24]. Today the typical new media includes social Internet platforms, media platforms and so on. Due to the advantages of Internet technologies, such as high openness, wide coverage and high efficiency, the new media gradually takes an increasingly

important place in the discourse influencing and guiding the field of information communication, which enters the era of the new media [18. P. 117–119]. So, the question is: if newspapers cease to perform the function of daily coverage of events, how are they going to invest in long-term, expensive journalistic investigations? [45]. In a sense, the media has turned from the so-called watchdog for the public into a mouthpiece for politicians: if we consider the press as a political watchdog, the media serves as a guardian of the public interest, and public support for the media's watchdog role is substantial; otherwise, working journalists turn into supporters of officials for money.

The roots of post-truth go deep into the history of western sociology and political science. Dating back to Plato, post-truth encompasses theology and philosophy, focusing on the Machiavellian tradition in classical sociology, an example of which is Vilfredo Pareto, who offered the original description of post-truth in terms of “circulation of elites”. The defining feature of post-truth is a strong distinction between appearance and reality, which is never fully eliminated; thereby, the strongest and the most convincing appearance is ultimately mistaken for reality. In other words, post-truth creates a space for ideological conflicts, and the influence of post-truth on politics has become global due to the organization of political actions on social networks (which involve thousands of unsuspecting citizens).

Today there are many prime examples of ‘harassment’ campaigns on social networks that led to tragedies, thus demonstrating dangerous consequences of the global spread of disinformation and false information on the Internet [13]. In general, the concept of post-truth denotes circumstances in which objective facts have less influence on the public opinion than emotional appeals and personal beliefs. Today post-truth means any ‘fact’ interpreted in a special way in the public value system, and the share of such interpretations occupies an ever-increasing part of the information space. This means that the subject (individual, group, community, society) is vulnerable to the targeted information influence, and his cognitive activity is redirected or suppressed under the influence of the media environment [17]. In the post-truth era, far-right politicians appeal to emotions and impose personal views; they hide the truth and convince people of what is not true; extremists use social networks as alternative communication channels for mainstream media organizations (which previously ignored them) to promote their extremism, and so on.

Most sociological studies examine one aspect of post-truth rather than all its directions: as a rule, communication researchers focus on the widespread relationship between post-truth and the corresponding growth of the social media (the decline of the traditional/mainstream media) [11], emphasizing the significance of the transforming communication technologies [7]. Technological developments have reduced the role of the classical media and made public communications more flexible, which determined a new chapter in the old struggle to define truth [1].

Some researchers argue that in essence post-truth questions journalists' claims to be reporters or arbiters of truth, which is how post-truth in some way discredits journalism and becomes an object of interest in epistemology of digital journalism and disinformation [51]. The so called "third wave" rejected anti-science/anti-expertise views and extreme forms of relativism, instead advocating for technical expertise in policymaking but without technocracy, especially in areas in which science should (or should not) prevail [23].

Today the social media has become a decisive factor in the development of the so called post-truth society. When anyone can post anything on the social media or on digital platforms, and algorithms spread this information/disinformation in ways that are independent of the truth of claims and that cannot be controlled by traditional means, we get a situation in which increasingly more people get their news (and other types of information) mainly from sources that cannot be considered reliable [19]. Therefore, in the current post-truth era, the mainstream media, especially TV channels, must present a clear perspective based on their experience and expertise rather than amateur experiments and imitation; must maintain the context of their core and original content, on which they have built their expertise and people's trust as their main asset (reputational capital).

The post-truth media in the post-truth society

In the post-truth society, the media, contrary to its primary purpose (to bring truthful information to the public), becomes the post-truth media. A very illustrative example is how the post-truth media worked during the 2016 Presidential Election in the United States [45]: the media coverage of the election was filled with disinformation, unsubstantiated rumors and outright lies. False stories and unverified facts were disseminated by fabricated news sites and social media accounts of candidates and their surrogates. As a result, sensational unverified claims dominated the news agenda, and such practices continued even after the president-elect took office. Moreover, false news infiltrated reports of some mainstream media organizations (like CNN and MSNBC) which disseminated and reinforced the new president's unsubstantiated claims, despite openly criticizing their veracity [33]. For instance, on the website of the American conservative online magazine covering politics, culture and religion, *Federalist*, in one article in the series "Here's the Full List of Every Lie Joe Biden Has Told as President" (from September 21, 2022), the Biden administrator repeated the fake story about Russia's bounty to justify sanctions. According to the news reports, the US intelligence had "low to moderate" confidence in the story that Russia offered bounties to members of the Taliban movement in exchange for killing American soldiers, but the Biden administration cited the story as one of the reasons Russia should be punished. This fake story was not only mentioned in the White House fact sheet with the detailed description of sanctions but also supported (legitimized) by the US government officials. Despite Donald Trump's insistence in 2020 that the whole story was "pure

fake news”, the American corporate media immediately promoted this narrative as fact, and many news organizations that spread this fake story have not returned to its previous truthful coverage.

One possible and convincing explanation of this example (and the current situation in general) is that economic incentives behind the new media (social networks, digital platforms and so on) imply attracting larger audiences to get higher advertising revenues. Political content is used to attract consumers to the social media products rather than to perform a public service function of informing (and/or warning, educating, enlightening, increasing offline activities, etc.). In other words, commercial pressures make the new media organizations publish fascinating (In a positive or negative sense) stories that attract maximum attention and the largest possible audience. Furthermore, as digital platforms gain more popularity, such fictitious or fabricated content widely disseminates, since the media power is concentrated in a small number of the old and new media corporations [24].

Thus, the article provides a short overview of post-truth as a new problematic social, political and cultural phenomenon in the contemporary western society with evident global implications. The phenomenon of post-truth is rooted in the crisis of trust that today’s liberal democracies and institutions face, especially in the fields of knowledge and civil participation. Sociological studies of different post-truth issues tend to focus on such subject fields as consumption and production of knowledge (news, assessments, claims, advertisement and so on) as to the greatest extent related to the dissemination of post-truth. In the post-truth era, the West seems to go backwards, abandoning values of liberalism, objectivity, honesty, human solidarity and humanistic globalization that were praised by many of its intellectuals for decades. In addition, there are tens of thousands of fake news sites (mainly the new media ones) that offer false information to the audience that had long ago got used to the fact that the media (In general) always checks information, which is the public believes everything posted on a more or less presentable media web pages. In the perspective of information-communication processes, today we live not even in the world of post-truth but in the world of fake news, since disinformation resources have already replaced the information ones [44].

References

1. Al Sheikh A. The media in the post-truth era: In the post-truth world, a far-right embrace of social media threatens the broadcasting of truth. December 11, 2016. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2016/12/11/the-media-in-the-post-truth-era>.
2. Bruns A. *Are Filter Bubbles Real?* Polity; 2012.
3. Cao J.D. Analysis on the transformation and development path of traditional newspaper industry in the era of financial media. *Publishing Wide Angle*. 2017; 9.
4. Carson J. What is fake news? Its origins and how it grew in 2016. *Telegraph*, March 10, 2017.
5. Chao A., Chazdon R.L., Colwell R.K., Shen T. A new statistical approach for assessing similarity of species composition with incidence and abundance data. *Ecology Letters*. 2005; 8.

6. Collins H., Pinch T. *The Golem: What You Should Know about Science*. Cambridge University Press; 1995.
7. Cosentino G. *Social Media and the Post-Truth World Order: The Global Dynamics of Disinformation*. Palgrave Macmillan; 2020.
8. Cosentino G. What can covid-19 tell us about the post-truth world order? 2020. URL: https://www.academia.edu/43244540/What_can_COVID_19_Tell_Us_about_the_Post_Truth_World_Order.
9. Dante Ch., Bronston S. Despite attacks on the press, public supports watchdog role. July 9. 2017. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/white-house/despite-attacks-press-public-supports-watchdog-role-n781046>.
10. Diamond E., McKay M., Silverman R. Pop goes politics: New media, interactive formats, and the 1992 presidential campaign. *American Behavioral Scientist*. 1993; 37 (2).
11. First Evidence That Social Bots Play a Major Role in Spreading Fake News. *MIT Technology Review*. August 7, 2017. URL: <https://www.technologyreview.com/s/608561/first-evidence-that-social-bots-play-a-major-role-in-spreading-fake-news>.
12. Fuller S. *Post Truth: Knowledge as a Power Game*. London; 2018.
13. Glasser S.B. Covering politics in a “post-truth” America. December 2, 2016. URL: https://www.brookings.edu/essay/covering-politics-in-a-post-truth-america/?utm_campaign=brookings-comm&utm_source=hs_email:&utm_medium=e-mail:&utm_content=38712889.
14. Golovleva E.A. *Mass Communication and Media Planning*. Moscow; 2009. (In Russ.).
15. Hannan J. Trolling ourselves to death? Social media and post-truth politics. *European Journal of Communication*. 2018; 33 (2).
16. Hindman M. *The Myth of Digital Democracy*. Princeton University Press; 2008.
17. Ismailova L., Wolfengagen V., Kosikov S.V., Maslov M.A. Semantic models to indicate post-truth with fake news channels. *Procedia Computer Science*. 2020; 169.
18. Jasonoff S. Breaking the waves in science studies: Comment on H.M. Collins and R. Evans ‘The third wave of science studies’. *Social Studies of Science*. 2003; 33 (3).
19. Jin Y.Q. Transformation and development of traditional media hosts in the all media era. *Journal of Chizhou University*. 2018; 32.
20. Keyes R. *The Post-Truth Era*. New York; 2004.
21. Klein P. The 2017 Digital Divide; MIT Initiative on the Digital Economy. 2017. URL: <https://medium.com/mit-initiative-on-the-digital-economy/the-2017-digital-divide-2c6e8833c57d>.
22. Kolomiets V.P. *Mediatization of the Media*. Moscow; 2020. (In Russ.).
23. Malcolm D. Post-truth society? An Eliasian sociological analysis of knowledge in the 21st century. *Sociology*. 2021; 55 (6).
24. McChesney R.W. *Rich Media, Poor Democracy*. Communication Politics in Dubious Times. New York; 2015.
25. Mitchell A., Holcomb J. *State of the News Media*. Research Report. Washington; 2016. URL: <https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/13/2016/06/30143308/state-of-the-news-media-report-2016-final.pdf>.
26. Moy P., Xenos M.A., Hess V.K. Communication and citizenship: Mapping the political effects of infotainment. *Mass Communication and Society*. 2009; 8 (2).
27. Nazarov M.M., Ivanov V.N. Popular journalists and bloggers in the Russian media space: Trust and social perceptions of the audience. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (2). (In Russ.).
28. Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. Media consumption of different cohorts: TV and Internet. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
29. Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. Social representations of covid-19 in the unstable information environment (a mid-2021 study). *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (2). (In Russ.).

30. Old-School Media Is Pulling Way More Viewers Than You Think: In researching who was watching and reading what at the end of 2016, one thing became clear: Some of the oldest voices in the news are still the biggest. February 2, 2017. URL: <https://www.wired.com/2017/02/daily-audiencenumbers-for-big-media-outlets>.
31. Oremus W. Stop calling everything “fake news”: Journalists are blurring several problems into one — and making it impossible to solve. December 6, 2016. URL: http://www.slate.com/articles/technology/technology/2016/12/stop_calling_everything_fake_news.html.
32. Owen D. The New Media’s Role in Politics. March 22, 2018. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/authors/diana-owen>.
33. Owen D. The State of Technology in Global Newsrooms. Research Report. URL: <http://www.icfj.org/sites/default/files/ICFJTechSurveyFINAL.pdf>.
34. Pariser E. *Filter Bubble*. New York; 2011.
35. Pew Research Center: The Partisan Divide on Political Values Grows Even Wider. Research Report. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2017/10/05/the-partisan-divide-on-political-values-grows-even-wider>.34
36. Rhodosky N.A. *Post-Truth or Fake: The Issue of Truth in Social Media*. Saint Petersburg; 2023. (In Russ.).
37. Rogers K., Bromwich J.E. The hoaxes, fake news and misinformation we saw on election day. November 8, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/09/us/politics/debunk-fake-news-election-day.html>.
38. Shafer J. Let the Big Lies Begin. November 24, 2015. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/2015/11/donald-trump-lies-2016-candidates-213391>.
39. Shane S. The fake Americans Russia created to influence the election. September 7, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/07/us/politics/russia-facebook-twitter-election.html>.
40. Sharkov F.I., Silkin V.V. Genesis of sociology of media space. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
41. Sharkov F.I., Silkin V.V., Abramova I.E., Kirillina N.V. Violation of information ecology in media space. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4).
42. Shepard A. The revolving door. *American Journalism Review*. 2011; July/August. URL: <http://ajrarchive.org/article.asp?id=745>.
43. Silkin V.V., Sharkov F.I. Degradation of the classical media and contemporary sociology of media communications. *Communicology: Electronic Scientific Journal*. 2021; 6 (2). (In Russ.).
44. Silverman C. This analysis shows how fake election news stories outperformed real news on Facebook. December 6, 2016. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook>.
45. Stroud N.J. *Niche News: The Politics of News Choice*. Oxford University Press; 2011.
46. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
47. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
48. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and... more reasons. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (4).
49. Waisbord S. Truth is what happens in the news. *Journalism Studies*. 2018; 19.
50. Williams B.A., Delli Carpini M.X. *After Broadcast News*. Cambridge University Press; 2011.
51. Wolfengagen V., Ismailova L., Kosikov S., Sebastian D. Cognitive system for traversing the possible worlds with individual information processes. *Biologically Inspired Cognitive Architectures: Proceedings of the 12th Annual Meeting of the BICA Society*; 2022. Vol. 1032.
52. Wynne B. Misunderstood misunderstanding: Social identities and public uptake of science. *Public Understanding of Science*. 1992; 1 (3).
53. Sharkov F.I., Kirillina N.V. The convergence of real and virtual communities in the digital space: A sociological review. *Russian Sociological Review*. 2022; 22 (3). (In Russ.).

Социология новой медиасреды в западном обществе постправды*

Ф.И. Шарков, В.В. Силкин, О.Ф. Киреева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@migsu.ru; kirolga08@list.ru)

Аннотация. Новые медиа — это формы коммуникации, которые облегчают производство, распространение и обмен контентом на платформах и в сетях, обеспечивающих взаимодействие и сотрудничество. За последние три десятилетия они быстро развивались и продолжают развиваться новыми, неизвестными ранее путями. Новые медиа имеют широкое значение для социального управления и политической практики: обладая конвергентными свойствами, они радикально изменили способы работы государственных учреждений и коммуникации политических лидеров. Новая медиасреда существенно преобразовала систему социальных коммуникаций и изменила роль журналистов в политических процессах. Цифровые платформы, используемые в современных медиа, предоставляя электоральной системе новые способы взаимодействия с электоратом, позволяют внедрить новые способы проведения выборов и в целом расширить механизмы участия граждан в политике. В то же время новые медиа в обществе постправды превратились в основной источник информации, где ложь, приправленная отдельными фактами, выдается за новости. Сомнительное качество большей части таких новостей создает серьезные проблемы для функционирования демократического дискурса. В зарождающуюся эпоху постправды новые медиа усиливают негативные тенденции развития изменяющейся медиасреды, которые подрывают как цели демократически ориентированных медиа, так и основы социокультурного развития. Такая ситуация актуализирует необходимость анализа новых паттернов поведения аудитории в связи с развитием новой медиасреды. Возрастание эффекта медиазависимости в обществе постправды превращает новые медиа в основной источник фейковой информации, что характерно, прежде всего для американского общества постправды. На основе анализа особенностей традиционных и новых медиа в статье показаны способы блокирования свободного распространения правдивой информации так называемой «прессой-рупором», которая служит рекламной машиной для политиков. Методология авторского подхода к изучению медиасреды основана на принципе признания конвергенции технологий и создаваемого и потребляемого контента в контексте формирования «общества постправды современного западного типа». Конвергенция медиасреды, наряду с позитивными тенденциями современности, формирует новые возможности и дает новые импульсы для развития общества постправды.

Ключевые слова: медиасреда; конвергентная медиасреда; новые медиа; цифровые платформы; общество постправды; социология медиасреды; паттерны поведения аудитории медиа

Для цитирования: Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф. Социология новой медиасреды в западном обществе постправды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 473–481. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-473-481>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-482-495

EDN: XZEKAC

Not far from Moscow: Phenomenology of suburban farming*

V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: vgrape47@yandex.ru; vgrape58@yandex.ru)

Abstract. The article presents an example of case study of practices of agricultural producers working not in the rural hinterland with the statistical majority of such producers but near Moscow. The authors conducted field studies with the method of participant observation, which allowed them to see and record the overall picture of economic practices of farmers working near the megalopolis. The study showed that, as a rule, such practices are based on the specific motivation and activity of suburban farmers, who strive to create a special ‘architecture’ from their self-organization initiatives. Based on the traditions of phenomenological sociology, the authors show the reader “phenomenology of suburban farming”. The suggested analytical perspective is somewhat different from those popular in today’s research projects focusing on farming and social-economic trends and analyzing primarily organization-economic parameters of farms, the impact of state support and investment policy on increasing their competitiveness and ensuring opportunities for further development. In the field study, the authors focused on both economic and social-cultural practices of farmers working in the immediate vicinity of Moscow. This approach and step-by-step tracking of productive efforts of such farmers revealed the construction of rural-urban worlds on the example of the Moscow Region, in which suburban farmers produce not only various environmentally friendly agricultural products in demand by metropolitan residents but also a variety of recreational services. The originality of the study is determined by the fact that such cases are quite few in contemporary sociological research. In the field study of the activities of suburban farmers, the authors observed a daily regime of real involvement in economic practices, which contributed to establishing trusting contacts with respondents.

Key words: phenomenology of farming; self-organization practices of suburban farmers; economic practices of farmers; suburban and urban agriculture; rural communities; rural everyday life; lifestyle

For citation: Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Not far from Moscow: Phenomenology of suburban farming. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 482–495. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-482-495>

*© V.G. Vinogradsky, O.Ya. Vinogradskaya, 2025

The article was submitted on 16.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

Economic-sociological issues related to the evolution of suburban farming have attracted interest in various fields: economists [6; 22; 23], geographers [12], planners [16; 21], land managers [19; 20; 31], agricultural production processors, retailers, and many others. Such ramified cognitive efforts indicate an understanding of the importance and prospects of processes that ensure the strengthening of food security and the growing significance of suburban agricultural institutions. However, farming is not only a certain production-technological *modus operandi* of the farmer but also a gradually updated way of human existence, i.e., a specific *modus vivendi*. The field study conducted by the authors aimed at revealing some important details and circumstances of the latter: while admitting the importance of solving problems of food security, the authors focused on the “works and days” of farmers near large urban settlements. This type of rural producers is presented by people who are aware of and consciously cultivate their atypicality in life experiences. It is not enough for them to realize only a pragmatic focus in their production efforts. Therefore, the suburban farmer has in mind and cares not only about the high quality of agricultural products (milk, cheese, marbled meat, eggs) but also about creating a wider range of services and entertainment, almost certainly in demand by city dwellers who systematically visit rural areas for a change of scenery and to satisfy their children’s recreational needs. This polyfunctionality of farming practices suggests the need for rethinking standard research focused mainly on economic and technological parameters and factors of farmers’ work. It is useful to shift the attention of researchers of agricultural sphere to the subject field that in the first approximation can be defined as “phenomenology of farming”, which implies observations and interpretations of the content, meaning and value of life experiences of people engaged in agricultural work. In this case, it is possible to understand and evaluate the prospects and social significance of the work of suburban and urban farmers and the optimal ways to develop their positive qualities. The authors tried to show possible forms of future urban and suburban farming as an important factor in the development of the food production industry, creating opportunities for active recreation for city dwellers and promoting professional orientation of the younger generation.

Unlike most today’s studies considering suburban farming as an aspect of agricultural production within the agro-industrial complex, the authors focus on phenomenology of suburban farming practices in the near Moscow Region to understand the suburban farmers’ motivation of organizational activities, responsible for modeling the development projects of their farms.

A few preliminary remarks

In the phenomenological perspective of interpreting the essence of being, E. Husserl established the “first methodical principle”: “I... cannot express or consider significant any judgment that I would not draw from the obvious,

from the experience in which the corresponding things and states of affairs are present to me as themselves” [11. P. 26]. What does this principle mean for our research project defined as “phenomenology of farming”? The most detailed sensory-organoleptic ‘biomechanics’ of the phenomenological vision was described by V.V. Bibikhin: “We want to deal simply with the thing itself, with energy, since it has already affected us. Not with a concept, not with a name, not with a definition. One of the ways of dealing with the thing itself is not to miss the so-called first impression, ‘first approach’, first glance — when we looked at the thing and the thing looked at us: an encounter with the face of the thing before we have done anything with it, before we have manipulated it, before we have begun to ‘process’ impressions, data, perceptions... The essence of phenomenology is trust in this first face of things, to what is revealed suddenly, what captivates us or rather has already caught us by surprise, before we have time to figure it out” [3. P. 16–17].

Certainly, such a cognitive orientation presupposes the choice of a special research approach — qualitative sociological methodology and, more specifically, its signature method of participant observation. This is a qualitative method of sociological and ethnographic research that allows for field studies of life activities of individuals in their ‘natural’ environment and everyday life circumstances, i.e., it is a study of social matter “from inside”. For the authors, trust in the “first face of things” is a habitual, long-mastered position, a skill they began to master a quarter of a century ago in the team of Teodor Shanin, who organized two peasant-studies expeditions in seven rural regions of Russia in the early 1990s. It was then that the authors arrived in remote villages to live for years — to record family histories of villagers and create pictures of the social-spatial rural evolution. For many months, we focused on “things” — genuine “voices from below” [27] recorded on a dictaphone. The results of this extensive work are presented in the book [18] and numerous articles published by expedition participants. The phenomenological picture of the reconstructed everyday Russian rural life turned out to be impressive, since the things of village existence were observed, as they say, “point-blank”: “the advantages of participant observation are associated with the possibility of clarifying and improving theoretical concepts in the course of direct interaction of the researcher with the reality described, which is especially significant when the researcher does not initially belong to the culture or community under study” [5. P. 16; 2; 24].

When considering the study of phenomenology of suburban farming and during our fieldwork we felt the need to clarify the theoretical concept of participant observation, since in this project we were not so much observers as direct participants in everyday farming activities. The most accurate description of our role is provided by the verbal noun ‘involvement’ which became our main working term. We lived in houses built on farm lands, which allowed us to be engaged

from morning to evening not so much in outside observation as in peasant work agreed upon with the farmer, mainly in daily care of land — on the pasture with sharpened spade blades we cut weeds, chopped down and cut with pruning shears unnecessary thorny bushes near the fence, dragged baskets with apples that had fallen from branches to the barn to feed cows and sheep (such baskets were daily brought to the farm by neighboring summer residents who bought milk and cheese from the farmer). During work breaks (usually at lunchtime and in the evening) we turned on dictaphones and asked farmers questions about their daily economic and social practices. We saw such practices with our own eyes and, due to our involvement in farm work, could assess them in our own way. We were also interested in farmers' reflections on their work and days and various event-phenomenological 'condensations'.

What is the meaning of farmer's work, including suburban ones? They realize the natural resource potential of agriculture in their own way. It is agriculture that solves basic problems of primary life support (mainly food supply). Well-known Russian proverbs "We live well — well-fed, well-shod, well-clothed", "Wherever you live, just be well-fed" succinctly indicate those foundations of the fullness of human existence that are provided by agricultural practices. Thus, in Hesiod's poem (8th century BC) *Works and Days* the multi-faceted depiction of the agrarian technological process in antiquity proves that the very essence of productive rural activities has not changed over the past three thousand years except for technologies that have been improved and new implements previously unheard of. However, there is another obvious novelty: a certain part of rural "works and days" and even bizarre nature (production of organic fruits and vegetables, flowers, semi-finished food products, freeze-dried foods, etc.) begins to move little by little and already "on an industrial scale" from fields traditionally intended for agriculture to compact suburban spaces and even to city blocks. Thereby, the question is whether the ancient life-supporting task of rural "works and days" remain reliably feasible in this situation.

It is no coincidence that the most typical and frequent issues at the center of the current research discourse on this subject area are associated with opportunities and prospects for the development of both suburban and urban agriculture. Many researchers realize the need to consider the interdependence of food strategies of cities and local communities surrounding them to achieve sustainable and high-quality nutrition [7; 13], and sustainability of such complex food systems is determined by external dynamic factors (weather or market conditions) too. Such approaches are important because they form the initial pragmatic aspect of the analysis of suburban and urban agricultural practices, since at the level of people's pressing vital interests the real, empirically observable movement towards a new type of "works and days" begins as a gradual combination of routine food technologies with new forms of production (primarily organic).

Thus, it is important to focus on the most acceptable and rational forms of suburban and urban agriculture. The products of both — conventional land-linked and innovative, built on the principles of zero farming, ‘landless’ agricultural production, located in closed premises of a horizontal or vertical type and using intensive hydro-, aero- or aquaponic ‘closed-loop’ production — are relatively ‘low-tonnage’ compared with traditional technologies of large-scale agricultural production. That is, at the final stage we see comparatively small batches of ‘outputs’ (mainly vegetables, fruits and flowers) and processed products (jams, vegetable pickles, freeze-dried berries, fruit powders, packaged honey, etc.). Judging by our field observations, such technologies are inventively and intensively developed by people committed to the ideals of organic farming and “saving nature management”. And the most typical zones for such farms are city outskirts and the nearest suburban areas from 15 to 30 km from city centers.

There are two main factors determining the choice of organic production: the opportunity to become an owner of a land plot of several hectares for housing and processing products; convenient transport links with urban consumers (as a rule, well-known regular clients) and publicly accessible urban sales locations (markets, tents, pavilions, shopping arcades, etc.). In the near Moscow Region, farmers are often well-educated city dwellers with solid work experience either in large agricultural institutions (often foreign) or in other business sectors (transport, trade, etc.). They have knowledge of economics, management and relevant legal mechanisms. For these people, the transition to the suburban agricultural sphere dramatically reshapes their life project, allowing to start from scratch and independently build their promising business [4; 15].

Case study: Works and days of the Moscow Region farmer

Vladimir, founder of the dairy farm in the village near Moscow, began the story of his transition to suburban agriculture with self-reflection about his atypicality: *“I am most likely not quite the right representative of suburban farmers that interests you, since I am a newcomer in this promising business. Everything you see — house, cowshed, chicken coop, cheese-aging chamber, pens for cows, goats, sheep and marals, milking parlor — is recent, new, not inherited, as usually happens, from the collapsed collective farms. I have only been running my farm for a short time — four years. And before that, there was an empty field here — weeds, hummocks. How did I come to this? I just wanted to become my own boss! Now I am 39 years old. And I made up my mind — bought land and built a farm. All this in four years. Now I am engaged in what can be called by the beautiful phrase ‘organic food’. Most likely so but not quite. I have developed a certain format. Look, there is a family doctor, and I am, you could say, a family milkman. I do not deliver milk to stores; I sell it to my clients in Moscow and in our village — about forty people”*.

Our farmer has serious reasons to produce and sell milk and dairy products: proximity to a megalopolis like Moscow, with “millions of hungry mouths”, saves

suburban farmers from an economic point of view (sales of finished products). And the closer to Moscow, the better the situation for farmers who produce and process milk. Vladimir started with five dairy cows, now he has ten. In addition, there is an *“immeasurable herd of goats that live on their own”*: Vladimir finds out the size of his herd when veterinarians come to vaccinate goats. During the interview, a certain general image of economic practices of this suburban farmer gradually formed: his productive actions are rational, and their internal impulses, determined by his passion for working with living beings, are associated with a revision of activity interests.

In the interview, we asked questions about prospects for the development of this type of suburban farm, for instance, how profitable and sustainable such meat and dairy businesses designed for solvent consumers are. Vladimir admitted that *“with a fairly large income, there are significant expenses”* to provide for his family, pay for his Moscow apartment and wages to hired workers (and for their patents, housing and food), and small current expenses. Therefore, he believes that the ‘nature’ of his business does not allow him to ‘really’ expand it: for instance, he cannot afford a loan, because in animal husbandry money is very long, unlike crop production, when you can take it for a new harvest and return it after the sale. Vladimir believes that the specifics of his business are stability and constancy of both income and expenses.

In our conversation with this suburban farmer, typical for the capital region, we discovered such interesting circumstances of his life as homogeneous economic structures that contribute, first, to the economic strengthening of relatively autonomous production institutions (similar to the one created by Vladimir), and, second, to the emergence of a new network of social-economic ties that allow not only to recognize such farming as a complementary, mutually reinforcing community but also to build a rural-recreational and partly tourist-gastronomic world. Certainly, this specificity is typical for regions with dense populations due to the gravitational field of the capital, since consumer desires of its residents are wide and diverse: *“I have an established circle of clients and don’t really need any help. But we, farmers and especially breeders, communicate with each other all the time. There are some interesting guys here, they keep a herd of beautiful horses and have a stud farm. They feel the needs of city dwellers and breed purebred horses to organize the rental of pony horses for the Moscow public with children. They also have a cozy wooden café and often organize holidays, weddings, corporate events, etc. These guys buy a lot of my rare cheeses and meat delicacies (we successfully make sausages, prepare various large-piece semi-finished products for grills and barbecues). We communicate with them and are friends. I really like working with them in terms of demand: they come once a week, buy goods for forty thousand rubles, and thank God for that. They are not far from me, about a kilometer. How did we meet? They came, tried cheese, sausage, and now I can’t imagine my farm without them”*.

Vladimir's farming initiatives are varied: he sells hay for horses to his neighboring farmers, two brothers, who also "work with potatoes"; their vegetable stores are located 500 meters from his farm and in the district center, and in the winter, Vladimir cleans snow around these storage facilities with his tractor. *"In return, these farmers give us potatoes from the sorting — defective and wrong ones — to feed my cows. They are happy that they don't have to load, take and throw all this away, and I am happy to have something to feed my cattle with"*. Vladimir believes that in farming, nothing will work out without mutual assistance.

This network exchange and sales story had an important development in terms of trade and economy. For productive suburban farms located in the zone of influence of large cities, organization-technological schemes and conditions for delivering large batches of products to chain stores are of particular concern. Vladimir's neighbors usually delivered large batches of common variety of potato to chain stores at 10 rubles per kg. But he suggested that they start growing purple potatoes, which could be delivered at 100 rubles per kg. The brothers objected: *"How much of this potato will you sell? Well, God willing, a hundred tons. But we have seven thousand tons of potatoes in storage"*. At the same time, the idea of improving the commercial quality of products stuck with the brothers. They decided that their sorters were expensive, so if they hired cheaper ones — rural women — they could grow baby potatoes that are more expensive than regular ones but cheaper than purple ones. *"Local women are literally ready to hang themselves when they sort baby potatoes, because they are a little bigger than a quail egg, but restaurants buy them well. The problem is that the brothers don't sell potatoes directly — intermediaries deliver them to restaurants, so the brothers get not 10 but only 30 rubles per kg"*. Vladimir believes that growing potatoes is an "interesting and good business" for the farmer, but selling the finished product is very problematic: once the brothers ordered 40 tons of baby potatoes, *"sorted them out and sent to Moscow. But restaurants refused to take them due to being not orange-yellow enough when deep-fried. The brothers couldn't find anything else to do but give me these potatoes for next to nothing. Well, my cows were happy — they ate 40 tons of small high-quality potatoes with pleasure. But for the brothers, it was a real tragic night! Let's count: 40 tons multiplied by 30 rubles — a million. I think the problem wasn't that potato wasn't attractive enough when fried. Restaurateurs most likely found the same potatoes but for 25 rubles. And that's all!"*.

During the interview, Vladimir mentioned the most acute problem of interaction between farmers and the capital's trade system; his professional opinions and assessments of the situation can become a basis for taking important management measures. He believes that *"Moscow chain markets can be capricious... They come, look and see as if ideal potatoes, but they start touching and cutting them to find defects. They say that the temperature is wrong, etc. As a result — a return.*

When the chains do not want to buy, they find a reason, and the supplier, when he cannot send quality products, sends all sorts of cheap rubbish. Trade follows the path of this idiocy. I am very glad that I am in no way interacting with the chains. I am not interested in their volumes, inconsistency and all sorts of antics. My path is 'family milkman', but this very milkman should be promoted much more widely to be known and familiar not only to my 40–50 regular customers but to many people”.

Vladimir as a producer of meat and dairy products has a keen sense of the suburban organic food market situation and understands the vital need to build an appropriate information and media space. Suburban farmers have tried three times to create an online service (mobile app) with advertising. They even managed to create a good mobile app “To the Market”, but, unfortunately, failed to promote it. Vladimir believes that such promotion turned out to be a difficult matter for farmers. Today he promotes his products only on social network Odnoklassniki, but in the future plans to use other apps, for instance, to post “*all sorts of factual little things*”. To do this, it is enough to take a camera and walk around the farm, filming “*everything in a row: here are cows, here are goats, here are rams, here is a pig eating, here are guinea fowl grazing, here is cheese ripening... People are crazy about this. I filmed all this and posted it online. And I even posted it on Odnoklassniki, which, as my son tells me, was created especially for old people*”. Each such video got tens of thousands of likes immediately, which became decisive for the choice of such a media resource that would combine simplicity and efficiency and continue the positive experience of “To the Market” app in terms of informing consumers about his products (quality, price, geolocation), but this information should be supplemented with videos demonstrating production cycles, so that “*a person takes his phone, looks, — oh, cool! — puts a like, and all this instantly flies to other consumers; thus, word of mouth advertising works for you*”. Then all this begins to work automatically: if a person is interested in farming stories, then, driving past such locations, he thinks: “*Yes, it would be interesting to look and, perhaps, buy cottage cheese or potatoes*”; he searches in this network resource where to buy potatoes in this region and is immediately given several possible locations on his way.

Vladimir believes that one of the most important tasks for suburban farmers is advertising, for which it is necessary to use all opportunities to the maximum, even post videos advertising farm products on social networks, since people often communicate there to exchange interesting information. In addition, such an information resource would be free for producers and “*will help to exclude the notorious reseller*”. Vladimir’s experience of working at a large city business company in a management position allows him to creatively develop a network app and realistically assess its pros and cons. When considering the direct delivery of farm products to the consumer, he argues that “*it is important to assess how convenient the delivery is for the producer. Let’s say it is convenient*

for me, because I don't live on the farm all the time, I live in the city, and I can deliver a few orders on the way... But if the person lives in the village, how convenient is it for him? We need another app that would allow the farmer collect orders and write to all customers the convenient time for delivery". According to Vladimir, people spend a lot of time on social networks, so it makes sense for farmers to create websites to promote their farms and products. He gave the following example: his nephew visited his farm last year, walked around it and filmed everything in sight, then posted short stories on social networks; as a result, buyers began to come to the farm based on this "video tip", and sales increased sharply. But then this effect somewhat faded away, and now he wants to promote his products in a similar way.

When considering phenomenology of suburban farming practices, one cannot miss the business consciousness based on the rich production experience of this Moscow Region farmer. His stories about the scale and details of his entrepreneurial practices together with his advice on possibilities of developing agribusiness can be useful for beginning producers in areas not far from Moscow. In general, Vladimir evaluates his agricultural experience positively, since he had startup capital — 1.5 million rubles as a grant for a beginning farmer, which allowed him to "promote his activities". At the same time, he believes that without initial capital, it is difficult to start a farming project but possible. Vladimir admits that it is *"somewhat easier and more profitable for farmers to work near the capital than on its distant approaches, for example, in Orenburg, Saratov, Volgograd, Samara and other localities"*. But even there, despite all difficulties, farmers find opportunities and run successful farms, because their main goal is not primitive earning of money but search for their interest and creative, non-trivial approaches based on the regional natural resources. The above-mentioned localities have magnificent natural lands, developed city markets, stores and restaurants and high demand for farm products. Vladimir believes that to promote suburban farms in other regions, a large startup capital is not needed, since you can start practically for nothing, and the main thing is to start but not to rush. Vladimir once started transport business and even earned "some money", but this business did not work out for him, and he decided to go into dairy farming: *"At first, I thought that with milk and cheese, it would probably be more difficult for me, I would have to quit. But now I don't want to quit anymore, because everything suits me here. However strange it may sound, today I do not focus on profitability but expand the range of finished products. Muscovites need various high-quality products, they come for milk and cheese and ask if I have chicken eggs — I get chickens, ask about quail eggs — I get quails"*.

One of the questions in our research was about prospects for developing farms in areas located near megalopolises, which are neither purely rural nor purely urban. Vladimir admitted: *"I thought about it a lot. After all, if you think about the long term, it is obvious that farmers are not quite ready to provide for daily needs*

of all Moscow. We simply cannot do it physically. Therefore, I see the prospects for my farm in the development of a related area such as agritourism... To be honest, I do not want to enlarge my current production". The farmer sees possible options for future business strategies in related industries, while maintaining farming as a basic activity. However, Vladimir argues that it is practically impossible to simultaneously develop both production and agritourism, since the latter would constantly distract him from farming. Therefore, Vladimir considers transferring the agritourism management functions to a special person: *"I want to find such a person now, but so that he is not a stranger to this farm... My daughter is ten years old now, she is still small, but soon she will grow up, maybe she will take up agritourism... where you need to talk to people, show them and explain... I can do this, but if I do it myself, production will stop. And tourists always want not only to look at animals or production but also to buy fresh produce. And its quality depends on how lovingly you produce it... These are my prospects".*

These are our main impressions in the mode of participant observation of the economic practices of a suburban farmer, currently focused on dairy and poultry production. When studying different regional cases of suburban agriculture in the areas near megalopolises, two not quite ordinary moments attract attention and encourage further analysis. First, a rather exotic "menu" of agricultural actions that suburban farmers perform and plan for the near future, being "very inventive". This quality is largely determined by such farmers' non-standard (in relation to their current occupations) education. Thus, Vladimir studied to be an electric power engineer for industrial enterprises and only later received a zootechnical education. These unexpected and very significant circumstances most likely determine that additional broader worldview which enables suburban farmers to react quickly and accurately to transforming fabric of events, including the dynamically changing demands of urban consumers. The peculiar, obviously incomplete parallelism of their basic education with their current farming and nature management activities helps them to 'fantasize', when implementing original projects within their current and future occupations.

Second, the very tone and semantic mood of interviews with this mature, independent entrepreneur creates a persistent impression that literally before our eyes a new narrative is formed and goes through the stage of persuasiveness — its focus and manner differs from the well-known stories from sociological publications [28; 29; 30], i.e., from narratives of the "first call/wave" farmers, who started on the ruins of Soviet collective farms and were concerned only with standard indicators of field productivity and yields. This, at first glance, ephemeral 'stylistic' circumstances were noted by our informants from the Moscow Region, which proves their keen observation and heightened social-cultural intuition. Thus, Vladimir *"divides farmers into two groups. The first are farmers from the*

1990s — they do not want and do not know how to talk, do not let anyone in, always complain and are unhappy with everything. They do not really want to develop. And the second are city dwellers, various office workers or someone like them, who moved from the city or somewhere else to the village and took up farming. They are more active, strive to advance everywhere, talk and write on the Internet the most, creative inventors. I am probably one of those”.

What are features of such a new (or, more precisely, updated in terms of the oral peasant stories recorded during Shanin’s field expeditions in the early 1990s [9]) farmers’ narrative? What kind of life world can be seen in the detailed stories of today’s suburban farmers? The shortest answer will be ‘a discourse of passionarity’. Farmers’ interviews are filled with excitement and inspiration proving their passionarity which, according to L.N. Gumilev, “is a characterological dominant; an irresistible internal desire (conscious or, more often, unconscious) for activity aimed at achieving some goal” [10. P. 48]. During the interviews, Vladimir several times returned to the description of his production-farming mood: *“I find it interesting to keep cows. I always say that animals are more grateful creatures than people... Now I can get in my car and go, do some business on the side or rest... My brother stays on the farm... If he is not there, I know that my two assistants will take care of my business. But who will direct them? Who will teach them? Who will pay them? That’s the problem! That’s why I can’t leave for a long time. Can I go on vacation? Of course, I can! But I am not free. This is not serfdom — my legs and hands are tied by business, but I am free inside due to doing what I love. And there is nothing better than when your hobby brings you some money, let it be small. And not so much money as a meaning to existence”.*

These are some vivid examples showing the life mood of near-capital farmers. When reading/listening attentively to stories of suburban farmers recorded in the immediate vicinity of Moscow, one can see that most characteristics of their routine works and days were not designed in advance but somehow appeared — arbitrarily, organically and most often suddenly. The forms and circumstances of this type of management arise in the endless, active and passionate movement for “capturing things, spaces and times”. These are the features of suburban agricultural production located in the “gravitational field” of the capital and focused on the consumer needs of its residents. The very emergence of such farming institutions is determined not so much by considerations of vital/economic necessity (as in economic practices of ‘peripheral’ farmers who appeared in the economic space on the ruins of collective and state farms) as by awareness/feeling of an exciting opportunity to realize one’s existential project, the principles of which had been internally maturing in the interweaving of life’s changes and suddenly acquired real spatial and material form. This conclusion is proven by the fact that representatives of this farming group, as a rule, have specialized knowledge that allows them to build a worthy and profitable urban career. However, *statu nascendi* of their farming aspirations and economic practices are

not ambitions, career pragmatism or a desire to earn money but rather “a vague attraction of a soul thirsting for something” (A. Pushkin).

Moreover, such farming institutions are predominantly located in the suburbs, which is not accidental — the neighboring city ensures that the system of social-economic relations is maintained in a functionally uninterrupted mode for vital (financial, economic, social-cultural, educational, technological, etc.) impulses and connections, which allows actors of this system not to leave the field of innovation for a minute, to quickly respond to market conditions and to predict the dynamics of consumer demands. This is why suburban farmers’ narratives are so impressive (full of passionarity) that literally captivate and emotionally seduce both professional researchers and random situational interlocutors (buyers, visitors, agritourists). Perhaps, this attitude is the main thing instrumentally-practically inherited by today’s suburban farmers from difficult but truly life-giving and self-sufficient life experiences of the root Russian peasantry [27]. It turns out that social time as a “space of human development” (K. Marx) has its own cyclic way: features of the genuine peasant world are seen through the current farming concerns to ensure the self-organizing renewal of rural living space. Therefore, the “metaphysics of suburban farming” can become a fruitful subject field for rural sociology.

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

1. Azhaev V.N. *Daleko ot Moskvy* [Far from Moscow]. Moscow; 1966. (In Russ.).
2. Banfield E.C. *The Moral Basis of a Backward Society*. Moscow; 2019. (In Russ.).
3. Bibikhin V.V. *Energiya* [Energy]. Moscow; 2009. (In Russ.).
4. Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4). (In Russ.).
5. Devyatko I.F. *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of Sociological Research]. Ekaterinburg; 1998. (In Russ.).
6. Dragun K.N. Faktory, vliyayushchie na razvitie prigorodnogo selskogo khozyajstva i obespechenie prodovolstvennoj bezopasnosti [Factors affecting the development of peri-urban agriculture and food security]. *Matritsa Nauchnogo Poznaniya*. 2023; 10–1. (In Russ.).
7. Dwiartama A., Piatti C. Assembling local, assembling food security. *Agriculture and Human Values*. 2016; 33 (1).
8. Golodova Z.G., Smirnov P.A. Small entrepreneurship: The role in the social-economic system. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
9. *Golosa krestyan: selskaya Rossiya XX veka v krestyanskih memuarah* [Peasant Voices: Rural Russia of the 20th Century in Peasant Memoirs]. Moscow; 1996. (In Russ.).
10. Gumilev L.N. *Konets i vnov nachalo: populyarnye leksii po narodovedeniyu* [The End and the Beginning Again: Popular Lectures on Ethnology]. Moscow; 2008. (In Russ.).
11. Husserl E. *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Moscow; 2010. (In Russ.).
12. Nefedova T.G. Tatarstan: selsko-gorodskoe razvitie respubliki v kontekste prostranstvennykh trendov 1990–2020 godov [Tatarstan: Rural-urban development under the spatial trends of 1990s–2020]. *Russian Peasant Studies*. 2023; 8 (4). (In Russ.).
13. Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (3).

14. Ovchintseva L.A. Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3).
15. Ovchintseva L.A. New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
16. Ponosov A.N., Zhelyaskov A.L., Drashkovich B., Zhernakova N.N. Osobennosti selskokhozyajstvennogo zemlepolzovaniya i obespechenie ego razvitiya v gorodskih aglomeratsiyah (na materialah Permskoj gorodskoj aglomeratsii) [Features of agricultural land use and ensuring of its development in urban agglomerations (based on the example of Perm urban agglomeration)]. *Mezhdunarodny Selskokhozyajstvenny Zhurnal*. 2023; 3. (In Russ.).
17. Popov E.A. Social functions of rural farmers (on the example of the Altai Region). *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (3). (In Russ.).
18. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovanij selskoj Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research of Rural Russia]. Pod red. T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova. Moscow; 2002. (In Russ.).
19. Saitova A.R. Prigorodnoe zemlepolzovanie kak territorialnaya osnova prodovolstvennoj bezopasnosti [Suburban land use as a territorial basis for food security]. *Aktualnye Problemy Ekonomiki, Sotsiologii i Prava*. 2018; 4. (In Russ.).
20. Shkrebbko V.P. Prigorodnoe selskoe khozyajstvo v sisteme prodovolstvennogo obespecheniya goroda [Suburban agriculture in the urban food supply system]. *Ratsionalnoe ispolzovanie zemelnyh resursov v usloviyah sovremennogo razvitiya APK*. Tyumen; 2021. (In Russ.).
21. Trofimov A.G., Nikonova G.N. Modernizatsiya proizvodstva v usloviyah prigorodnoj selskokhozyajstvennoj organizatsii [Modernization of production in the suburban agricultural organization]. *Rossiyskiy Elektronny Nauchny Zhurnal*. 2017; 4. (In Russ.).
22. Trotsuk I. Neformalnye praktiki: irratsionalnoe povedenie ili vliyanie kultury? Dva kontekstualnykh “frejma” dlya izucheniya neformalnoj ekonomiki [Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual “frames” for the study of informal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (4). (In Russ.).
23. Trotsuk I.V. “Prirodny altruizm” ili vynuždennaya ratsionalnost? Dolzhnoe, ozhidaemoe i realnoe v (ne) formalnoj ekonomike [“Natural altruism” or forced rationality? Proper, expected and real behavior in (in) formal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
24. Trotsuk I.V. A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russia’s Non-Black Earth Region. *Russian Peasant Studies*. 2024; 9 (2).
25. Trotsuk I.V. The social-economic meaning of culture: Conceptual and methodological findings of an imperfect observation. *Russian Peasant Studies*. 2020; 5 (2). (In Russ.).
26. Trotsuk I.V. Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural socialproblems]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
27. Vinogradsky V.G. “Golosa snizu”: diskursy selskoi povsednevnosti [“Voices from Below”: Discourses of Rural Everyday Life]. Moscow; 2017. (In Russ.).
28. Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Fermerstvo v kontekste razvitiya selskih territorij [Farming in the context of rural development]. *ECO*. 2021; 11. (In Russ.).
29. Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Fermerstvo: peremena pokolenij [Farming: A generational change]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 5. (In Russ.).
30. Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Otechestvennoe fermerstvo: signaly novizny [Farming and the rural world: A generational change]. *Russian Peasant Studies*. 2022; 7 (1). (In Russ.).
31. Zadvorneva E.P., Zinich A.V., Evdokhina O.S. Formirovanie institutsionalnoj infrastruktury agroprodovolstvennogo rynka prigorodnoj zony megapolisa: osobennosti, napravleniya razvitiya [Institutional infrastructure of agrifood market in the metropolitan suburban area: Features, directions of development]. *Vestnik Sibirskogo Gosudarstvennogo Avtomobilno-Dorozhnogo Universiteta*. 2018; 15. (In Russ.).

Недалеко от Москвы: феноменология пригородного фермерства*

В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: vgrape47@yandex.ru; vgrape58@yandex.ru)

Аннотация. Статья содержит попытку анализа и осмысления практик сельскохозяйственных производителей, работающих не в сельской российской глубинке, где размещено их статистическое большинство, а вблизи Москвы. Полевое исследование в режиме включенного наблюдения позволило авторам увидеть и зафиксировать совокупную картину хозяйственных практик фермеров, работающих неподалеку от мегаполиса. Исследование показало, что, как правило, такие практики основаны на специфической мотивационно-деятельностной энергетике пригородных фермеров, позволяющей выстраивать из своих самоорганизационных инициатив особую «архитектуру». Опиралось на традиции феноменологической социологии, авторы предприняли попытку увидеть и осмыслить то, что можно назвать «феноменологией пригородных фермерства». Этот ракурс рассмотрения несколько отличается от популярных в современных научно-исследовательских акциях, посвященных изучению фермерства, социально-экономических трендов, нацеленных, в первую очередь, на анализ организационно-экономических параметров таких хозяйств, влияния государственной поддержки и инвестиционной политики на повышение их конкурентоспособности, обеспечивающей возможности дальнейшего развития. В процессе исследования авторы сфокусировали свое внимание прежде всего на хозяйственных, а также социокультурных практиках фермеров, работающих в ближайших окрестностях Москвы. Такой подход к изучению и поэтапному отслеживанию производительных усилий таких фермеров, позволил исследователям зафиксировать глубинные процессы создания и конструирования сельско-городских миров на примере Подмосковья, в которых пригородные фермеры производят не только различную востребованную столичными жителями экологичную сельскохозяйственную продукцию, но и разнообразные услуги рекреационного характера. Оригинальность исследования обусловлена тем, что подобного рода социологические кейсы довольно немногочисленны в современных социологических практиках. В ходе изучения деятельности пригородных фермеров в полевых условиях исследователями ежедневно соблюдался режим реальной включенности в хозяйственные практики респондентов, что способствовало возникновению обстоятельных и вполне доверительных контактов с ними.

Ключевые слова: феноменология фермерства; практики самоорганизации пригородных фермеров; хозяйственные практики фермеров; пригородное и городское сельское хозяйство; сельские сообщества; сельская повседневность; образ жизни

Для цитирования: Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Недалеко от Москвы: феноменология пригородного фермерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 482–495. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-482-495>

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

*© Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., 2025

Статья поступила в редакцию 16.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511

EDN: XVWZOZ

Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи*

А.А. Свистунов

АНО «Российский новый университет»,
ул. Радио, 22, Москва, 105005, Россия

(e-mail: svistunov.alexey@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме политической социализации молодежи в условиях быстрого развития цифровых технологий: рассматриваются современные подходы к изучению ценностных приоритетов молодежи и различные концепции ее социализации в контексте влияния цифровизации на политическую социализацию молодых поколений; рассмотрены сложившиеся подходы к трактовке «цифрового общества» и обоснован запрос на выбор такой концепции, которая бы отражала реальное положение дел и способствовала более стабильному и самостоятельному политическому развитию общества; обозначены ключевые аспекты цифровой социализации как основания для более глубокого изучения молодежной политической социализации. Структурно статья состоит из трех частей: в первом разделе кратко охарактеризована специфика социологической трактовки социализации в отношении молодежи как особой социально-демографической группы; во втором разделе обоснован «статус» цифровизации как нового социализационного фактора (и даже альтернативы традиционным агентам социализации) в современном обществе на микро- и макроуровне благодаря сложному переплетению очевидных преимуществ и значительных рисков; в третьем разделе перечислены ключевые особенности, механизмы и последствия воздействия цифровизации на особый аспект взросления молодых поколений — политическую социализацию (в узком и широком смысле данного понятия) в ее массовых проявлениях. В итоге автор приходит к выводу, что сегодня политическая социализация представляет собой междисциплинарный объект научного интереса, изучение которого должно учитывать формирование новой социальной реальности под воздействием тенденций цифровизации на технологическом и социально-символическом уровнях. Соответственно, необходима обновленная концепция цифровой политической социализации молодежи, которая бы стала теоретико-методологической основой для дальнейших фундаментальных и прикладных исследований. Такая концепция призвана помочь в обеспечении стабильного политического развития общества, адаптируя молодежь к вызовам, обусловленным динамичными изменениями в политической сфере.

Ключевые слова: молодежь; цифровизация; социализация; политическая социализация молодежи; цифровая социализация; государственная политика

*© Свистунов А.А., 2025

Статья поступила в редакцию 06.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Для цитирования: Свистунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 496–511. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511>

Современное общество находится на новом этапе развития, который характеризуется многими исследователями [см., напр.: 12; 19; 34; 35] как постинформационный — связанный с быстрым распространением новейших технологий и широким использованием достижений научно-технического прогресса в экономической и общественно-политической сферах. Одну из ключевых ролей в развитии постинформационного, как и любого исторически предшествовавшего ему, общества играет молодежь, в том числе как инициатор социально-политических изменений. По информации Росстата, на начало 2024 года в стране насчитывалось около 37 миллионов людей в возрасте от 14 до 35 лет, т.е. молодежь составляет почти четверть населения страны, и, будучи существенной с количественной и «качественной» точек зрения частью российского общества, она не может не оказывать определяющее влияние на его будущие перспективы. В частности, молодое поколение лучше адаптируется к цифровым переменам в ситуации, когда влияние цифровизации стало устойчивым трендом и породило «неизбежный процесс адаптации к новым цифровым реалиям» [32. С. 122]. Цифровизация воздействует и на политику, требуя принятия инновационных моделей его разработки и реализации [см., напр.: 45], отсюда, в частности, заинтересованность молодежи в вопросах политического развития страны и рост числа молодых граждан в выдвижении разнообразных общественных инициатив. Так, в «Стратегии молодежной политики Российской Федерации на период до 2030 года» отмечено, что в 2022 году интересовались политической повесткой 77 % россиян в возрасте от 14 до 35 лет, но лишь 4 % молодых людей входили в состав какой-либо политической партии, и практически каждый второй (47 %) россиянин замечал общественную активность молодежи [6]. В целом молодежь сегодня стала той социальной группой, что наиболее активно включена в политическую жизнь страны посредством достижений научно-технической революции [см., напр.: 1], и доля молодого населения, вовлеченного в политическую сферу, постоянно возрастает [см., напр.: 11], что и актуализирует изучение влияния цифровизации на политическую социализацию молодежи.

Молодежь как объект и субъект социализации

Молодежь как социально-демографическая — объект междисциплинарного изучения (политологии, демографии, педагогики, психологии, социологии и т.д.) [см., напр.: 16], что порождает разнообразные научные трактовки самого термина «молодежь»: поколение людей, которые проходят стадию социализации, а в дальнейшем реализуют усвоенные социаль-

ные роли [26. С. 19–23]; объект социального обновления и социализации, но субъект различного рода протестных настроений [33]; социальная группа, объединенная общими возрастными характеристиками и занимающая особую социальную позицию [21] и др. Большинство определений подчеркивает, что молодежь как особая социально-демографическая группа имеет ряд отличительных признаков: особое положение в обществе, формирующие ценности, меняющиеся интересы, а также ярко выраженные потребности (постоянное общение с другими членами своей поколенческой группы, сопричастность определенной интеллектуальной и/или эмоционально-коммуникативной деятельности и т.д.). Кроме того, в каждом обществе юридически прописаны возрастные границы молодежи, например, в России они определены Федеральным законом № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 года: согласно пункту 1 статьи 2 молодежь — это социально-демографическая группа российских граждан в возрасте от 14 до 35 лет.

Исторически первые концепции социализации начинают формироваться в конце XIX — начале XX века как своего рода описания логики и механизмов развития социальной природы индивида (в том числе посредством подражания). Социализация изначально мыслилась как ориентированная на контроль (разрушительных) эгоистических побуждений индивидов и формирование в них чувства ответственности по отношению к обществу в целом и господствующим в нем моральным нормам. В свою очередь, основные современные «теории молодежи», значимые в контексте социологического анализа социализации, начали формироваться в России с 1980-х годов, и сегодня можно условно выделить несколько их групп: психологическое направление — человек совмещает в себе биологическое, социальное и психологическое начала, поэтому важно исследовать основные проблемы в процессе развития личности (взрослении и социализации) и преодоления ею социального отчуждения [22]; структурно-функциональное направление основано на идее сложных взаимоотношений молодежи и общества (старших поколенческих групп), в ходе которых обеспечивается определенный уровень сопричастности молодого поколения решению вопросов государственного управления [9]; тезаурусный подход исходит из признания, с одной стороны, постепенного освоения молодежью общественного пространства, правил и принципов, а, с другой стороны, прямой обусловленностью ее социального статуса психобиологическими особенностями молодого возраста [27]. По сути, во всех случаях речь идет о том, что молодежь обладает всеми признаками социальной группы, развитие которых обусловлено социокультурными особенностями конкретного общества, поэтому задача исследователей — анализ социального статуса молодежи с учетом как ее типичных самоидентификационных паттернов, так и противоречивых принципов конструирования социального пространства.

Иными словами, в фокусе социогуманитарного знания находится «качество» социализации молодежи как процесса, подразумевающего освоение молодыми людьми как социального пространства общества, так и его ценностей, в результате чего «новые» члены общества учатся взаимодействовать и выбирают себе социальные роли для дальнейшей успешной социальной «карьеры». Социализация призвана ознакомить и «адаптировать» человека к жизни согласно правилам тех организаций и институтов, которые конституируют определенные социальные условия. Социализация молодежи может носить достаточно разнообразный характер как содержательно, так и с точки зрения своего регулирования (быть контролируемой и целенаправленной или стихийной) [31. С. 130], но неизбежно имеет двусторонний характер (общество предоставляет молодежи комплекс норм, правил и ценностей, а молодежь принимает и осваивает их (или отказывается это делать), т.е. субъект-субъектный с обратной двунаправленной связью [39. С. 19]. Кроме того, социализация имеет два «измерения» — индивидуальное (микроуровень) и социальное/системное (макроуровень), на каждом из которых действуют свои механизмы и подходы, определяющие особенности социализации в контексте разных форм взаимодействия (например, сотрудничество или конфликт, взаимосвязи или изоляция) с агентами социализации на обоих уровнях (семья, школа, государство, СМИ и др. [50]).

Цифровизация как новый социализационный фактор

В современном обществе на процессы и успешность социализации серьезное влияние оказывает цифровизация — глобальный тренд преобразования всей информации в цифровую форму. Первоначально исследователи сосредоточились на воздействии цифровизации на экономику [см., напр.: 53], однако сегодня все больше актуализируется изучение влияния цифровизации на социальное развитие человека, особенно на этапе социализации, поскольку цифровизация «определяет психологические особенности (коммуникативные, познавательные, эмоционально-волевые и мотивационно-потребностные) целого современного цифрового поколения» [17] — «цифровые технологии встраиваются в когнитивную и социальную систему человека, интегрируются с ней, определяя цифровое расширение (достройку) человека, и видоизменяют ее» [37. С. 444].

Внедрение цифровых технологий и формирование цифровой культуры на микроуровне проявляются в упрощенном доступе к информации, активном использовании онлайн-обучения, раннем знакомстве поколения Z (общепринятое в научном дискурсе название людей, рожденных в 2000-е годы [14]) с гаджетами, развитии блогерства, преобладании визуального контента над текстовым (что влияет на особенности восприятия и запоминания информации), формировании цифрового этикета, проведении досуга и осуществлении покупок в интернете [54]. Под воздействием цифровой социализации

возникает новый коммуникативный стиль, ключевыми характеристиками которого выступают открытость, независимость и инновативность. Более того, «благодаря цифровой социализации формируется новый тип виртуальной идентичности и новая форма проявления индивидуальности» — «персонализация и геймификация» как «ключевые смыслы социального моделирования общественного развития» [24. С. 60]. В свою очередь, под влиянием цифровизации на макроуровне формируется новое социальное пространство со следующими параметрами: гибридность (стирание границ между реальным, виртуальным и цифровым); социально-коммуникативная ориентация (направленность на формирование социальных контактов); непрерывное семантическое взаимодействие (создание новых смыслов и ценностей); высокая технологичность; многофункциональность; мобильность; открытость; комфортность [23].

Новое социальное пространство формирует не только новые потребности во взаимодействии с другими людьми, но и новые паттерны цифровой социализации [см., напр.: 10; 13; 17; 24; 44]: активное использование цифровых технологий, быстрое (часто поверхностное) восприятие информации, предпочтение онлайн-коммуникации, стремление к самоопределению и раскрытию своего потенциала в онлайн-пространстве, высокий уровень знаний и навыков в области цифровых технологий и потому их использование для решения различных задач, усвоение социальных норм, ценностей и культуры в цифровой среде. Следует отметить, что для обозначения «социализации в интернете» используются пусть и содержательно синонимичные, но разные термины — «виртуальная социализация», «информационная социализация», «медиа социализация», «киберсоциализация», «цифровая социализация», «интернет-социализация», «online-социализация», которые объединяет отличие от «традиционной социализации» только использованием современных информационно-коммуникационных, цифровых технологий [47. С. 26]. В этом смысле цифровая социализация следует классическому структурно-функционалистскому определению социализации как таковой — в ходе социализации молодые поколения усваивают основные принципы жизнедеятельности общества, чтобы в дальнейшем использовать в своей деятельности освоенные социальные роли (за интериоризацией ценностей следует адаптация, т.е. «приспособление» человека к организационным и институциональным правилам социального взаимодействия).

Тем не менее, цифровизация стала серьезной альтернативой традиционным агентам социализации — семье и системе образования, так как сегодня «человек получает опыт социального и ролевого взаимодействия не в реальном, а в виртуальном мире» [24. С. 60]. Данная ситуация «вытесняет прежнюю концепцию социализации, поскольку новые технологии создают новые виртуальные пространства социализации за пределами семьи, системы образования и рынка труда» [20. С. 170]. Однако в научном сообществе про-

должается дискуссия между представителями разных направлений социогуманитарного знания относительно корректности употребления термина «цифровая социализация» для описания сложившейся ситуации [см., напр.: 38; 46] и содержания самого данного понятия на фоне недостаточного эмпирического материала и комплексных исследований, поэтому целесообразно определять цифровую социализацию не как замену прежней/традиционной ее версии, а скорее как «расширение социального опыта индивида посредством социокультурной интернет-среды через усвоение информационных технологий и культуры» [46. С. 90]. Иными словами, «интернет становится новым институтом социализации», отвечая за такие ее аспекты, как виртуальный (оцифровка социальных процессов), цифровой (широкое использование технических средств) и медийный (получение социального опыта за пределами традиционного социализирующего окружения) [46. С. 93]. Тогда цифровая социализация выступает как «опосредованный инфокоммуникационными технологиями процесс овладения и присвоения индивидом социального опыта и социальных связей, которые он приобретает в онлайн-контекстах, воспроизводство этого опыта и социальных отношений в множественной реальности окружающего мира» [37. С. 432]. Для выполнения данных функций структурно цифровая социализация состоит из четырех компонентов: цифровая культура (идеологические и организационные ценности); цифровое обучение (цифровые грамотность и навыки); цифровое развитие личности (цифровая личность, цифровая репутация); цифровое воспитание (ценностный, когнитивный и деятельностный аспекты взросления) [13. С. 164].

Таким образом, цифровая социализация — это комплексный многофакторный процесс, разворачивающийся на макро- и микроуровнях и выступающий «основой для формирования цифровой личности» [24. С. 60], хотя корректнее говорить о цифровой идентичности — в ходе онлайн-общения человек самостоятельно определяет, как он будет взаимодействовать с другими людьми, и формирует свой образ, который может отличаться от его реальных половозрастных, профессиональных и других характеристик. Цифровая социализация как процесс усвоения индивидом цифровой культуры и ценностей цифрового общества, адаптации в цифровой среде, требует формирования «цифровых компетенций (умение не только корректно работать с информацией в сети, но и навыки использования технических устройств) [см., напр.: 10]. Хотя трактовки цифровизации как познания киберпространства и усвоения навыков общения в нем и как особых условий интернализации ценностей и норм цифрового общества не должны отождествляться, в контексте социологического анализа цифровой социализации эти различия не существенны. Столь же незначимы для эмпирических исследований попытки противопоставить цифровую социализацию ее традиционной версии посредством радикализации оппозиции «интернет как новый свободный мир (либертарианская трактовка или постмодернистское определение кибер-

пространства как ризоматической/текстовой организации социального пространства) — прежнее деспотическое медиа-пространство физического социального мира» на том основании, что интернет предполагает субъектную активность пользователя, поскольку это лишь возможность, которая далеко не всегда реализуется (особенно в больших киберсообществах) [15].

Несмотря на очевидные преимущества (расширение коммуникативных возможностей, развитие креативности, критического мышления и технических навыков), цифровая цивилизация содержит в себе и значительные риски: на индивиде негативно сказывается анонимность общения, длительное нахождение в интернет-пространстве может привести к социальной дезадаптации, в максимально доступном видео-формате информация развивает клиповое мышление и снижает когнитивную нагрузку; обесценивание иных, кроме цифровых, источников информации при некритическом отношении к ним может привести к потреблению и распространению деструктивного контента; кроме того, «цифровая социализация молодых людей осуществляется спонтанно» [24. С. 64]. С одной стороны, массовое распространение социальных сетей и платформ в интернете ведет «к дегуманизации пользователей ввиду своей фундаментальной основы на механизмах информационного подкрепления. Система персонифицированных рекомендаций направлена на увеличение “включенности” индивида в близкий ему контент, за счет чего социальные сети увеличивают среднюю продолжительность использования своих платформ... В результате такого “научения” алгоритмов их работа модифицирует поведение пользователей, вызывая у них привыкание к медиасреде». С другой стороны, поскольку социальная среда в киберпространстве существенно отличается от своего аналога в физическом мире (своими интерактивными возможностями), в цифровой социализации особое значение обретает «личностная активность как внутренний субъективный фактор социализации» (человек выступает не только потребителем, но и производителем информации) [36]. Тем не менее, бесспорно, что, в отличие от традиционных агентов социализации (семья, школа и т.д.), которые выполняют функцию социальной «интеграции» человека целенаправленно и в регулируемом формате, интернет по определению вносит в любые процессы, куда внедряется (включая социализацию), черты стихийности и неконтролируемости, что и объясняет условность и размытость любых правил и границ в сетевом пространстве.

Политическая социализация в условиях цифрового общества

Рассмотрим особенности воздействия цифровизации на особый аспект социального взросления в современном обществе — политическую социализацию молодежи. Данный термин ввели Г.Г. Хаймен и Д. Истон в 1959 году, и в социологическом словаре конца XX века политическая социализация трактуется как процесс, в ходе которого у человека складывается определен-

ная «картина политического мира, опыт политической деятельности и политического общения» [40. С. 93]. Однако далее трактовки данного понятия разнятся: одни исследователи подчеркивают, что политическая социализация в каждом следующем поколении воспроизводит устоявшиеся шаблоны восприятия политической реальности [52], тем самым способствуя ее сохранению и стабильности; другие авторы акцентируют субъектный аспект политической социализации — как процесса, в ходе которого человек усваивает нормы поведения, социокультурные ценности и общественные ориентиры, что позволяет ему развить навыки и качества, необходимые для адаптации в политической системе и выполнения в ней определенных функций [39]; третьи ученые видят в политической социализации прежде всего результат межличностного общения [25; 31] (социально-политическое становление и эволюция личности требуют взаимодействия человека с социумом и его окружением); бихевиористов в большей степени интересует влияние общества на человека в процессе формирования у него базовых представлений в отношении политической системы [2]; социально-ролевая концепция «политической поддержки» видит в политической социализации процесс, в ходе которого индивид усваивает те роли, что помогают ему легко и успешно войти в политическую систему [18].

Главное — «Интернет может выступать в качестве доминирующей площадки для политической социализации молодежи в современной России... Это превращает его в многофункциональный механизм политической социализации, в специфическую среду осуществления данного процесса. Массовое распространение интернета привело к преобразованию всех остальных агентов политической социализации» [5. С. 6]. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что интернет очень быстро превратился «из элитного и малодоступного... в объективную необходимость для каждого пользователя» [28. С. 67], т.е. стал ведущим агентом политической социализации молодежи, поскольку содержит в себе несоизмеримо большие, по сравнению с традиционными СМИ, возможности для дифференцированного и свободного получения информации. Вот почему сегодня любая политическая организация должна быть активна в Интернете, если рассчитывает привлечь в свои ряды молодежь и оказывать влияние на нее: «Сеть — это информационная среда, пространство для коммуникации, которая происходит по схеме: источник–сообщение–получатель. “Источником” может выступать как отдельный индивид, так и группа людей, “сообщением” — текст, аудио- или видеоматериал, изображение, а “получателем” — конкретное лицо или определенная аудитория» [47. С. 26].

С социологической точки зрения наибольший интерес представляют «механизмы» воздействия политической социализации на молодые поколения [см., напр.: 4; 8; 49; 51]: безусловно, в социально-психологическом смысле понятие политической социализации может употребляться в отношении как

отдельного человека, так и определенной социальной общности, однако в социологическом исследовании приоритетное значение имеет «массовая политическая социализация»: «несмотря на то, что носителями политической идентичности, ценностей, качеств и субъектами политического поведения на эмпирическом уровне выступают отдельные люди, практическое значение имеют результаты их коллективных действий, чем подтверждается необходимость изучения политической социализации как “надындивидуального феномена”» [49. С. 30], как «политически релевантного аспекта общей социализации, который возникает вследствие того, что между всеми подсистемами общества существуют определенные связи и отношения» [8. С. 30]. В широком смысле политическая социализация способствует интеграции граждан в единую политическую систему посредством их включения во все общественные процессы; в узком смысле предполагает вовлечение граждан в политическую систему через их интеграцию в социальные структуры и установление связей между ними на групповом и институциональном уровне (идеологические позиции партий и общественная поддержка политических деятелей, участие в избирательном процессе и т.д.).

Результат политической социализации — формирование у молодых поколений устойчивой политической идентичности и усвоение тех базовых ценностей, что определяют отношение к существующей политической системе. Молодежь накапливает знания и опыт, которые помогают ей осознать свою реальную и потенциальную роль в обществе, способствуют формированию критического мышления, развивают ответственность и расширяют вовлеченность молодых людей в общественные дела, что в итоге влияет на динамику политического развития конкретной социальной системы (молодые поколения осознают принадлежность к определенному сообществу и воспринимают себя как неотъемлемую часть политической жизни страны, что побуждает их к активному участию в политической деятельности [7]). На ход и результаты политической социализации влияют четыре группы факторов: мегауровня (глобальные политические отношения, процессы глобализации/глокализации и международные связи), макроуровня (государство и гражданское общество, этническая принадлежность), мезоуровня (принадлежность к большим социальным группам и профессиональным сообществам, поколенческая дифференциация и влияние масс-медиа) и микроуровня (ближний социальный круг, общественные объединения, государственные и коммерческие организации) [41].

Сегодня на все четыре группы факторов оказывает влияние цифровизация, однако оно все еще недостаточно исследовано, преимущественно в недостаточности эмпирического материала и выверенных концептуальных построений. Как правило, социологи изучают особенности интернет-коммуникаций и возможности экстраполяции полученных результатов на сферу политической коммуникации [20], однако и в таком фрагментар-

ном формате стало очевидно ослабевание традиционных институтов политической социализации (государство, семья, церковь, армия, СМИ) под воздействием интернета, что не может не сказываться негативно на передаче политического опыта и формировании политической культуры молодых поколений [36]. Впрочем, и оценки самого «цифрового общества» варьируют от предельно апологетических (даже трансгуманистических) до радикально критических (даже апокалиптических), но для целей объективного социологического анализа следует использовать нейтральные трактовки цифровизации — как расширения и продолжения на новом технологическом уровне традиционной социальной реальности, а цифровой среды — как технологически и коммуникативно, а не онтологически нового модуса социального и индивидуального бытия. Тогда и цифровая политическая социализация — не абсолютно новый социальный феномен (альтернативный неким прежним социализационным инструментам), а традиционный механизм воспроизводства и поддержания социального порядка, лишь дополненный цифровыми технологиями и погруженностью в киберпространство.

С одной стороны, цифровизация предоставляет новые возможности для общения и саморазвития, с другой стороны, порождает новые вызовы и проблемы, обусловленные огромным неконтролируемым информационным потоком и снижением его критического восприятия, особенно молодыми поколениями. Тем не менее, не следует воспринимать цифровую политическую социализацию как процесс «насаждения» в интернете таких установок, ценностей и норм, которые бы способствовали приобщению «объекта» к определенным политическим взглядам и идеологиям [42]: политическая социализация — это всегда «самостоятельная выработка взглядов на основе уже сложившихся ценностных установок... а политическая социализация — не механическое наложение на современную молодежь готовых политических форм, а процесс ее становления в качестве активного субъекта политики» [29. С. 9]. Соответственно, чтобы обеспечить стабильное политическое развитие современного общества, необходима концепция цифровой политической социализации молодежи с опорой на большие массивы эмпирических данных, чтобы в мониторинговом режиме отслеживать адаптацию молодежи к постоянно меняющейся социально-политической реальности.

Библиографический список

1. Алексеенок А.А., Воробьева А.В., Алексеенок Е.А. Молодежь современной России как ключевой ресурс модернизации социума // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 2.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4.

3. Беликов В.А., Валеев А.С., Романов П.Ю., Григорьев Е.Н. Предупреждение влияния цифровой виртуальной среды на процесс социализации личности подростков // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 2.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
5. Бучкова А.И. Сущность и особенности социализации молодежи в современной России: Дисс. на соиск. уч. ст. к.с.н. М., 2013.
6. ВЦИОМ: Общественная активность молодежи. 2022 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi>.
7. Гатиева А.М. Специфика формирования социально-политических ориентаций российской молодежи в современных условиях // Перспективы науки. 2022. № 2.
8. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.
9. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
10. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14. № 1.
11. Гришаева С.А., Шамаев П.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 1.
12. Дринова Е.М., Морозов С.И., Панкратов С.А. Постинформационная эпоха: молодежные протесты в контексте цифровой культуры // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9.
13. Дудина О.В. К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3.
14. Дудко Ю.А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020. № 4.
15. Емелин В.А. Киберкультура и сетевое либертарианство // Национальный психологический журнал. 2018. № 3.
16. Загребин В.В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. 2014. № 2.
17. Зеер Э.Ф., Церковникова Н.Г., Третьякова В.С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6.
18. Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 2001. № 3.
19. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
20. Киселева Л.С., Семенова А.А., Сидорова У.И., Киселева О.А. Исследование механизма онлайн социализации молодежи в российском политическом пространстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 7. Ч. 3.
21. Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
22. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
23. Кужелева-Саган И.П. Организация социальных пространств 4.0 как условие высокого качества жизни человека цифровой эры // ConnectUniversum–2018. Томск, 2019.
24. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3.
25. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
26. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. М., 2012.
27. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1.
28. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1.
29. Мельников А.В. Политическая социализация молодежи в современной России: состояние и перспективы: формирование бихевиористского подхода к анализу политических процессов: Дисс. на соиск. уч.ст. к.полит.н. Орел, 2004.

30. Мельников А.В. Эффективная модель политической социализации молодежи // Власть. 2016. № 3.
31. Мид Дж. Аз и я // Американская социологическая мысль. М., 1994.
32. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.
33. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
34. Прохоров-Малясов Г.С. Постинформационное общество — ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. № 5.
35. Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12.
36. Самсонова Т.Н., Леонов Е.К. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4.
37. Солдатова Г.У., Войскуновский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. 2021. Т. 18. № 3.
38. Солдатова Г.У., Нестик Е.И. и др. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М., 2013.
39. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2006.
40. Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998.
41. Старых А.Р. Политическая социализация молодежи // StudNet. 2022. № 4.
42. Строганов В.Б. Политическая Интернет-социализация молодежи в условиях глобализации // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция. Екатеринбург, 2016.
43. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1.
44. Тишкова А.С. Особенности цифровой социализации молодежи: теоретический экскурс // Человеческий капитал. 2023. № 12. Ч. 1.
45. Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
46. Фокина Е.С. Социализация молодежи в условиях деятельности социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10.
47. Ходаев А.С. Виды социализации в Интернете: вопрос соотношения // Гаудеамус. 2023. № 3.
48. Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // Politbook. 2012. № 2.
49. Щеглов И.А. Политическая социализация: теория и методология проблемы. М., 2007.
50. Щеглов И.А. Социализация: агенты. институты. факторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4.
51. Щербинин А.И. Политическое образование. М., 2005.
52. Щербинин А.И. Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования) // Политические исследования. 2003. № 4.
53. Aliaskarova Zh.A., Bakirova A.R. Digitalization of the educational process in covid-19 conditions: Legal aspect // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием. 2021. Т. 12. № 1.
54. Skivko M.O. Challenges for modern higher education in the context of social, digital, technological, and sustainable trends // Sociology of Science and Technology. 2021. Vol. 12. No. 2.

Political socialization of the youth under digitalization: A research question*

A.A. Svistunov

ANGO “Russian New University”,
Radio St., 22, Moscow, 105005, Russia

(e-mail: svistunov.alexey@mail.ru)

Abstract. The article considers the urgent problem of political socialization of the youth under the rapid development of digital technologies: contemporary approaches to the study of value priorities of the youth and various concepts of socialization under digitalization of political socialization; interpretations of the “digital society” and the request for the choice of such a concept that would reflect the real state of affairs and contribute to a more stable and independent political development; key aspects of digital socialization as the basis for a more in-depth study of the youth political socialization. The article consists of three parts: in the first part, the author briefly presents the sociological interpretation of socialization of the youth as a special social-demographic group; the second part explains the “status” of digitalization as a new socialization factor (and even an alternative to traditional agents of socialization) at the micro- and macro-levels due to the complex interweaving of its obvious advantages and significant risks; the third part focuses on the key features, mechanisms and consequences of the impact of digitalization on political socialization (in the narrow and broader senses of this concept) in its mass manifestations. The author comes to the conclusion that today political socialization is an interdisciplinary object of scientific interest, and its study should take into account the formation of a new social reality under digitalization at the technological and social-symbolic levels. Thus, we need an updated concept of the youth digital political socialization as a theoretical-methodological basis for further fundamental and applied research. Such a concept would help to ensure stable political development by adapting younger generations to the challenges determined by dynamic changes in the political sphere.

Key words: youth; digitalization; socialization; political socialization of the youth; digital socialization; public policy

For citation: Svistunov A.A. Political socialization of the youth under digitalization: A research question. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 496–511. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511>

References

1. Alekseenok A.A., Vorobyeva A.V., Alekseenok E.A. Molodezh sovremennoy Rossii kak klyuchevoj resurs modernizatsii sotsiuma [Youth of contemporary Russia as a key resource for social modernization]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye Nauki*. 2022; 2. (In Russ.).
2. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kultura i stabilnost' demokratii [The civic culture and stability of democracy]. *Political Studies*. 1992; 4. (In Russ.).

*© A.A. Svistunov, 2025

The article was submitted on 06.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

3. Belikov V.A., Valeev A.S., Romanov P.Yu., Grigoryev E.N. Preduprezhdenie vliyaniya tsifrovoy virtualnoy sredy na protsess sotsializatsii lichnosti podrostkov [Prevention of the influence of the digital virtual environment on socialization of adolescents]. *Innovatsionnoe Razvitie Professionalnogo Obrazovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).
4. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
5. Buchkova A.I. *Sushchnost i osobennosti sotsializatsii molodezhi v sovremennoy Rossii* [The Essence and Features of the Youth Socialization in Contemporary Russia]. Diss. na soisk. uch. st. k.s.n. Moscow; 2013. (In Russ.).
6. WCIOM: Obshchestvennaya aktivnost molodezhi [Social activity of the youth] 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaya-aktivnost-molodezhi>. (In Russ.).
7. Gatieva A.M. Spetsifika formirovaniya sotsialno-politicheskikh orientatsiy rossiyskoy molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Features of the formation of the Russian youth social-political orientations in contemporary conditions]. *Perspektivy Nauki*. 2022; 2. (In Russ.).
8. Golovin N.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii* [Theoretical-Methodological Foundations of the Study of Political Socialization]. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
9. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii: sotsiologichesky portret* [Russian Youth: A Sociological Portrait]. Moscow; 2010. (In Russ.).
10. Grevtseva G.Ya. Tsifrovaya sotsializatsiya lichnosti v obrazovatelnoy srede [Personal digital socialization in the educational environment]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie Nauki*. 2022; 14 (1). (In Russ.).
11. Grishaeva S.A., Shamaev P.A. Politicheskoe uchastie molodezhi v tsifrovoy srede [Political participation of the youth in the digital environment]. *Tsifrovaya Sotsiologiya*. 2022; 5 (1). (In Russ.).
12. Drinova E.M., Morozov S.I., Pankratov S.A. Postinformatsionnaya epokha: molodezhnye protesty v kontekste tsifrovoy kultury [Post-information era: Youth protests in the context of digital culture]. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2021; 9. (In Russ.).
13. Dudina O.V. K voprosu o strukture tsifrovoy sotsializatsii v kontekste sovremennogo obrazovaniya [On the structure of digital socialization in the context of contemporary education]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva*. 2021; 3. (In Russ.).
14. Dudko Yu.A. Pokolenie Z: osnovnye ponyatiya, kharakteristiki i sovremennyye issledovaniya [Generation Z: Basic concepts, characteristics, and today's research]. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*. 2020; 4. (In Russ.).
15. Emelin V.A. Kiberkultura i setevoye libertarianstvo [Cyberculture and network libertarianism]. *Natsionalny Psikhologichesky Zhurnal*. 2018; 3. (In Russ.).
16. Zagrebin V.V. Podkhody k opredeleniyu kategorii "molodezh" [Approaches to the definition of the youth]. *Kontsept*. 2014; 2. (In Russ.).
17. Zeer E.F., Tserkovnikova N.G., Tretyakova V.S. Tsifrovoye pokolenie v kontekste prognozirovaniya professionalnogo budushchego [Digital generation in the context of forecasting the professional future]. *Obrazovanie i Nauka*. 2021; 23 (6). (In Russ.).
18. Easton D., Dennis J. Deti v politicheskoy sisteme: osnova politicheskoy zakonnosti [Children in the political system: Origins of Political Legitimacy]. *Vestnik MGU. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2001; 3. (In Russ.).
19. Castells M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Yekaterinburg; 2004. (In Russ.).
20. Kiseleva L.S., Semenova A.A., Sidorova U.I., Kiseleva O.A. Issledovanie mekhanizma onlayn sotsializatsii molodezhi v rossiyskom politicheskom prostranstve [A study of the online socialization mechanism in the Russian political space]. *Mezhdunarodny Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal*. 2022; 7 (3). (In Russ.).

21. Kon I.S. Molodezh [The youth]. *Filosofsky entsiklopedichesky slovar*. Moscow; 1989. (In Russ.).
22. Kon I.S. *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Personality]. Moscow; 1967. (In Russ.).
23. Kuzheleva-Sagan I.P. Organizatsiya sotsialnyh prostranstv 4.0 kak uslovie vysokogo kachestva zhizni cheloveka tsifrovoy ery [Organization of social spaces 4.0 as a condition for the high-quality life in the digital era]. *ConnectUniversum–2018*. Tomsk; 2019. (In Russ.).
24. Kuznetsova E.A. Tsifrovaya sotsializatsiya molodezhi [Digital socialization of the youth]. *Sotsiologiya*. 2023; 3. (In Russ.).
25. Cooley Ch.H. *Chelovecheskaya priroda i sotsialny poryadok* [Human Nature and the Social Order]. Moscow; 2000. (In Russ.).
26. Lisovsky V.T. *Dukhovny mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [Spiritual World and Value Orientations of the Russian Youth]. Moscow; 2012. (In Russ.).
27. Lukov V.A. Kontseptualizatsiya molodezhi v XXI veke: novye idei i podkhody [Conceptualization of the youth in the 21st century: New ideas and approaches]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012; 1. (In Russ.).
28. Luchinkina A.I. Spetsifika interneta kak instituta sotsializatsii [Features of the Internet as a socialization institution]. *Nauchny Rezultat. Pedagogika i Psikhologiya Obrazovaniya*. 2019; 5 (1). (In Russ.).
29. Melnikov A.V. *Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi v sovremennoy Rossii: so-stoyanie i perspektivy: formirovanie bikhevioristskogo podkhoda k analizu politicheskikh protsessov* [Political Socialization of the Youth in Contemporary Russia: The Present State and Prospects: Development of the Behaviorist Approach to the Analysis of Political Processes]. Diss. na soisk. uch.st. k.polit.n. Orel; 2004. (In Russ.).
30. Melnikov A.V. Effektivnaya model politicheskoy sotsializatsii molodezhi [An effective model of the youth political socialization]. *Vlast*. 2016; 3. (In Russ.).
31. Mead G. Az i ya [I and me]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl*. Moscow; 1994. (In Russ.).
32. Pavlyutenkova M.Yu. Elektronnoe pravitelstvo vs tsifrovoe pravitelstvo v kontekste tsifrovoy transformatsii [Electronic government vs digital government under digital transformation]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 5. (In Russ.).
33. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1998. (In Russ.).
34. Prokhorov-Malyasov G.S. Postinformatsionnoe obshchestvo — klyuchevaya stupen sotsialnoy transformatsii. Prognostichesky aspekt [Post-information society is a key stage of social transformation. A prognostic aspect]. *Kontekst i Refleksiya: Filosofiya o Mire i Cheloveke*. 2022; 5. (In Russ.).
35. Rakitov A.I. Postinformatsionnoe obshchestvo [Post-information society]. *Filosofskie Nauki*. 2016; 12. (In Russ.).
36. Samsonova T.N., Leonov E.K. Rol interneta v politicheskoy sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi [The role of the Internet in political socialization of the contemporary Russian youth]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2022; 28 (4). (In Russ.).
37. Soldatova G.U., Voyskunovsky A.E. Sotsialno-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsialnaya evolyutsiya psikhiki [Social-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the psyche]. *Psikhologiya*. 2021; 18 (3). (In Russ.).
38. Soldatova G.U., Nestik E.I. et al. *Tsifrovaya kompetentnost podrostkov i roditeley. Rezultaty vserossiyskogo issledovaniya* [Digital Competence of Adolescents and Parents. Results of the All-Russian Study]. Moscow; 2013. (In Russ.).
39. Solovyev A.I. *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii* [Political Science: Political Theory, Political Technologies]. Moscow; 2006. (In Russ.).

40. Sotsiologichesky entsiklopedichesky slovar [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Ed. by G.V. Osipov. Moscow; 1998. (In Russ.).
41. Starykh A.R. Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi [Political socialization of the youth]. *StudNet*. 2022; 4. (In Russ.).
42. Stroganov V.B. Politicheskaya Internet-sotsializatsiya molodezhi v usloviyah glo-balizatsii [Political Internet socialization of the youth under globalization]. *Innovatsionny potentsial molodezhi: globalizatsiya, politika, integratsiya*. Yekaterinburg; 2016. (In Russ.).
43. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. Ot “umnogo regulirovaniya” k “umnomu upravleniyu”: sotsialnaya problema tsifrovizatsii obratnyh svyazey [From “smart regulation” to “smart management”: The social problem of feedback digitalization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
44. Tishkova A.S. Osobennosti tsifrovoy sotsializatsii molodezhi: teoretichesky ekskurs [Features of the youth digital socialization: A theoretical overview]. *Chelovechesky Kapital*. 2023; 12 (1). (In Russ.).
45. Trotsuk I.V., Dursina A.N. Tsifrovoy vektor razvitiya kommunikatsii mezhdru vlastyu i naseleniem v sovremennom rossiyskom obshchestve [Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1). (In Russ.).
46. Fokina E.S. Sotsializatsiya molodezhi v usloviyah deyatelnosti sotsialnyh setey [Socialization of the youth in the context of social networks]. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*. 2021; 10. (In Russ.).
47. Khodaev A.S. Vidy sotsializatsii v Internet: vopros sootnosheniya [Types of socialization on the Internet: An issue of correlation]. *Gaudeamus*. 2023; 3. (In Russ.).
48. Sharkov F.I. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom ob-shchestve [Political communication in the contemporary information society]. *Politbook*. 2012; 2. (In Russ.).
49. Shcheglov I.A. *Politicheskaya sotsializatsiya: teoriya i metodologiya problemy* [Political socialization: Theory and methodology]. Moscow; 2007. (In Russ.).
50. Shcheglov I.A. Sotsializatsiya: agenty, instituty, faktory [Socialization: Agents, institutions, factors]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2016; 4. (In Russ.).
51. Shcherbinin A.I. *Politicheskoe obrazovanie* [Political Education]. Moscow; 2005. (In Russ.).
52. Shcherbinin A.I. Chto zhe budet s Rodinoy i s nami? (Predvzyatyie zametki o rossiyskoy politicheskoy nauke i problemah politicheskogo obrazovaniya) [What will happen to the Motherland and to us? (Biased notes on the Russian political science and problems of political education)]. *Political Studies*. 2003; 4. (In Russ.).
53. Aliaskarova Zh.A., Bakirova A.R. Digitalization of the educational process in covid-19 conditions: Legal aspect. *Marketing MBA. Marketingovoe Upravlenie Predpriyatiem*. 2021; 12 (1).
54. Skivko M.O. Challenges for modern higher education in the context of social, digital, technological, and sustainable trends. *Sociology of Science and Technology*. 2021; 12

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

ESSAYS AND REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-512-524

EDN: XPSOZU

Плоская земля: от живучего мифа к научной метафоре*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой эссе по мотивам двух опубликованных недавно на русском языке научно-популярных книг, в названии каждой из которых (хотя в одной только в российском издании) упомянута плоская Земля, но для решения разных исследовательских задач. Первая книга — В. Джакомотто-Шарра и С. Нони «Земля плоская: Генеалогия ложной идеи» — посвящена реконструкции мифа об истории происхождения мифа о плоской Земле, которая по определению не могла бы обойтись без развернутых характеристик сути и факторов формирования движения плоскоземельщиков. Вторая книга — Д. Макрейни «И все-таки она плоская! Удивительная наука о том, как меняются убеждения, верования и мнения» — упоминает это движение лишь на самых последних страницах (в эпилоге), поскольку использует понятие плоской Земли как своего рода научную метафору, за которой скрывается множество разнообразных факторов распространения ненаучных и лженаучных идей в современном мире, который мы привыкли воспринимать как оплот достижений научного прогресса и рационального мировоззрения. В статье содержание двух книг кратко суммировано для подтверждения предлагаемой перспективы восприятия «плоскоземельности», и приведены иллюстрирующие и дополняющие эту перспективу «экспертные оценки».

Ключевые слова: плоская земля; миф; метафора; экспертность; социальные представления; групповая идентичность; когнитивные искажения; конспирология

Для цитирования: Троцук И.В. Плоская земля: от живучего мифа к научной метафоре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 512–524. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-512-524>

*© Троцук И.В., 2025

Статья поступила в редакцию 04.02.2025. Статья принята к публикации 15.04.2024.

Свободная мысль прозябает во мгле
едва различимой дрожащей полоской.
Вам нравится жить на пузатой Земле,
а мне, безусловно, комфортней на плоской.
Гусаков А. «Баллада о плоской Земле»

В последние годы в обыденном, медийном и научном дискурсе все чаще упоминается понятие плоской земли, которое, как по крайней мере казалось раньше, должно было бы восприниматься как мировоззренческий «атавизм» в нынешнем мире победившего научного прогресса и всеобщего школьного образования, причем далеко не единственный из давно утративших свою эвристическую ценность объяснительных конструктов. В контексте доминирующих сегодня ценностей (в веберовском их понимании как «духа эпохи») мы считаем себя цивилизованными, образованными, культурными людьми, отвергающими исторически отжившие (мифологические, религиозные, метафизические и даже научные) модели восприятия объективного мира. С этих позиций вполне оправданной стала бы рецензия на книгу В. Джакомotto-Шарра и С. Нони «Земля плоская: Генеалогия ложной идеи» [5] (скажем, с позиций социологии знания), однако даже самый поверхностный взгляд на вполне устойчивое дискурсивное пространство «вокруг» понятия плоской земли убеждает в необходимости расширить рамки академического «разговора» о нем, поскольку он уже не сводится к обсуждению сути, предпосылок, трансформаций и прочих приключений плоскоземельной ложной идеи (мифа).

Безусловно, такой тематический фрейм продолжает доминировать, особенно в медийном дискурсе. Его яркий представитель в России — певец Ю.Э. Лоза, что странно, учитывая, что человек закончил советскую школу и большую часть жизни прожил в стране, где подобные идеи не были распространены. Он публично отстаивает идею плоской Земли, за что, в частности, стал финалистом антипремии по лженауке «Почетный академик ВРАЛ–2023». Его аргументация (на основе богатого жизненного опыта, полученного образования и прочитанных книг) против научной теории о шарообразной форме Земли не оригинальна, а типична для плоскоземельщиков (или плоскоземлян) [см., напр.: 12; 24]: все расстояния мы меряем по прямой без поправок на кривизну (геодезисты, моряки, пилоты и пр.); транспортные компании не пользуются глобусами; на навигационных интернет-ресурсах нет перемещений в Южном полушарии; различия в среднегодовой температуре на Северном и Южном полюсах говорят о разной удаленности от Солнца и т.д. Поколебать веру плоскоземлян не удастся ни космонавтам с фотографиями из космоса [см., напр.: 16], ни ученым с научными доказательствами, потому что у плоскоземельщиков есть контраргументы вплоть до отрицания экспертного характера научного знания. Так, Лоза считает, что его несправедливо упрекают в ненаучных и даже лженаучных высказываниях, хотя он «тоже прошел курс

геофизики и геодезии, является таким же специалистом, только с другой точкой зрения» [23].

Плоскоземельщиков сложно упрекнуть в антинаучности в том смысле, что они приводят массу экспериментальных «доказательств» верности своей плоской модели Земли, т.е. пытаются побить «шароверов» их же научным оружием [см., напр.: 7]. Под одной просвещенческой публикацией о теории плоской Земли в интернете любой читатель может ответить на вопрос, какой он считает Землю — круглой или плоской, и, проголосовав, увидеть, что каждый третий добровольный респондент выбирает вариант «плоской» (29 %), т.е. плоскоземельная пропаганда весьма успешна. Но здесь лучше обратиться к книге Р. Генона о кризисе современного мира, где он отмечает, что «современная страсть к экспериментам порождает иллюзию, что теорию можно доказать с помощью фактов, тогда как на самом деле одни и те же факты можно легко объяснить с помощью самых различных теорий... факты могут быть интерпретированы только с помощью заранее составленных представлений, без которых они вынуждены оставаться... лишенными всякого смысла и всякой научной ценности» [2. С. 115].

Книга Джакомotto-Шарра и Нонни призвана развеять не миф о плоской Земле, а неверное расхожее представление, что «эта конспирологическая идея восходит к непросвещенному религиозному Средневековью» [5. С. 4]: со времен античности и до европейского Возрождения плоскоземельное заблуждение почти не было распространено на Западе, и приписывание этого символа научной отсталости средневековью объясняется стремлением утвердить научный триумф Нового времени как противопоставленный «пресловутой ограниченности старого мира, якобы нами преодоленной» [5. С. 7]. Автор отмечает «стойкость этого ничем не подкрепленного мифа» не только в массовой аудитории, но и среди «значительной части эрудированной публики», которая, казалось бы, должна была бы знать, что еще два великих античных мыслителя — Платон и Аристотель — представляли Землю в виде шара, а Аристотель, апеллируя к лунному затмению, утверждал, что «шарообразность Земли доказывается чувственным опытом» [С. 18]. Сегодняшним плоскоземельщикам этот опыт доказывает прямо противоположное, несмотря на все научно-технические достижения, тогда как Аристотель «не пользовался экспериментальными доказательствами в современном понимании, но ему все же удалось убедительно сформулировать представление о сферичности Земли, опираясь на здравый смысл и наблюдения» [5. С. 19].

В книге приводится внушительный список античных авторов, чьи идеи о шарообразности Земли широко обсуждались в последующие века, «составили научный корпус, служивший просвещенным читателям вплоть до эпохи Возрождения» [5. С. 24] и постоянно подтверждались мореплавателями и путешественниками. В средневековые античные знания были расширены и дополнены, в том числе арабскими натурфилософами, астрономами и ге-

оградами, и множество новых ученых споров касались «сущностных метафизических вопросов: вечен ли мир, что есть божественное провидение, уникальна ли мыслящая душа, но нет никаких свидетельств того, что хоть кто-то дискутировал о сферичности Земли» [5. С. 66]. В историческом периоде от раннего средневековья до конца Возрождения авторы выделяют «три главные вехи в аспекте мифа о плоской Земле: передача античной культуры раннему средневековью (сферичность Земли к спорным вопросам не относилась), распространение научных знаний в средневековых университетах и за их пределами (идея сферичности была широко известна и не оспаривалась)... и развитие этих вопросов в эпоху Возрождения (миф о средневековье, верившем в плоскую Землю, был привнесен, укоренен и распространялся в мифе вокруг фигуры Х. Колумба)» [С. 70]. Уже во втором этапе были сформулированы контраргументы для любого современного плоскоземельщика: «будь Земля ровной от Востока до Запада, в одночасье вставали бы звезды тем, кто на Западе, и тем, кто на Востоке»; «ладно что кажется глазу людскому, будто Земля ровная; происходит так, ибо много ее» [5. С. 86]; «не следует путать реальное пространство с рисованной картой» [5. С. 95]. Тогда же «представление о сферичности Земли не являлось специфичным или редким, не относилось к прерогативам ученых мужей» [5. С. 101]: «идея плоской Земли преподносилась как нечто не менее невероятное, чем Земля в форме пирамиды, колонны или корабля» [5. С. 102], «а идея сферичности Земли не вызывала сомнений, даже когда законы аристотелевской физики легко уступили место “тайному могуществу Господа”» [5. С. 108].

Возникновение мифа о плоской Земле как порождения средневековья авторы связывают с «более или менее произвольной путаницей, связанной с реальным церковным противостоянием гелиоцентризму и его космологическим следствиям» [5. С. 122]. В частности, упоминается вольтеровское изложение взглядов Лактанция и Августина, «с неточностью передающее, как они описывали форму ойкумены и форму Земли... Вольтер всерьез (и надолго) утверждает мысль о том, что отцы церкви навязали всему христианскому миру, не исключая астрономов, теорию плоской Земли», и что только через несколько веков смелые мореплаватели Колумб, Веспуччи и Магеллан «бросили вызов проклятиям священников и грозному океану», и «Земля вновь стала круглой» [5. С. 124–125]. «Постепенно Колумб становится олицетворением триумфа Нового времени, архетипической фигурой смелого первооткрывателя, позволившего изгнать из западного мышления замшелые теории, характеризующие средневековье, особенно Испанию с ее засильем инквизиции, символом которой становится вера в плоскую Землю» [5. С. 140]. В книге упоминается и модель истории человеческого духа, предложенная О. Контом: с одной стороны, он отмежевывается от философов Просвещения, «описывавших средневековье как время обскурантизма и суеверий», а, с другой, характеризовал эпоху до Галилея как «преднаучную». Эта версия позитивизма была

«усечена» в антиклерикальных целях, что и «закрепило в дискурсе столетия стереотип церкви, цепляющейся за учение о плоской Земле» [5. С. 162].

Перечисляя причины «успеха легенды о плоской Земле и — шире — о церкви и/или средневековье, темных и закрытых для любого научного знания», за редким исторически обусловленным исключением (борьба с клерикализмом, столкновения внутри христианства, буржуазные революции и пр.), авторы называют те же факторы, что не утратили значения и сегодня: «триумф позитивизма» (мы живем в мире «больших данных» и приоритета «чистой науки»), «историография, культивирующая любовь к великим личностям, эпичные повествования и впечатляющие образы вместо заботы о подлинности источников» (им на смену пришли блоггинг, сторителлинг и фейки), «невнимательное прочтение», «нечеткость знаний», а также «удобство мифа, оправдывающего линейный взгляд на прогресс и упрощенное изложение истории, а еще, безусловно, придающий нашему времени сладкое чувство превосходства (при том что мало кто из наших современников способен понять хотя бы страницу средневековой философии)» [5. С. 175].

Что касается причин поразительной жизнестойкости плоскоземельной идеи, то авторы упоминают, прежде всего, когнитивные искажения [см., напр.: 6; 20], особенно «предвзятость подтверждения — когда предпочтение подсознательно отдается любым идеям, лежащим в общем русле с нашей точкой зрения» [5. С. 195; см. также: 1. С. 47]. Другая причина — «своеобразная и доведенная до крайности интеллектуальная лень (достаточно набрать в сети “плоская Земля”, и будет видно, что вполне серьезные сайты дают всю информацию, необходимую для опровержения) [к сожалению, в интернете не меньше сайтов, обеспечивающих ее подтверждение] или же абсолютное лицемерие (идеологическая борьба за влияние и манипулирование массами)» [5. С. 202]. Третья причина приводится в формулировке У. Эко: «ложные истории — это прежде всего легенды, а легенды, как и мифы, весьма убедительны». Однако авторы полагают, что корректнее говорить о целой группе факторов: «начиная с анахроничного пристрастия ко всему, что сродни теории заговора (некая господствующая сила стремится непременно навязать нам картину мира, далекую от реальности), и заканчивая своеобразным умственным утешением... когда ты уверен, что раньше мы были откровенно глупее, жили в менее свободном мире и человечество все еще оставалось “темным” (коллективная амнезия, оскудение умов, культурный упадок или влияние христианского фанатизма) — все эти обнадеживающие мысли придают ценность миру, в котором мы сегодня живем, и повышают самооценку, ведь мы говорим, что принадлежим обществу, нынешний коллективный разум которого превосходит “прежний”» [5. С. 203].

Несомненно, книга интересна как с исторической точки зрения, так и для читателя-социолога, поскольку показывает механизмы конструирования устойчивых социальных представлений и воспроизводства мифологем

массового сознания (авторы называют миф о средневековой вере в плоскую Землю «модным фейком»). Взяв в руки книгу Д. Макрейни «И все-таки она плоская! Удивительная наука о том, как меняются убеждения, верования и мнения», читатель вправе ожидать более публицистичного, но не менее развернутого описания истории мифа о плоской Земле, но узнает «о когнитивных искажениях и логических ошибках», особенно в «вопросах, касающихся политики, различных предрассудков или теорий заговора, а уж тем более — если предмет спора сочетает в себе три этих темы — нет смысла пытаться изменить точку зрения людей» [9. С. 6]. В данном случае понятие «плоская Земля» оказывается эвристичной метафорой, которая задает понятный контекст разговора о статусе научного знания в современном обществе постправды, «альтернативных фактов», «пузырей фильтров», «фейковых новостей», «тоннелей реальности», «консенсусных трансов» и т.п., где «факты утратили способность обеспечивать консенсус» [9. С. 36]. С одной стороны, многие «настолько укоренились в своих убеждениях, что попытки их переубедить почти бессмысленны» (в эту группу явно входят плоскоземельщики); с другой стороны, разрабатываются все новые методы коммуникативного воздействия, благодаря которым можно «убедить кого угодно в чем угодно, особенно если речь идет об остро дискуссионных вопросах» (примеры отказа плоскоземлян от своей «дурной веры» крайне редки, но имеются) [9. С. 41].

Оставляя за скобками презентуемый в книге «метод глубокой агитации», обратимся к его концептуальным основаниям, поясняющим, почему мы часто не доверяем очевидным фактам и цепляемся за совершенно фантастические сюжеты. Во-первых, «субъективная и объективная реальности — не одно и то же», мы живем в сконструированной нашим разумом «модели, образе внешнего мира, а не его точной копии» [9. С. 84] (кто-то пребывает на сферической Земле, кто-то — на плоской, и каждый находит тому множество «объективных подтверждений»). Во-вторых, любая новая/необычная/неоднозначная информация воспринимается как «помехи, если не соответствует какой-либо (искусственной) модели в нашей многоуровневой системе ожиданий» [9. С. 88] (поэтому одни и те же новые данные шароверы и плоскоземельцы интерпретируют исключительно в свою пользу). В-третьих, общность наших представлений в основном определяется нашим окружением: «люди, воспитанные одной и той же средой и живущие среди подобных, как правило, мыслят похоже, и, следовательно, у них сходные виртуальные реальности» [9. С. 90].

Сегодня окружающая действительность столь множественна и мозаична [см. описание «кризиса общего» в: 14], что люди начинают целенаправленно конструировать свое окружение. Например, в Телеграме сообщество плоскоземельщиков насчитывает около трех тысяч человек, объединенных стремлением «собрать в одном месте фото и видео доказательства плоской Земли», «сомневающих в официальной науке и ищущих альтернативные

объяснения мироустройства» [13]. Например, в качестве «доказательства» приводится «факт», что «теория плоской Земли преподавалась во всех государственных школах Америки до 1915 года — когда иллюминаты и масоны “начали” заменять карты плоской Земли на глобусы, но всемирная смена дезинформации не была завершена до конца 1940-х — начала 1950-х годов; они пытались скрыть и переписать историю и науку для масс». Помимо локальных сообществ (например, в Канаде «планотеррестриалисты» противостоят «глобуляристам») существует и всемирное Общество плоской Земли, основанное в своем современном виде в 1956 году. Его основная идея — существование всемирного заговора с целью скрыть от людей правду, причем в качестве «заговорщиков» могут фигурировать атеисты, подавляющие христианскую веру своей «псевдонаукой», теневая группа «элит», контролирующая знания, чтобы оставаться у власти, а также отрицатели книжных знаний и математических доказательств, опирающиеся исключительно на личный опыт и наблюдения «шароверы». Общество считается «одной из разновидностей дениализма — иррационального отрицания общепринятых фактов и научных данных (гравитации, Южного полюса, полярного дня и полярной ночи, фотографий Земли из космоса и самого космоса, и т.д.)» [10]. Причем теория плоской Земли — «одна из самых захватывающих теорий заговора», потому что подразумевает «колоссальные его масштабы: каждое правительство, зная правду, должно скрывать ее; каждый пилот, лично видевший планету с высоты, также должен молчать об увиденном и т.д.» [1. С. 101–102].

В-четвертых, «наш наивный реализм создает впечатление, что можно изменить мнение людей, показав им факты, подтверждающие нашу точку зрения... Мы предполагаем, что, если кто-то не согласен с нашими выводами, значит, он просто еще не знает всех фактов, а иначе уже смотрел бы на мир так же, как и мы. Вот почему мы продолжаем безо всякого результата отправлять своим оппонентам ссылки на самые надежные источники, когда пытаемся доказать свою правоту тем, кто, как нам кажется, заблуждается, выжил из ума, не осведомлен и просто неправ. Проблема заключается в том, что другой человек делает все то же самое, думая, что это должно подействовать на нас» [9. С. 111] (отсюда бесконечные споры по поводу формы Земли на основе все новых данных).

В-пятых, изменения представлений все же возможны благодаря ассимиляции (усвоение нового, активное обучение) и аккомодации (приспособление к новому при поддержании прежней картины мира), согласно модели Ж. Пиаже, а применительно к науке — модели «смены парадигм» Т. Куна: «люди меняют свое мнение почти таким же образом, как новые теории в науке вытесняют старые» [9. С. 155]. Речь идет о вынужденном обновлении нашей мировоззренческой модели, когда «меняются не факты, а наша интерпретация этих фактов... нам приходится искать различные объяснения тому, что мы раньше считали неизменным и понятным» [9. С. 139]. Встраивая что-то

новое в иерархичную систему своих представлений, мы склонны заполнять неизбежно возникающие пробелы предположениями, которые кажутся нам достаточно приемлемыми, и со временем схожие предположения приводят «к согласию — общему ощущению того, что является правдой, а что нет; эта тенденция на протяжении столетий приводила к множеству странных коллективных убеждений, общему согласию в истинности таких вещей, которые сегодня кажутся нелепыми» [9. С. 131] (сегодня можно сконструировать общее «поле согласия», солидаризировавшись не только с плоскоземельщиками, но экстрасенсами, ведьмами, тарологами и пр.).

Причина в том, что мы — «ультрасоциальные животные»: «мы воспринимаем как страшную угрозу, когда появляются новые идеи, противоречащие тем ценностям, которые уже стали частью нас самих; о тех вещах, которые объединяют нас с другими членами группы, мы рассуждаем не как отдельные личности, а как члены племени» [9. С. 206]. Более того, как члены определенных групп мы склонны выбирать и конкретные референтные группы: «мир слишком велик, слишком сложен и постоянно меняется, поэтому значительная часть наших убеждений и установок основана на общепринятом мнении людей и структур, которым мы доверяем» [9. С. 212]. Поэтому самые неразрешимые споры, тупиковые пути в политике и кровавые войны порождаются столкновением «бесспорных для разных групп коллективных истин, определяющих их групповую идентичность» [9. С. 213] (наиболее показательно конспирологическое мышление — когда человек входит в группу сторонников теории заговора и свято верит, что «борется за все хорошее против всего плохого»). Макрейни упоминает «конспирологическую петлю», которая объясняет стойкость убеждений конспирологического крыла плоскоземельщиков: «если конспирологи обнаруживают какие-либо факты, опровергающие их теорию, они могут сделать вывод, что это заговорщики таким образом специально сбивают их со следа... если, наоборот, каких-то фактов недостает, конспирологи считают, что кто-то замел следы... Люди попадают в ловушку: если факты опровергают их теорию, то для них это свидетельствует о том, что теория верна; если фактов нет, значит заговорщики сильнее, чем они себе представляли» [9. С. 216].

В-шестых, поскольку в своих рассуждениях мы всегда предвзяты в свою пользу, большая часть нужного и прекрасного в социальной истории была создана благодаря групповым/коллективным дискуссиям и усилиям (при наличии общей цели и атмосферы доверия). Возникает закономерный вопрос: почему тогда в социальных сетях сплошные конфликты — «тонны хейта», «культура отмены» и прочие «прелести» цифрового взаимодействия. Ответ предельно прост: с одной стороны, люди чаще хотят показать себя хорошими спорщиками, чем прийти к правильным рассуждениям (общему результату); с другой стороны, мы склонны подчиняться «закону групповой поляризации», согласно которому «группы, формирующиеся на основе общих

взглядов, со временем становятся более категоричными и поляризованными» [9. С. 248] (плоскоземельщики комфортно чувствуют себя внутри сконструированной собственными усилиями «риторической эхо-камеры»). Впрочем, Макрейни видит не только негативную сторону социальных сетей, облегчающих формирование групп вокруг предвзятых и необдуманных (поверхностных) рассуждений: «Интернет также позволяет выяснить, что думают... те, кто не входит в наши группы... даже будучи просто зрителем, мы можем понять, когда выявляются слабые стороны нашей аргументации» [9. С. 250]. К сожалению, этот механизм срабатывает далеко не всегда или, напротив, ухудшает ситуацию — люди пополняют ряды «маргинальных субкультур», обретая веру в теории заговоров, тайное или инопланетное всемирное правительство, ромбовидную или плоскую форму Земли и т.п.).

Впервые плоскоземельщики как самостоятельный объект интереса появляются в книге Макрейни на ее последних страницах — в эпилоге, где характеризуются как представители особого конспирологического направления: «как правило, разумные, интеллигентные, любознательные люди... не сумасшедшие и не глупые» [9. С. 345] сформировали сообщество верящих в плоскую Землю под влиянием тех же социально-психологических механизмов, что порождают другие сообщества (не только конспирологические). «Идея плоской Земли стала очень убедительной для ее сторонников, потому что в ней они нашли объяснение другим теориям заговора (глубинное государство скрывает инопланетян, инсценировало высадку на Луну и т.д.)», но и «среди плоскоземельцев есть расколы, лагеря, подобные разным течениям внутри религиозной конфессии (споры по поводу конкретной модели плоскости и ее создателей)» [9. С. 346]. Причем «если социальные группы укрепляют заблуждения, то верно и обратное: заблуждения сплачивают социальные группы... противоположные социальные силы остракизма и принадлежности одновременно выталкивают людей из привычного окружения и затягивают в воронку заблуждений... состояние заблуждения прогрессирует, затягивая людей все глубже, и в конце концов становится экстремальным» [1. С. 246; 253].

Сплоченное сообщество плоскоземлян крайне малочисленно, и с социологической точки зрения более интересна доля людей, которые в принципе верят в то, что Земля плоская: в тех странах, где в массовых опросах задается соответствующий вопрос, эта доля составляет от 2 % (Россия) до 11 % (США). Так, в 2020 году 94 % россиян были абсолютно уверены, что Земля круглая и тому есть неопровержимые доказательства (в 2018 году — 93 %) [17], в 2023 году — порядка 2 % (около 3 млн человек) [3]. Опрос 2018 года в США показал, что доля верящих в плоскую Землю выше среди миллениалов (83 % твердо уверены, что Земля круглая [25]), что исследователи объясняют в том числе работой поисковых и рекомендательных алгоритмов в интернете [22], т.е. к тем социально-психологическим и когнитивным механизмам, что всег-

да порождали подобные коллективные представления, добавились цифровые технологии [см., напр.: 27]. Интернет значительно облегчил приверженцам конспирологических теорий поиск единомышленников, а социальные сети оказали «уравнивающий эффект» — «ученые были свергнуты со своего пьедестала», «знание отделено от традиционных структур власти», и экспертные оценки стали менее значимыми, чем в прежние эпохи. Кроме того, сегодня «даже ученые больше не понимают мир... Взять хотя бы квантовую механику... Она стоит за интернетом и превосходством наших мобильных телефонов, обещает наделить нас властью над вычислениями, сравнимую с божественной... Но при этом парадоксы и противоречия квантовой механики не укладываются ни в одной голове» (даже самой ученой) [8. С. vi].

Под сомнение ставится не столько эвристический потенциал науки, сколько ее претензия на универсальное истинное знание в нынешней ситуации, для которой характерны [4. С. 125]: разногласия относительно структуры (компонентов) научного метода; его вариативность в зависимости от дисциплины; «разные способности, стили и предпочтения ученых, как у музыкантов, импровизирующих при исполнении джазовой композиции» и т.д. Научный метод даже приравнивается к «системе верований»: «чтобы увидеть истины и реальности, непостижимые другим способом, необходимо поверить в научный метод и неуклонно следовать ему, а если вы не верите в научный метод, то не увидите этих истин и реальностей» [4. С. 126]. Кроме того, «ученые, как и все остальные, имеют предвзятые мнения, сознательные и подсознательные предубеждения, которые неумолимо влияют на публикуемые ими выводы», чему есть масса примеров, известных далеко за пределами науки [4. С. 137].

Другое распространенное объяснение нынешних масштабов веры в плоскую Землю — «глубокая научная безграмотность» [см., напр.: 26]: плоскоземельцы отрицают не научные открытия, а любое знание, произведенное научными институциями, потому что считают их идеологическим инструментом власти предрежащих (отсюда «популистское отрицание экспертности как таковой»). Сконструированное таким образом противостояние «мы–они» порождает сильную эмоциональную реакцию, и потому даже идеально правильное по форме и содержательно доказательное рассуждение воспринимается как неубедительное [19. С. 26]. Возникает «эффект слепоты» (или «избирательного видения»), который исчерпывающе охарактеризовал А. Шопенгауэр: «Однажды принятая гипотеза придает нам рысью зоркость по отношению ко всему, что ее подтверждает, и делает нас слепыми по отношению ко всему, что ей противоречит» [цит. по: 15. С. 109].

В научном дискурсе сегодня используется понятие (индивидуальной и коллективной) «добровольной слепоты» (пришло из английской юридической практики XIX века как определение сознательного/целенаправленного неведения): мы фильтруем информацию и воспринимаем только ту ее часть,

что позволяет нам чувствовать себя хорошо, «отсеиваем все, что не соответствует нашему хрупкому эго и взглядам на жизнь», и предпочитаем пребывать в «эхо-камерах единомышленников, которые усиливают наши собственные предубеждения». С одной стороны, добровольная слепота позволяет нам «сохранять оптимизм и жизненные силы, игнорируя то, что мы смертны» (и во множестве других, менее экзистенциально тревожных ситуациях); с другой стороны, «вовлекает нас в пагубную зависимость от нее... мешает нам видеть мир... и то, чем он опасен» [21. С. 10–12]. Получается, что мы живем в безумно разнообразном мире, где у нас больше выбора, чем когда-либо прежде, но мы объединяемся в сообщества единомышленников, «сокращая наше взаимодействие с людьми, обладающими другими ценностями и опытом... и узость наших взглядов оказывается под надежной защитой» [21. С. 35]. Причем добровольная слепота — это не единожды намеренно сделанный выбор, а «чередa решений, которые медленно, но верно ограничивают обзор... по мере того, как мы видим все меньше и меньше, мы чувствуем больший комфорт и большую уверенность, нам кажется, что мы видим больше, даже когда пейзаж почти схлопнулся» [21. С. 46–47].

И, наконец, порицаемые плоскоземельщиками за «службу режиму» исследователи склонны видеть в них очередное лженаучное движение («постмодернистский ход человеческой безграмотности и абсурда») и объясняют его популярность «вопиющим невежеством современных людей, не владеющих научной методологией — для них такие мифы становятся путеводными... они скорее поверят каким-нибудь фейкам, запущенным в интернете, чем здравому смыслу и ученым, которые все это доказывают, объясняют и показывают на конкретных примерах» [11]. Значительно реже в качестве факторов распространения плоскоземельного мировоззрения упоминаются проявления магического сознания и кризис неопределенности (вследствие схлопывания горизонта планирования в переломные эпохи). Пессимистично-критически настроенные исследователи подчеркивают и вину ученых: «наука становится жертвой и орудием господствующих социальных сил» (не столько в конспирологическом смысле, сколько а в плане легитимации и поддержания определенной «повестки»); в условиях кризиса экспертности ученые скрываются в «башнях из слоновой кости», но самоизоляция (гиперпрофессионализация) академического дискурса приводит к «саморазрушению, варваризации разумного общественного дискурса» в ситуации, «когда все институты перестают вызывать доверие, — открывается путь для иррациональной харизмы... пренебрежительного отношения к истине в публичной риторике» [18. С. 252, 254].

Информация о финансировании

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Библиографический список

1. Ариели Д. Время заблуждений: почему умные люди поддаются фальсификациям, распространяют слухи и верят в теории заговора. М., 2024.
2. Генон Р. Кризис современного мира. М., 2024.
3. Гень М. Социологи выяснили, сколько россиян верят в плоскую землю. 12.04.2023 // URL: <https://www.kp.ru/online/news/5223234>.
4. Гиллен М. Поверь и увидишь: Путь ученого от атеизма к вере. М., 2025.
5. Джакомо-Шарпа В., Нони С. Земля плоская: Генеалогия ложной идеи. М., 2023.
6. Ивин А.А. Искусство мыслить правильно. М., 2025.
7. Космический заговор: является ли Земля плоской. 21.02.2024 // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/606ebfe09a794705c9d697be>.
8. Лабатут Б. Когда мы перестали понимать мир. М., 2022.
9. Макрейни Д. И все-таки она плоская! Удивительная наука о том, как меняются убеждения, верования и мнения. М., 2024.
10. Общество плоской земли // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B8.
11. Опрошенные порталом «История.РФ» эксперты — о том, кто и почему в XXI веке всерьез заявляет, что Земля плоская // URL: <https://histrf.ru/teacher/vseobshchaya-istoriya-3/nauka-i-kultura-vo-vtoroy-pолоvine-xx-nachale-xxi-v-5/article/kto-i-pochiemu-snova-schitaet-ziemliu-ploskoi?content=article>.
12. Певец Юрий Лоза утверждает, что Земля плоская. Давайте разберем его аргументы. 05.12.2021 // URL: https://dzen.ru/a/Yaab_p6Askd51q5H?ysclid=mbwfd8dizz121238588.
13. Плоскоземельщики|Земля Плоская // URL: <https://t.me/ploskozemelshchiki>.
14. Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. М., 2022.
15. Ричи С. Наукообразная чушь. Разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М., 2024.
16. Российский космонавт поспорил со сторонниками теории плоской Земли. 16.09.2020 // URL: <https://ria.ru/20200916/kosmos-1577340879.html?in=t>.
17. Теории заговора — и что люди о них думают? 29.07.2020 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teorii-zagovora-i-chto-lyudi-o-nikh-dumayut>.
18. Торп Ч. Социология в постнормальную эпоху. М., 2024.
19. Уемов А.И. Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить? М., 2022.
20. Филатов А. Ловушки и иллюзии мозга. М., 2023.
21. Хеффернан М. Добровольная слепота: почему мы игнорируем очевидное. М., 2024.
22. Число «плоскоземельщиков» растет из-за YouTube. 19.02.2019 // URL: <https://naked-science.ru/article/sci/chislo-ploskozemelshchiko>.
23. Юрий Лоза в очередной раз доказал, что Земля плоская. Приводим его весомые аргументы. Певец не верит снимкам, которые были сделаны в космосе. 02.04.2024 // URL: <https://www.el.ru/text/culture/2024/04/02/73412414>.
24. Юрий Лоза предъявил доказательства того, что Земля плоская. 18.09.2020 // URL: <https://ria.ru/20200918/zemlya-1577433974.html>.
25. Foster C.A., Branch G. Do people really think Earth might be flat? A poll says lots of Millennials evidently do — and it's not entirely clear why. 21.08.2018 // URL: <https://www.scientificamerican.com/blog/observations/do-people-really-think-earth-might-be-flat>.
26. Novella S. What the flat-Earth movement tells us. 03.05.2018 // URL: <https://theness.com/neurologicablog/what-the-flat-earth-movement-tells-us>.
27. Sarner M. Flat Earthers and their role in the rise of conspiracy theories. Conspiracy theories seem to be more popular than ever — how did this happen in an increasingly scientific world? 30.08.2019 // URL: <https://www.sciencefocus.com/the-human-body/the-rise-of-the-flat-earthers>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-512-524

EDN: XPSOZU

Flat Earth: From a persistent myth to a scientific metaphor *

I.V. Trotsuk

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

National Research University Higher School of Economics,

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article is an essay based on two recently published in Russian popular science books, both mentioning the flat Earth in their titles (although one only in its Russian edition) but for solving different research problems. The first book by V. Giacomotto-Charra and S. Nony *The Flat Earth: Genealogy of a False Idea* reconstructs the myth about the origin of the flat Earth myth and could not do without detailed characteristics of the essence and factors of the formation of the flat-earthers movement. The second book by D. McRaney *How Minds Change: The Surprising Science of Belief, Opinion, and Persuasion* mentions this movement only on the very last pages (in the epilogue) due to the use of the concept of the flat Earth as a kind of scientific metaphor implying a multitude of different factors of the spread of unscientific and pseudoscientific ideas in the contemporary world which we prefer to perceive as a stronghold of scientific progress and a rational worldview. The article briefly summarizes the content of two books to confirm the proposed perspective of the perception of “flat-earthism” and provides “expert assessments” illustrating and complementing this perspective.

Key words: flat Earth; myth; metaphor; expertise; social representations; group identity; cognitive distortions; conspiracy theories

For citation: Trotsuk I.V. Flat Earth: From a persistent myth to a scientific metaphor . *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 512–524. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-512-524>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531

EDN: XIWNCJ

В поисках определения «типа» современной социологии*

З.Т. Голенкова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Ч. Торпа «Социология в постнормальную эпоху» (пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М.: Директмедиа Паблишинг, 2024. 480 с.). Отмечая убедительность предлагаемых Торпом «номинаций» современного общества и трансформаций социологического знания благодаря реферативно-обобщающим отсылкам к многочисленным работам известных социальных мыслителей прошлого и настоящего, автор все же выражает имплицитное несогласие с оценкой социологии в терминах «классовости», «буржуазности» и «идеологии». Со многими идеями Торпа относительно нынешней повседневности и внутридисциплинарных изменений сложно не согласиться, в отличие от его оценок роли и потенциала социологии в познании, просвещении и реформировании социальных систем.

Ключевые слова: социология; нормальность, гипернормальность и постнормальность; модерн и постмодерн; наука и идеология; глобализация и фрагментация

Для цитирования: *Голенкова З.Т. В поисках определения «типа» современной социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 525–531. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531>*

Книга Ч. Торпа о положении социологии в постнормальную эпоху начинается с утверждения, что «в 2016–2017 годах по всему миру прокатилась волна публикаций, возвещавшая о наступившем кризисе социологии» (после опросов общественного мнения, предшествовавших выборам в США и референдума о членстве Великобритании в ЕС, данные которых радикально отличались от результатов голосований) (С. 7). Эта волна была далеко не первой и не последней, поскольку связана не с теоретической социологией, а с изучением субъективных мнений и представлений, которые подвижны и весьма условно коррелируют с реальными действиями. Социологи давно признали подверженность своих методических решений

*© Голенкова З.Т., 2025

Статья поступила в редакцию 16.11.2024. Статья принята к публикации 15.04.2025.

разнообразным смещениям, часть которых можно предвидеть и устранить, а часть сложно даже прогнозировать. Впрочем, это не значит, что «научное исследование общества становится невозможным и бессмысленным... признание подобного вывода означало бы неминуемое “закрытие” социологической профессии и отмену общественных наук» (С. 8). Книга Торпа посвящена ответу на вопрос, почему стало возможным «подобное интеллектуально невыносимое положение».

Свои рассуждения Торп начинает с характеристики «статуса» социологии в современном мире. «Социология — это институциональное пространство, выделенное в рамках университетской жизни для научного изучения... социального как такового, т.е. природы и конституции самого общества... Маргинальность и невнятность социологического голоса сегодня — свидетельство слепоты современного общества, его неспособности понять себя, увидеть в себе социум, неумения людей воспринять себя как человеческую общность... когда необходимые нормы солидарности блокируются господствующими социальными интересами и отношениями власти, а эти отношения власти также блокируют самосознание общества и саморефлексию социологии» (С. 17). Иными словами, «социология и ее трансформации воспроизводят изменения в отношениях между капиталом и социальной солидарностью... между капитализмом и человеческой социальностью как таковой; организация нормальности в модерне уступила место дезорганизации посмодернистской постнормальности» (С. 18).

Любая система знаний отражает объективные исторические условия своего формирования, поэтому соглашаешься с автором в том, что сегодня «в обществе больше нет условий для возникновения социологической дисциплины, которая давала бы целостное представление о социальном мире и одновременно отвечала бы интересам капиталистического правящего класса» (С. 19): мир утратил прежнюю целостность, и говорить о некоем едином капиталистическом правящем классе, поддерживающем единую модель университета и научного знания, вряд ли возможно. Однако автор дает слишком сильные оценки даже классическим социологическим концепциям, например, соглашаясь с высказыванием А. Гоулднера о наследии Парсонса как «ложной идеологии нового класса, воплощенной в лстивой концепции профессионализма» (С. 20), определяя позитивизм как «отражение буржуазной действительности», поскольку «он не признает никакой другой реальности, кроме той, что проявляется эмпирически», — «социология материализует и нормализует то, что существует» (С. 21), оценивая социологический «критический дискурс» (внутри дисциплины и в контексте социального реформирования и строительства государства всеобщего благосостояния) и «организованный скептицизм с более радикальным потенциалом» как иную форму «профессионального высокомерия и ненаблюдательности среднего класса» — «социология ограничена буржуазным

взглядом на буржуазную действительность, хотя в ней и заложен потенциал разоблачения ошибочности этого подхода» (С. 22).

Нынешнюю эпоху автор называет постнормальной, считая ее «нестабильным междоцарствием, существующим в условиях, когда становление глобального человечества блокируется... капитализмом... в условиях глобализации противоречие между частным присвоением и общественным производством разгорается с новой силой, постоянно вызывая социальные потрясения» (С. 26) (пандемии, военные конфликты, гонки вооружений, идеологические противостояния и пр.). В результате размывается предмет социологии, обеспечивший ей легитимацию и институционализацию в эпоху становления, — социальный порядок, за который отвечали национальные государства, выполняя «садовническую роль» (универсализации власти как порядка). Приоритетную функцию социологии автор видит в том, чтобы побуждать и направлять государство-садовника, «утверждать легитимность действительности и тем самым участвовать в ее депроблематизации, упорядочивании и стабилизации; стабильный порядок, научным исследованием которого занимается социология, — это нормальность (нормальный человек и нормальность как условие общественной жизни)» (С. 36), но как раз о ней применительно к современному миру говорить сложно.

В первой главе автор описывает конец «нормального времени», перечисляя его основные, постнормальные, характеристики — антиномии прежнего нормального состояния (С. 53). Прежде всего, это отсутствие онтологической безопасности: индивид не защищен от угроз и хаоса, не имеет стабильных представлений о природе, технологиях и социальной системе, не уверен, что завтра будет такой же день, как сегодня, сомневается в надежности людей и вещей. В прежние эпохи такие черты социальной жизни были исключением из правил (экстраординарным отходом от нормальности) на относительно непродолжительные периоды войн, катастроф, эпидемий и т.д., а сегодня стали «рутиной повседневной жизни». Конечно, «нормальность всегда имела горький привкус: хаос, от устранения которого она зависела, никогда не удавалось ликвидировать полностью» (С. 64), но всегда сохранялась надежда на возврат в нормальное состояние (определенности и прогнозируемости).

С начала 1990-х годов в научных работах появляется противоположный термин — «постнормальное состояние» — в связи с экологическими вызовами, порождаемыми современными технологиями в условиях «общества риска» (С.99–101), ответы на которые должна была дать наука. Речь шла не столько об отсутствии соответствующих концепций и методик, сколько о необходимости отвечать на ценностные вопросы, не сводимые к научной дискуссии, а требующие публичного обсуждения в связи с моральными и политическими дилеммами. Наука и техника утратили «ценностный нейтралитет», став «постакадемическими», — они оцениваются, исходя из полезности,

которая лежит в основе их продолжающейся приватизации, маркетизации и политизации.

Другая важнейшая черта постнормальной эпохи — не только ее хаотичный и противоречивый характер как таковой, но и научное рассмотрение ее очевидной неопределенности и сложности как неких сил/акторов, «что затушевывает социальную динамику, порождающую противоречия и хаос, и реальные социальные силы», делает ученых «слепыми» — не позволяет увидеть, что большинство современных проблем «представляют собой сложную комбинацию природного и социального» (С. 107), «препятствует диалогу и интеллектуальному сотрудничеству между специалистами в области наук о Земле и социальных наук» (С. 108), а, значит, и нахождению социологией «своего места между этими двумя культурами и, следовательно, внутри себя, между субъективными способами интерпретации и объективным объяснением» (С. 109). Автор наблюдает, с одной стороны, гипернормализацию социологии в рамках мейнстримной традиции — несмотря на теоретические проблемы, социология «становится все более самореферентной, изолированной, оторванной от широкой интеллектуальной культуры, активно враждебной гуманитарным наукам и безоговорочно поддерживающей технократический либерализм», «стремится имитировать методы естественных наук, сводя к измеримым единицам комплексность содержательных культурных миров, создаваемых людьми» (С. 115). С другой стороны, развивается постнормальная/постпозитивистская социология — как «результат интеллектуального кризиса позитивизма и связанного с ним кризиса кейнсианско-велферистской технократии» (С. 115), что проявляется в распаде предметного поля социологии на множество культурных, этнических, гендерных и прочих исследований самореферентного толка.

Во второй главе автор сосредотачивается на итоге противостояния этих двух путей преодоления кризиса социологии — переходе «от патологии нормы к норме патологии» (С. 153–154). Если модерн (национальные государства, затем государства всеобщего благосостояния, капиталистические экономики и т.д.) рутинизировал жизненный опыт посредством устранения причин экзистенциальной тревоги и сделал наше социальное существование предсказуемым (и банальным), то с началом глобализации и постмодерна ситуация радикально изменилась, «нормализовав» патологическое состояние общества: отсутствие центров силы и солидарности, освобождение финансового капитала от географической привязки, отказ государства «как исполнительного комитета правящего класса» от социальных обязательств и т.д. (С. 198).

В третьей главе автор поясняет, что «судьба социологии — это судьба исследовательского университета», и долгое время «социология давала светское обоснование того, почему государство должно финансировать исследовательские университеты и почему, несмотря на это, государство не имеет права посягать на автономию науки» (С. 213): потому что наука — обще-

ственное благо, и необходима концептуализация общества (национальное государство — его садовник, дизайнер и социальный плановик), для которого это благо предназначено (прежде всего в виде социальных реформ). Иными словами, «реформизм и медиация тесно связаны с образом научной объективности (в том числе как этической категории), поскольку предполагают возможность реформы как проекта, нейтрального по отношению к интересам капитала и труда (в силу нацеленности на общее благо). Образ объективности дает реформаторам политическое пространство для маневра, а также легитимизирует их вмешательство. Однако сама по себе нейтральность науки потенциально угрожает той содержательной рациональности, которую наука обещает реформаторам» (С. 215). Как ни странно это звучит, но автор упрекает М. Вебера в разрушении этой версии технократического социального реформизма посредством введения модели взаимодействия ученого с социальными целями «по принципу “исполнитель–заказчик”»: «Вебер предложил модель ученого как человека морального в своей аморальности (претендует на добродетель как носитель рациональности): страстно преданного истине, но ответственного только за факты, а не нравственные ценности... что в значительной степени соответствует рациональности рынка, включая его потенциальную иррациональность в отношении результатов» (С. 216–217).

Впрочем, исходную предпосылку нынешнего постнормального состояния общества и социологии автор видит не в «критике Г. Маркузе иллюзорного характера веберовского упования на ценностно-нейтральную науку» или в «нападках К. Маркса на частичный характер политической эмансипации», а в том, что «современное освобождение знания, прославляемое либеральными мыслителями как освобождение интеллектуальной жизни от политических ограничений и искажений, налагаемых религией, предвзятой моралью и т.д., устанавливает такую форму интеллектуальной деятельности, которая по своей природе неспособна подвергать сомнению цели, которым она служит... наука становится жертвой и орудием господствующих социальных сил» (в том числе финансирующих ее агентств) (С. 251–252). Кроме того, «саморазрушение разумного общественного дискурса» автор объясняет самоизоляцией академического дискурса, который «поощряет иррационализм, царящий в общественном дискурсе» (С. 255).

Инструкций для выхода из сложившейся ситуации автор не предлагает, завершая книгу главой о «социологическом моменте», где вновь перечисляет свои основные аргументы: «генерализованная нормальность была садом, разбитым в границах национального государства» в эпоху модерна, и даже девиантность воспринималась как «квинтэссенция социологической экспертизы, поддерживающей садовнические функции национального государства» (С. 291); социология была «проектом социального производства нормальности, проектом рутинизации социальной активности в современном капиталистическом мире, оторванном от традиций», но пыталась скрыть «произве-

денную (и потому неустойчиво контингентную) структуру повседневности («незаметный» фон и фундамент социологической теории) своей эпистемологией и методами» (С. 292); главная задача «нормальной социологии» — «превращать повседневное из неявного и незаметного в явное и очевидное» (С. 293). Нормальная социология с этой задачей не справилась, потому что объективировала людей, не видя в них акторов и интерпретаторов действий, т.е. овеществляла людей не в меньшей степени, чем социальные нормы, институты и структуры (С. 294): «профессиональный нормальный социолог руководствуется своими статусными интересами, отрицая и затушевывая осведомленность обычных людей о социальных процессах, именно для того, чтобы скрыть заурядность социологии и укорененность его профессионального знания в повседневной жизни» (С. 295–296) (такая «заурядность» — классический принцип этнометодологии Г. Гарфинкеля).

Предлагаемая альтернатива — «рефлексивная социология»: «реконструируя осознание обыденности и ее активного, но скрытого формирования в ходе повседневной жизни, она дает людям возможность преобразовывать свой привычный мир» (С. 295) (по сути, это определение качественного подхода и активистской/деятельной/публичной науки). Автор настаивает на необходимости замены нормализующей интенции социологии (как инструмента рутинизации и бюрократизации утопии профессионалов) проблематизирующей — отказом от стремления «укрепить “объективную” реальность... и оградить существующие отношения от того, чтобы они были поставлены под сомнение», а также от «эпистемического авторитета профессионального эксперта... выносить суждение об объективной реальности, одновременно отказывая в эпистемическом авторитете и самостоятельности людям, которые изучаются как объекты» (С. 297). В итоге «социологический проект изгнания амбивалентности с помощью научно определенного светского нравственного порядка уступил место постмодернистской игре различий» (С. 354), что повлекло серьезные последствия для самой дисциплины: фрагментация общества на поляризованные группы интересов устранила возможность социального консенсуса, что способствовало дроблению социологии на партикулярные области исследований и утрате своего целостного ядра. Многие течения вышли за пределы «самопровозглашенного мейнстрима», создав новые академические направления в отрыве от изучения общества как социального целого, — автор называет эти течения «постнормальными формами социальной науки», а в совокупности «постнормальной/постмодернистской социологией с постпозитивистской эпистемологией» (С. 375–376).

Несомненно, книге Торпа не откажешь в фундированности: каждая из составляющих ее четырех глав снабжена убедительным библиографическим аппаратом с авторскими комментариями, и практически на каждой странице текста есть ссылки на научные авторитеты (включая классиков социологической мысли). Книга интересно читается благодаря переплетению прошлого

и настоящего, традиционных концепций и новейших идей на пересечении предметных полей социальных и гуманитарных, общественных и естественных наук, но с неизменным акцентом на значимых социальных изменениях и их последствиях для внутреннего состояния и внешнего восприятия социологии. В то же время многие оценочные суждения автора вызывают сомнения не столько своим содержанием, сколько используемой терминологией: понятия постнормальной эпохи, гипернормализирующего социологического мейнстрима, буржуазного университета и многие другие представлены в книге скорее как онтологические сущности, нежели как социальные конструкторы (или веберовские идеальные типы).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531
EDN: XIWNCJ

In search of a definition for the “type” of today’s sociology*

Z.T. Golenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: golenko@isras.ru)

Abstract. The article is a review of the book by Ch. Thorpe *Sociology in Post-Normal Times* (translated from English by T.Yu. Adamenko. Moscow: Directmedia Publishing, 2024. 480 p.). The author notes the convincing ‘nominations’ of contemporary society and transformations of sociological knowledge due to generalizing references to numerous works of famous social thinkers of the past and present, but at the same time expresses implicit disagreement with assessments of sociology in terms of class structure, bourgeoisie and capitalism. It is hard to disagree with many of Thorpe’s observations in relation to today’s everyday life and intra-disciplinary changes but not with his assessments of the role and potential of sociology in understanding, explaining and reforming social systems.

Key words: sociology; normality, hyper-normality and post-normality; modernity and post-modernity; science and ideology; globalization and fragmentation

For citation: Golenkova Z.T. In search of a definition for the “type” of today’s sociology. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 525–531. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-532-537

EDN: XEZZII

Аппалачи как лаборатория современного сельско-городского развития*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу К. Маршал Кук «Большая сельскость: сельско-промышленные районы, демократия и не только» (Ланхэм: Изд-во Лексингтон Букс, 2024. 280 с.). Это оригинальное исследование долговременных сельско-городских трансформаций региона Аппалачей, особенно угольного месторождения Покахонтас: Кук кратко реконструирует социальную историю этого региона, бывшего до второй половины XX века одним из основных драйверов экономического — не только индустриального, но и сельского — роста США, но вот уже как полвека оказавшегося в колее долговременной депрессии, которая обусловлена прежде всего истощением местных природных ресурсов и породила рост безработицы и демографическую депопуляцию. В книге показаны причины долговременной деградации природы и социума Аппалачей на основе подходов STS (социотехнические системы — social-technical systems), в которых объекты исследования выступают как лаборатории не только для научно-технических, но и социально-гуманитарных экспериментов. Также Кук на протяжении всей книги подчеркивает важность сохранения локального знания как условия устойчивого территориального развития. В то же время книга содержит и в определенной степени декларативно-активистские тезисы деятельностного сопротивления депрессии в регионе Аппалачей посредством осознания и признания роли и ответственности науки за развитие низовой демократии на местах.

Ключевые слова: Аппалачи; STS; большая сельскость; устойчивое развитие; локальное знание; научное знание; низовая демократия

Для цитирования: Никулин А.М. Аппалачи как лаборатория современного сельско-городского развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 532–537. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-532-537>

*Стремиться сделать мир достойным местом жизни для всех,
а не только лишь для некоторых избранных*

Пабло Неруда

Рецензируемая книга американской социальной исследовательницы, писательницы и активиста К. Маршал Кук — ее переработанная докторская диссертация, посвященная сельско-городской трансформации Аппалачей,

*© Никулин А.М., 2025

Статья поступила в редакцию 10.02.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

одного из старейших и знаменитейших индустриальных регионов США, сопоставимых по своему историко-экономическому и социокультурному значению в российском контексте Уралу [2]. Хребет Аппалачей, как и Уральский хребет, представляет собой древнюю цепь относительно невысоких лесистых гор, в которых еще в XVIII веке приступили к разработке полезных ископаемых. Пик индустриальной лихорадки пришелся здесь на конец XIX — середину XX века, а с последней четверти XX века и по сию пору Аппалачи неуклонно погружаются в долговременную депрессию национального масштаба.

Кук Маршал родом из этих мест, ее детство прошло в маленьких городках Западной Вирджинии и Вирджинии, в административно-географическом отношении находящихся в эпицентре Аппалачей. Ее отец, рабочий и мелкий предприниматель, испробовал самые разнообразные формы профессиональной занятости, а его дочь, получив университетское образование, занималась интеллектуальной деятельностью в США и Германии, сочиняла научную и утопическую фантастику, работала в американских и международных НКО, вела органическое фермерское хозяйство в Западной Вирджинии. За последние пятнадцать лет сфера ее научных и активистских интересов оказалась связана с трансформацией общественного пространства, экономики и климата в сельской местности Аппалачей. Рецензируемая монография фактически стала многолетним итогом интеллектуальной и активистской деятельности автора. Книга написана увлекательным, энергичным, но не упрощенно агитационным слогом и представляет собой удачный пример комплексного социального исследования, сочетающего междисциплинарные количественно-качественные методы с разными теоретико-методологическими подходами — от STS [1] до концепции локального знания Дж. Скотта [4].

Основным местом полевой работы автора был знакомый для нее с детства угольный бассейн Покахонтас в Аппалачах — одно из старейших в прошлом мест добычи высококачественного угля, занесенное сегодня в национальный реестр исторических локаций США. Эта местность экономически процветала почти сто лет, но к 1990-м годам угольное месторождение истощилось, что привело к последовательному сокращению населения со 100 тысяч в 1950 году до 22 тысяч в 2010 году. Оставшееся население пребывает в хронической бедности, среди него широко распространена наркомания, а на последних выборах оно в основном поддержало Доналда Трампа с его обещаниями вернуть Америку во времена процветания 1950-х годов. Следует отметить, что Аппалачи — регион благоприятный для сельского хозяйства, в годы процветания здесь сложился многоукладный симбиоз мощной угольной промышленности и разветвленной сети фермерских хозяйств, который также ушел в далекое и мифологизированное прошлое, поскольку упадок промышленности повлек и упадок сельского хозяйства. Впрочем, автор предлагает не идеализировать былые времена, поскольку в них сохранялась силь-

ная дифференциация между мирами сказочно богатых угольных королей и массами бедных шахтеров.

Что нового привносит в свое исследование Маршал Кук, так это систематическое применение методов STS для анализа и описания заброшенных сельско-промышленных пространств этого истощившегося угольного бассейна. Поэтому в книге ее ключевой исследовательский термин — «большая сельскость», призванный дать представление о значении тех сельских местностей, что оказались в глубине депрессивных промышленных зон, превращаясь в своеобразные аналоги бедных «банановых республик» вне пригородных зон США. Автор оценивает значение научных и технологических практик в изучении конкретного угольного месторождения Покахонтас, формулируя ряд исследовательских вопросов: какая наука и/или технология формирует сельское промышленное пространство; как ограниченное промышленное пространство, такое как месторождение Покахонтас, можно вписать в концепцию большой сельскости; кто и как занимался и занимается научными и инженерными работами на угольном месторождении Покахонтас; какая технология использовалась при создании этого угольного производства, и т.д.

Автор стремится исследовать сельское промышленное пространство как своего рода систему, включающую в себя граждан, правительство, ученых, инженеров, корпорации и их адвокатов, экономистов, лоббистов, СМИ, политиков, учителей, специалистов по связям с общественностью, маркетологов и инвесторов. Так как в подходе STS имеется плодотворная традиция изучать лаборатории, то автор пытается представить угольное месторождение Покахонтас как громадную лабораторию, где науки и технологии ставят эксперименты над большой сельскостью с ее миллионами акров индустриального сельского хозяйства, сотнями тысяч акров шахт, нефтяных месторождений, газовых скважин, сосен и рыбных ферм. По сути, «большая сельскость, такая как угольное месторождение Покахонтас, создана учеными и инженерами: геология, гидрология, горное дело, техника безопасности, мелиорация, материаловедение и т.д. превратили “естественную” окружающую среду в котел разнообразных химических веществ, гидрологических манипуляций, геологических отходов и экстернализации экологических издержек... Природа здесь выступает как промышленная лаборатория... Без науки и техники не было бы Покахонтас и других больших сельскостей как лабораторий» (С. 38).

Одновременно автор вводит в предметное поле своего исследования иные социальные страты и роли, связанные с учеными, инженерами и технологиями, не ограничиваясь традиционным описанием классового противостояния шахтеров и угольных баронов. Кук Маршалл погружается в изучение сельского пространства как политического и муниципального образования, анализирует такое относительно недавно введенное в региональную политику и статистику США понятие как «микрopolитен» — это рынки труда и статистические районы с городским центром с населением от 10 до 50 ты-

сяч человек, где сельская местность оказывается за пределами микрополитена, мегаполиса и их пригородов. Такая невидимая система промышленного села связана с сельскими производителями сырья извне, что делает большую сельскость основой крупных промышленных городов, позволяя людям в городских центрах заниматься делами, не связанными напрямую с выращиванием продуктов питания, созданием или добычей других видов сырья, а промышленным сельским хозяйствам — «гиперспециализироваться».

Первая глава книги посвящена взаимодействию технологий и государственных институтов в угольном бассейне Покахонтас. Автор утверждает, что современная хроническая бедность в угольных районах Аппалачей — результат действия ряда экономических и социальных факторов второй половины XX века, связанных прежде всего с автоматизацией рабочих мест в угольной промышленности и возрастанием роли крупных ферм на Среднем Западе и Западе США. В этих условиях без эффективной государственной или корпоративной политики по обеспечению прозрачности и демократизации рабочих мест в угольных моногородках Аппалачей разразился долговременный социально-экономический кризис. Причем ни одна социальная или экономическая теория не может объяснить сильную корреляцию между территориями с высоким уровнем производства ископаемого топлива и их низкой демократической функцией. Хотя в угольном бассейне Покахонтас профсоюз действовал как организующая сила и противовес угольным и аграрным компаниям до 1980-х годов — эпохи уничтожения и делигитимации профсоюзов.

Долговременная безработица как историческое следствие кардинальных сокращений рабочих мест вследствие автоматизации угольной промышленности в 1960-е годы продолжает сказываться на впечатляющем перечне социальных, экологических и медицинских проблем этого угольного региона. Однако вместо осознания этих ключевых проблем для трудовой занятости респонденты из числа низовых слоев населения в интервью автора неизменно называли коррупцию и неэффективное политическое руководство как главные проблемы своего субрегиона. Иначе говоря, по мнению респондентов, без сильного, прозрачного и этичного руководства с цельным видением будущего, выходящим за рамки исторически сложившегося монопроизводства, регион будет испытывать нехватку ресурсов для создания рабочих мест, преодоления бедности, возрождения заброшенных производств и решения других проблем, вытекающих из нынешней моноукладности.

Во второй главе книги рассмотрена история создания и развития угольного месторождения Покахонтас как одновременно высокотехнологичного сельскохозяйственного пространства, движущей силой которого были наука и технологии, и культурного пространства для формирования «черных ящиков» крупных технических систем: жители региона воспринимают плоды «знаний» ученых и инженеров как политическое, экономическое, социальное и экологическое приращение их места в мире, в результате которого рабочие места, а, следовательно,

и само местное сообщество, вытесняются на периферию общественной жизни, пока мощные машины выравнивают не только местный ландшафт, но и местное понимание окружающей природы. Как части большой технической системы локальные сельско-промышленные пространства становятся невидимыми из городских центров, а в односекторном сельско-промышленном пространстве демократия страдает от дефицита разрушений пригодной для жизни среды [6].

Маршал Кук несколько декларативно утверждает, что можно найти примеры более справедливой политики для местных органов власти в таких местах, как Покахонтас, — когда образование, научные исследования и технологии способствуют реализации принципов демократии и создания «свободного общества», т.е. когда «наука может быть не менее научной и не менее технической, когда стремится выполнять гражданский долг» (С. 157). Подобные декларации в поддержку взаимодействия науки с низовой демократией в регионах большой сельскости обосновываются автором в третьей и четвертой главах книги, где Маршал Кук предлагает сконструировать своеобразную «оптику» для национальной сельской стратегии развития, сфокусированную на исследованиях и разработках для поддержки устойчиво растущих экономических секторов в сельских регионах США с акцентом на образовании, предпринимательстве, инновациях, экологичном управлении энергоресурсами, здравоохранении и уважении к местной идентичности. Безусловно, ученые, инженеры, финансисты, преподаватели и правительственные чиновники должны играть важную роль в обеспечении такой сельской стратегии, которая поддерживает виды работ, не поддающихся автоматизации, и расширяет пространство демократических технологий в основных областях производства, обычно находящихся вне поля зрения потребителей из городских метрополий.

В заключительной пятой главе автор рассматривает конкретные практики, с помощью которых научные исследования могут поддерживать принципы свободы и равенства на пространствах большой сельскости посредством более справедливого распределения плодов науки и знаний, активного взаимодействия университетов с местным населением. Эти практики могут быть полезны не только американским, но и российским исследователям обширных зон большой сельскости, которые в России порой являются староосвоенными и в самых невероятных комбинациях сочетают сельские и индустриальные, городские и природные, новые и традиционные черты отечественной глубинки [2; 5; 7].

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Бычкова В.О. Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3.

2. Никулин А.М., Никулина Е.С. Теория «малых дел» как народническая практика среднего класса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
3. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М., 2021.
4. Скотт Дж.К. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
5. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
6. Scott J.C. In Praise of Floods. The Untamed River and the Life It Brings. Yale University Press, 2025.
7. Trotsuk I.V. A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russian Non-Black Earth Region // Russian Peasant Studies. 2024. Vol. 9. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-532-537

EDN: XEZZII

Appalachia as a laboratory for contemporary rural-urban development*

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of C. Marshall Cook's *Big Rural: Rural Industrial Places, Democracy, and What Next* (Lanham: Lexington Books, 2024). This is an original study of the long-term rural-urban transformations of the Appalachian region, especially the Pocahontas coal deposit: the author briefly reconstructs social history of this region which until the second half of the 20th century was one of the main drivers of economic — not only industrial but also rural — growth in the United States, but for the past half-century has been in a long-term depression caused primarily by the depletion of local natural resources, which led to unemployment and demographic depopulation. The book shows the causes of the long-term degradation of nature and society in Appalachia based on the STS approaches, in which the objects of research act as laboratories not only for scientific-technical but also for social-humanitarian experiments. Marshall Cook emphasizes the importance of preserving local knowledge as a condition for sustainable territorial development. At the same time, the book contains to a certain extent declarative-activist theses of active resistance to depression in the Appalachian region with awareness and recognition of the role and responsibility of science for the development of grassroots democracy.

Key words: Appalachia; STS; big rural; sustainable development; local knowledge; scientific knowledge; grassroots democracy

For citation: Nikulin A.M. Appalachia as a laboratory for contemporary rural-urban development. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 532–537. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-532-537>

*© A.M. Nikulin, 2025

The article was submitted on 10.02.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-538-549

EDN: XADQXC

Героини против героев, или Что упустил Джозеф Кэмпбелл*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу М. Татар «Тысячеликая героиня: Женский архетип в мифологии и литературе» (М.: Альпина Паблишер, 2024. 453 с.), в которой автор анализирует разные литературные произведения — от древнегреческих мифов до современных комиксов, чтобы выяснить, какими архетипами представлены женские персонажи и какое место в культуре они занимают. Татар проводит параллели между героинями прошлого, которые боролись за свои права с помощью сказительства, и современными женщинами, предающими огласке истории о насилии и несправедливости; освещает проблему молчания как социального феномена и рассматривает слова как оружие борьбы с угнетением и угнетателями. В рецензии освещены как сильные стороны текста, так и упомянутые в нем темы, требующие более глубокого анализа (например, трансформация женского образа в современной массовой культуре, которая пришла на смену фольклору).

Ключевые слова: герой; героиня; феномен молчания; фольклор; мифология

Для цитирования: Субботина М.В. Героини против героев, или что упустил Джозеф Кэмпбелл // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 538–549. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-538-549>

Несмотря на то, что сегодня существует множество текстов, анализирующих героизм, говорить о том, что данный феномен полностью изучен, преждевременно. Как правило, исследователей интересует, что побуждает людей совершать героические поступки, кого и по каким критериям считают героем, почему общество нуждается в героях (и нуждается ли?), что в целом можно считать героизмом [см., напр.: 4; 8; 9; 10]. При этом женский героизм изучен хуже, чем героизм в целом, поскольку длительное время доминировали патриархальные структуры и установки: мужчины воспринимались как главные герои и борцы, героизм ассоциировался исключительно с физической силой и агрессивностью, что породило исследовательский инте-

*© Субботина М.В., 2025

Статья поступила в редакцию 25.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

рес к «мужским подвигам», а не «женским незначительным достижениям». С одной стороны, может возникнуть вопрос: зачем изучать женский героизм отдельно, если героем может стать любой человек, независимо от пола, возраста, национальности и статуса. С другой стороны, проявления героизма у женщин и мужчин действительно могут иметь отличия. Так, представления о женском героизме обычно характеризуют его как «повседневный» — проявления сострадания, занятие благотворительностью, помощь людям на постоянной основе без личного риска или же с минимальным риском для здоровья и благополучия [12].

Автор книги «Тысячеликая героиня» Мария Татар полагает, что у женского героизма есть особенности, поэтому применять гендерно нейтральное слово «герой» к обоим полам некорректно. Она приводит несколько определений «героя» и «героини» из Оксфордского словаря, сводя их к тому, что герои — сверхлюди, а героини — женщины, заслуживающие восхищения. На этом она заканчивает анализ определений, не отдавая предпочтения какой-либо трактовке и не предлагая собственной, что затрудняет восприятие текста, однако уточняет, что героини, в отличие от вооруженных и готовых к битве героев, действуют более скрытно, находя творческие и вдохновляющие решения для своих социальных миссий (С. 38). Безусловно, само название книги отсылает к работе Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» [2], с которым Татар постоянно вступает в полемику. В оригинале книга Кэмпбелла называется «The Hero with a Thousand Faces», книга Татар — «The Heroine with a 1,001 Faces», однако она поясняет, что не соперничает с Кэмпбеллом, а отсылает к арабской культуре, в которой число 1001 символизирует стремление к бесконечности, а в названии ее книги — бесконечное число проявлений героизма (С. 30) (однако содержание книги не оправдывает столь многообещающее название).

В первой главе Татар высказывает мысль, что героини, в отличие от героев, зачастую не имеют возможности для «путешествий»: их удел — борьба со страданиями и угнетением, т.е. не такой впечатляющий героизм, как привычный «мужской». Однако и героини выполняют важные социальные миссии — действуют из альтруистических побуждений, спасая кого-то или восстанавливая «социальную ткань общества» (С. 10), не стремясь при этом к славе и признанию. Автор подчеркивает, что бунт и борьба присутствуют и в женских историях, но не всегда очевидны (и не позиционируются как героизм), поэтому предлагает переосмыслить мифы и роль женщин в них, создав новые нарративы о женских персонажах. В частности, упоминаются современные писательницы, переписывающие мифы и классические истории от лица женских персонажей (второстепенных в оригинальных текстах): например, К. Вольф и М. Этвуд заменяют главных героев мужчин на женщин и пересказывают всем известные сюжеты (С. 71), чтобы представить истории с позиций женщин, пострадавших от угнетения, конфликтов и насилия,

но ранее исключенных из исторического нарратива. По мнению Татар, писательницы стремятся к социальной справедливости, документируя героизм и сострадание женщин, а также их стратегии борьбы и выживания: нередко «единственным доступным им оружием было слово». Яркая иллюстрация — Шахразады из книги «Тысяча и одна ночь», которая своими сказками останавливала массовые убийства, совершаемые тираном Шахрияром (С. 40), сегодня участницы движения #MeToo (2) «рассказывают свои истории», чтобы привлечь к ответственности виновных в насилии и прочих преступных деяниях.

В первой главе присутствует раздел «Тысячеликий герой», в котором Татар кратко пересказывает концепцию Кэмпбелла и описывает его влияние на литературу и кино. Признавая, что интерес к героическому (и, соответственно, популярность идей Кэмпбелла) связан со стремлением человечества преодолеть страх смерти и найти вдохновение в мифах и героических нарративах (дают утешение, надежду на воскрешение и новое понимание жизни), Татар все же полемизирует с Кэмпбеллом, полагая, что он обрел известность благодаря своему телевизионному шоу, а его книга — благодаря К. Воглеру, который сделал из нее семистраничное руководство и стал преподавать студентам киношкол курс на этой основе. Многие кинофраншизы, например «Звездные войны», базируются на концепции путешествия героя, описанной Кэмпбеллом, но в научном сообществе его исследования не были восприняты всерьез, а со временем юнгианская философия и архетипическое мышление (идейные истоки концепции Кэмпбелла), особенно в гендерных вопросах, утратили актуальность (С. 10–11). Однако главная претензия автора к Кэмпбеллу заключается в его недостаточном внимании к женским персонажам, взгляд на женщин как бы свысока: Кэмпбелл полагал, что женщине не нужно проявлять героизм, она — заветная цель, к которой идет герой, ей не нужно совершать «путешествие героя», так как уже находится в конце пути — как его цель.

В разделе «Культурный контекст путешествия героя» Татар перечисляет основные различия в понимании мифологического «путешествия героя» и роли женщины в нем. По сути, речь идет о гендерной диспропорции мономифа: герой отправляется в приключение для обретения артефакта/знания/блага, чтобы спасти или улучшить жизнь общества, но в этом мифе нет женской перспективы, так как в традиционных мифах и сказках женщины обычно изображаются как жертвы, ожидающие спасения. Рост числа женщин на рынке труда и появление феминистских текстов (как «Второй пол» С. де Бовуар) положили начало пересмотру традиционных гендерных ролей, однако выход книги «Тысячеликий герой» (1949), вскоре после Второй мировой войны, вновь актуализировал образ героя-воина, героя-солдата. Соответственно, размышления о героинях, совершающих менее яркие и впечатляющие деяния, были не актуальны и меркли на фоне военных подвигов, т.е. до женского героизма Кэмпбелл не смог бы «дойти» даже при желании.

Заявленное переосмысление женских персонажей Татар начинается с классических эпосов, показывая, что, например в «Одиссее» женщины лишены активной роли и голоса, занимают второстепенные позиции. Одиссей изображен как многогранный персонаж с разными положительными качествами, в то время как Пенелопа представлена в основном через отношения с мужчинами и социальные роли, без описания ее личностных черт. Женские персонажи соответствуют определенным категориям — от «*femme fatale*» (Елена) до добродетельной жены (Пенелопа), что способствует поддержанию гендерных стереотипов в отношении женщин, которые Татар призывает критически переосмыслить, и здесь тексты, написанные женщинами, становятся инструментом восстановления исторической справедливости. Повествования о женских судьбах становятся частью коллективной памяти — женщины могут делиться своими переживаниями и писать собственные истории, внося вклад в культурное наследие.

Вторая глава посвящена проблеме замалчивания эпизодов насилия над женщинами и начинается с анализа древнегреческих мифов о Персефоне, Европе и Данае, которые разворачиваются вокруг темы похищения и страдания женщин, полны жестокости и насилия (С. 97). Кроме того, подобные истории демонстрируют, как менялось культурное восприятие женщин — от символа целомудрия до сосредоточия развратности, причем многие адаптации мифических сюжетов акцентируют внимание на эстетическом и романтическом, игнорируя факт угнетения женских персонажей. Татар отмечает сохранение патриархальных устоев, которые и сегодня мешают женщинам выразить свои чувства и мысли (например, пункты о неразглашении в трудовых контрактах). В качестве примера разобран миф о Филомеле, Прокне и Терее: Филомела, потеряв голос после насилия со стороны Терее, ищет способ донести правду о преступлении и использует ткачество как средство коммуникации (С. 109). В мифе о состязании Арахны, искусной ткачихи, с богиней Афиной, покровительницей ткачества, поднимается тема гордыни: в своих работах Арахна показывает слабости богов, изображая сцены насилия и обмана, что вызывает гнев Афины. Она разрывает полотно Арахны и превращает ее в паучиху в наказание за неподчинение и дерзость. В обоих мифах паутина выступает метафорой для женского творчества, которое может угрожать установленному порядку, причем Арахну лишает возможности высказаться Афина, а не мужской персонаж.

Во второй главе о способах, которые используют женские персонажи в борьбе с насилием и несправедливостью, речь идет не только о том, что женщины используют слово как оружие, но и о том, как им удастся «заговорить» в ситуациях, когда привычные способы коммуникации не доступны: шитье Арахны и Филомелы, сказки Шахразады — инструмент их высказывания (о своей боли), выживания (личное исцеление) и социального преобразования (восстановление общественной справедливости). Любые формы

сказительства выступают как мощный инструмент, способный изменить не только личные судьбы, но и целые культурные и социальные парадигмы, что автор показывает и на примере волшебных сказок. Переходя к современности, Татар упоминает создание в 1966 году программы ELIZA — своего рода виртуального психолога: люди стали делиться эмоциями и переживаниями с искусственным интеллектом, который создает иллюзию эмпатичного собеседника (1), напоминая тем самым сказочных персонажей, которые рассказывали о своих тяжелых судьбах неодушевленным предметам. Одновременно социальные сети стали платформой для обличения несправедливости, порождая некую «альтернативу» юридическим институтам благодаря гласности и широкому охвату. Видимо, Татар хочет подчеркнуть, что проблемы женщин прошлого, отраженные в мифах и сказаниях, актуальны и сегодня, но изменились способы огласки и борьбы с этими проблемами, хотя женские истории о насилии до сих пор часто обесцениваются и игнорируются, что подтверждает оправданность борьбы за возможность высказаться (2) в безопасном для жертвы коммуникативном пространстве.

Отсутствие в книге четких определений героя и героини несколько путает читателя, что особенно остро ощущается во время прочтения второй главы. Дело в том, что название книги отсылает читателя к «Тысячеликому герою» Кэмпбелла, который разработал концепцию мономифа, реконструируя типичные его персонажи в соответствии с устоявшимися культурными представлениями, а Татар описывает не столько героических персонажей, сколько женщин, которые страдают от угнетений и пытаются всеми доступными способами улучшить свое положение и, если очень повезет, то и положение других женщин. Получается, что Татар также говорит о повторяющихся мифологических сюжетах, но с точки зрения борьбы женщин с угнетениями и угнетателями, т.е. не предлагает четкой модели, аналогичной кэмпбелловскому мономифу.

Третья глава о «сопротивлении и откровении» начинается с «кейса» Ш. Миллер, которая опубликовала на ресурсе BuzzFeed открытое письмо своему насильнику — чтобы побороть страх, восстановить свою идентичность и вернуть себе голос (С. 165). Татар упоминает литературных персонажей — Джейн Эйр и Джени Кроуфорд, подчеркивая важность рассказа о собственном опыте как способе обретения власти и независимости. Обращаясь к фольклору, Татар отмечает, что, несмотря на вымышленность сюжетов, он отражает мудрость и опыт многих поколений: например, сказки не только учат или предостерегают, но выступают метанарративами — сохраняют мудрость и моральные ценности, защищают от культурной амнезии. Однако сказки нередко считались «низшей» литературой, предназначенной для женщин и детей, тогда как мужчины, создавшие литературный канон, стремились ограничить влияние и пространство для женских голосов в литературе, рассматривая сказки как нечто второстепенное и недостойное. Журналистика

и литература формировали негативные образы рассказчиц сказок, представляя их сварливыми бабками, что подрывало авторитет транслируемых «мудростей». Близкими к сказочному сказительству считались и сплетни: хотя они также играют важную роль в культуре, способствуя развитию социальных связей, пониманию окружающего мира и исследованию моральных ценностей, они в негативном смысле ассоциируются только женщинами, благодаря чему выступают сугубо женской формой социального единства и солидарности, позволяя им создавать сети общения вне контроля патриархальных структур. Более того, сплетни и устные истории могут эволюционировать от личных рассказов к обобщенным мифологическим формам, помогая осмысливать и преодолевать коллективные страхи и социальные конфликты (в рамках движения #MeToo нарративы личного опыта трансформировались в мощный дискурс, который повлиял на массовую культуру и индустрию развлечений).

Следующий раздел посвящен сказкам и историям, которые постепенно вычеркивались из сборников и были забыты или переписаны: фольклористы и редакторы адаптировали сказки, меняя или смягчая их содержание за счет перекладывания вины на других персонажей: если изначально злодеями выступали отцы и братья, то позже виновными оказывались мачехи и сводные сестры; сказки с элементами насилия и жестокости исключались из детских сборников как неподходящие для юной аудитории, хотя изначально создавались для женщин, отражая их страхи и реалии жизни до и после брака. И женщины-писательницы долго сталкивались с предвзятостью и пренебрежением к своей работе (Ф. Берни, М. Шелли и др.). Лишь в последние десятилетия писательницам удалось начать работу над восстановлением и переосмыслением женских историй и мифов: получается, что если вторая глава была посвящена проблеме женского молчания, то третья глава повествует об удачных примерах его нарушения.

Четвертая глава представляет читателю ряд произведений, в которых женщины выступают в качестве главных действующих лиц, принимающих вызовы судьбы, расследующих преступления и дающих отпор злодеям не только с помощью слов, но благодаря своему уму, находчивости и силе. Большинство описанных героинь обладают чертами, которые можно охарактеризовать как любопытство и стремление к саморазвитию, что отличает их от традиционных женских архетипов (которые автор так и не систематизирует). Например, несмотря на опасения старшего поколения, что комиксы развращают молодежь, история о Чудо-женщине пришлась по душе как девочкам, так и мальчикам, поскольку их героиня — сильная и независимая, с уникальными способностями, бросающая вызов традиционным гендерным ролям. У. Марстон создал Чудо-женщину, чтобы показать, что женщины могут быть выступать не только «объектом» (трофеем героя), но и полноценным субъектом истории, обладая силой и талантами.

Для Татар важнейшая черта женских героинь — любопытство, которое заложено в человеческой природе и является основой для самопознания и обучения (а, значит, и профессионального успеха). По мнению Татар, отношение к любопытству в истории менялось: оно воспринималось то как положительная черта, связанная с жаждой знаний, то как негативная назойливость (недозволенный интерес к чужой жизни), причем часто тяга женщин к знаниям считалась грехом и нарушением запретов, хотя на самом деле является признаком эмпатии, сочувствия и заботы (С. 10). Любопытство связано с пониманием «героизма как обусловленного не столько эмпатией, сколько заботой и чуткостью, которые возникают благодаря открытости миру, а, значит, любопытству и внимательности по отношению к тем, кто его населяет» (С. 18). Эмпатия и забота могут быть основой героических поступков, особенно в историях женщин. В качестве примера рассмотрены две мифологические фигуры — Пандора и Ева, символизирующие женское стремление к знанию и любопытство, которые в традиционной культуре воспринимаются как порочные черты, источники зла и несчастий (мужское любопытство не порицается, будучи синонимом тяги к приключениям). Пандора изображается как *femme fatale*, которая сочетает красоту и коварство, Ева ассоциируется с искушением и утратой невинности вследствие тяги к знаниям. В XIX веке женское любопытство связывалось с сексуальными желаниями, а образы Пандоры и Евы до сих пор используются для порицания женского любопытства. Татар критикует двойные стандарты в оценке любопытства — мужчины критике не подвергаются даже за самые необдуманные поступки. Более современный пример в заключении главы — роман Л.М. Олкотт «Маленькие женщины»: он положил начало новому жанру — призванию не воспитывать, а описывать и признавать ценность переживаний, мечтаний и стремлений девочек, даже если они отвергают традиционные гендерные роли и стремятся к самовыражению и профессиональному успеху. Кроме того, роман вдохновил и будущих писательниц на самовыражение и борьбу за равные права в литературной сфере.

Пятая глава возвращает читателя к полемике автора с Кэмпбеллом, который утверждал, что женщины становятся героинями только через рождение и воспитание ребенка, которое требует от них огромных изменений и жертв (С. 292). Татар ссылается на книгу Б. Фридан «Загадка женственности», где разоблачен миф о «счастливой домохозяйке», утверждая, что социальные ожидания подавляют реализацию женщин. В послевоенную эпоху женщины столкнулись с целым рядом дилемм: дом или карьера, независимость или романтическое счастье. Современная массовая культура отражает стремления женщин к самореализации через образы писательниц, журналисток и сыщиц, которые становятся символами новой женственности, олицетворяя активную борьбу за социальную спра-

ведливость и изменение мира, а сериалы типа «Секс в большом городе» изменили представления о флирте и романтических отношениях, особенно в отношении одиноких женщин («старых дев»).

Литература о женщинах-детективах, часто авторства женщин, серьезно повлияла на общественные нормы и понимание семейных обязательств. Как правило, любопытство и стремление женщин-детективов к справедливости вступает в конфронтацию с социальными ожиданиями; в отличие от коллег-мужчин, они часто действуют в одиночку, что подчеркивает их независимость и автономность; чаще успешно используют методы, основанные на ненавязчивом наблюдении. В начале XX века, когда многие профессии были все еще недоступны для женщин, работа детективом предоставляла возможность проявить интеллект и смелость вопреки социальным нормам. Например, персонаж Нэнси Дрю, «лучшей из всех девушек-детективов», стал источником вдохновения для многих женщин, включая судей Верховного суда и таких известных политиков, как Х. Клинтон, и предвосхитил многих современных женских персонажей, таких как Гермiona Грейнджер. Причем женщины-детективы изображены в литературе и в весьма преклонном возрасте, и самый яркий пример — Мисс Марпл, неустанная поборница справедливости, охраняющая общественный порядок, несмотря на предвзятое стереотипное отношение к старым девам и детективным способностям женщин.

Завершающая книгу шестая глава посвящена двойственности современной культуры. С одной стороны, Татар вновь критикует Кэмпбелла, который призывает искать новые формы в мифологии в искусстве, полагая, что писатели, кинематографисты и художники могут возродить миф и вернуть ему прежнее смысловое доминирование в условиях нынешнего секуляризованного общества. По мнению Татар, Кэмпбелл необоснованно пренебрегает народным творчеством и массовой культурой, считая, что многие их формы (сказки и комиксы) лишены глубины и значимости. Впрочем, Кэмпбелл признает, что кино может быть носителем мифических образов, а киноактеры могут стать мифическими фигурами, поскольку их образы обрастают мифами. Татар акцентирует внимание на эволюции женских образов в кино: современные героини все более разнообразные и сильные, что создает контраст с их шаблонностью и общим доминированием мужских образов в классическом кино. Однако институциональный гендерный консерватизм сохраняется, например, жюри самой престижной кинопремии «Оскар» склонно награждать фильмы с заглавными мужскими персонажами.

Фактически остальное содержание последней главы посвящено разным женским образам. Автор начинает с трикстеров (мужских и женских), которые представляют собой важные мифические архетипы, олицетворяющие борьбу с установленными правилами и авторитета-

ми. В большинстве мифологических традиций доминируют трикстеры-мужчины (например, Гермес и Локи), а женские персонажи остаются в тени — их участие в сюжете ограничено стереотипными ролями. С изменением общественного положения женщин современное кино и медиа начинают вводить женские образы трикстеров, которые отражают гендерную борьбу с традиционными стереотипами. Например, в фильме «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» Милдред Хейс, первоначально выглядящая как беспомощная женщина, становится сильной мстительницей, используя как вербальное, так и физическое насилие для достижения справедливости. Однако возникает опасность подмены справедливости мстью, и феминистская трактовка женских персонажей становится неоднозначной в контексте деструктивных поступков, как, например, в фильме «Исчезнувшая», где действия главной героини могут интерпретироваться и как феминистский протест, и как мужененавистничество. Схожие черты трикстера обретают и вполне традиционные сказочные персонажи, скажем в современной интерпретации «Красной Шапочки» («Red Riding Hood», 2011) героиня становится агрессивным и мощным действующим лицом, противостоящим оборотню.

Новые образы женщин-героинь поднимают вопросы об их методах борьбы и даже целях, которые могут не только социальный, но и личный характер, поэтому зачастую новые героини-трикстеры не служат образцами для подражания и не становятся примерами эмпатичного героизма, актуального для современных реалий, а выступают лишь вариациями старых архетипов. С другой стороны, в сериале «Игра престолов» героиня Арья Старк проходит путь от «девы в беде» до могущественной воительницы, что отражает трансформацию представлений о женских персонажах в современном кино и на телевидении. В целом заметен контраст между образами сильных женщин в современных произведениях (таких как Арья и Бриенна из «Игры престолов») с традиционными диснеевскими «принцессами», которые часто изображены как пассивные и зависимые. Татар высказывает опасение, что популяризация образа воительницы ведет к необходимости соответствовать мужским стандартам физической силы и ловкости, что может создать новый женский «персонаж», оторванный от реальности. В то же время и медиакорпорация Disney старается сменить свой доминирующий нарратив, вводя сильных женских персонажей, таких как Эльза («Холодное сердце») и Моана, — они не только обладают физической, интеллектуальной и эмоциональной силой, но и решают важные экологические и социальные вопросы далеко за рамками традиционных романтических сюжетов. Впрочем, мультфильм «Моана» повлек жесткую критику компании Disney за коммерческое использование мифологии, и многие другие аналогичные проекты подвергаются нападкам за то, что их задача — повысить прибыль, а не сконструировать

образ современной сильной и независимой женщины. Татар добавляет к этой критике опасение, что нынешняя массовая и ничем не обоснованная замена мужских персонажей женскими (без изменения черт характера, мотивации, физических данных и т.д.) деструктивна для женских образов, поскольку порождает искаженные гендерные стереотипы и «токсичные» образцы для подражания.

Таким образом, в книге представлено немало интересных идей и серьезных социальных вопросов, однако тексту не хватает концептуальности, структуры и завершенности: многие темы обрываются, затем вспоминаются в других разделах, что превращает текст в лоскутное одеяло; многие вопросы остаются без ответа, а аргументация часто сводится к предъявлению претензий авторам-мужчинам (больше всего достается Кэмпбеллу) или мифическим персонажам (Зевс, оказывается, совершил множество «негероических» поступков). Безусловно, Татар провела анализ огромного количества произведений (от древних мифов, до современных комиксов), однако не смогла предложить на этом материале даже столь ограниченной модели, как мономиф Кэмпбелла. Кроме того, объективно невозможно охватить все существующие произведения и проанализировать культуру всех народов, поэтому автор вынужденно сосредоточивается на широко известных мифах и близкой ей западной литературе, делая либо тривиальные выводы, либо слишком общие. Скажем, если обратиться к русской фольклорной традиции, то картина может быть иной: наши героини тоже отправляются в путешествия (в сказках «Морозко» и «Василиса Прекрасная»), являются храбрыми воительницами (Марья Моревна, заточившая Кощея Бессмертного) и хитрыми антагонистками главных героев (Баба-Яга). Кстати, Татар русский фольклор упоминает, но делает неверное о нем обобщение: «если мы взглянем на русскую сказку “Как муж отучил жену от сказок”, отличающуюся образцовой лаконичностью, станет очевидно, что попытки вставить слово поперек, то есть оборвать, прервать или направить чужую речь в русло импровизации, мягко говоря, не приветствуются» (С. 158). Получается, что Татар склонна подтверждать свой тезис об ущемленном, беспомощном, пассивном положении женщин, по сути, игнорируя пласт сказок и мифов с диаметрально противоположными женскими образами.

Книга не предлагает четких определений героя и героини. В русском языке «герой» употребляется, как правило, в пяти значениях: человек, который совершил подвиг; отличился поступком и привлек к себе внимание; образец для подражания; образ, воплощающий в себе характерные черты эпохи или среды; главное действующее лицо в фильме, книге, спектакле [7]. Как правило, герой самоотвержен и склонен к самопожертвованию, его героизм может быть физическим и моральным, повседневным и витальным [1], герои могут быть архетипическими (трикстеры), мифологическими (получеловеческие, морфные, зоо- и орнитоморфные), реальные (мирские) и квази-герои (мифи-

ческие и лжегерои) [3]. Все перечисленные типы и черты и героизма не имеют гендерных ограничений или привязок, хотя, безусловно, в силу культурных стереотипизаций чаще ассоциируются с мужчинами. Что касается «героини», то список ее определений скромнее, поскольку, как правило, подразумевается «женский род слова герой» или «отважная женщина, имеющая все качества героя» [5] (что подтверждает отсутствие принципиальной разницы между героями и героинями), далее в списках определений встречается устойчивое выражение «мать-героиня — почетное звание, присваиваемое женщине-матери, воспитавшей не менее десяти детей», а затем упоминаются героини как действующие лица романа [6]. С этой точки зрения можно частично согласиться с тезисом Татар о необходимости переосмысления мифов и стереотипных социальных ролей женщин для расширения представлений о женском героизме, что, впрочем, давно делает художественная литература и журналистика, а в последние десятилетия и кинематограф, выполняя функции своего рода современного фольклора.

Примечания

- (1) Eliza by Virtuals // URL: <https://eliza.care>.
- (2) #MeToo: Sexual Harassment and Assault Movement Tweeted Over 500,000 Times as Celebs Share Stories // URL: <https://people.com/movies/me-too-alyssa-milano-heads-twitter-campaign-against-sexual-harassment-assault>.

Библиографический список

1. Гуторович О.В. Герой и героизм: сущность, историческая эволюция, проявление // Вестник ЧелГУ. 2020. № 8.1.
2. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. СПб., 2018.
3. Плахов В.Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. М., 2008.2
4. Подлесная М.А., Шевченко О.К., Ильина И.В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
5. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1910.3
6. Словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.4
7. Соколова Б.Ю. Проблема дефиниций понятия «герой» // Осознание культуры — залог обновления общества. Вклад современной науки в общечеловеческую культуру. Севастополь, 2009.5
8. Троцук И.В., Субботина М.В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4.
9. Троцук И.В., Субботина М.В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
10. Троцук И.В., Субботина М.В. Социологическая трактовка понятий со сложной коннотацией: взаимосвязь героизма и счастья // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12.
11. Allison S.T. (Ed.). *Heroes and Villains of the Millennial Generation*. Palsgrove, 2018.
12. Keczer Z., File B., Orosz G., Zimbardo P.G. Social representations of hero and everyday hero: A network study from representative samples // PLoS. 2016. Vol. 11. No. 8.6

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-538-549

EDN: XADQXC

Heroines vs heroes: What Joseph Campbell missed*

M.V. Subbotina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of the book by Maria Tatar *Heroine with 1,001 Faces* (Moscow: Alpina Publisher, 2024. 453 p.) in which the author analyzes various literary works — from ancient Greek myths to contemporary superhero comics — to reveal archetypes that represent female characters and their place in culture. Tatar draws parallels between heroines of the past, who fought for their rights with storytelling, and today's women who posted stories about violence and injustice on social media; and emphasizes the problem of social silence and the role of words as a weapon against oppression and oppressors. The review identifies both the strengths of the book and those issues that require a deeper analysis (like transformations of the female image in the contemporary popular culture as replacing folklore).

Key words: hero; heroine; phenomenon of silence; folklore; mythology

For citation: Subbotina M.V. Heroines vs heroes: What Joseph Campbell missed. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 538–549. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-538-549>

*© M.V. Subbotina, 2025

The article was submitted on 20.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

НАШИ АВТОРЫ

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Баркова Анна Сергеевна — аспирант кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: ann.barkova@list.ru).

Виноградская Ольга Яковлевна — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vgrape58@yandex.ru).

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vgrape47@yandex.ru).

Гаспаршвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: gasparishvili@yandex.ru).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: golenko@isras.ru).

Денисова Галина Валерьевна — доктор культурологии, профессор кафедры семиотики и заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: denissovagv@my.msu.ru).

Диденко Дмитрий Валерьевич — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, профессор кафедры социальной и экономической истории России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: didenko-dv@ranepa.ru).

Жаде Зуриет Анзауровна — доктор политических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, руководитель лаборатории этнокультурных проблем Адыгейского государственного университета (e-mail: zhadezura@yandex.ru).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva_ml@rudn.ru).

Киреева Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (e-mail: ira.kireeva.2024@internet.ru).

Киреева Ольга Феликсовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления информационными процессами Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: kirolga08@list.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Куква Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (e-mail: otvs_priem@mail.ru).

Мамедов Агамали Кулам-оглы — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: akmnauka@yandex.ru).

Мареева Светлана Владимировна — ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: s.mareeva@gmail.com).

Мисяютова Елизавета Константиновна — магистрант кафедры прикладной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: emisiautova@gmail.com).

Мурзиков Лев Евгеньевич — студент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032216146@rudn.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Нежникова Екатерина Владимировна — доктор экономических наук, профессор кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: nezhnikova_ev@rudn.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: harmina@yandex.ru).

Оносов Александр Аркадьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: o.ksandr@yandex.ru).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Рудаков Максим Геннадьевич — соискатель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (e-mail: mrengineerr@yandex.ru).

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: savina.opinio@yandex.ru).

Сапунова Ольга Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры словесных искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: sapunovaov@my.msu.ru).

Сафронова Наталья Борисовна — кандидат технических наук, доцент кафедры организации строительства и управления недвижимостью Московского государственного строительного университета; доцент общеакадемического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: safronova@mgsu.ru).

Свистунов Алексей Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права АНО ВО «Российский новый университет» (e-mail: svistunov.alexey@mail.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@migsu.ru).

Смирнова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой цифровой журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: smirnova.olga.msu@yandex.ru).

Субботина Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: subbotina-mv@rudn.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Тупикова Вера Андреевна — ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: tupikova-va@rudn.ru).

Хагуров Темыр Айтчевич — доктор социологических наук, проректор по учебной работе, качеству образования — первый проректор Кубанского государственного университета (e-mail: khagurov@mail.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики и заместитель декана факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Ястребов Олег Александрович — доктор юридических наук, ректор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического института Российского университета дружбы народов (e-mail: rector@rudn.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ♦ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ♦ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ♦ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ♦ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.